ئو.تامیاد کیتابخانه‌سی
С.-А. Г. Б.
ئینو. نومیر
Инв. № 160705

ТУРКЕСТАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи и замѣтки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ.

СБОРНИКЪ СОСТАВЛЯЕТСЯ
по порученію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Томъ 475.

С.-А.Г.Б.

ТАШКЕНТЪ.
1908.

Оглавленіе 475 тома.

1. Къ исторіи арабскихъ завоеваній въ Средней Азіи. В. Бартольдъ. (Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XVII) 1

2. О колебаніяхъ уровня озеръ Средней Азіи и Западной Сибири. Л. Бергъ и П. Игнатьевъ . . 6

3. Мусульманская присяга и клятва. Н. А. Дингельштедтъ 14

4. О культурѣ хлопчатника въ Ташкентскомъ раіонѣ. П. М. Никифоровъ 37

Выпѣзки изъ извѣстій Туркестанскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества.

Томъ VI.

5. Ледники въ верховьяхъ Малой Алматинки (Туюкъ-су) въ Заилійскомъ Алатау, близъ г. Вѣрнаго. С. Е. Дмитріевъ 45

6. Таранчинскіе бакши. Н. Пантусовъ . . . 88

Томъ VII.

7. Поѣздка на ледники верховьевъ Исфары. Л. Бергъ. 138

8. Къ генеалогической таблицѣ узбекскаго рода Кунградъ. Н. Ситняковскій 163

9. Отчетъ объ осмотрѣ въ 1874 г. нѣкоторыхъ каменноугольныхъ мѣсторожденій. Г. Романовскій . 171

---

10. Мусульманскія суевѣрія. Т. Байрамъ-Алибековъ (Каспій) 179

11. Наши ближайшія задачи на Дальнемъ Востокѣ. А. Семеновъ Тянь-Шанскій. (С.-Петербургскія вѣдомости за 1908 г. 92 и 93) 185

12. О древнемъ теченіи Аму-Дарьи (Каспій за 1892 г. 32, 34, 35, 36, 46) 211

1

Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Томъ XVII.

В. БАРТОЛЬДЪ.

КЪ ИСТОРІИ АРАБСКИХЪ ЗАВОЕВАНІЙ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

Къ исторіи арабскихъ завоеваній въ Средней Азіи.

Извѣстія объ арабскихъ завоеваніяхъ въ восточной части Ирана и въ Средней Азіи извлечены у Табари почти исключительно изъ трудовъ Абу-л-Хасана Али ибнъ Мухаммеда ал-Мадаини, умершаго въ 215 или 225 г.г.[1]). О событіяхъ I в. х. Мадаини, конечно, могъ писать только какъ компиляторъ; при этомъ онъ, въ отличіе отъ Абу-Михнафа и нѣкоторыхъ другихъ изъ раннихъ арабскихъ авторовъ, обыкновенно не приводитъ извѣстій каждаго источника въ отдѣльности, но составляетъ сводный разсказъ[2]) по нѣсколькимъ источникамъ, перечисленнымъ въ началѣ разсказа, безъ указанія, какая часть разсказа принадлежитъ каждому изъ нихъ. Авторы, которыми пользовался Мадаини, большею частью сами были отдѣлены отъ событій значительнымъ промежуткомъ времени; первымъ звеномъ въ цѣпи передатчиковъ преданія обыкновенно является какой-нибудь анонимный

---

1) Обѣ даты приведены въ «Фихристѣ» ан-Недима (p. 100,27–30).

2) Ср. у Табари II, 1227,14: كلّ قد ذكر شيأً فالّفتُه وادخلت من حديث بعضهم وفى خبر :II, 1308,8. وقد ذكر بعضهم ما لم يذكر بعض فالّفته :II, 1237,2. فى حديث بعض بعضهم ما ليس فى خبر بعض فالّفتُ ذلك.

очевидецъ [1]), иногда просто «старцы (اشياخ) такого-то племени» [2]) или даже «хорасанскіе старцы» [3]) (اشياخ من اهل خراسان). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что разсказы Мадаини болѣе походятъ на произведенія эпическаго народнаго творчества, чѣмъ на историческое повѣствованіе; такой характеръ этихъ разсказовъ вполнѣ правильно отмѣченъ Wellhausen'омъ [4]), что́ не помѣшало, однако, тому же ученому приводить, какъ фактъ, извѣстія очевидно легендарнаго характера, даже когда одинъ и тотъ же излюбленный легендарный сюжетъ, въ родѣ популярной на иранской почвѣ легенды о Зопирѣ, повторяется дважды въ одномъ и томъ же разсказѣ, по отношенію къ двумъ различнымъ эпизодамъ [5]).

При такомъ характерѣ арабскаго историческаго матеріала получаютъ особенное значеніе всякія данныя для провѣрки арабскихъ источниковъ. Для исторіи Передней Азіи мы, кромѣ арабскихъ извѣстій, можемъ пользоваться также греческими и сирійскими; о событіяхъ въ Персіи и Средней Азіи мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, кромѣ арабскихъ; немногочисленныя персидскія преданія дошли до насъ только въ арабской обработкѣ [6]); извѣстія китайскихъ источниковъ крайне скудны. Нѣкоторое исключеніе представляетъ китайская энциклопедія начала XI в. *Чэ-фу-юань-гуй*, гдѣ между прочимъ приведены письма нѣкоторыхъ среднеазіатскихъ владѣтелей китайскому императору съ просьбой о помощи противъ арабовъ (сообщены во французскомъ переводѣ въ книгѣ Шаванна о западныхъ туркахъ). Особенно важно письмо самаркандскаго владѣтеля Гурека [7]), часто

---

1) Напр. Табари II, 1195,1: عن مولى لهم ادرك ذلك. II, 1300 ult. رجل ممّن كان مع وكيع حين قتل قتيبة.

2) Напр. II, 1189,14; 1286,7; 1302,8.

3) Напр. I, 2887,14; II, 1184,9; 1227,13; 1276, ult.

4) J. Wellhausen, Das Arabische Reich und sein Sturz, Berl. 1902, S. 257: «Die Erzählungen Madâinis, dem Tabari in Bezug auf churasanische Dinge fast ausschliesslich folgt, erinnern zum Teil an die epischen Erzählungen über die arabische Vorzeit, die aus dem Kitab al Aghani bekannt sind. Er gibt vielfach nur ein loses Gewebe von Stammtraditionen, eine Sammlung von «Tagen» (1516,16), mit vorwiegendem Interesse für das Heldenhafte oder das Räubermässige». Ссылка на страницу текста Табари относится, очевидно, къ употребленному тамъ выраженію ايّام خراسان.

5) Ср. у Табари II, 1150 ult. — 1151,17 и II, 1157,10 — 1159,3. Оба эпизода входятъ въ составъ совершенно легендарнаго разсказа о дѣйствіяхъ Мусы ибнъ Абдаллаха ибнъ Хазима (II, 1145—1164); источникъ Мадаини намъ въ этомъ случаѣ совершенно не извѣстенъ. Wellhausen (op. cit. S. 264—265) не сомнѣвается, повидимому, ни въ достовѣрности всего разсказа, ни въ достовѣрности эпизода объ «арабскомъ Зопирѣ».

6) Между прочимъ у Табари (I, 2704,11; II, 1227,12 и 1237,1) есть ссылки на «марзбана кухистанскаго», разсказами котораго, черезъ посредство кухистанскаго казія حنبل بن ابى حريده, пользовался Алій ибнъ Муджахидъ, авторъ «Книги извѣстій объ Омейядахъ» (Масуди, Prairies d'or, I, 12).

7) E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, St. Pétersb. 1903, p. 204—205.

упоминаемаго у Табари [1]); письмо пришло въ столицу Китая во второмъ мѣсяцѣ 719 г., слѣдовательно было написано въ концѣ 718 или въ самомъ началѣ 719 г., т. е. *въ 100 г. хиджры*. Въ немъ между прочимъ говорится: «Вотъ уже 35 лѣтъ, какъ мы безпрестанно сражаемся противъ разбойниковъ *да-ши* (арабовъ); каждый годъ мы выставляли въ поле многочисленныя арміи солдатъ и всадниковъ, но не удостоились счастія, чтобы всемилостивѣйшій императоръ [2]) прислалъ солдатъ намъ на помощь. Шесть лѣтъ тому назадъ главный начальникъ да-ши, *И-ми Кю-ди-бо* (эмиръ Кутейба), въ главѣ многочисленнаго войска, пришелъ сюда; онъ сражался съ нами и мы нанесли нашимъ врагамъ большое пораженіе; но среди нашихъ воиновъ было тоже много убитыхъ и раненыхъ; такъ какъ пѣхота и конница да-ши были крайне многочисленны и такъ какъ наши силы не могли съ ними бороться, я вернулся въ свои укрѣпленія; тогда да-ши осадили городъ; они поставили противъ стѣнъ триста стѣнобитныхъ машинъ; въ трехъ мѣстахъ они вырыли большія траншеи; они хотѣли разрушить нашъ городъ и наше царство. Я смиренно прошу, чтобы всемилостивѣйшій императоръ, увѣдомленный объ этомъ, прислалъ сюда нѣкоторое количество китайскихъ солдатъ, чтобы помочь мнѣ въ бѣдѣ. Что касается этихъ да-ши, *то имъ суждено быть могущественными всего въ теченіе 100 лѣтъ; именно въ этомъ году оканчивается этотъ срокъ*. Если китайскіе солдаты придутъ сюда, то мнѣ и моимъ подданнымъ навѣрное удастся уничтожить да-ши».

Подлинность письма едва ли подлежитъ сомнѣнію, какъ показываетъ уже имя Кутейбы, которое у китайскихъ историковъ вообще не упоминается; кромѣ того китайцы едва ли могли знать, что именно въ это время оканчивался первый вѣкъ хиджры. Любопытно, что самаркандцы въ 718—9 г.г. считали 35 лѣтъ со времени начала нападеній арабовъ на ихъ область; изъ этого можно заключить, что первымъ изъ такихъ походовъ признавался тотъ, который въ арабскихъ источникахъ [3]) приписывается намѣстнику Сельму ибнъ Зіяду (681—683 г.); свѣдѣнія о болѣе раннемъ походѣ Саʿида ибнъ Османа, при участіи Куссама ибнъ Аббаса [4]), пока не находятъ себѣ подтвержденія. Разсказъ о походѣ Кутейбы несомнѣнно отно-

---

1) Въ первый разъ Tabari II, 1229 и сл. (о возведеніи его на престолъ въ 710 или 711 г.).

2) У Шаванна здѣсь и ниже «la bonté impériale».

3) Свѣдѣнія о походѣ Сельма къ Самарканду имѣются у Белазури (Beladsori ed. de Goeje p. 413) и Табари (II, 393—395). Яʿкуби (Geogr. ed. de Goeje p. 299, Hist. ed. Houtsma p. 300), Нершахи (ed. Schefer p. 39—40) и Гардизи (Cod. Cambr. King's College 213, f. 61a) говорятъ только о дѣйствіяхъ Сельма въ бухарской области.

4) Объ участіи послѣдняго въ этомъ походѣ Табари, какъ извѣстно, не упоминаетъ, но о немъ говорятъ Балазури (p. 412), Яʿкуби (Geogr. p. 298, Hist. p. 282) и Нершахи (p. 39), также Ибнъ-Кутейба (ed. Wüstenfeld p. 59).

сится къ взятію арабами Самарканда осенью 712 г. Какъ и слѣдовало ожидать, освѣщеніе событій въ письмѣ Гурека крайне одностороннее, вслѣдствіе чего разсказъ становится неяснымъ и противорѣчивымъ: самаркандцы наносятъ арабамъ «большое пораженіе» и послѣ этого отступаютъ, убѣдясь въ невозможности бороться съ врагомъ въ открытомъ полѣ; вслѣдъ затѣмъ городъ подвергается осадѣ; описываются нѣкоторыя подробности послѣдней, но исходъ борьбы остается неизвѣстнымъ, и о вступленіи Кутейбы въ Самаркандъ нѣтъ ни слова. Не смотря на все это, письмо Гурека все-таки даетъ нѣкоторый матеріалъ для критической провѣрки арабскихъ источниковъ. Мадаини сообщаетъ о самаркандскомъ походѣ, кромѣ своднаго разсказа по нѣсколькимъ источникамъ, еще два отдѣльныхъ преданія племени Бâхила (къ которому принадлежалъ Кутейба). Изъ нихъ первое преданіе (B_1, Tabari II, 1247—1249) вполнѣ согласно со сводным разсказомъ (A, Tabari II, 1241—1247), отличаясь отъ него только бо̀льшимъ обиліемъ подробностей; повидимому, оно было главнымъ источникомъ тѣхъ сочиненій, которыми пользовался Мадаини; въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ своднаго разсказа представляетъ не только сокращеніе, но, повидимому, искаженіе [1]) текста бахилійскаго преданія (послѣднее приводится со словъ какого-то نهشل بن يزيد). Съ другой стороны, между вторымъ бахилійскимъ преданіемъ (B_2, Tabari II, 1249—1250) и сводным разсказомъ существуетъ непримиримое противорѣчіе. По A и B_1 арабы не встрѣтили сопротивленія до Самарканда и тотчасъ могли осадить городъ; только послѣ цѣлаго мѣсяца осады согдійцы обратились за помощью къ своимъ сосѣдямъ [2]); тѣ послали имъ конный отрядъ изъ молодыхъ представителей аристократіи, который долженъ былъ произвести ночное нападеніе на арабскій лагерь. Кутейба черезъ своихъ шпіоновъ былъ освѣдомленъ о готовившемся нападеніи; на пути къ арабскому лагерю враги неожиданно для себя встрѣтили арабскій отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ [3]), подъ начальствомъ брата Кутейбы, Салиха, и были почти всѣ истреблены; арабамъ, кромѣ головъ убитыхъ аристократовъ, досталось множество трофеевъ въ видѣ драгоцѣннаго оружія, золотыхъ поясовъ, породистыхъ коней и т. п. Съ другой стороны по B_2 арабы еще на пути къ Самарканду, въ Арбинджанѣ [4]), встрѣтили войско согдійцевъ

---

1) Ср. въ A Tabari II, 1243,5–6: ونزل على فرسخين من عسكر القوم и въ B_1, Tabari II, 1248,5–6: فنزلوا على فرسخين من العسكر على طريق القوم الذين وصفوا لهم.

2) Въ A (1242, 14—15) названы цари шашскій и ферганскій, въ B_1 (1247,6) еще «хаканъ», причемъ сынъ послѣдняго (1247,12) былъ начальникомъ всего отряда.

3) По A (1243,3) 300 или 600, по B_1 (1247,15) 400.

4) Городъ находился на главномъ пути изъ Бухары въ Самаркандъ, на разстояніи 12 или 13 фарс. отъ второго; ср. о немъ мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 99.

и ихъ союзниковъ[1]). До Самарканда враги отступали, послѣ небольшихъ стычекъ, но у стѣнъ города произошло общее сраженіе, въ которомъ согдійцы сначала имѣли успѣхъ, потомъ были разбиты; послѣ этого сразу говорится о сдачѣ города безъ упоминанія объ осадѣ. Извѣстія арабскихъ источниковъ, независимыхъ отъ Табари, до такой степени скудны, что не даютъ почти никакого матеріала для исторической критики [2]). Письмо Гурека заставляетъ въ общемъ отдать предпочтеніе версіи B_2; столкновеніе, дѣйствительно, произошло до начала осады и имѣло характеръ общей битвы, а не боя между небольшимъ арабскимъ отрядомъ и аристократической конницей. Слова письма о пораженіи арабовъ отчасти подтверждаютъ разсказъ B_2 объ успѣхѣ согдійцевъ въ началѣ битвы, хотя въ общемъ описаніе сраженія составлено въ B_2 по принятому для такихъ битвъ шаблону [3]): Кутейба приказываетъ вынести для себя сѣдалище, съ котораго наблюдаетъ за боемъ; непріятельская конница, прорвавъ центръ, доходитъ до этого сѣдалища [4]), такъ что Кутейба принужденъ встать и обнажить мечъ; потомъ оба крыла мусульманъ, сомкнувшись, отражаютъ врага, наносятъ ему большія потери и заставляютъ его бѣжать въ свой лагерь. Съ другой стороны, подтверждаются нѣкоторыя свѣдѣнія А о подробностяхъ осады; какъ и въ письмѣ Гурека, говорится о дѣйствіи стѣнобитныхъ машинъ [5]).

«Траншеи» въ арабскомъ описаніи не упоминаются; къ сожалѣнію, переводчикъ не говоритъ, какой терминъ употребленъ въ китайскомъ подлинникѣ и допускаетъ ли этотъ терминъ только такое толкованіе; не имѣются ли въ виду тѣ бреши, пробитыя въ стѣнѣ, о которыхъ говорится у Табари [6]).

Крайне любопытно представленіе самаркандцевъ, что арабскому господству было суждено продолжаться всего сто лѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію,

---

1) Кромѣ жителей Шаша и Ферганы здѣсь названы и турки.

2) Белазури (Beladsori ed. de Goeje p. 421) вкратцѣ передаетъ разсказъ Мадаини; битва, по его словамъ, произошла уже послѣ начала осады; изъ союзниковъ согдійскаго царя названъ только царь шашскій; аристократическая конница не упоминается; говорится только объ упорной битвѣ, рѣшенной нападеніемъ самого Кутейбы. Я'куби (Hist. ed. Houtsma p. 344) говоритъ только о заключеніи мира, притомъ по инціативѣ самого Кутейбы, послѣ нѣсколькихъ «упорныхъ битвъ» (حروب شديدة). При этомъ приводится легенда о предсказаніи, связанномъ съ именемъ Кутейбы. Ту же легенду приводитъ Абу-Ханифа Динавери (ed. Guirgass p. 330), передающій еще другую фантастическую легенду о сундукахъ, въ которыхъ были внесены въ городъ арабскіе воины. Послѣдняя легенда приводится и въ извѣстной исторіи города Самарканда (قندية, см. русск. перев. В. А. Вяткина, Справ. книжка Самарк. обл., вып. IV, отд. IV, стр. 28—30 и вып. VIII, стр. 243—245).

3) Такъ съ описаніемъ этой битвы (Tabari II, 1250) совершенно сходно описаніе битвы въ 90 г. около Бухары (ibid. 1201).

4) Этотъ мотивъ въ исторіи Мусы (см. выше стр. 0141, прим. 5) повторяется два раза (Tabari II, 1153—1154 и 1159—1160).

5) Tabari II, 1244,10.

6) Tabari II, 1244 и 1245.

что у самихъ арабовъ съ наступленіемъ новаго столѣтія хиджры были связаны нѣкоторыя ожиданія, которыми впослѣдствіи воспользовались Аббасиды [1]), хотя происхожденіе и первоначальный характеръ этихъ ожиданій до сихъ поръ мало выяснены. 100-ый годъ хиджры назывался «годомъ осла» (سنة الحمار); по словамъ Саʿалиби [2]) у арабовъ и прежде существовалъ такой терминъ для обозначенія «начала каждаго столѣтія» (راس كل مائة سنة), вслѣдствіе чего прозвище «осла» будто бы было дано послѣднему омейядскому халифу Мервану II, при которомъ приблизилось къ концу столѣтіе господства династіи. Въ дѣйствительности между началомъ господства Омейядовъ (41 г.) и вступленіемъ на престолъ Мервана II (126 г.) прошло всего 85 лѣтъ мусульманскаго лѣточисленія; если бы Омейяды, не признававшіе Алія, считали первымъ годомъ царствованія Муавіи годъ смерти Османа (35 г.), то и тогда получился бы всего 91 годъ; о приближеніи къ столѣтію господства династіи еще не могло быть рѣчи; Мерванъ II, какъ извѣстно, былъ низложенъ и убитъ до его наступленія (въ 132 г.). У Яʿкуби [3]) терминъ سنة الحمار связывается съ извѣстной легендой, разсказанной въ Коранѣ (сура II, стихъ 216), о человѣкѣ, проходившемъ мимо лежавшаго въ развалинахъ селенія и выразившемъ сомнѣніе, можетъ ли Богъ вновь призвать его къ жизни. Богъ сотворилъ съ нимъ чудо: онъ умеръ на 100 лѣтъ, потомъ воскресъ; Богъ спросилъ его: «Сколько времени ты пробылъ»? Онъ сказалъ: «Я пробылъ одинъ или нѣсколько дней». Богъ сказалъ: «Нѣтъ, ты пробылъ сто лѣтъ; посмотри на пищу твою и питье твое; ихъ не коснулось время; и посмотри на *осла твоего*; мы сдѣлали тебя примѣромъ для людей. И посмотри на кости, какъ мы собираемъ ихъ и потомъ (снова) покрываемъ ихъ мясомъ». Убѣдившись, что съ нимъ произошло чудо, человѣкъ позналъ всемогущество Божіе.

На этотъ стихъ Корана, по разсказу Яʿкуби, сослался внукъ Алія, Абу-Хашимъ Абдаллахъ ибнъ Мухаммедъ, передавая передъ смертью свои права правнуку Аббаса, Мухаммеду ибнъ Алію и поручая ему послѣ «года осла» выслать своихъ эмиссаровъ, въ числѣ 12 главныхъ и 70 помощниковъ, въ Хорасанъ. Стихъ Корана истолковывается здѣсь въ томъ смыслѣ, что вліяніе дѣятельности пророка прекращается черезъ сто лѣтъ послѣ начала этой дѣятельности [4]). Трудно понять, какимъ образомъ могъ быть сдѣланъ

---

1) Ср. Tabari III, 24.

2) At-Tha'álibi, Latáifo 'l-ma'árif ed. P. de Jong p. 30—31. Ср. теперь еще статью H. v. Mžik въ WZKM. XX, 310—313.

3) Al-Jaʿqūbī Hist. ed. Houtsma II, 357.

4) لم يمض مائة من نبوّة قطّ الّا انقضت امورها. Если не ошибаемся, фраза вслѣдствіе отсутствія въ русскомъ языкѣ подходящихъ терминовъ трудно поддается буквальному переводу.

такой выводъ изъ текста Корана [1]) и какъ на такомъ предсказаніи могли основывать свои надежды Аббасиды. По всей вѣроятности, предсказанія о событіяхъ конца вѣка первоначально касались исключительно области религіи и только post factum были отнесены къ политическому перевороту. Ученіе о столѣтней продолжительности миссіи пророка могло, конечно, исходить только изъ еврейскихъ или мусульманскихъ круговъ [2]). Въ глазахъ правовѣрнаго мусульманина дѣйствіе миссіи Мухаммеда, послѣдняго изъ пророковъ, могло прекратиться только вмѣстѣ съ существованіемъ вселенной и съ наступленіемъ новаго столѣтія, можетъ быть, были связаны эсхатологическія ожиданія; съ другой стороны враги арабовъ и ислама могли основывать на такомъ предсказаніи свои надежды на возстановленіе ихъ національной независимости. Предсказаніе не оправдалось, община Мухаммеда перешла въ новое столѣтіе безъ всякихъ потрясеній, въ царствованіе самаго благочестиваго изъ омейядскихъ халифовъ, Омара II, при которомъ предписанія Мухаммеда и права его потомковъ уважались больше, чѣмъ когда-либо прежде. Ожидавшійся переворотъ впослѣдствіи былъ истолкованъ не въ смыслѣ прекращенія жизни ислама, а въ смыслѣ возстановленія правовѣрія и возвращенія власти семьѣ пророка. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что не всѣ приверженцы Аббасидовъ брались за оружіе съ такими цѣлями; многіе, какъ видно изъ ученія нѣсколькихъ еретическихъ сектъ [3]), считали руководителя аббасидской пропаганды, Абу-Муслима, своимъ религіознымъ вождемъ и равноправнымъ преемникомъ Мухаммеда. Фактически переворотъ произошелъ значительно позже 100 г. х., но все-таки считалось необходимымъ связать его съ этой датой; вслѣдствіе этого возникло преданіе объ отправленіи въ 100 г. х. первыхъ аббасидскихъ эмиссаровъ [4]) и о появленіи на свѣтъ Абу-Муслима въ томъ же году [5]), хотя по другимъ извѣстіямъ онъ былъ значительно моложе [6]).

Кромѣ письма Гурека есть и другія доказательства, что предсказанія,

---

1) Легенда Корана имѣетъ больше сходства съ христіанскими легендами, связанными съ извѣстными словами 2-го Посланія ап. Петра (гл. 3 ст. 8).

2) До сихъ поръ, повидимому, нѣтъ фактическихъ доказательствъ существованія такого ученія въ какихъ-либо религіозныхъ книгахъ; Wellhausen (Das Arabische Reich, S. 316, Anm.) только высказываетъ предположеніе: «In den Malâhimbüchern mag die Zahl Hundert eine Rolle gespielt haben».

3) Ср. объ этомъ Schahrastâni übers. von Haarbrücker I, 173, 293; II, 408; Maçoudi. Prairies d'or VI, 186; Nerchakhy ed. Schefer p. 65 (نوح وابراهيم وعيسى وموسى ومحمد وابو مسلم); Siasset Namèh, ed. Schefer, p. 199 et 204.

4) Кромѣ Якуби такой разсказъ есть и у Табари (II, 1358), безъ ссылки на источникъ; тамъ также приведены цифры 12 и 70, очевидно, легендарныя.

5) Ср. Ibn-Coteiba, ed. Wüstenfeld p. 214. Ibn-Khallikan transl. by de Slane II, 104.

6) По Ибн-ал-Асиру (V, 264) ему въ 128 г. х. было всего 19 лѣтъ; въ соотв. мѣстѣ у Табари (II, 1937) этихъ словъ нѣтъ.

связанныя съ 100 г. х., были распространены и среди покореннаго иранскаго населенія. Табари[1]) приводитъ со словъ Сейфа ибнъ Омара[2]) слѣдующій разсказъ о бѣгствѣ сасанидскаго царя Іездегерда въ Рей послѣ битвы при Джалулā: «Для него была сдѣлана корзина, привязанная къ спинѣ его мула; въ ней онъ спалъ во время походнаго движенія и не останавливался на ночлегъ у людей. И пришли съ нимъ къ одному броду, когда онъ спалъ въ своей корзинѣ; и они разбудили его, чтобы онъ былъ предупрежденъ и не испугался, когда мулъ войдетъ въ воду, если проснется (въ это время). Онъ выбранилъ ихъ и сказалъ: «Какъ дурно вы поступили! Клянусь Богомъ, если бы вы меня оставили, я узналъ бы, сколько времени (дано) этому народу. Я видѣлъ (во снѣ), что мы съ Мухаммедомъ бесѣдовали у Бога; и сказалъ (Богъ) ему: «Я даю имъ господствовать 100 лѣтъ». И сказалъ (Мухаммедъ): «Прибавь мнѣ». И сказалъ (Богъ): «110 лѣтъ». И сказалъ (Мухаммедъ): «Прибавь мнѣ». И сказалъ (Богъ): «120 лѣтъ». И сказалъ (Мухаммедъ): «Прибавь мнѣ». И сказалъ (Богъ): «(Даю) тебѣ»... Тутъ вы меня разбудили; если бы вы меня оставили, я узналъ бы, сколько времени (дано) этому народу».

Анекдотъ самъ по себѣ не представлялъ бы большого интереса, но въ связи съ письмомъ Гурека приводитъ къ выводу, что въ Персіи и Средней Азіи, дѣйствительно, были убѣждены въ томъ, что господству арабовъ суждено продолжаться всего сто лѣтъ, что въ такомъ убѣжденіи слѣдили за годами мусульманскаго лѣточисленія и въ 100 г. х. ожидали наступленія этого конца. Анекдотъ о прерванномъ снѣ Іездегерда былъ, очевидно, сочиненъ послѣ того, какъ эти ожиданія не оправдались.

---

1) Tabari I, 2681.

2) Объ томъ писателѣ (II в. х.) см. статью Н. А. Мѣдникова въ المظفّريّة, Сборн. учениковъ бар. В. Р. Розена, стр. 53—66 и его же Палестина, ч. I, стр. 42—104. Разсказъ о снѣ Іездегерда приводится у Сейфа съ обычной ссылкой на «Мухаммеда, Тальху, Мухаллаба и Амра». По приблизительному разсчету Н. А. Мѣдникова (Палестина, I, 100 и 102) Тальха, Мухаммедъ и Амръ жили между 50 и 140 гг. х.; для опредѣленія времени жизни Мухаллаба не было найдено никакихъ данныхъ.

В. Бартольдъ.

На добрую память
от Л. Берга

О колебаніяхъ уровня озеръ Средней Азіи и Западной Сибири.

Л. Берга и П. Игнатова [1]).

Мнѣніе о постепенномъ усыханіи озеръ Средней Азіи и Западной Сибири стало настолько всеобщимъ, что въ послѣднее время уже не встрѣчало никакихъ возраженій.

Извѣстно по изслѣдованіямъ Ядринцева [2]), что группа озеръ Чаны въ Томской губерніи съ 8300 квадратныхъ километровъ 1820 г., уменьшилась черезъ 60 лѣтъ (1880 г.) до 3400, т. е. потеряла 60%.

Озеро Балхашъ еще въ историческую эпоху было соединено съ Алакулемъ. По даннымъ Никольскаго [3]) оно усыхаетъ на 1 аршинъ въ 10 лѣтъ. Объ Иссыкъ-кулѣ извѣстно, что оно въ прежнее время занимало гораздо большее пространство. Озеро Гамунъ въ Сеистанѣ (Персія), судя по картамъ въ 1857 г. занимало площадь въ 9000 квадратныхъ километровъ, а черезъ 14 лѣтъ—уже $^1/_{15}$ этой поверхности (600 квадратныхъ километровъ. [4]).

---

[1]) Эта статья представляетъ результатъ нѣкоторыхъ наблюденій во время 1) изслѣдованій Л. Берга на Аральскомъ морѣ въ 1899 г.; 2) изслѣдованій П. Игнатова на озерахъ Тенизъ и Кургальджинъ въ 1899 г.; 3) нашихъ совмѣстныхъ работъ на озерахъ Омскаго уѣзда въ 1898 г.

[2]) Ядринцевъ. Уменьшеніе водъ Арало-Каспійской низменности въ пред. Зап. Сиб. Изв. И. Р. Г. О. 1886 г., стр. 53.

Ядринцевъ. Поѣздка по Зап. Сибири. Записки Зап. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. кн. 2 стр. 5.

[3]) Никольскій. Путеш. на оз. Балхашъ. Записки Зап. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. Кн. VII, в. 1. 1885 г., стр. 41—42.

[4]) Venukoff. Du desséchement des lacs dans l'Asie centrale. Revue de geogr. 1886 Août p. 85.

Объ усыханіи Аральскаго моря мы можемъ ясно судить при сравненіи старыхъ съемокъ съ картой Бутакова 1848 г. По картѣ 1741, составленной Муравинымъ, видно, что заливъ Сары-чеганакъ вдавался къ NE далѣе теперешняго на 80 верстъ. Баронъ Мейендорфъ [1]), совершившій въ 1820 г. путешествіе въ Бухару мимо береговъ Арала, говоритъ, что по словамъ киргизовъ, еще на памяти ихъ отцовъ Аральское море доходило до высотъ Сары-булакъ, лежавшемъ въ 1820 г. въ 60 верстахъ отъ него, а до вершинъ Сапакъ оно достигало на ихъ памяти. Еще въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія существовалъ заливъ Айбугиръ, черезъ который въ 1873 г. наши войска перешли по суху. Макшеевъ [2]), занимавшійся изслѣдованіями Арала въ 1848—49 г. пишетъ слѣдующее: «о пониженіе уровня Аральскаго моря, можно судить по разсказамъ стариковъ киргизовъ, по обнаженію изъ-подъ воды мелей, превращающихся въ острова, по прибрежнымъ утесамъ, подмываемыхъ волненіемъ, на высотѣ, до которой теперешнее волненіе доставать не можетъ, и по береговымъ насыпямъ гальки и песку».

Объ усыханіи свидѣтельствуютъ по словамъ Бутакова [3]) знаки на утесахъ Устюрта и острова Николая.

Со времени выхода въ свѣтъ карты Бутакова стало возможнымъ составить болѣе ясное представленіе объ усыханіи. Такъ, Сѣверцовъ [4]) замѣчаетъ, что въ 1858 году многіе острова, показанные на съемкѣ Бутакова 1847 г. уже соединились съ материкомъ, заливъ Сары-Чеганакъ значительно убавился съ этого времени, а нѣкоторые заливы обособились въ прибрежныя озера. У сѣверо-восточнаго конца Сары-Чеганака у ур. Акъ-Джулпасъ Сѣверцовъ нашелъ рѣзкую перемѣну въ *одинъ* годъ; именно въ «октябрѣ 1857 г. онъ тамъ видѣлъ рядъ соленыхъ лимановъ, которые тянулись верстъ на 7, сообщаясь небольшими мелководными проливами между собой и съ моремъ, а въ октябрѣ 1858 г. проливы были сухи, уменьшенные лиманы отдѣлены

---

[1]) Meyendorf. Voyage d'Orenburg à Boukhara fait en 1820. Paris. 1826, p. 35.

[2]) Макшеевъ. Описаніе Аральскаго моря. Записки (старой серіи) И. Р. Г. О. Т. V, 1851, p. 31.

[3]) Бутаковъ. Свѣдѣнія объ экспедиціяхъ для описи Аральскаго моря въ 1848 г. Вѣстникъ И. Р. Г. О. Т. VII, 1853, стр. 5.

[4]) Сѣверцовъ. Путешествія по Туркестанскому краю. Спб. 1873 г. стр. 2, 7.

отъ моря. 1865 и 1866 гг. онъ нашелъ ихъ совершенно сухими» (стр. 7).

По вычисленіямъ Дорандта [1]) уровень Аральскаго моря въ теченіе 1874—75 г. понизился на 70 мм. Мушкетовъ (Туркестанъ. Спб. 1886) говоритъ: «усыханіе Арала понятно и съ теоретической точки зрѣнія. Климатическія особенности мѣстности производятъ громадное испареніе, превышающее приходъ. Рѣчные бассейны, питающіе Аралъ: 1) постоянно заносятъ его осадками, а 2) сами постоянно уменьшаются, вслѣдствіе сокращенія ледниковъ и снѣговыхъ полей въ прилежащихъ горахъ, откуда они берутъ свое происхожденіе. Многіе значительные притоки, приносившіе въ Сыръ и Аму-Дарью много воды, въ настоящее время совершенно не доходятъ до нихъ, напримѣръ — большая рѣка Чу, Сары-су и другія для Сыръ-Дарьи; Зеравшанъ, Карши-Дарья и другія для Аму-Дарьи» (стр. 699).

Наконецъ, послѣднія и наиболѣе интересныя свѣдѣнія объ усыханіи Арала мы находимъ въ 1882 г. у инженера Шульца [2]), посѣтившаго въ 1880 г. сѣверные берега Аральскаго моря. По его вычисленіямъ съ 1871 по 1880 г. на двѣнадцати верстахъ берега залива Перовскаго оголилась площадь въ двѣ квадратныхъ версты; а на всѣхъ берегахъ Арала протяженіемъ въ 1200 верстъ, должно было осушиться за 9 лѣтъ 200 квадратныхъ верстъ. Заливъ Чубаръ-Тараузъ (на западѣ залива Перовскаго) въ 1871 г. покрывалъ около 11, а въ 1880 г. 8 квадратныхъ верстъ. «Онъ неминуемо высохнетъ, прибавляетъ Шульцъ, какъ бывшіе заливы въ сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ залива Паскевича и заливы на южномъ берегу полуострова Куланды».

Послѣ этого въ теченіе 20 лѣтъ въ литературѣ не встрѣчается ни одного слова объ Аральскомъ морѣ, а между тѣмъ за этотъ промежутокъ времени здѣсь произошли крайне важныя измѣненія, которыя совершенно перемѣняютъ наши прежнія представленія объ этомъ морѣ.

---

[1]) Дорандтъ. Гидрографическія изслѣдованія на Аму-Дарьѣ. Илистые осадки въ водѣ Аму-Дарьи. Тр. А. Д. Э. вып. 4. Спб. 1878, стр. 41.

[2]) Шульцъ, К. Нѣкоторые результаты нивеллировки между Оренбургомъ Аральскимъ м. и Каратугаемъ. Записки И. Р. Г. О. по Общей Географіи, т. XII, № 3. 1882.

Отправляясь осенью 1899 г. въ поѣздку по Аральскому морю я [1]) ожидалъ найти дальнѣйшія подтвержденія прежнимъ даннымъ объ усыханіи и полагалъ, что карта Бутакова, составленная ровно 50 лѣтъ тому назадъ, окажется нынѣ совершенно не отвѣчающей современной топографіи береговъ и потому совсѣмъ негодной. Оказалось, однако, противное. Какъ по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, такъ и по сравненіямъ съ картой и разспросамъ старыхъ и опытныхъ рыбаковъ обнаружилось, что Аральское море теперь прибываетъ и при томъ довольно быстро.

Особенно яркій примѣръ представляетъ собою островъ *Кугъ-аралъ* въ 25 верстахъ отъ устьевъ Сыръ-Дарьи. На картѣ Бутакова 1848 г. онъ изображенъ островомъ, отдѣленнымъ отъ материка мелкимъ (глубиною менѣе 1 сажени) не широкимъ (не болѣе 1 версты) проливомъ. Въ 1880 г. въ посѣщеніе Шульца [2]). Кугъ-аралъ сталъ полуостровомъ. Въ настоящее время Кугъ-аралъ сталъ опять островомъ; 4 года тому назадъ между нимъ и материкомъ впервые стала проливаться вода; въ 1895 году глубина была не болѣе 1 аршина. Теперь же (1899 г.) черезъ проливъ проходятъ большія неводныя лодки, подымающія до 80 пудовъ грузу. Теперь въ проливѣ по поясъ воды, мѣстами же значительно больше,—по брюхо верблюду.

Относительно залива Чумышь или Камылы-Куль на сѣверо-западномъ концѣ залива Тизебасъ, Шульцъ въ 1880 г. писалъ (l. c. стр. 26): «онъ представляетъ соръ соединенный съ моремъ лишь протокомъ въ видѣ канавы, шириной въ 1 аршинъ, при глубинѣ воды около 1 вершка. Мѣстный старикъ говорилъ, что въ его дѣтствѣ этотъ протокъ былъ такъ глубокъ, что лошадь только вплавь могла переправляться». По вычисленію автора за послѣдніе 9 лѣтъ (со времени съемки 1871 г.) убыло около $^{18}/_{100}$ сажени т. е. около 2 сотыхъ въ годъ. Въ настоящее время проливъ въ озерѣ Камылы-куль имѣетъ около 4 саженей ширины при глубинѣ болѣе 3 аршинъ и перейти вбродъ черезъ него нельзя даже на лошади. Въ самомъ заливѣ по словамъ рыбаковъ глубина около сажени.

На восточномъ берегу Аральскаго моря обозначенъ на картѣ Бутакова островъ *Узунъ-Каиръ*; впослѣдствіи онъ соединился съ берегомъ и такимъ оставался вплоть до 1898 года, когда,

---

[1]) Наблюденія на Аральскомъ морѣ произведены Бергомъ.

[2]) l. c. стр. 25.

благодаря все повышающемуся уровню моря, Узунъ-каиръ опять сталъ островомъ; теперь по проливу можетъ пройти лодка. Въ 1889 г. *Кусъ-Джеренесъ* (между устьями Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи), изображенный на картѣ Бутакова островомъ, составлялъ часть суши; въ 1899 г. съ трудомъ переправлялись на него даже на верблюдѣ. То же самое можно сказать и объ островѣ *Чушка-басъ*.

Мысъ *Изенде-аралъ* (полуостровъ Куланды) въ 1874 г. представлялъ скалу, соединенную съ берегомъ неширокимъ (сажень въ 100) перешейкомъ «Перешеекъ возвышенъ надъ уровнемъ моря до 7—10 футовъ (на глазъ) и представляетъ одинъ изъ нисшихъ пунктовъ мыса, такъ какъ далѣе на W мѣстность переходитъ къ высотамъ полуострова Куланды» [1]). Въ настоящее время на мѣстѣ этого перешейка проливъ по колѣно, и скала Изенде-аралъ представляетъ собою островъ. Вблизи устьевъ Сыръ-Дарьи находилось прежде нѣсколько небольшихъ острововъ, теперь совершенно или отчасти смытыхъ; именно: противъ праваго притока Сыръ-Дарьи, Мордва-узюка былъ небольшой островъ *Атренъ*, поросшій камышемъ; теперь на его мѣстѣ мель на глубинѣ 1 аршина и на ней рыбаки ставятъ крючья. Еще недавно островъ *Тауръ* былъ довольно великъ, на немъ были расположены рыбачьи постройки, жилье и т. п., а теперь все это подъ водой кромѣ небольшого клочка земли въ 5—6 сажень въ діаметрѣ, поросшаго камышемъ.

Противъ Таура лежалъ островъ *Шагалы*, окружностью около 100 сажень, на немъ также была расположена рыбачья ватага. Теперь на его мѣстѣ мель на глубинѣ 1 аршина. Между этимъ островомъ и ур. Бугунь находился небольшой островокъ *Карабайме* нынѣ совершенно затопленный. Еще въ 1890 году всѣ вышеуказанные острова существовали. У восточнаго берега острова Кугъ-арала изображенъ на картѣ Бутакова островъ *Сорча*. Въ семидесятыхъ годахъ онъ соединился съ островомъ Кугъ-араломъ и въ такомъ состояніи оставался до 1898 года когда Сорча опять отдѣлилась проливомъ отъ Кугъ-арала.

На картѣ 1848 г. *Токмакъ-атау* изображенъ островомъ; на 2-хъ верстной картѣ Ташкентско-военно-топографическаго отдѣла 1889 года онъ представленъ уже соединившимся съ сушей. Въ

---

[1]) Аленицинъ, В. Очеркъ исторіи суши континент. остр. Аральск. моря. Труды Ар. Касп. Экспед. Вып. V. Спб. 1877, стр. 43.

настоящее время, какъ мнѣ передавали рыбаки и что засвидѣтельствовано бывшимъ тамъ въ 1899 г. К. И. Гиршфельдомъ, Токмакъ-атау опять сталъ островомъ.

Про заливъ Сары-Чеганакъ Шульцъ пишетъ: «вода заливовъ Сары-Чеганакъ, Перовскаго и Паскевича на вкусъ въ высшей степени горько-соленая; она казалась совершенно насыщенною глауберовой солью и натромъ» (стр. 26). Въ настоящее время вода значительно опрѣснѣла и ее пьютъ коровы, а въ случаѣ нужды даже люди. По словамъ одного рыбака, живущаго на Сары Чеганакѣ уже 16 лѣтъ, вода прибываетъ все время его жительства тамъ (т. е. съ 1883 г.) и уровень повысился примѣрно на $2^1/_2$ аршина.

Между крайнимъ правымъ рукавомъ Сыръ-Дарьи и ур. Булюкъ-кумъ находится морской заливъ Кукуши. Теперь онъ довольно глубокъ и въ него осенью заходитъ масса леща, а прежде онъ былъ почти сухимъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много, но и указанныхъ совершенно достаточно, чтобы судить о прибываніи Аральскаго моря. Казалось бы, что съ прибываніемъ моря несовмѣстимо то обстоятельство, что островъ Косаралъ, который въ 1848 г. былъ отдѣленъ отъ материка довольно широкимъ протокомъ, нынѣ почти присоединился къ сушѣ, — протокъ имѣетъ теперь всего 4—5 шаговъ ширины. Однако это очень легко объясняется постепеннымъ наростаніемъ дельты Сыръ-Дарьи. Не можетъ быть сомнѣнія, что до 1880 г. Аральское море очень быстро усыхало. Но послѣ этого съ 1881 или 1882 года началось обратное явленіе — повышеніе уровня, сначала медленное, а потомъ все болѣе и болѣе быстрое. Maximum прибыли приходился на 1895—1898 годы. Эти данныя я вывожу на основаніи многочисленныхъ разспросовъ достойныхъ довѣрія рыбаковъ: въ литературѣ же никакихъ свѣдѣній по этому поводу не имѣется. Должно быть усыханіе уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ значительно уменьшилось, потому что Шульцъ (l. c. стр. 25) пишетъ: «старикъ киргизъ увѣрялъ, что въ настоящее время (т. е. 1880 г.), это пониженіе гораздо менѣе замѣтно, и я склоненъ думать, что это дѣйствительно такъ».

Вопросъ о томъ, подымается или опускается уровень моря имѣетъ важное практическое значеніе для рыбаковъ, поэтому они тщательно слѣдятъ за этимъ явленіемъ и ихъ данныя заслуживаютъ довѣрія. Вслѣдствіе постояннаго прибыванія воды

имъ приходится годъ отъ году относить все далѣе и далѣе отъ берега рыболовныя постройки (ледники, жилье). Садки, устраиваемые для сохраненія въ живомъ видѣ рыбы, изъ кольевъ вбитыхъ въ дно приходится переносить ближе къ берегу, чтобы вода совсѣмъ не залила ихъ; эти колья служатъ для рыбаковъ какъ бы футштоками. Въ 1891—1892 г. въ Акбеке (западная часть Аральскаго моря) вода въ одномъ садкѣ доходила нѣсколько выше колѣна кольевъ, а теперь въ этомъ мѣстѣ глубина болѣе человѣческаго роста, такъ что прибыло за послѣдніе 7—8 лѣтъ болѣе двухъ аршинъ.

Кромѣ того при прибываніи берега заростаютъ камышемъ, что вредитъ успѣшности рыболовства. Изъ разспросовъ выясняется, что въ восьмидесятыхъ годахъ и началѣ девятидесятыхъ ежегодно прибыль была сравнительно незначительна, 2—3 вершка въ годъ; въ годы максимальнаго поднятія уровня прибывало до $^1/_2$ аршина (1894—1898 г.).

Въ этомъ году (1899 г.) или совсѣмъ не было прибыли, или же была даже маленькая убыль. Но въ 1900 г. слѣдуетъ ожидать прибыли, если принять во вниманіе небывало большое количество осадковъ въ Туркестанѣ за эту зиму. Одинъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ прибыванія служитъ нахожденіе на днѣ моря затопленныхъ корней растенія «*джингылъ*» (Tamarix) распространеннаго по песчанымъ барханамъ у береговъ Аральскаго моря. На Бумакъ Кумѣ, вправо отъ устья Сыръ-Дарьи, ихъ такъ много на днѣ, что они сильно препятствуютъ рыболовству; встрѣчаются они на глубинѣ до $1^1/_2$ саженей. Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ мы можемъ вывести слѣдующія заключенія.

1. Въ періодъ 1848 — 1880 г. уровень Аральскаго моря понижался.

2. Въ годъ усыхало 38^{mm} (Шульцъ)—70^{mm} Дорандтъ.

3. Съ 1880 г. по настоящее время Аральское море прибываетъ.

4. Объ этомъ прибываніи можно судить: a) изъ сравненія теперешней топографіи береговъ съ съемкой 1848 г. b) по нахожденью корней джингыла c) по разсказамъ опытныхъ рыбаковъ.

5. За 18 лѣтъ прибыло не менѣе $1^1/_2$ саженей т. е. въ годъ 178^{mm}.

Послѣ съемки 1848 года первое свидѣтельство о пониженіи уровня мы находимъ у Сѣверцова въ 1857 году. Если оно на-

чалось даже только за годъ до его наблюденій т. е. въ 1856 г., то оно продолжалось 25 лѣтъ. Въ настоящее же время воды прибыло столько же, сколько ея убыло съ 1855 года, т. е. нынѣшняя конфигурація береговъ почти совершенно соотвѣтствуетъ картѣ Бутакова, какъ будто съемка производилась въ этомъ году, а не 51 годъ тому назадъ. За это время, если бы Аральское море усыхало въ такомъ же размѣрѣ какъ въ 1874—75 г. (Дорандтъ) т. е. по 70 mm въ годъ, то оно должно было бы понизиться на 3,5 метра.

Итакъ, уровень Аральскаго моря періодически подверженъ колебаніямъ. Быть можетъ дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ, что они имѣютъ связь съ открытыми Брюкнеромъ 35 лѣтними періодами измѣненій климата; быть можетъ современемъ будутъ указаны годы, когда уровень Арала понижался (? 1845—1880) и годы, когда онъ повышался (1880—1900 ?). Изъ литературныхъ источниковъ указанія на колебанія въ положительную сторону («положительныя колебанія» Зюсса) мнѣ удалось найти у Сѣверцова [1]). Указывая, что въ 1874 г. Аралъ быстро усыхалъ, онъ въ тоже время отмѣчаетъ наблюденный имъ фактъ, говорящій за прежнюю прибыль: въ устьяхъ Джаны Дарьи онъ нашелъ «морскіе прораны въ бывшихъ протокахъ рѣки», результатъ затопленія моремъ прежде сухой рѣчной дельты: «изъ этого можно заключить, продолжаетъ онъ, что продолжается теперь усыханіе не шло непрерывно, а были колебанія» [2]). Какая можетъ быть причина колебаній уровня Аральскаго моря? Они могутъ быть слѣдствіемъ двухъ факторовъ:

1) тектоническихъ колебаній земной коры:

2) климатическихъ-результатовъ колебаній климата [3]).

---

[1]) Сѣверцовъ. О результатахъ физико-географическихъ наблюденій въ Арало-Каспійскихъ степяхъ въ 1894 г. Извѣстія И. Р. Г. О., т. II, № 3, 1875 г. стр. 221.

[2]) Сѣверцовъ пишетъ: «можетъ быть Сыръ-Дарья нѣкогда вся разводилась на арыки, подобно Зеравшану и до моря не доходила, а потомъ съ ослабленіемъ земледѣлія отъ Ходжента внизъ пролилась въ море и произвела его прибыль» (l. c. стр. 223); — это объясненіе разумѣется не выдерживаетъ критики потому что за послѣднее 25-лѣтіе площадь культурныхъ земель въ Туркестанѣ значительно увеличилась и настолько же возросло потребленіе воды на ирригацію, а между тѣмъ уровень воды въ Аральскомъ морѣ повысился.

[3]) *Примѣчаніе.* Весьма различные климатическіе факторы могли бы вызвать прибыль воды въ озерѣ:

Не имѣя данныхъ, которыя говорили бы противъ первой причины мы все же склонны болѣе относить прибыль воды въ Аралѣ насчетъ колебаній притока воды въ рѣкахъ Сыръ-Дарьѣ (и Аму-Дарьѣ) что связано съ измѣненіемъ климата. Въ самомъ дѣлѣ за послѣдніе годы (исключая 1899 годъ, который слѣдуетъ считать случайнымъ, потому что въ 1900 г. судя по громадному небывалому въ Туркестанѣ количеству осадковъ за декабрь 1899 и январь 1900 г. слѣдуетъ опять ожидать прибыли Арала) количество воды въ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ значительно увеличилось. Вотъ таблица средняго суточнаго расхода воды въ Кара-Дарьѣ, (одна изъ двухъ, составляющихъ Сыръ-Дарью рѣкъ; другая — Нарынъ), съ 1893 по 1898 г. въ кубическихъ саженяхъ въ 1 секунду по наблюденіямъ гидрометрическаго поста у с. Куйгуньяръ [1]). Составивъ среднюю суточную за каждый годъ, мы увидимъ, что количество воды съ 1893 года, (когда имѣются постоянныя наблюденія) постепенно увеличивается. А это увеличеніе несомнѣнно есть результатъ періодическихъ измѣненій климата:

	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Январь	—	10,49	9,73	12,35	12,09	9,79
Февраль	—	10,63	10,76	12,05	12,25	9,88
Мартъ	—	10,62	10,78	14,49	13,16	14,89
Апрѣль	—	9,92	11,83	22,41	—	33,45
Май	—	10,79	19,39	41,12	29,77	—
Іюнь	—	14,61	14,05	33,86	33,83	39,34
Іюль	—	10,72	11,03	18,49	20,27	17,93
Августъ	9,62	9,08	10,55	13,41	16,75	9,88
Сентябрь	10,93	10,75	11,12	13,32	14,44	8,92
Октябрь	10,64	10,95	—	13,55	14,94	9,15
Ноябрь	10,36	10,41	11,57	13,05	14,80	—
Декабрь	10,46	9,75	—	12,45	13,96	—
Средніе суточные за годъ	(10,40)	(10,72)	(12,08)	(18,38)	(17,83)	(17,02)

1) Увеличеніе количества осадковъ надъ поверхностью озера; 2) увеличеніе количества осадковъ на горахъ питающихъ рѣки, принадлежащія къ бассейну озера; 3) наконецъ чрезмѣрная сухость на горахъ, слѣдствіемъ которой явилось бы усиленное таяніе снѣговъ и ледниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыль воды въ рѣкѣ и озерѣ.

[1]) Къ сожалѣнію гидрометрическія наблюденія на Нарынѣ, а также на Сыръ-

Островъ Косъ-аралъ, лежащій въ устьяхъ Сыръ-Дарьи по свидѣтельству авторовъ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ представлялъ собою песчаную, сухую равнину съ кое гдѣ возвышающимися барханами; растительности не было никакой. Въ настоящее время онъ весь заросъ камышами, между которыми разстилаются болота. Противъ Косъ-арала лежитъ островъ Чушка-аралъ; на немъ было прежде рыбачье поселенье, сѣяли даже хлѣбъ; въ настоящее время на немъ жить невозможно, такъ онъ заболоченъ и покрытъ камышами. Еще въ 1896 г. на Косъ-аралѣ, судя по даннымъ И. И. Гейера [1]) преобладали пески, для закрѣпленія которыхъ и образованія выгона для рыбаковъ онъ предлагалъ въ 1896 г. даже произвести опыты посѣва лупина. Въ 1898 году же во второе посѣщеніе Косъ-арала г. Гейеръ убѣдился, что всѣ пески покрылись водою и зарослями камыша. Тоже было замѣчено и относительно острова Чушка-аралъ.

О прибыли воды въ устьяхъ Сыръ-Дарьи за послѣдніе годы свидѣтельствуютъ всѣ мѣстные жители. По берегамъ повсюду появился камышъ въ мѣстахъ, гдѣ его никогда раньше не было. Сыръ-Дарья залила такія озера, которыя съ давнихъ поръ стояли сухими. Особенно это видно на озерѣ Камышлы-башъ, въ которомъ въ 70-хъ годахъ, если только туда искусственно не напускали съ цѣлью орошенія воды, глубина понижалась до 1 арш. и меньше. Къ серединѣ 80-годовъ киргизы перестали расчищать, канавы, ведущія къ этому озеру и слѣдовало бы ожидать, что озеро совершенно высохнетъ. Оказалось однако, что прибывающая вода сама разработала протоки и наполнила озеро, глубина котораго въ послѣдніе годы доходила до 5—6 саженей. Въ этомъ году воды въ Сыръ-Дарьѣ было меньше — это отразилось и на Камышлы-башѣ, однако я и въ декабрѣ 1899 г. все же нашелъ глубину въ 4 саж. (западная часть озера). Вода въ 70-хъ годахъ и даже въ 80-хъ была настолько солона что пить ее было невозможно, но въ послѣдніе годы она опрѣснѣла и стала годной для питья (въ 1899 году я ее пилъ, она была едва замѣтно

Дарьѣ послѣ сліянія составляющихъ ее рѣчекъ въ прежніе годы ~~въ самой Сыръ-Дарьѣ~~. За сообщеніе вышеуказанныхъ, нигдѣ еще не опубликованныхъ цыфръ для Нарына я долженъ принести мою глубокую благодарность П. Н. Клименко.

[1]) И. Гейеръ. Въ устьѣ Сыръ-Дарьи. Сборникъ матерьяловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области т. VII, Ташкентъ, 1899 г., стр. 74.

солона [1]). Рѣзкимъ доказательствомъ прибытія служитъ нахожденіе на днѣ озера у береговъ корней, *«джингыла»* (Tamarix sp.) до глубины 2 саженей. То же можно сказать и о другихъ озерахъ въ дельтѣ Сыръ-Дарьи каковы Чумышь-куль, Кара-куль и пр.

Повышеніе уровня воды замѣчается не на одномъ только Аральскомъ морѣ, но и на другихъ озерахъ западной Азіи. Занимаясь изслѣдованьемъ озеръ Тенизъ и Кургалджинъ [2]) лѣтомъ 1899 года, я [3]) также могъ наблюдать, что уровень воды въ нихъ за послѣднее время значительно повысился. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ болѣе старыхъ данныхъ, ни литературныхъ, ни картографическихъ, съ помощью которыхъ можно было бы судить о колебаніяхъ уровня этихъ озеръ за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій подобно тому, какъ это возможно для Аральскаго моря. Имѣвшіяся до сихъ поръ литературныя данныя объ этихъ озерахъ столь скудны, что въ нихъ нельзя найти ни одного слова, которое характеризовало бы положенія уровня воды въ нихъ въ извѣстное время.

Что касается картографическихъ данныхъ, то болѣе старая съемка 40-хъ годовъ оказывается для нашихъ цѣлей совершенно безполезной. Эта съемка производилась полуинструментально и притомъ во время сильнаго броженія среди мѣстныхъ киргизовъ. Дѣлать какія либо выводы основываясь на такой съемкѣ, конечно рискованно, тѣмъ болѣе, что новѣйшая съемка рисуетъ озеро Тенизъ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Эта новѣйшая съемка и является единственнымъ вполнѣ надежнымъ руководствомъ для сужденія

---

[1]) Въ 1820 году во время путешествія Мейендорфа вода въ Камышлы-башѣ была совсѣмъ прѣсна, такъ что ее можно было пить (Meyendorf, Voyage p. 37), въ 1852 г. по словамъ Ивашинцева (Очерки низовьевъ Сыръ-Дарьи и приаральской степи. Морск. Сборн. 1854 г.) вода была настолько солона, что совершенно не годилась къ употребленію. Быть можетъ это окажется возможнымъ поставить въ связь съ предполагаемыми мною періодами прибыванія (1810—1845) и усыханія (1845—1880).

[2]) Эти озера лежатъ между 50° и 51° с. ш., на границѣ Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ. Горькое озеро — Тенизъ (на картахъ чаще Денгизъ занимаетъ площадь въ 1475 кв. кил.), прѣсное — Кургальджинъ, между ними лежитъ неширокая (отъ 5 до 20 верстъ) полоса суши, которую пересѣкаетъ рѣка Нура, соединяющая между собою эти два озера; р. Нура впадаетъ въ Кургальджинъ съ востока, проходитъ черезъ него, вытекаетъ изъ его западной части, чтобы затѣмъ черезъ 10 верстъ закончиться въ озерѣ Тенизъ.

[3]) Наблюденія на озерахъ Тенизъ и Кургальджинъ производились Игнатовымъ.

объ измѣненіи уровня въ интересующихъ насъ озерахъ. Она произведена иструментально въ 5-ти-верстномъ масштабѣ въ 1889-мъ году и съ ея помощью мы можемъ судить о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ этихъ озерахъ за послѣднее десятилѣтіе.

Сравнивая очертанія озера Тенизъ по съемкѣ 1889-го съ современной береговой линіей, мы на каждомъ шагу кругомъ увидимъ, что часть берега захвачена водой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдающіеся въ озеро мысы, возвышенные на своей оконечности теперь стали островами, такъ какъ низменное основаніе ихъ покрыто водой. Напримѣръ, въ юго-западномъ углу Тениза, противъ устья Чурунъ-булака на картѣ 1889 года значится обширный полуостровъ; теперь онъ сталъ островомъ; мысъ Мынъ-тогай въ сѣверо-восточной части озера представляетъ въ настоящее время конгломератъ крошечныхъ острововъ, раздѣленныхъ между собой мелкими, топкими проливами; низменный мысъ на западномъ берегу, противъ сопки Тологай въ настоящее время весь затопленъ; вдоль западнаго берега въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ современнаго урѣза воды часто можно видѣть отмели, которыя, по словамъ киргизовъ суть ни что иное, какъ наиболѣе возвышенныя точки залитаго прибрежья, это подтверждается также и характеромъ дна, именно обычный илъ соленыхъ озеръ начинается лишь за этими отмелями, а до нихъ дно имѣетъ ясный характеръ суши не такъ давно покрытой водой. Особенно замѣтна прибыль въ наиболѣе низменныхъ пунктахъ восточнаго побережья, гдѣ она приняла характеръ настоящаго наводненія, крайне стѣсняя проживающихъ здѣсь киргизовъ. Нѣкоторыя киргизскія зимовки, расположенныя въ устьѣ р. Нуры, совершенно затоплены, напримѣръ, зимовка Балтабай, другія, какъ зимовка Карайгыръ, расположенная прежде близъ берега самой нижней части Нуры, на нѣкоторомъ разстояніи отъ воды, теперь оказалась на маленькомъ островкѣ, такъ какъ кругомъ все залито водой. Пребрежье Тениза между устьями рѣкъ Конъ и Кура и къ сѣверу отъ послѣдней все затоплено. Полоса суши въ 15 верстъ длиной и въ 7 верстъ шириной, ограниченная съ запада озеромъ Тенизъ, съ востока озеромъ Кургальджинъ, съ сѣвера рѣкой Нурой съ юга рѣкой Конъ, представляетъ въ настоящее время группу острововъ отдѣленныхъ другъ отъ друга частью водой, частью непролазными топями, такъ какъ нѣсколько находившихся здѣсь ранѣе самостоятельныхъ озеръ слились теперь

иныя между собою, иныя съ Тенизомъ или съ сосѣдними рѣками. Броды, существовавшіе, какъ это извѣстно и изъ картъ и изъ литературныхъ данныхъ [1]) и изъ разсказовъ киргизовъ на Нурѣ въ участкѣ ея между Тенизомъ и Кургальджиномъ, въ настоящее время представляютъ совершенно недоступные разливы воды; даже наиболѣе употребительный раньше бродъ Куты-малды находящійся на Нурѣ выше Кургальджина въ настоящее время заброшенъ.

На озерѣ Кургальджинъ наблюдается тоже явленіе: многіе изъ киргизскихъ зимовокъ, расположенныхъ въ камышахъ затоплены; нѣкоторыя озерки, лежащія близъ Кургальджина соединились съ нимъ проливами, напримѣръ, озеро Есей-сыръ (у сѣверо-восточнаго берега Кургальджина).

Киргизы разсказываютъ, что озера едва замѣтно стали прибывать около 20 лѣтъ назадъ, послѣдніе же 3 года прибыль идетъ чрезвычайно быстро. Раньше, по ихъ словамъ, и весною уровень воды не достигалъ такой высоты, какъ теперь къ концу лѣта.

Достойно вниманія совпаденіе этихъ промежутковъ времени съ таковыми же, въ теченіе которыхъ происходитъ прибыль въ Аралѣ. Какъ выше было указано, на Аральскомъ морѣ прибыль, сперва незначительная, началась 18 лѣтъ назадъ, а послѣдніе 4 года идетъ усиленная прибыль; — такія же цифры даютъ киргизы и для Тенизо-Кургальджинскаго бассейна. Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ показаній киргизовъ, у насъ нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ для сужденія объ этомъ вопросѣ, но тѣмъ не менѣе я имѣю основанія относиться къ указаннымъ цифрамъ съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ приходилось слышать ихъ отъ многихъ киргизовъ въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ данной мѣстности. Киргизы, живущіе на берегахъ сѣверо-восточнаго залива Кургальджина разсказываютъ, что лѣтъ 60 назадъ уровень въ Кургальджинѣ быстро повысился отъ усиленнаго притока воды изъ Нуры, и берега кругомъ были затоплены (сами киргизы должны были поспѣшно выкочевать оттуда). Потомъ вода мало по малу въ те-

---

[1]) 1. Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Изданіе Департамента Генеральн. Штаба т. XVII, ч. 3. Киргизская степь Западной Сибири стр. 21, Спб. 1852.

2. Красовскій. Матеріалы по геогр. и стат. Россіи. Обл. Сибир. Киргиз. Ч. I, 188. Спб. 1868.

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ сбывала, и прибрежная полоса камышевыхъ зарослей вся оказалась на сушѣ, такъ что приходилось среди нихъ копать канавы для пойла скота; лѣтъ 20 назадъ вода стала прибывать, и теперь, какъ это напримѣръ можно было наблюдать въ іюлѣ 1899 года, вода въ этихъ заросляхъ достигаетъ въ среднемъ 1 аршинъ глубины. Этотъ разсказъ даетъ намекъ на то, что и въ Тенизо-Кургальджинскомъ бассейнѣ, подобно Аралу, были одновременные періоды колебаній уровня въ положительную или отрицательную сторону. Нѣкоторые киргизы увѣряютъ, что въ 1899 году прибыль на Тенизѣ была или совсѣмъ ничтожная или вѣрнѣе положеніе уровня осталось то же, что и предшествовавшій годъ. Хотя это и единичныя свѣдѣнія, но считаю не лишнимъ ихъ привести, такъ какъ и на Аральскомъ морѣ замѣчена въ 1899 году пріостановка прибыли.

Такимъ образомъ для Тенизо-Кургальджинскаго озернаго бассейна, отстоящаго отъ Аральскаго моря на 700 верстъ къ сѣверо-востоку, мы можемъ констатировать фактъ, что уровень воды и въ немъ также за послѣдніе года повышается.

Наконецъ, еще далѣе на 400 верстъ къ сѣверо-востоку наблюдается тотъ же фактъ. Въ 1898 году во время поѣздки на озера Омскаго уѣзда, мы узнали, что озера Денгизъ, Теке и Кызылъ-какъ, которыя при сравненіи съемокъ прежнихъ годовъ обнаруживаютъ прогрессирующее усыханіе, за послѣдніе 3—4 г. (опять тотъ-же промежутокъ времени, какъ на Аралѣ и на Тенизѣ) по словамъ киргизовъ стали прибывать. Озеро Кызылъ-какъ былъ 3 года назадъ самосадочнымъ, и киргизы брали изъ него соль, теперь соли не садится, и глубина озера доходитъ до 1,5 метра. Въ озерѣ Теке прежде брали самосадочную соль; еще въ 1897 году киргизы пользовались ею. Въ 1898 году соли садилось ужъ такъ мало, что и не стоило ее брать, и во время нашего посѣщенія озера въ началѣ августа, воды въ немъ было очень много, а на днѣ, у береговъ лежалъ слой соли не болѣе 1/2 вершка толщиною. Въ 1899 году въ концѣ августа Игнатовъ, проѣзжая снова мимо озеръ Селеты-Денгизъ и Теке, могъ наблюдать, что низменное западное побережье Селеты-Денгиза покрыто болѣе значительными разливами воды, чѣмъ въ предшествовавшее лѣто, въ іюлѣ; киргизы также говорили, что за истекшій годъ уровень въ озерахъ поднялся еще болѣе, и что соль въ Теке въ 1899 году совсѣмъ ужъ не садилась.

Такимъ образомъ на протяженіи почти $1^1/_2$ тысячъ верстъ, поперекъ киргизскихъ степей отъ Иртыша до Арала, мы въ трехъ значительно удаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ наблюдаемъ аналогичное явленіе: оказывается, что за послѣднее время озера во всей этой области не усыхаютъ, какъ это наблюдалось прежде, а напротивъ, прибываютъ.

Отъ какихъ причинъ происходитъ это явленіе, пока съ точностью сказать трудно, но надо полагать, отъ климатическихъ факторовъ, отъ обилія за послѣднее время атмосферныхъ осадковъ, особенно зимнихъ и отъ усиленнаго притока водъ изъ рѣкъ, питающихъ эти озера.

О вліяніи Сыръ-Дарьи на прибыль Аральскаго моря сказано выше. Въ Тенизо-Кургальджинскомъ бассейнѣ прибыль идетъ отъ Нуры, которая теперь, по словамъ киргизовъ, приноситъ воды гораздо болѣе, чѣмъ въ прежнее время, что по ихъ мнѣнію, зависитъ отъ обилія снѣга за послѣднія зимы. Тѣмъ же объясняется должно быть повышеніе уровня въ озерахъ Омскаго уѣзда.

Быть можетъ, какъ выше указано, явленіе это находится въ связи съ 35 лѣтними климатическими періодами Брикнера. Но съ другой стороны, не нужно забывать, что, эти періоды есть только входящая составная часть другихъ болѣе значительныхъ волнъ колебаній климата — вѣковыхъ и геологическихъ. Съ геологической же точки зрѣнія въ Арало-Каспійской низменности мы видимъ постоянное усыханіе, нагляднымъ примѣромъ чему можетъ служить послѣдовавшее въ четверичную эпоху разъединеніе Каспія и Арала. Географическое распространеніе аралокаспійскихъ отложеній съ достаточной ясностью указываетъ на тоже явленіе. Время отъ времени усыханіе пріостанавливается благодаря вспыхивающимъ мимолетнымъ проблескамъ жизни, какими оказываются отмѣченныя нами повышенія уровня, чтобы затѣмъ пойти опять той же колеей. Конечно наши наблюденія отрывочны и неполны но мы надѣемся нашей краткой замѣткой возбудить къ изложенному вопросу вниманіе изслѣдователей, какого онъ вполнѣ заслуживаетъ по своей научной и практической важности.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XXXVI, вып. I.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРИСЯГА И КЛЯТВА.

Н. А. Дингельштедта.

Какъ извѣстно, одинъ изъ недуговъ нашего правосудія въ мѣстностяхъ, населенныхъ мусульманами, напримѣръ въ Закавказскомъ краѣ, это—распространенность лжесвидѣтельства, какъ при слѣдствіи, такъ и на судѣ, какъ безъ присяги, такъ и подъ присягой. Наши кавказскіе слѣдователи и судьи in corpore могутъ засвидѣтельствовать, что правдивое и добросовѣстное показаніе при слѣдствіи или на судѣ представляется, въ особенности въ Закавказскомъ краѣ, все большею и большею рѣдкостью, и, напротивъ, что лжесвидѣтельство, въ самыхъ разнообразныхъ и часто злокачественныхъ формахъ, растетъ и множится, вмѣстѣ съ количественнымъ приростомъ дѣлъ вообще и кляузныхъ въ особенности, и что борьба съ этимъ недугомъ нашего закавказскаго правосудія никакъ не можетъ похвастаться какими-либо успѣшными результатами.

Особенно ясно проявили свою склонность къ лжесвидѣтельству въ судебныхъ дѣлахъ наши закавказскіе мусульмане, хотя достойно замѣчанія, что мѣстная уголовная статистика указываетъ на сравнительно незначительное число возбужденныхъ противъ лжесвидѣтелей преслѣдованій. Болѣе чѣмъ за 25-лѣтній періодъ дѣйствія Судебныхъ Уставовъ въ Закавказьѣ, весь нашъ судебный персоналъ такъ присмотрѣлся къ этому совершенно обычному явленію, что пересталъ имъ

возмущаться и наши закавказскіе судьи, можно сказать, привыкли даже обходиться совсѣмъ безъ свидѣтельскихъ показаній, въ виду ихъ нерѣдко повальной недостовѣрности и лживости.

Такое повальное лжесвидѣтельство въ мусульманскомъ Закавказьѣ проявилось съ первыхъ же дней введенія тамъ Судебныхъ Уставовъ и, нужно признаться, сначала весьма переконфузило „новый судъ", вызвавъ обвиненія въ излишествѣ оправдательныхъ приговоровъ и недостаточности уголовной репрессіи, но затѣмъ съ этимъ явленіемъ освоились, и повальное лжесвидѣтельство перестало даже мѣшать постановкѣ обвинительныхъ приговоровъ.

Изъ всѣхъ разновидностей закавказскаго лжесвидѣтельства особенную распространенность получило свидѣтельство объ alibi обвиняемаго, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образовалась цѣлая корпорація такъ называемыхъ „алибистовъ", благоденствовавшихъ даже завѣдомо для мѣстныхъ властей, безсильныхъ бороться противъ этого зла.

Находясь много лѣтъ въ составѣ судебнаго персонала въ Закавказьѣ, я самъ помню очень хорошо нѣсколькихъ спеціалистовъ этого дѣла, извѣстныхъ на всю округу, которые существовали этимъ промысломъ и не менѣе десятка разъ свидѣтельствовали alibi разныхъ лицъ, правда не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ для обвиняемыхъ, но всегда совершенно безнаказанно для самихъ себя, потому что не было принято возбуждать преслѣдованій противъ такихъ „алибистовъ", которыя ни къ чему и не привели бы, такъ какъ алибисты были всегда очень осторожны въ своихъ показаніяхъ и, смѣло утверждая, что ихъ кліентъ не былъ на мѣстѣ въ моментъ совершенія тамъ преступленія, уклонялись отъ всякихъ подробныхъ объясненій, искусно отдѣлываясь общими словами и фразами.

Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ, практиковавшихся этими алибистами, заключался въ томъ, что они свидѣтельствовали только то обстоятельство, что въ моментъ совершенія убійства или иного преступленія въ деревнѣ А они находились съ обвиняемымъ въ деревнѣ Б, отстоящей отъ

мѣста происшествія въ пятидесяти и болѣе верстахъ, но на вопросъ—когда именно совершено это убійство, отвѣчали или „точно не знаю, я де неграмотный", или что убійство это было весною или осенью и т. п., всегда къ этому прибавляя:—мнѣ де достовѣрно извѣстно, что въ моментъ убійства я находился вмѣстѣ съ обвиняемымъ въ 50 верстахъ отъ мѣста совершенія преступленія и что только послѣ того, какъ мы съ нимъ разстались, прошелъ слухъ объ убійствѣ.....

Изъ такихъ несомнѣнныхъ случаевъ ложныхъ свидѣтельствъ объ alibi обвиняемыхъ каждый изъ закавказскихъ судовъ могъ бы составить обширную, хотя и не разнообразную хронику, но вообще такимъ алибистамъ значенія не придавалось, да и придаваться не могло, и приговоры постановлялись всетаки обвинительные (разумѣется, если къ тому были какія-нибудь данныя), а алибисты не подвергались преслѣдованію и отпускались на свободу практиковать и впредь этотъ небезвыгодный, хотя и не совсѣмъ безопасный промыселъ.

Какая, однако, причина такой распространенности лжесвидѣтельства среди нашихъ мусульманъ?

Насколько извѣстно, источниками этого печальнаго явленія повсемѣстно считается прежде всего всеобщее ихъ невѣжество, сочувствіе къ обвиняемымъ единовѣрцамъ вслѣдствіе религіозной сплоченности, недостаточное сознаніе святости присяги, а рядомъ съ этимъ—недобросовѣстность, корыстныя или личныя отношенія, желаніе всегда выгородить единоплеменника и, наконецъ, безнаказанность или почти безнаказанность этого преступленія, въ чемъ наши закавказскіе мусульмане были достаточно убѣждены при дѣйствіи прежнихъ судебныхъ порядковъ. Но если принять во вниманіе, что лжесвидѣтельствъ подъ присягою встрѣчается въ Закавказьѣ никакъ не менѣе, чѣмъ ложныхъ показаній безъ присяги, что наказаніе и за тотъ, и за другой видъ лжесвидѣтельства довольно серьезно (о чемъ, какъ извѣстно, присягающіе всегда предупреждаются), что мусульманская вѣра положительно не одобряетъ лжесвидѣтельства и что ни одна религія не вселяетъ въ своихъ послѣдователяхъ такого безусловнаго повиновенія къ своимъ требованіямъ и

внушеніямъ, то становится непонятнымъ такое необычайно легкое отношеніе къ лжесвидѣтельству, какое проявляется въ закавказскихъ мусульманахъ, и источникъ этого легкаго отношенія нужно, повидимому, искать въ чемъ-либо иномъ.

Розыскивая истинныя причины такого неуважительнаго и легкомысленнаго отношенія мусульманъ къ клятвеннымъ обѣщаніямъ, даваемымъ предъ судомъ, я остановился, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ заключеніяхъ. 1) Присяга мусульманъ вообще, по отношенію къ чему бы она ни приносилась, представляется, по шаріатскимъ толкованіямъ, въ такомъ видѣ, что самое пониманіе ея, конечно съ шаріатской точки зрѣнія, даетъ поводъ къ самымъ законнымъ ея нарушеніямъ, благодаря необыкновенной казуистичности тѣхъ толкованій, которыя преподаются мусульманскими духовными авторитетами, вслѣдствіе чего всякому мусульманину, даже при свидѣтельствѣ въ дѣлахъ своихъ единовѣрцевъ, открывается законный путь для нарушенія клятвенныхъ обѣщаній, до чего бы они ни относились, не говоря уже про то, что въ дѣлахъ съ неединовѣрцами, повально признаваемыми „невѣрными", всякій мусульманинъ вообще не стѣсненъ никакими обязательствами показывать правду. 2) Судебная присяга мусульманъ, въ томъ видѣ, какъ она введена въ Судебные Уставы, представляетъ копію присяги, принимаемой православными, съ замѣной лишь словъ „Крестъ и Евангеліе" словомъ „Коранъ", и въ такомъ видѣ эта присяга, по самому духу мусульманскаго ученія, ни къ чему не обязываетъ правовѣрнаго, а тѣмъ болѣе на судѣ, творимомъ „невѣрными". 3) Самый Коранъ, какъ извѣстно, книга непонятная для массы мусульманъ, никакихъ опредѣленій относительно присяги не даетъ, и всѣ эти опредѣленія, въ изобиліи разсыпанныя въ многочисленныхъ шаріатскихъ книгахъ, принадлежатъ нѣсколькимъ болѣе или менѣе авторитетнымъ толкователямъ Корана, причемъ эти авторитеты сами же указали своимъ послѣдователямъ цѣлыя тысячи лазеекъ и обходовъ для узаконенія или оправданія всякаго рода нарушеній, а въ томъ числѣ и для оправданія нарушеній *присяги*, всякаго рода *клятвъ* и всевозможныхъ *обѣтовъ*

предъ Богомъ, что̀, съ мусульманской точки зрѣнія, не представляетъ большаго различія.

Въ подтвержденіе этихъ заключеній необходимо остановиться болѣе подробно на толкованіи мусульманскими авторитетами значенія присяги, клятвъ и обѣтовъ, въ примѣненіи всѣхъ родовъ этихъ клятвенныхъ обѣщаній, даваемыхъ во имя Бога, къ разнымъ практическимъ случаямъ въ жизни.

Изъ шаріатскихъ книгъ, какъ извѣстно, пока еще ни одна до сихъ поръ не переведена ни на русскій, ни на какой-либо другой изъ европейскихъ языковъ, и едва-ли когда-либо книги эти будутъ переведены. Въ рѣшеніяхъ нашихъ народныхъ судей-мусульманъ, какъ въ Закавказьѣ, такъ и въ Туркестанѣ, попадаются изрѣдка толкованія данныхъ при различныхъ обстоятельствахъ клятвъ и обѣщаній, но самое большое количество этихъ толкованій и притомъ въ видѣ, такъ сказать, теоретическаго изслѣдованія мы встрѣчаемъ въ такъ называемой Хидая [1]) (что̀ значитъ „путеводитель"), изданной на русскомъ языкѣ, три года тому назадъ, генераломъ Гродековымъ, откуда мы и почерпнемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по занимающему насъ вопросу.

Въ изданныхъ г. Гродековымъ комментаріяхъ на Коранъ (Хидая) вопросу о присягѣ посвящено четырнадцать главъ, переполненныхъ, какъ уже замѣчено выше, до невѣроятія казуистическими толкованіями и разъясненіями. Нѣкоторыя изъ этихъ толкованій даже логически несостоятельны, нѣкоторыя дѣтски наивны, но, во всякомъ случаѣ, самыми характерными чертами всѣхъ этихъ толкованій являются двѣ: съ одной стороны, проводится взглядъ на святость и величіе присяги и угроза за ея нарушеніе муками ада, а съ другой, допускается необыкновенно льготное толкованіе всѣхъ этихъ нарушеній вообще, за исключеніемъ нѣсколькихъ, спеціально указанныхъ, особенно же „вѣроотступничества", т. е. оставленія ислама мусульманиномъ, единственнаго случая, когда нарушителю клятвы не полагается никакого прощенія

---

[1]) Хидая должна быть отнесена къ шаріатскимъ книгамъ. Шаріатъ значитъ „путь къ водѣ", „предписаніе", „законъ, данный Богомъ".

и снисхожденія. Можно утвердительно сказать, что это дѣйствительно единственный случай, когда мусульманскіе авторитеты не находятъ никакого оправданія преступнику и предписываютъ карать его смертью, ко всѣмъ же прочимъ нарушеніямъ присяги, клятвъ и обѣтовъ эти толкователи относятся гораздо снисходительнѣе и изощряются находить извиненія и оправданія даже тамъ, гдѣ ихъ найти довольно трудно.

По мусульманскимъ воззрѣніямъ за клятвой и присягой признается такая „сила“ и „власть“, что клянущійся даже называется „халифомъ“, т. е. властителемъ, и самый терминъ „айманъ или яминъ“ означаетъ именно силу, власть, а также „правую руку“. По шаріатскимъ толкованіямъ, клятва бываетъ двухъ, даже трехъ родовъ: во-первыхъ „гамусъ“, т. е. клятва относительно чего-либо уже совершившагося; къ такимъ клятвамъ принадлежитъ, напр., даваемая на судѣ присяга; во-вторыхъ „мунакида“, т. е. клятва относительно того, что̀ должно совершиться, куда относятся „обѣты“ что-либо сдѣлать или чего-либо не дѣлать, и, наконецъ, такъ называемый „лагвъ“, т. е. клятва необдуманная, неосмотрительная или „клятва пустая“, относящаяся преимущественно также до какихъ-либо обѣщаній. Не смотря на все различіе этихъ трехъ видовъ клятвъ, нарушеніе ихъ однако считается одинаково клятвопреступнымъ, но нарушеніе „гамуса“ и „мунакида“ ведетъ въ адъ, а нарушеніе „лагва“ почти не наказуемо, ибо пророкъ сказалъ—„я не позову васъ къ отвѣту за необдуманную клятву“.

По Корану и его толкованіямъ, за невыполненіе клятвы никакого уголовнаго наказанія не полагается, а требуется только „кахаратъ“, т. е. искупленіе, подъ чѣмъ разумѣется или постъ, или „жертва“, или милостыня, или отпущеніе на волю раба, такъ что, съ нашей точки зрѣнія, репрессія за клятвопреступленіе оказывается не только незначительная, но и не имѣетъ уголовнаго характера. При этомъ, согласно тѣхъ же толкованій, все равно произнесена ли клятва завѣдомо ложно, или она нарушена, или дана необдуманно („пустая клятва“), отъ клятвопреступника ничего кромѣ

искупленія не требуется, и даже *шуточная* клятва не освобождается отъ искупленія, если она нарушена, такъ какъ самъ пророкъ сказалъ, что есть три вещи, шутки съ которыми имѣютъ важныя послѣдствія, а именно „бракъ, разводъ и клятва".

Установивъ, что за нарушеніе клятвы, присяги или обѣта полагается въ сей жизни искупленіе, а въ будущей— адъ, толкователи Корана стараются, затѣмъ, предусмотрѣть всѣ случаи когда клятва можетъ быть дана, и что̀ должно послѣдовать въ случаяхъ ея нарушенія и неисполненія; по перечисленію всѣхъ этихъ весьма многочисленныхъ случаевъ предшествуетъ подробное объясненіе, чѣмъ устанавливается клятва и когда она не *устанавливается*, хотя и была дана.

Изъ этихъ объясненій оказывается, что можно дать клятву и все-таки она будетъ считаться какъ-бы неданной, именно потому, что она не *устанавливается*, хотя-бы она была обставлена всѣми требуемыми формальностями, и такое воззрѣніе, несогласное съ нашей уголовной точкой зрѣнія и даже находящееся въ противорѣчіи съ ученіемъ самого пророка, считающаго всѣ клятвы клятвами, порождаетъ въ нашихъ мусульманахъ сомнѣнія, правильно ли русскій законъ считаетъ наказуемыми всякія клятвы, данныя на судѣ, въ случаѣ ихъ нарушенія, такъ какъ, съ мусульманской точки зрѣнія, нарушеніе клятвы и вообще не подлежитъ никакому уголовному наказанію, а тѣмъ болѣе если дана клятва, которая не *устанавливается* по ученію мусульманскихъ авторитетовъ. При такихъ условіяхъ наши мусульмане считаютъ, что они какъ-бы напрасно несутъ наказаніе, котораго не знаетъ ихъ религія, что наказаніе это налагается только по русскому закону, а по мусульманскому за такія нарушенія клятвъ взыскивать не слѣдуетъ, и что, слѣдовательно, этотъ русскій законъ какъ-бы вторгается въ ихъ религіозныя постановленія и нарушаетъ ихъ.

Изъ многословныхъ толкованій мусульманскихъ законовѣдовъ можно заключить, что клятва устанавливается только однимъ произнесеніемъ имени Бога, или даже произнесеніемъ одного изъ аттрибутовъ величія Божія, какъ, напр.,

произнесеніемъ словъ „милостивый“, „благодѣтельный“ (рахманъ, рахинъ), или даже только произнесеніемъ словъ „сила“, „слава“, „могущество“ Бога, ибо,—говорятъ законовѣды—„разъ клянущійся вѣритъ въ силу, славу и могущество Бога, то отсюда слѣдуетъ, что достаточно простаго упоминанія этихъ аттрибутовъ для укрѣпленія рѣшенія выполнить актъ, являющійся объектомъ присяги, или избѣгнуть совершенія этого акта“.

Однако изъ аттрибутовъ божества, замѣняющихъ самую клятву и равныхъ ей по силѣ и значенію, исключаются, по мнѣнію все тѣхъ же законовѣдовъ, такіе аттрибуты, какъ „всевѣдѣніе“, „гнѣвъ,“ и „милосердіе“ Божіе,—потому, объясняютъ законовѣды, что эти слова „не составляютъ аттрибутовъ божества“, а еще болѣе потому, что ни одинъ изъ этихъ аттрибутовъ не употребляется обычно при произнесеніи клятвъ, и, слѣдовательно, если, напримѣръ, сказать „клянусь гнѣвомъ Господа“, или „клянусь милосердіемъ Бога“, то это не значитъ давать клятву. Также ничего не значитъ, если сказать „клянусь Кораномъ“, или „клянусь такимъ-то храмомъ“, потому, что такая клятва „не принята“, но если кто-либо скажетъ: „если я поступлю противно тому, что̀ говорю, то да буду я лишенъ пророка“, или „лишенъ Корана“, то это будетъ настоящая клятва, потому что хотя формулы подобной клятвы нигдѣ не преподано, но „подобное лишеніе низвело бы клянущагося до степени невѣрнаго“, и, слѣдовательно, это сильная клятва.

Замѣтимъ здѣсь, что всѣ эти тонкости толкованій и всѣ тѣ, которыя будутъ приведены ниже, выяснены путемъ споровъ и препирательствъ между четырьмя главными авторитетными толкователями Корана—Абу-Юсуфомъ, Ханифой, Магометомъ (не пророкомъ) и Шафи. Изъ этихъ споровъ отмѣтимъ только особенно характерные.

Былъ, напримѣръ, споръ по вопросу—устанавливается ли клятва, если сказать—„клянусь истиною Господа“, и рѣшено, что это не есть клятва, „потому что истина тождественна божеству, а не есть аттрибутъ Бога,“ клясться же можно только аттрибутами Бога. Напротивъ, сказать только „я клянусь“,

достаточно, чтобы клятва была на-лицо, „потому что слово Господомъ—должно быть понимаемо само собою“. Также разрѣшается приносить клятву „существованіемъ Бога“, ибо—разсуждаютъ толкователи—„существованіе Бога равно вѣчности, а вѣчность, какъ безначальность и безконечность есть аттрибутъ Господа“. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ видовъ клятвы признается, по разъясненіямъ мусульманскихъ ученыхъ, тотъ случай, когда кто-либо скажетъ, „если я сдѣлаю то и то, то пусть буду жидомъ, христіаниномъ или невѣрнымъ“, потому что, говоря такъ, разсуждаютъ авторитеты, „всякій вполнѣ сознаетъ лежащее на немъ обязательство избѣгнуть исполненія этого условія“.

Интересенъ случай, когда толкователи Корана серьезно разошлись въ пониманіи послѣдствій такой клятвы, когда кто-либо „посредствомъ клятвы сдѣлаетъ для себя незаконнымъ нѣкоторые предметы, которые по существу представляются законными“. Задавшись вопросомъ,—есть ли такая клятва установившаяся или пустая и какъ слѣдуетъ поступать въ томъ и другомъ случаѣ, авторитеты настолько разошлись въ истолкованіи столь казуснаго случая, что даже не могли окончательно столковаться, какъ найти исходъ изъ такого положенія. Напримѣръ, какъ быть, если кто-либо скажетъ: „я сдѣлалъ для себя незаконнымъ это платье или это съѣстное“?! И хотя большинство авторитетовъ стоитъ на томъ, что вслѣдствіе такой клятвы и „это платье“ и „это съѣстное“ дѣйствительно становятся незаконными, а произнесшій такую клятву, если надѣнетъ это платье или съѣстъ это съѣстное, долженъ совершить искупленіе, но Шафи, кстати сказать самый либеральный изъ всѣхъ толкователей, возражаетъ, что одними глупыми словами нельзя ничего сдѣлать незаконнымъ, хотя „прочіе ученые“ съ нимъ спорятъ и настаиваютъ, что послѣ такой клятвы и платье, и съѣстное становятся дѣйствительно незаконными и поклявшійся, если не совершитъ искупленія, есть клятвопреступникъ.

Не обошлось даже безъ спора при разрѣшеніи вопроса объ установленіи клятвы въ подобныхъ вышеприведенному, но, пожалуй, еще болѣе нелѣпыхъ случаяхъ. Разрѣшался, на-

примѣръ, будто-бы спорный вопросъ о томъ,—можетъ ли человѣкъ дать клятву не дѣлать того, чего онъ не можетъ не дѣлать по причинамъ, отъ него не зависящимъ, и разрѣшился этотъ вопросъ такъ. Если кто-либо скажетъ—„всякій законный предметъ незаконенъ для меня“, то съ момента произнесенія подобной клятвы для него дѣлаются незаконными всякая пища и питье, „если только при произнесеніи такой клятвы онъ не имѣлъ въ виду какого-либо другаго намѣренія“. По аналогіи казалось бы, разсуждаютъ по этому случаю авторитеты, что клянущійся дѣлается клятвопреступникомъ, какъ только произнесъ подобную клятву, потому что онъ неизбѣжно и непрерывно нуждается въ совершеніи всевозможныхъ законныхъ актовъ, каковы дыханіе, движеніе и т. п., но это не можетъ быть такъ, толкуютъ авторитеты, потому что при произнесеніи обѣта имѣется въ виду установить что-либо такое, совершеніе чего будетъ преступленіемъ, „а такъ какъ такое установленіе не можетъ имѣть мѣста, когда намѣреніе клянущагося, какъ видно изъ самой формулы клятвы, выражено вообще, то универсальность этой клятвы уже не принимается во вниманіе“, откуда слѣдуетъ, „что такая клятва подлежитъ ограничительному толкованію“, хотя все-таки давшій такую клятву (вѣроятно за неточность выраженія) подлежитъ искупленію.

Впрочемъ толкователи вообще ничего не имѣютъ противъ явно несостоятельныхъ клятвъ и объясняютъ, что можно даже прямо дать „грѣховную клятву“, *но только нужно ее непремѣнно нарушить и искупить.* Они совершенно ясно говорятъ—„грѣховная клятва должна быть нарушена и искуплена“ и даже объясняютъ, почему именно слѣдуетъ такъ поступить. Приводится въ подтвержденіе такого положенія именно слѣдующій примѣръ. Если кто-либо обяжетъ себя клятвою совершить грѣхъ, напримѣръ, если онъ поклянется—„клянусь Господомъ, я не стану молиться“, или скажетъ: „я не буду разговаривать съ моимъ отцомъ“, или пригрозитъ—„въ такомъ-то мѣсяцѣ я убью такого-то“, то для него обязательно нарушить эту клятву и совершить искупленіе, „потому что изъ преданій извѣстно, что ежели кто-либо клянется въ томъ,

что предпочтительнѣе пренебречь, чѣмъ выполнить, то онъ и долженъ дѣйствовать сообразно тому, т. е. пренебречь, совершая искупленіе за нарушеніе клятвы".

Изъ всѣхъ видовъ клятвъ, включая сюда и грѣховныя, и необдуманныя, и просто глупыя, и вообще клятвы, по существу несостоятельныя, но всегда признаваемыя клятвами, только клятва „невѣрныхъ", „какъ не имѣющая значенія", не можетъ никогда считаться нарушенною, такъ какъ клятва невѣрныхъ вообще, что̀ называется, ничего не стоитъ и невѣрный, по разумѣнію мусульманскихъ авторитетовъ, даже не можетъ быть клятвонарушителемъ, потому что онъ просто неправоспособенъ къ произнесенію клятвы, ибо клятва возможна и обязательна только при условіи страха имени Божія, и, говорятъ авторитеты, „не можетъ быть предположено, чтобы клянущійся питалъ подобный страхъ или уваженіе, пока онъ невѣрный". Такого невысокаго мнѣнія мусульманскіе авторитеты о христіанской присягѣ и о присягѣ христіанъ, всегда стоящихъ рядомъ съ жидами и „магами".

Итакъ, согласно толкованіямъ мусульманскихъ авторитетовъ, нарушеніе клятвы, присяги или обѣта возможно только со стороны вѣрныхъ, т. е. мусульманъ, и хотя понятію клятвопреступленія дается чрезвычайно широкое толкованіе, но наказаніе ограничивается только имущественною отвѣтственностью, въ видѣ милостыни, поста или жертвы, и никакой уголовной кары за это преступленіе не полагается.

Въ чемъ именно заключается эта имущественная отвѣтственность, называемая „искупленіемъ", это весьма подробно разъяснено въ шаріатскихъ толкованіяхъ на Коранъ, въ каковыхъ толкованіяхъ рекомендуются слѣдующіе способы искупленія: 1) отпустить на волю раба; 2) роздать милостыню бѣднымъ; 3) одѣть десять человѣкъ бѣдныхъ; 4) накормить десять бѣдныхъ, и 5) держать трехдневный постъ. Изъ всѣхъ этихъ способовъ, современнымъ нашимъ мусульманамъ, за несуществованіемъ рабства, остается только четыре послѣднихъ средства искупить великій грѣхъ клятвопреступленія, а какъ осуществить каждый изъ этихъ способовъ наиболѣе правильнымъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе легкимъ об-

разомъ, это подробно указывается въ самыхъ толкованіяхъ на Коранъ. Почтенные толкователи однако и тутъ немного поспорили и по нѣкоторымъ вопросамъ ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ не пришли. Напримѣръ, что̀ значитъ одѣть десять бѣдныхъ? Или что̀ значитъ накормить десять бѣдныхъ? Или что̀ значитъ поститься три дня? Кажется, все это вопросы довольно простые, но потребовались объясненія и толкованія, и только съ помощью этихъ толкованій установлено, что̀ значитъ накормить, что̀ значитъ одѣть и поститься три дня, но и то въ толкованіяхъ этихъ единогласія не оказалось. Одни утверждаютъ, что „одѣть“ десять человѣкъ значитъ только дать десяти лицамъ матеріи собственно на шальвары, „ибо молиться полагается непремѣнно въ шальварахъ“; но другіе говорятъ, что дать матеріи на одни шальвары недостаточно, потому что человѣкъ, одѣтый только въ эту принадлежность, „представляется голымъ“, а въ такомъ неприличномъ видѣ молиться нельзя... Однако мнѣнія о достаточности однихъ шальваръ получило перевѣсъ. Накормить десять человѣкъ значитъ накормить именно такъ, какъ ѣстъ самъ нарушитель клятвы, и объ этомъ большихъ споровъ между авторитетами не было. Поститься же три дня, по мнѣнію однихъ, значитъ поститься три дня сряду, а по мнѣнію другихъ требуется три дня поста, хотя-бы съ промежутками, по усмотрѣнію постящагося. Нужно при этомъ замѣтить, что искупленіе въ видѣ поста полагается только для бѣдняковъ, не имѣющихъ ничего ни для роздачи милостыни, ни для кормленія бѣдныхъ, и, слѣдовательно, легкость этого способа искупленія для всегда и такъ голодающаго бѣдняка достаточно очевидна.

Не желая упустить разъясненія всѣхъ возможныхъ случаевъ искупленія за совершенныя клятвонарушенія, мусульманскіе законовѣды вошли даже въ обсужденіе случая—возможно ли сначала совершить искупленіе, а потомъ уже совершить нарушеніе клятвы, и хотя одинъ изъ толкователей (Шафи) прямо заявилъ, что это можно, но остальные твердо установились на томъ, что искупленіе возможно только за совершенное уже нарушеніе, что совершать искупленія, такъ

сказать, авансомъ за грѣхъ, еще не сдѣланный, не полагается, а потому, если кто-либо приступитъ къ искупленію, не совершивъ еще самаго клятвопреступленія, то положено считать такое преждевременное искупленіе, въ чемъ бы оно ни выражалось (кормленіе или одѣваніе), просто „милостыней". Исправлять же еще несовершенное клятвопреступленіе постомъ, т. е. предпринять постъ, задумавъ совершить клятвопреступленіе, авторитеты прямо воспрещаютъ, находя это совершенно неумѣстнымъ.

Изъ всѣхъ шаріатскихъ толкованій видно, такимъ образомъ, что кромѣ клятвы, соотвѣтствующей нашей присягѣ, приносимой въ дѣлахъ судебныхъ, въ подтвержденіе или опроверженіе событій, уже совершившихся, у мусульманъ есть еще клятва, соотвѣтствующая тому, что̀ называется „обѣтомъ" или обѣщаніемъ, относящаяся до событій, имѣющихъ совершиться. Эти обѣщанія такъ и называются „клятвами-обѣтами", разъясненію каковыхъ посвящено ровно десять главъ толкованій на Коранъ. Въ случаяхъ такихъ клятвъ-обѣтовъ также, прежде всего, требуется, чтобы клятва была *установлена* или правильно произнесена, а затѣмъ почтенные толкователи Корана и здѣсь достаточно потрудились надъ возможно льготнымъ истолкованіемъ всякихъ клятвонарушеній по исполненію данныхъ обѣтовъ и вообще искусно свели всѣ эти нарушенія къ пустячнымъ поступкамъ, почти не наказуемымъ, хотя самъ Магометъ пригрозилъ въ Коранѣ за нарушеніе безусловно всякихъ клятвъ, сказавъ: „кто клянется ложно, того Богъ присудитъ къ аду".

Во всѣхъ этихъ чрезвычайно многословныхъ толкованіяхъ найдется много истинныхъ курьезовъ, но общая тенденція, свойственная всѣмъ этимъ толкованіямъ, та, что всѣ клятвы-обѣты довольно легко и безнаказанно могутъ быть нарушаемы правовѣрными и нарушаемы именно на точномъ основаніи преподанныхъ разъясненій, а вслѣдствіе такой тенденціи всѣ разсужденія толкователей представляются то игрою словъ, то явными софизмами, то явными натяжками, а то и прямыми несообразностями. Помимо всего этого, при чтеніи всѣхъ

этихъ „толкованій“ постоянно напрашивается вопросъ—кому и зачѣмъ нужны они?!

Вотъ, напр., цѣлая глава толкованій „о клятвахъ-обѣтахъ по отношенію ко входу въ какое-либо мѣсто или пребыванію въ немъ“. Тутъ встрѣчаются слѣдующія положенія.

„Клятва не входить въ какой бы то ни было домъ, не нарушается входомъ въ мечеть, храмъ и тому подобное“. Ежели кто-либо дастъ клятву, что онъ не будетъ входить *ни въ какой домъ*, и затѣмъ войдетъ въ мечеть, синагогу или христіанскую церковь, то онъ не будетъ клятвопреступникомъ, потому что „домъ имѣетъ цѣлью служить жилищемъ“, а всѣ эти зданія не употребляются для такихъ цѣлей. Другое положеніе такое: „обѣтъ-клятва не входить въ сарай не нарушается входомъ въ разрушенное мѣсто“. Казалось бы, что между сараемъ и разрушеннымъ *мѣстомъ* нѣтъ ничего общаго, но въ поясненіе этого положенія говорится слѣдующее. Если кто-либо поклянется, что онъ не будетъ входить „въ такое-то мѣсто, *напримѣръ, въ сарай*“, и впослѣдствіи войдетъ въ разрушенное и покинутое мѣсто, то это не будетъ нарушеніемъ клятвы. Но, продолжаютъ толкователи, ежели кто-либо поклянется, что „онъ не войдетъ въ такое-то *обитаемое* мѣсто“, которое въ то время будетъ въ исправномъ и обитаемомъ состояніи, и затѣмъ войдетъ въ него послѣ того, какъ оно обратилось въ развалины, то это есть нарушеніе клятвы, потому что всякое обитаемое мѣсто есть „дахръ“,— но дахръ есть также всякое данное мѣсто, а потому, если кто клялся не входить въ извѣстный дахръ, то все равно, обитаемъ онъ или нѣтъ. „И рядомъ съ этимъ стоитъ такое положеніе, въ силу котораго обѣтъ не входить въ какой-либо точно поименованный домъ не нарушается входомъ въ него послѣ того, какъ онъ разрушенъ“, потому что подъ словомъ „домъ“ разумѣется „жилище“, а жилище предполагаетъ „обитаемость“, и слѣдовательно въ данномъ случаѣ нѣтъ клятвонарушенія потому, что нѣтъ этой обитаемости.

Не менѣе интересно разъясненіе того, что обѣтъ не входить въ домъ *не* нарушается входомъ на крышу дома, но если давшій такой обѣтъ будетъ стоять подъ воротами дома,

то онъ клятвопреступникъ, хотя и не объяснено, почему это такъ.

Предусматривается даже такой случай: если кто-либо поклянется „я не войду въ этотъ домъ", а между тѣмъ будетъ находиться въ самомъ этомъ домѣ въ моментъ произнесенія обѣта, то онъ *не* считается клятвопреступникомъ „вслѣдствіе того, что сидитъ въ этомъ домѣ"; клятвопреступленіе же будетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда онъ выйдетъ изъ этого дома и снова войдетъ въ него.

Толкователи сочли нужнымъ также разъяснить, что клятва не жить въ какомъ-либо городѣ не нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ живетъ семейство поклявшагося, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постарались предусмотрѣть тотъ необыкновенный случай, когда клянущійся чего-либо не дѣлать, въ то же самое время дѣлаетъ именно это самое. Такъ, напр., если кто-нибудь поклянется, что онъ не будетъ надѣвать такой-то одежды, и случится такъ, что эта самая одежда находится на немъ въ самый моментъ произнесенія обѣта и клянущійся тотчасъ же сниметъ ее, то онъ не будетъ клятвопреступникомъ. Равно ежели кто-либо, ѣдущій верхомъ на мулѣ или другомъ животномъ, произнесетъ такой обѣтъ—„я не буду ѣздить на этомъ животномъ" и тотчасъ слѣзетъ съ него, то онъ также не будетъ клятвопреступникомъ. Такимъ же образомъ, если лицо, живущее въ какомъ-либо домѣ, поклянется, что оно не будетъ жить въ этомъ домѣ и тотчасъ же начнетъ перебираться изъ него, то оно также не будетъ клятвопреступникомъ.

Все это подлинныя толкованія мусульманскихъ законовѣдовъ и, казалось бы, они просто совершенно излишни и представляются какими-то безцѣльными діалектическими упражненіями; но изъ толкованій видно, что по всѣмъ этимъ вопросамъ происходятъ даже длинные споры и препирательства, и, напр., по послѣднему изъ этихъ вопросовъ нѣкій второстепенный толкователь Зуфаръ утверждаетъ, что тутъ имѣетъ мѣсто нарушеніе клятвы, такъ какъ то обстоятельство, которымъ оно обусловлено, именно пребываніе въ домѣ, уже су-

ществуетъ, какъ бы ни былъ коротокъ промежутокъ времени, проведенный этимъ лицомъ послѣ произнесенія обѣта.

Какъ и подобаетъ религіозному ученію, претендующему на полное руководительство своими послѣдователями во всѣхъ мелочахъ жизни, это ученіе вдается также въ обсужденіе малѣйшихъ послѣдствій тѣхъ, повсюду довольно безразличныхъ, обѣщаній и увѣреній не дѣлать того или другаго, или, наоборотъ, сдѣлать то или другое, которыя во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ даются необдуманно, сгоряча или по легкомыслію и, по обычаю, ни во что не цѣнятся. У лицъ всѣхъ національностей, какъ извѣстно, срываются сгоряча такія обѣщанія или предположенія, которыя или вовсе неисполнимы или просто нелѣпы и неосуществимы. Фразы въ родѣ—„я съ нимъ никогда не буду говорить", или „я ему насолю", или „моя нога тамъ не будетъ" и т. п., ни въ одной странѣ особенно не взвѣшиваемыя и потому легко нарушаемыя, у мусульманъ считаются „клятвами-обѣтами" и, въ случаѣ неисполненія, не только ведутъ за собою обязательное искупленіе и очистительную жертву, но вызываютъ еще споры, толкованія и наставленія со стороны авторитетовъ по разъясненію Корана. Благодаря этому, въ книгѣ о „клятвахъ-обѣтахъ" встрѣчается цѣлая серія разсужденій о томъ, какъ быть истинному правовѣрному, когда онъ дастъ такую необдуманную клятву-обѣтъ относительно пищи, питья, одежды, украшеній или относительно платежа долговъ, и какъ ему надлежитъ поступать, если онъ погорячится какой-нибудь угрозой, которую и не думалъ приводить въ исполненіе, или обмолвится какой-нибудь совсѣмъ неудобоисполнимой „клятвой" относительно брака, развода или просто купли-продажи, и чѣмъ онъ долженъ поплатиться за свою опрометчивость и необдуманность. Кромѣ точно квалифицированныхъ прегрѣшеній во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ у толкователей имѣется еще цѣлая группа „разныхъ случаевъ", не подходящихъ ни подъ одну изъ вышеприведенныхъ категорій; мусульманскіе законовѣды постарались и тутъ предусмотрѣть все, рѣшительно все возможное въ этой области житейскихъ отношеній, но еще болѣе постарались указать своимъ послѣдо-

вателямъ возможно легкій выходъ изъ всѣхъ этихъ, яко-бы, клятвопреступленій и клятвонарушеній.

Вотъ, напр., рядъ постановленій относительно легкомысленныхъ обѣтовъ-клятвъ, касающихся пищи и питья. Ежели кто-либо поклянется, что „онъ не будетъ ѣсть отъ такого-то финиковаго дерева", то обѣтъ сей относится, объясняютъ толкователи, лишь къ плодамъ этого дерева, — „потому что онъ не могъ быть произнесенъ по отношенію къ предмету несъѣдобному, именно къ самому дереву". Вслѣдствіе сего, усердствуютъ законовѣды, ломясь, что̀ называется, въ открытыя двери, „понимается въ переносномъ смыслѣ, что обѣтъ этотъ относится къ предмету, произращаемому деревомъ, т. е. къ финикамъ, и самый предметъ этотъ такого рода, что допускаетъ подобную метафору (?), такъ какъ существованіе финиковаго дерева является причиною существованія самыхъ финиковъ". Это подлинное и излишне многословное толкованіе законовѣды считаютъ еще нужнымъ дополнить такимъ разъясненіемъ, что обѣтъ относительно финиковъ касается только однихъ ягодъ этого дерева, и, если бы кто-нибудь выпилъ настойку, приготовленную изъ плодовъ запрещеннаго дерева, то онъ не сдѣлался бы клятвопреступникомъ.

Вообще, поясняютъ законовѣды, обѣтъ воздержанія отъ чего-либо не нарушается употребленіемъ въ пищу объекта обѣта, когда онъ принялъ новый видъ. Такъ, ежели кто поклянется, что онъ не будетъ ѣсть эти „бусуры" (полусозрѣвшіе финики) и впослѣдствіи будетъ ѣсть ихъ, когда они уже созрѣютъ, то онъ не нарушитъ произнесеннаго обѣта, также какъ и въ томъ случаѣ, если онъ поклянется, что онъ не будетъ ѣсть этихъ „рутбовъ" (спѣлыхъ финиковъ) и не пить *этого* молока, и впослѣдствіи будетъ ѣсть ихъ смѣшанными вмѣстѣ, послѣ того какъ рутбы размякли, а молоко свернулось.

Почему это такъ? спрашиваютъ сами себя мусульманскіе авторитеты и отвѣчаютъ—потому, что „мотивомъ обѣта является опредѣленіе того или другаго качества, полуспѣлости или полной спѣлости финиковъ, а эти качества, при принятіи плодомъ новаго вида, уже не имѣютъ мѣста". То же самое разсужденіе относится и до „этого молока", такъ какъ

обѣтъ касался лишь первоначальнаго его состоянія, а не вновь принятаго вида вслѣдствіе того, что оно свернулось.

Подобныя же изворотливыя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многословныя разсужденія находимъ мы въ толкованіяхъ мусульманскихъ законовѣдовъ и относительно другихъ столь-же маловажныхъ и безразличныхъ предметовъ. Такъ, напр., если кто поклянется, что не будетъ ѣсть такого-то козленка, а съѣстъ его, когда онъ станетъ козломъ, то онъ оказывается клятвонарушителемъ, „такъ какъ лицо, избѣгающее мяса козлятъ, еще болѣе должно избѣгать мяса козловъ". Обратно, если кто поклянется, что не будетъ ѣсть „бусуровъ" (незрѣлые финики), а впослѣдствіи съѣстъ „рутбъ" (финики зрѣлые), то не будетъ клятвопреступникомъ, „потому что рутбъ не одно и то же, что бусуры". Предусмотрительность толкователей доходитъ до такой степени, что они предвидятъ тотъ случай, если кто *поклянется* не покупать спѣлыхъ финиковъ и купитъ пучекъ финиковъ неспѣлыхъ, между которыми, случайно, попадется нѣсколько спѣлыхъ ягодъ, то это не будетъ клятвопреступленіемъ, „потому что покупка относится къ цѣлому, а меньшее количество, по сравненію съ большимъ, второстепенно".

Предусматриваются и тщательно обсуждаются также еще слѣдующіе случаи клятвъ-обѣтовъ относительно пищи и питья. Ежели кто-либо поклянется „не ѣсть мяса", а затѣмъ будетъ ѣсть рыбу, то онъ этимъ не совершитъ клятвопреступленія, хотя, объясняютъ толкователи, рыба также имѣетъ мясо, и объ этомъ даже сказано въ Коранѣ, но это мясо лишь „въ переносномъ смыслѣ", такъ какъ, толкуютъ законовѣды, „мясо возникаетъ непремѣнно изъ крови, а въ рыбѣ крови нѣтъ, вслѣдствіе чего онѣ и живутъ въ водѣ". Ежели кто поклянется не ѣсть шава (похлебка), то, оказывается изъ смысла толкованій, такая клятва относится только до мяса, находящагося въ похлебкѣ, а все остальное, что̀ туда кладется, какъ-то: овощи, яйца и проч., можно ѣсть, и это не будетъ клятвопреступленіемъ. Ежели кто-либо поклянется, что „онъ не будетъ ѣсть и покупать ни мяса, ни сала", и затѣмъ либо купитъ, либо съѣстъ жирный хвостъ овцы, то тѣмъ не менѣе

онъ не нарушитъ произнесеннаго имъ обѣта, потому что эта часть, т. е. хвостъ овцы, „совершенно отличается и отъ жира, и отъ мяса, какъ не употребляемая наравнѣ съ тѣмъ и другимъ“. Ежели кто-либо поклянется, что „онъ не будетъ ѣсть этой пшеницы“, то онъ не нарушитъ своего обѣта, если только не станетъ *жевать* ее; если же онъ будетъ ѣсть хлѣбъ, приготовленный изъ этой пшеницы, то, по мнѣнію ученаго Ханифы, онъ не нарушитъ своего обѣта, хотя съ Ханифой другіе ученые не согласны. Но если кто произнесетъ такой обѣтъ — „я не буду ѣсть эту муку“, а станетъ ѣсть приготовленный изъ нея хлѣбъ, то это есть клятвонарушеніе, „ибо муку не ѣдятъ“.

Изощряясь въ подобныхъ толкованіяхъ и посвящая имъ массу труда и времени, ученые законовѣды даютъ поясненія и на другіе столь-же, нужно признаться, маловажные и даже ничтожные случаи. Ежели кто-либо поклянется не ѣсть „расъ“ (голову животнаго), поясняютъ они, то это значитъ, — не ѣсть только головъ рогатыхъ животныхъ, а по мнѣнію другихъ толкователей, только головъ барановъ и козловъ, и этотъ споръ о головахъ такъ и остался нерѣшеннымъ, но законовѣды разрѣшили примѣнять въ каждой мѣстности свои обычныя воззрѣнія и подразумѣвать подъ головами животныхъ или головы только рогатаго скота, или головы барановъ и козловъ. Клятва - обѣтъ не ѣсть факиха (сластей, лакомствъ) также вызвала споры, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ сластями и лакомствами, и одни ученые говорятъ, что „факиха“ это только яблоки, дыни и абрикосы и что поэтому ѣсть апельсины, лимоны, финики, гранаты и огурцы можно, не гнѣвя Бога нарушеніемъ клятвы, но другіе ученые съ этимъ несогласны и всѣ эти плоды, включая и огурцы, подводятъ подъ категорію лакомствъ.

Клятва „не ѣсть обѣда“ вызвала обширный споръ о томъ, какую именно ѣду признавать за обѣдъ, и одни ученые говорятъ, что всякая пища, принимаемая между полуночною и полуденною молитвою, есть обѣдъ, а другіе утверждаютъ, что та пища, которая принимается между полуночью и восходомъ солнца, есть не обѣдъ, а „утренняя ѣда“; но во вся-

комъ случаѣ, какъ бы ни понимать терминъ „обѣдъ“, нарушеніе этой клятвы имѣетъ мѣсто только тогда — „если съѣдено болѣе половины общепринятаго количества ѣды“, и этимъ толкованіемъ принято, повидимому, не только самое благоразумное, но и наиболѣе для всѣхъ безобидное рѣшеніе, такъ какъ оставаться безъ пищи въ теченіе 12 часовъ (отъ полуночи до полудня) было бы для большинства затруднительно, а для желающихъ непремѣнно держаться такого толкованія термина „обѣдъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желающихъ голодать такъ долго указывается прекрасный выходъ изъ затрудненія разрѣшеніемъ съѣсть половину обѣда, не нарушая клятвы „не ѣсть обѣда“.

Также никакими послѣдствіями не грозитъ клятвонарушеніе въ томъ случаѣ, если кто-либо поклянется не пить воды „изъ такого-то источника“ и все-таки выпьетъ ее, черпая ее какой-либо посудой, а не просто прильнувъ къ источнику своими грѣшными устами, такъ какъ только въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ становится несомнѣннымъ клятвонарушителемъ. Другіе авторитеты, впрочемъ, иного мнѣнія по этому вопросу и говорятъ, что питье изъ источника, относительно котораго дана клятва, будетъ клятвонарушеніемъ во всякомъ случаѣ, и утверждаютъ, что нарушеніе клятвы будетъ даже и въ томъ случаѣ, если кто-либо выпьетъ воды изъ рѣки, выходящей изъ того источника, который сдѣланъ кѣмъ-либо для себя „незаконнымъ“.

Какъ допускаются клятвы, а слѣдовательно бываютъ клятвонарушенія относительно пищи и питья, такъ допускаются клятвы и случаются клятвонарушенія относительно рѣчей и разговоровъ. Тутъ опять встрѣчается цѣлый рядъ то курьезныхъ, то наивныхъ, а иногда и смѣшныхъ „толкованій“ такихъ вопросовъ, которые никакихъ толкованій не требуютъ, съ тою же неизмѣнною тенденціей, по возможности, оправдать и извинить такое, вообще серьезное, но, какъ оказывается съ мусульманской точки зрѣнія, совершенно пустячное преступленіе, какъ клятвонарушеніе. Всѣ эти толкованія какъ будто-бы даже придуманы для вящщаго поощренія къ совершенію всѣхъ этихъ клятвопреступленій и клятвонарушеній.

Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ поощряющихъ къ совершенію клятвонарушеній объясненій мусульманскихъ ученыхъ законовѣдовъ.

Обѣтъ „не говорить съ кѣмъ-либо“ нарушается рѣчью, обращенною къ этому лицу на такое разстояніе, съ котораго можно услышать человѣческій голосъ, *хотя-бы это лицо спало*. Ежели кто-либо произнесетъ такой обѣтъ—„я не буду говорить съ такимъ-то“—и затѣмъ обратится къ этому лицу съ рѣчью въ то время, когда оно будетъ спать, но съ такого разстоянія, что оно *могло бы* слышать рѣчь, если бы не спало, то этимъ нарушается произнесенный обѣтъ, „потому что давшій клятву говорилъ съ лицомъ, въ обѣтѣ упомянутымъ, и слова его достигли ушей этого лица, хотя оно и не слышало ихъ вслѣдствіе того, что спало“.

Этотъ единственный въ своемъ родѣ случай строгаго отношенія мусульманскихъ законовѣдовъ къ исполненію данной клятвы блещетъ въ то же время своею оригинальностью, такъ какъ оказывается, что можно *говорить* съ лицомъ спящимъ, не слышащимъ, да еще находящимся на большомъ разстояніи отъ говорящаго. Но далѣе оказывается, что можно совершить клятвопреступленіе, даже не подозрѣвая этого, какъ, напр., въ томъ случаѣ, „когда клятвопреступленіе обусловлено значеніемъ выраженій, въ которыхъ произнесенъ обѣтъ“. Такъ, если кто-либо дастъ обѣтъ „не говорить съ такимъ-то безъ его на то разрѣшенія“, и лицо это дастъ такое разрѣшеніе, но произнесшій обѣтъ не будетъ объ этомъ знать до тѣхъ поръ, пока не обратится къ объекту обѣта съ рѣчью, то клятвонарушеніе совершилось. Почему, спрашиваютъ ученые законовѣды и отвѣчаютъ—потому, что терминъ „изнъ“ (позволеніе, разрѣшеніе) означаетъ „указаніе“, а такого указанія въ данномъ случаѣ не было, и, слѣдовательно, клятвопреступленіе имѣло мѣсто; но, говорятъ другіе ученые, то же слово „изнъ“ означаетъ также и „потворство“, т. е. молчаливое согласіе выслушать рѣчь давшаго обѣтъ, и, слѣдовательно, клятвопреступленія нѣтъ никакого, и, такимъ образомъ, все разрѣшается благополучно, и клятва не говорить съ такимъ-то не нарушается, если давшій клятву заговоритъ, предпола-

гая молчаливое согласіе на разговоры, если нѣтъ положительнаго указанія на это согласіе. Все это, правда, довольно темно для пониманія простымъ разсудкомъ, но есть и еще болѣе темныя толкованія въ комментаріяхъ ученыхъ мусульманъ на разныя совершенно малозначущія мелочи жизни. Такъ, если кто-либо дастъ обѣтъ-клятву не говорить съ кѣмъ-либо днемъ (явмъ) и заговоритъ съ нимъ ночью, то онъ клятвопреступникъ, потому что подъ словомъ явмъ слѣдуетъ разумѣть не только день, но также *время*, время же состоитъ изъ дня и ночи, а потому слово явмъ могло относиться и къ ночи; но если онъ скажетъ, что не будетъ говорить ночью (лайль), то это не значитъ, что нельзя говорить и днемъ, потому что „лайль" означаетъ только ночь и болѣе ничего, а „явмъ значитъ и время, и день". Мусульманскіе казуисты доходятъ однако не только до того, что разъясняютъ, что обѣтъ не говорить днемъ значитъ не говорить и ночью, но утверждаютъ также, что „обѣтъ не говорить" вовсе не нарушается, если кто-либо начнетъ читать Коранъ „и тому подобное", лишь бы только это чтеніе происходило *въ установленный срокъ*; если же такое чтеніе будетъ производиться въ срокъ не установленный, то это уже будетъ клятвонарушеніемъ обѣта „не говорить".

Какими дѣтскими разсужденіями занимаются толкователи, давая свои авторитетныя разъясненія по вопросу о клятвонарушеніяхъ „въ рѣчахъ и разговорахъ", это можно заключить также изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ. Обѣтъ не разговаривать съ лицомъ, точно обозначеннымъ (описаннымъ), не нарушается разговоромъ съ этимъ лицомъ послѣ того, какъ обозначенное въ первоначальномъ обѣтѣ опредѣленіе (описаніе) болѣе не имѣетъ мѣста. Напр., ежели кто-либо произнесетъ такой обѣтъ: „я не буду говорить съ рабомъ такого-то лица", не имѣя при этомъ въ виду какого-либо особаго раба, или если бы обѣтъ былъ выраженъ такъ: „я не буду говорить съ женою или съ другомъ такого-то лица", и лицо это продастъ своего раба или отвергнетъ свою жену, или впадетъ во вражду со своимъ другомъ, а произнесшій обѣтъ будетъ впослѣдствіи разговаривать съ кѣмъ-либо изъ нихъ, то онъ не будетъ клятвонарушителемъ, „потому что обѣтъ

его имѣетъ мѣсто относительно обстоятельства, касающагося лица, въ немъ обозначеннаго, независимо отъ того, коренится ли это обстоятельство въ правѣ собственности, какъ въ случаѣ раба, или въ правѣ связи, какъ въ случаѣ жены, или друга, а когда это обстоятельство не имѣетъ мѣста, то произнесшій обѣтъ не можетъ быть клятвонарушителемъ". Въ толкованіяхъ приводится слѣдующій другой примѣръ изъ области обѣтовъ относительно разговоровъ и рѣчей. Если кто-либо произнесетъ такой, положимъ, обѣтъ: „я не буду говорить съ владѣльцемъ этой чалмы", и владѣлецъ этой чалмы впослѣдствіи продастъ ее, послѣ чего произнесшій обѣтъ будетъ разговаривать съ нимъ, *то имѣетъ мѣсто клятвонарушеніе*, потому что въ данномъ случаѣ связь между предметомъ и лицомъ, которому онъ принадлежитъ, установлена единственно въ видахъ обозначенія этого лица, „такъ какъ люди не могутъ имѣть раздора съ чалмами". Подобный случай, поясняютъ толкователи, тождественъ съ тѣмъ, когда кто-либо скажетъ, съ точнымъ указаніемъ на владѣльца чалмы: „я не буду говоритъ съ этимъ владѣльцемъ чалмы", и если потомъ съ нимъ заговоритъ, то будетъ несомнѣннымъ клятвонарушителемъ. Приводится еще и такое разъясненіе. Если кто-либо произнесетъ такой обѣтъ: „я не буду разговаривать съ этимъ юношей"—и впослѣдствіи будетъ говорить съ нимъ по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то имѣетъ мѣсто клятвонарушеніе, „потому что дѣйствіе обѣта связано съ упоминаемою личностью".

Въ толкованіяхъ законовѣдовъ указываются еще особые обѣты, „относящіеся до разговора, но отнесенные ко времени", въ объясненіи каковыхъ обѣтовъ проявляется уже совершенный произволъ со стороны толкователей. Если кто-либо произнесетъ такой обѣтъ: „я на время (хинъ) не буду разговаривать съ такимъ-то", или „я не буду разговаривать съ нимъ въ продолженіе нѣкотораго промежутка времени (заманъ)", то такими выраженіями, поясняютъ толкователи, обозначается промежутокъ времени въ шесть мѣсяцевъ. Если задаться вопросомъ, почему именно шесть мѣсяцевъ, а не болѣе и не менѣе, то оказывается, „что подъ терминомъ

„хинъ“ *иногда* понимается короткій промежутокъ времени, *иногда* сорокъ лѣтъ, а *иногда* нѣсколько мѣсяцевъ, промежутокъ же въ шесть мѣсяцевъ является среднимъ между ними“, почему подъ терминомъ хинъ и принято разумѣть шесть мѣсяцевъ. Разъяснивъ, что среднее время между нѣсколькими мѣсяцами и сорока годами есть шесть мѣсяцевъ, толкователи продолжаютъ, что такое правило основано на томъ соображеніи, что для прекращенія разговора не можетъ быть назначаемъ очень малый промежутокъ времени, потому что такое кратковременное прекращеніе разговора не требуетъ произнесенія особаго обѣта, но равнымъ образомъ для прекращенія разговора также нельзя назначать слишкомъ длиннаго промежутка, „ибо таковымъ длиннымъ промежуткомъ времени можетъ быть сама вѣчность“, а потому толкователи и останавливаются на шести мѣсяцахъ.

Не менѣе произвольно и неожиданно является толкованіе словъ „много“ и „многое“. Если кто-либо произнесетъ такой обѣтъ „я не буду говорить съ такимъ-то“ въ продолженіе многихъ дней (айямъ), то подъ словомъ *айямъ* слѣдуетъ понимать три дня, но если дающій обѣтъ употребляетъ ограничительную частицу, говоря—„я не буду говорить съ такимъ-то *въ продолженіе дней* (аль-айямъ), то подъ этимъ выраженіемъ нужно понимать: десять дней, по мнѣнію Ханифы, и недѣлю, по мнѣнію другихъ ученыхъ. Затѣмъ, если произносящій обѣтъ скажетъ—„я не буду говорить съ такимъ-то въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ (шухуръ), то подъ этимъ нужно подразумѣвать десять мѣсяцевъ, по мнѣнію Ханифы, и годъ, по мнѣнію другихъ ученыхъ. Если кто скажетъ—„я не буду говорить съ нимъ въ продолженіе многихъ недѣль (джума) или въ продолженіе многихъ лѣтъ“ (санатайнъ), то, по мнѣнію Ханифы, подъ терминомъ „джума“ нужно понимать десять недѣль, а подъ терминомъ „санатайнъ“ десять лѣтъ; другіе же толкователи утверждаютъ, что подъ этими терминами слѣдуетъ разумѣть цѣлую жизнь поклявшагося. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толкованій встрѣчается объясненіе, что подъ выраженіемъ „айямъ“, т. е. многіе дни, слѣдуетъ понимать именно десять дней, но другіе утверждаютъ,

что „многіе дни“ это только семь дней, „потому что всякое число, превышающее это, является излишкомъ“.

Такимъ же серьезнымъ толкованіямъ предаются мусульманскіе законовѣды и по вопросу о клятвонарушеніяхъ по поводу разводовъ или при обѣтахъ отпустить на волю рабовъ.

Напримѣръ, законовѣды эти долго толковали, какъ понимать, если кто-либо скажетъ своей рабынѣ—„первый ребенокъ, тобою рожденный, свободенъ“, и относится ли этотъ обѣтъ до того случая, когда первый рожденный ребенокъ окажется мертвымъ? Только послѣ долгихъ препирательствъ ученые законовѣды пришли къ заключенію, что такое обѣщаніе можетъ относиться только до ребенка, рожденнаго живымъ, хотя при этомъ высказали желаніе, чтобы подобныя обѣщанія формулировались болѣе точно и чтобы дающіе такой обѣтъ выражались такъ: „если ты родишь живаго ребенка, то онъ свободенъ“. Спорили ученые законовѣды также и о томъ, какъ быть, если правовѣрный скажетъ—„первый рабъ, котораго я куплю, свободенъ“, а затѣмъ, давъ такой обѣтъ, купитъ разомъ не одного, а двухъ или трехъ рабовъ, и рѣшили, что ни одинъ изъ купленныхъ рабовъ освобожденію не подлежитъ, но что при этомъ также не совершено и никакого клятвонарушенія, потому что нужно было формуливать свое обѣщаніе въ такой формѣ: первый рабъ, котораго я куплю въ одиночкѣ, свободенъ, и неисполненіе этого обѣта будетъ уже клятвопреступленіемъ. Но еще лучше тотъ случай, также подавшій поводъ къ спорамъ и разъясненіямъ, когда кто-либо пообѣщаетъ освободить „послѣдняго изъ купленныхъ рабовъ“ и, купивъ всего одного раба, умретъ. По разъясненіямъ этимъ оказалось, что этотъ единственный купленный рабъ все-таки освобожденію не подлежитъ и собственно потому, что этотъ рабъ не есть „послѣдній“, такъ какъ не было предпослѣдняго.

И много подобныхъ разъясненій можно встрѣтить въ разсужденіяхъ ученыхъ мусульманскихъ законовѣдовъ.

Иногда толкователи прибѣгаютъ даже къ нѣсколько неблаговиднымъ способамъ оправданія такъ называемыхъ клят-

вонарушеній, лишь-бы облегчить этимъ quasi-клятвонарушителямъ возможность, на законномъ основаніи, воспользоваться выгодами отъ этого преступленія, причемъ встрѣчаются толкованія прямо противоположнаго характера, не взирая на аналогичность условій такихъ обѣтовъ-клятвъ, и всякому правовѣрному предоставляется пользоваться тѣмъ изъ толкованій, которое ему болѣе нравится или болѣе выгодно. Вотъ нѣкоторые образцы въ этомъ родѣ. Обѣтъ не совершать извѣстныхъ актовъ не нарушается совершеніемъ ихъ черезъ третье лицо, провозглашаютъ авторитеты, въ видѣ, такъ сказать, общаго положенія. Если кто-либо произнесетъ такой обѣтъ: „я не буду ни покупать, ни продавать, ни нанимать, ни отдавать въ наемъ недвижимость“ и впослѣдствіи назначитъ кого-либо въ качествѣ своего агента по совершенію сдѣлокъ купли-продажи и т. п., то онъ, тѣмъ не менѣе, не будетъ клятвонарушителемъ, „потому что совершителемъ этихъ сдѣлокъ представляется агентъ, а не довѣритель“, а при такой постановкѣ дѣла, объясняютъ толкователи, условіе нарушенія обѣта, именно участіе въ сдѣлкѣ самого заинтересованнаго лица, не имѣетъ мѣста, „*ибо для него дѣйствительны лишь послѣдствія сдѣлки, а не самый актъ совершенія ея*“. Поэтому, разсуждаютъ авторитеты, лицо, воспользовавшееся плодами сдѣлки, совершенной отъ его имени, не будетъ клятвонарушителемъ, исключая лишь того случая, когда это будетъ какое-либо „высокопоставленное лицо, которое не имѣетъ привычки само совершать всякаго рода сдѣлки и всегда поручаетъ это кому-либо другому“. Такое высокопоставленное лицо, если дастъ указанный выше обѣтъ-клятву и затѣмъ поручитъ кому-либо вступить въ одну изъ сдѣлокъ, указанныхъ въ обѣтѣ, является, по мнѣнію мусульманскихъ авторитетовъ, клятвонарушителемъ.

Но рядомъ съ этимъ толкованіемъ мы находимъ такое. Обѣтъ, подобный вышеприведенному, нарушается въ случаѣ совершенія черезъ другое лицо актовъ—брака, развода или отпущенія на волю, и если кто произнесетъ такой обѣтъ: „я не женюсь“, или „я дамъ своей женѣ разводъ“, или „я отпущу своего раба на волю“ и затѣмъ поручитъ какому-

либо другому лицу исполнить одинъ изъ этихъ актовъ за себя, при посредствѣ довѣренности, то обѣтъ будетъ нарушенъ, потому,—объясняютъ законовѣды,—что „въ подобнаго рода дѣлахъ лицо довѣренное дѣйствуетъ лишь въ качествѣ посредника или посланнаго, замѣщающаго своего довѣрителя, которому принадлежатъ всѣ права, вытекающія изъ этихъ актовъ". А вслѣдъ затѣмъ идетъ толкованіе опять прямо противоположное предъидущему. „Обѣтъ не совершать какого-либо акта,—говорятъ законовѣды,—не нарушается порученіемъ совершенія его другому лицу, когда выгоды, вытекающія изъ этого акта, идутъ на пользу объекта обѣта". Такъ, ежели кто-либо произнесетъ такой обѣтъ: „я не буду бить своего ребенка" и впослѣдствіи поручитъ другому побить его, то нарушеніе обѣта не имѣетъ мѣста, „потому что выгоды, истекающія изъ этого акта, именно поученіе ребенку, идутъ на пользу его".

Въ такомъ же духѣ толкователи Корана предусматриваютъ еще цѣлую серію клятвъ-обѣтовъ и въ толкованіяхъ случаевъ нарушенія проявляютъ все ту же тенденцію самаго льготнаго и необременительнаго толкованія нарушенія принятыхъ обязательствъ.

Изъ всѣхъ этихъ весьма многочисленныхъ разсужденій необходимо отмѣтить, по ихъ особенной оригинальности, слѣдующія: 1) обѣтъ паломничества, 2) обѣтъ не поститься, 3 обѣтъ не молиться, 4) обѣты, относящіеся до одежды и украшеній, 5) обѣты не спать на такой-то постели, или не сидѣть на такомъ-то сѣдалищѣ, 6) обѣты относительно нанесенія кому-либо побоевъ или причиненія ранъ и убійства, 7) обѣты не говорить съ кѣмъ-либо и 8) обѣтъ не платить долговъ.

Въ оправданіе неисполненія всѣхъ этихъ обѣтовъ-клятвъ, ученые законовѣды приводятъ весьма разнообразныя, но мало остроумныя основанія или вѣрнѣе ухищренія, и изъ всѣхъ этихъ толкованій можно лишь заключить, что вся эта игра въ обѣты-клятвы представляется какою-то забавой, какими-то стилистическими упражненіями, не имѣющими никакого серьезнаго и практическаго значенія.

Такъ, напр., если кто далъ обѣтъ совершить паломничество, то онъ долженъ идти пѣшкомъ, но можетъ ѣхать верхомъ, искупивъ это небольшой жертвой. Если кто-либо обѣщаетъ совершить паломничество или отпустить на волю раба, то можетъ и паломничества не совершать и раба не отпускать, если только принесетъ жертву въ г. Куфѣ. Если кто-либо пообѣщаетъ *не поститься* въ продолженіе дня, но будетъ поститься въ теченіе нѣсколькихъ часовъ того же дня, то онъ не клятвонарушитель, потому что онъ постился не въ продолженіе цѣлаго дня, а только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Если мужъ скажетъ своей женѣ—„я ничего не надѣну изъ твоей работы", а затѣмъ купитъ ваты, изъ которой жена выпрядетъ пряжу, а изъ пряжи сдѣлаетъ одежду и одежду ту онъ станетъ носить, то онъ также не клятвонарушитель, „потому что купленная вата, изъ которой сдѣлана одежда, не принадлежала еще клянущемуся въ моментъ произнесенія обѣта", и, слѣдовательно, на нее не распространялось дѣйствіе данной клятвы. Далѣе оказывается, что всякій мусульманинъ можетъ дать обѣтъ-клятву не молиться, и не исполнивъ этого обѣта, не сдѣлаться нарушителемъ клятвы, но однако вовсе не потому, что онъ и не имѣетъ права давать такую клятву и, слѣдовательно, не имѣетъ права исполнять ее, а совершенно по другимъ причинамъ. Такъ, если кто-либо произнесетъ обѣтъ „не молиться" и затѣмъ встанетъ на молитву и совершитъ „карахатъ", т. е. чтеніе Корана, или совершитъ „ракъатъ" (почтительная поза при произнесеніи молитвы), то онъ не будетъ клятвонарушителемъ, но если онъ совершитъ „седжда" (сидѣніе на пяткахъ въ колѣнопреклоненномъ положеніи), то немедленно дѣлается клятвонарушителемъ... По этому поводу ученые законовѣды пускаются въ слѣдующія объясненія. „Казалось бы, по аналогіи, разсуждаютъ они, что клятвонарушеніе уже имѣетъ мѣсто вслѣдствіе начала молитвы, по соотвѣтствію даннаго случая съ указаннымъ выше случаемъ поста, ибо если кто произнесетъ обѣтъ не поститься и затѣмъ начнетъ постъ, становится клятвонарушителемъ тотчасъ же, какъ начатъ этотъ постъ; но относительно обѣта не молиться должно быть допущено болѣе благопріятное толкованіе

на томъ основаніи, что молитва охватываетъ рядъ многочисленныхъ обрядовъ, какъ-то стояніе, колѣнопреклоненіе и распростертое на землѣ положеніе, а потому, пока всѣ эти обрядности не совершены, то самая молитва не можетъ считаться вполнѣ имѣвшею мѣсто, въ противуположность посту, состоящему изъ одного акта воздержанія". Изъ дальнѣйшихъ толкованій всѣхъ послѣдствій обѣта—не молиться—видно, что ученые толкователи всячески изощряются оправдать неисполненіе такого обѣта, хотя гораздо проще было бы, повидимому, просто воспретить обѣщать дѣлать то, что̀ воспрещается самой религіей. Въ числѣ такихъ случаевъ обѣтовъ „не молиться" предусматривается даже такой случай: если кто дастъ обѣтъ не молиться „согласно постановленіямъ закона" и затѣмъ начнетъ молиться, то обѣтъ не будетъ нарушенъ, „пока молящійся не дойдетъ до той части молитвы, которая требуетъ втораго колѣнопреклоненія", потому,—объясняютъ толкователи,—что изъ самой формы даннаго обѣта можно заключить, что произнесшій его имѣлъ въ виду тотъ родъ молитвы, который указанъ въ законѣ, а наименьшій размѣръ такой, законной, молитвы долженъ считаться равнымъ двумъ колѣнопреклоненіямъ, потому что пророкъ воспретилъ короткую или прерванную молитву. Однимъ словомъ, какъ ни нарушай клятву-обѣтъ—не молиться,—всегда найдутся достаточныя извиненія такого нарушенія и клятвопреступленія не будетъ.

Въ своихъ попыткахъ предусмотрѣть всевозможные случаи нарушеній обѣтовъ клятвъ, толкователи доходятъ иногда до совершенныхъ абсурдовъ. Напримѣръ, они предусматриваютъ и, конечно, старательно обсуждаютъ такой случай: если кто-либо дастъ обѣтъ *не бить кого-либо* или *не одѣвать* и затѣмъ нанесетъ удары или одѣнетъ лицо, „которое уже умерло", то оказывается, что онъ не совершитъ клятвонарушенія, причемъ почтенные ученые весьма обстоятельно разъясняютъ, почему тутъ нѣтъ клятвонарушенія, и говорятъ, что его нѣтъ именно потому, „что нанесеніе ударовъ ограничено лишь жизнью лица ударяемаго, ибо послѣ смерти онъ де не можетъ уже возмущаться этими ударами", а одѣваніе также ограничивается жизнью одѣваемаго, такъ какъ такое

одѣваніе „означаетъ передачу платья въ собственность, а мертвые собственности не имѣютъ“.

Толкователи придерживаются также того мнѣнія, что можно безъ всякаго опасенія нарушенія дать обѣтъ—не говорить съ кѣмъ-либо или не ходить къ кому-либо,—„если заговорить съ кѣмъ-либо послѣ смерти“ и именно потому тутъ не будетъ никакого клятвонарушенія, объясняютъ ученые, „что при разговорѣ съ кѣмъ-либо имѣется въ виду сообщить ему свои мысли, что̀ невозможно послѣ смерти“. Именно этими самыми словами объясняютъ гг. мусульманскіе ученые невозможность клятвонарушенія „если заговорить съ мертвымъ“.

Однако совсѣмъ иное дѣло, если кто-либо дастъ обѣтъ убить кого-либо „уже умершаго“. Тутъ, по мнѣнію тѣхъ же ученыхъ, есть несомнѣнное клятвопреступленіе, влекущее за собою обязательное искупленіе, „потому что Господь можетъ оживить (вдохновить) этого умершаго“ . . . .Чтобы не было сомнѣнія, о какомъ именно случаѣ говорятъ здѣсь законовѣды, необходимо пояснить, что они предполагаютъ именно тотъ случай, когда *дается обѣтъ убить завѣдомо умершаго человѣка*, потому что тутъ же предусматривается случай обѣта умертвить лицо, хотя и умершее, но предполагаемое живымъ, и оказывается, что это не составляетъ клятвонарушенія, „ибо обѣтъ приносится относительно жизни, которой въ дѣйствительности уже нѣтъ“.

Длинный рядъ столь-же глубокихъ, но и не менѣе праздныхъ и безполезныхъ разсужденій посвящается вопросу о нарушеніи обѣтовъ-клятвъ „не сидѣть на такомъ мѣстѣ“ или „не спать на такой-то постели“, и въ этихъ разсужденіяхъ ученые толкователи, по обыкновенію, договариваются до большихъ натяжекъ и явныхъ несообразностей. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Если кто-либо произнесетъ обѣтъ „не спать на такой-то постели“ и впослѣдствіи будетъ спать на ней, причемъ на ней будутъ постланы простыня, одѣяло и тому подобное, то онъ будетъ клятвонарушителемъ, „такъ какъ такого рода покрышки составляютъ необходимую принадлежность постели, и, слѣдовательно, спанье на подобной покрышкѣ равносильно спанью на самой постели“. Но, продолжаютъ тол-

ковательи, „если другая постель будетъ положена на постель, служащую объектомъ обѣта, то клятвонарушеніе не имѣетъ мѣста“. Какъ видно изъ объясненій ученыхъ мусульманъ, тутъ нѣтъ клятвонарушенія собственно потому, что „какой-либо предметъ не можетъ считаться принадлежащимъ къ тождественному съ нимъ предмету“, т. е. что постель верхняя не можетъ считаться принадлежностью постели нижней, а потому „спанье на такой постели не можетъ считаться равносильнымъ спанью на постели, служащей объектомъ обѣта“.

Такого же рода разсужденія приводятся относительно клятвы—не сидѣть на извѣстномъ мѣстѣ. Такъ, ежели кто поклянется, „что онъ не будетъ сидѣть на землѣ“ и впослѣдствіи сядетъ на коверъ или цыновку, постланную на землѣ, то клятвонарушеніе не имѣетъ мѣста, потому что „нельзя сказать, что лицо, произнесшее обѣтъ, сидитъ на землѣ“. Если же, продолжаютъ толкователи, между тѣломъ сидящаго и землей будутъ лишь полы его платья, то клятвонарушеніе имѣетъ мѣсто, „потому что платье считается принадлежностью человѣка и не можетъ быть разсматриваемо, какъ отдѣльное сѣдалище“. Затѣмъ, ежели кто-либо поклянется, что онъ не будетъ сидѣть „на такомъ-то сѣдалищѣ“, а потомъ сядетъ на него, когда оно покрыто чѣмъ-либо, то этимъ нарушается произнесенный имъ обѣтъ, „потому что лицо, сидящее на такой покрышкѣ, считается сидящимъ на самомъ сѣдалищѣ, такъ какъ принято такимъ образомъ покрывать всякаго рода скамейки и другія возвышенныя сѣдалища“. Но, говорятъ далѣе ученые законовѣды, „если сверхъ сѣдалища, служащаго объектомъ обѣта, поставлено другое сѣдалище и поклявшійся будетъ сидѣть на этомъ верхнемъ сѣдалищѣ, то клятвонарушенія нѣтъ, потому что второе сѣдалище является тождественнымъ первому, а предметы тождественные между собою не могутъ считаться принадлежностью одинъ другаго, поэтому сидѣніе на второмъ сѣдалищѣ не можетъ считаться тождественнымъ съ сидѣніемъ на первомъ, которое было объектомъклятвы“.

Вотъ какими серьезными вопросами занимаются мусульманскіе законовѣды и вотъ какіе „объекты клятвы“ предусматриваются въ ихъ толкованіяхъ и комментаріяхъ.

Не менѣе льготныя толкованія встрѣчаемъ мы у мусульманскихъ авторитетовъ и относительно обѣтовъ „не платить долги“, ибо оказывается, что и такіе обѣты также возможны и что объ *обязательности* ихъ также шли продолжительныя и горячія разсужденія. Прежде всего шли еще длинные толки, посвященные вопросу, какъ понимать выраженія „вскорѣ уплачу“ и „современемъ уплачу“, причемъ оказалось, что если кто скажетъ—„я уплачу мой долгъ такому-то вскорѣ“, то подъ этимъ нужно понимать промежутокъ времени меньше мѣсяца, если же кто скажетъ—„я уплачу мой долгъ современемъ“, то подъ этимъ нужно понимать промежутокъ времени больше мѣсяца. Такъ это слѣдуетъ понимать потому, говорятъ толкователи, „что всякій промежутокъ времени, меньшій мѣсяца, считается короткимъ, а большій мѣсяца долгимъ, такъ какъ два друга, когда встрѣчаются послѣ долгой разлуки, то обыкновенно одинъ говоритъ другому—я не видѣлъ тебя въ этомъ мѣсяцѣ“. Вотъ на какомъ основаніи установлено столь льготное пониманіе терминовъ „вскорѣ и современемъ“.

Еще болѣе льготное толкованіе устанавливается учеными законовѣдами относительно уплаты долга „неполновѣсною или недоброкачественною монетою“ и притомъ не просто относительно уплаты, а именно уплаты по обѣту. Ежели кто-либо произнесетъ такой обѣтъ—„я уплачу долгъ мой такому-то сегодня“ и затѣмъ выплатитъ дѣйствительно въ назначенный срокъ, но часть денегъ окажется неполновѣсною или недоброкачественною монетою, или же платимая монета окажется принадлежащею другому лицу, то тѣмъ не менѣе обѣтъ этимъ не нарушается“,—потому, говорятъ ученые законовѣды, что неполновѣсность представляется недостаткомъ, не уничтожающимъ цѣнность монеты“. Въ поясненіе такого поощренія платить долги неполновѣсной или недоброкачественной монетой толкователи указываютъ на тотъ случай, когда одна изъ сторонъ, при совершеніи сдѣлки „сарфъ“ (мѣны), получитъ, вслѣдствіе своей собственной небрежности, недоброкачественный металлъ въ обмѣнъ за доброкачественный; тѣмъ не менѣе, мѣна считается совершившеюся вполнѣ, также какъ и при совершеніи сдѣлки „саламъ“ (размѣнъ денегъ)

размѣнъ считается состоявшимся, хотя мѣняющій получаетъ недоброкачественную монету вмѣсто доброкачественной, а потому, говорятъ толкователи, условіе выполненія обѣта (именно уплата долга) должно считаться исполненнымъ, *какою бы монетою ни послѣдовала уплата* и, слѣдовательно, поклявшійся не будетъ клятвонарушителемъ.

И относительно полученія не подлежащимъ образомъ денегъ допускаются столь-же льготныя толкованія, такъ какъ ученые авторитеты прямо говорятъ, что полученіе кѣмъ-либо денегъ, принадлежащихъ третьему лицу, не нарушаетъ правильности выполненія обѣта, и дѣйствительность его нисколько не пострадаетъ, если деньги эти, хотя-бы впослѣдствіи, будутъ возвращены ихъ законному владѣльцу. Однако, добавляютъ толкователи, если бы послѣ уплаты оказалось, что часть денегъ состоитъ изъ свинца или олова, то этимъ будетъ нарушенъ обѣтъ потому, что металлы эти не считаются цѣнными.

Чтобы совершенно исчерпать, разумѣется только въ самыхъ общихъ чертахъ, обширный отдѣлъ комментаріевъ, касающихся толкованія клятвъ-обѣтовъ, намъ остается еще указать на толкованія „различныхъ случаевъ“ нарушеній такихъ обѣтовъ-клятвъ, не подходящихъ ко всѣмъ указаннымъ выше разрядамъ клятвопреступленій вслѣдствіе нарушенія обѣтовъ. Почти во всѣхъ этихъ *разныхъ случаяхъ* клятвонарушеній проявляется, прежде всего, все та же необычайная снисходительность и льготность толкованій, но чаще встрѣчаются наивность и лукавство, а иногда почти сверхъестественная предусмотрительность всякаго рода по истинѣ маловажныхъ и ничтожныхъ обстоятельствъ и мелочей. Съ одной стороны, предусматривается клятва-обѣтъ „не нюхать цвѣтовъ“, съ другой, предвидятся случаи такихъ обѣтовъ, „выполненіе коихъ абсолютно невозможно“, и, наконецъ, пространно обсуждаются такіе пустяки, о которыхъ и разсуждать-то не стоитъ.

„Обѣтъ, произнесенный относительно абсолютно невозможной вещи“,—считается нарушеннымъ тотчасъ послѣ его произнесенія, а давшій его признается клятвонарушителемъ; такъ разсуждаютъ толкователи и тутъ же поясняютъ, что если кто-либо произнесетъ такой обѣтъ: „я тѣмъ или другимъ

способомъ взойду на небо“ или „я какъ-либо превращу этотъ камень въ золото“, то такая формула представляется обѣтомъ, а произнесшій этотъ обѣтъ тотчасъ же становится клятвонарушителемъ. Правда, что въ числѣ толкователей оказался одинъ, впрочемъ изъ второстепенныхъ, нѣкій Зуфаръ, который высказалъ, что такія слова еще не могутъ считаться обѣтомъ, „потому что восхожденіе на небо или превращеніе камня въ золото, по обычнымъ свойствамъ вещей, неудобоисполнимы“ и потому должны быть почитаемы наравнѣ съ вещами дѣйствительно невозможными; но другіе ученые на это возражаютъ, что выполненіе, въ данномъ случаѣ, обѣта представляется возможнымъ, потому, говорятъ они, что „конечно возможно взойти на небо, такъ какъ мы знаемъ, что ангелы ходятъ на небеса“, а равно возможно, что и камень будетъ превращенъ въ золото, „разъ всемогущій проявитъ на это свою волю“; а такъ какъ выполненіе обѣта, такимъ образомъ, представляется возможнымъ, продолжаютъ толкователи, то самый обѣтъ долженъ быть почитаемъ дѣйствительнымъ постольку, поскольку онъ можетъ быть поводомъ къ искупленію; произнесшій же обѣтъ тотчасъ же представляется клятвонарушителемъ по невозможности выполнить предпринятое имъ „при обычномъ теченіи вещей“. Къ этому толкованію авторитеты добавляютъ: „равно если бы произнесшій обѣтъ умеръ *до* выполненія его, то онъ также будетъ клятвонарушителемъ, хотя возможно, что онъ еще можетъ быть возвращенъ къ жизни“.

Вотъ до чего договорились ученые мусульманскіе законовѣды.

А вотъ и еще нѣкоторые образцы пустяковъ, истолкованіямъ которыхъ посвящали свои труды эти ученые законовѣды. „Неопредѣленная клятва“, говорятъ они, не можетъ быть нарушена до самой смерти давшаго ее лица. Такъ, напримѣръ, если кто обѣщаетъ пойти въ Мекку и не пойдетъ, то онъ *дѣлается клятвонарушителемъ только послѣ смерти*. Если кто-либо дастъ клятву развестись съ своей женой, если она выйдетъ изъ дому безъ его позволенія, и впослѣдствіи дастъ женѣ позволеніе выйти, то, по мнѣнію законовѣдовъ,

возникаетъ вопросъ—дѣйствительно ли такое позволеніе только на одинъ разъ и жена все-таки каждый разъ должна испрашивать позволеніе выйти, или одно разрѣшеніе освобождаетъ ее уже отъ обязанности испрашивать впредь позволеніе выйти; но этотъ вопросъ такъ и остался окончательно нерѣшеннымъ, потому что законовѣды не согласились въ воззрѣніяхъ на столь важный предметъ, и равное число голосовъ подано за то и другое разрѣшеніе.

Ученые мусульманскіе законовѣды потрудились также надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ подобныхъ же вопросовъ. Напримѣръ, разсуждали они о слѣдующихъ случаяхъ. Если какая-либо женщина пожелаетъ выйти изъ дому, а мужъ ея скажетъ—„если ты выйдешь, то ты разведена", послѣ чего жена сядетъ, а затѣмъ выйдетъ изъ дома, то, по мнѣнію почтенныхъ ученыхъ, „подобный актъ съ ея стороны еще не влечетъ за собою послѣдствій, выраженныхъ клятвою, т. е. развода не должно быть". Или если кто-либо пожелаетъ бить своего раба, а другой произнесетъ такой обѣтъ: „если ты ударишь такого-то своего раба, то такой-то мой рабъ свободенъ", а человѣкъ, желавшій побить своего раба, отложивъ исполненіе своего намѣренія лишь на короткій промежутокъ времени, все-таки побьетъ своего раба, то рабъ другаго не освобождается вслѣдствіе этого. Или если кто-либо пригласитъ другаго съѣсть съ нимъ завтракъ, а этотъ другой произнесетъ такого рода обѣтъ: „если я позавтракаю, то рабъ мой свободенъ", а затѣмъ отправится въ свой собственный домъ и тамъ будетъ завтракать, то онъ не подвергается послѣдствіямъ произнесеннаго имъ обѣта, „потому что сказанное имъ какъ отвѣтъ имѣетъ отношеніе единственно къ рѣчи другаго лица и должно быть понято, какъ относящееся къ тому завтраку, на который приглашалъ его другой".

Совсѣмъ иное дѣло, продолжаютъ законовѣды, ежели приглашенное такимъ образомъ лицо отвѣтитъ—„если я позавтракаю сегодня, то такой-то мой рабъ свободенъ": послѣ завтрака его, либо по приглашенію, либо въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, когда бы то ни было въ продолженіе дня, онъ подвергается послѣдствіямъ своего обѣта, потому

что присовокупилъ слово „сегодня". Бываютъ, оказывается, клятвы-обѣты даже относительно того, чтобы не нюхать цвѣтовъ, и ученые законовѣды придаютъ и этимъ клятвамъ столь серьезное значеніе, что обсуждаютъ разныя послѣдствія неисполненія такихъ обѣтовъ. Но и тутъ проявляются обычныя ухищренія въ видахъ установленія наиболѣе извиняющихъ столь важныя прегрѣшенія толкованій. Такъ, ежели кто-либо произнесетъ обѣтъ „не нюхать рахнъ" и впослѣдствіи будетъ нюхать розы или жасмины, то этимъ онъ не нарушаетъ произнесеннаго обѣта, потому что терминомъ *рахнъ* обозначаются такіе цвѣты, которые не имѣютъ стебля, а розы и жасмины растутъ на стебляхъ или вѣткахъ. Или вотъ еще пространное объясненіе относительно обѣта не покупать фіалокъ. Дѣло въ томъ, что если кто-либо произнесетъ такой обѣтъ не покупать фіалокъ и, при этомъ, не имѣетъ никакого особаго намѣренія, то обѣтъ его долженъ быть понимаемъ, какъ относящійся собственно до фіалковаго масла, на томъ основаніи, „что по общепринятому обычаю лицо, *торгующее* фіалковымъ масломъ, называется *продавцомъ фіалокъ*, а, слѣдовательно, лицо, *покупающее* такое масло, именуется покупателемъ фіалокъ". Но если произносящій обѣтъ скажетъ, что онъ не будетъ покупать *цвѣты* фіалокъ, то это будетъ значить, что онъ не будетъ покупать „листьевъ фіалокъ", потому что таковъ де общепринятый обычай, и такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, выясняется, что обѣтъ не покупать фіалокъ означаетъ не покупать или фіалковаго масла или листьевъ фіалковыхъ цвѣтовъ, а самыя фіалки можно покупать, не нарушая даннаго обѣта.

Рядомъ съ столь льготными толкованіями всякаго рода клятвъ-обѣтовъ, имѣющихъ совершенно личный характеръ и нисколько не затрогивающихъ чужихъ интересовъ, встрѣчаются также толкованія такихъ обѣтовъ и клятвъ, которые, до извѣстной степени, затрогиваютъ интересы не однихъ поклявшихся лицъ, а интересы общественные и соціальные. Такъ, напр., по толкованіямъ ученыхъ законовѣдовъ, лицо, давшее обѣтъ правящей власти, напр., выдавать всѣхъ разбойниковъ, обязывается выполнять этотъ обѣтъ *только до тѣхъ*

поръ, пока во главѣ управленія стоитъ то лицо, которому принесена эта клятва, а съ перемѣной властителя страны поклявшійся освобождается отъ своего обязательства.

Можно было бы привести еще десятки и сотни примѣровъ, характеризующихъ отношенія истолкователей мусульманскаго ученія къ клятвамъ, присягѣ и обѣтамъ, и всѣ эти примѣры будутъ только подтверждать высказанное выше мнѣніе о необыкновенно снисходительномъ отношеніи мусульманскихъ учителей и законовѣдовъ ко всякаго рода нарушеніямъ этихъ клятвъ и обѣтовъ и о желаніи ихъ всячески облегчить выходъ изъ этихъ, не имѣющихъ ни логическаго, ни практическаго смысла, а подчасъ совершенно неудобоисполнимыхъ обѣтовъ и принимаемыхъ, подъ клятвой, обязательствъ. Можно однако считать достаточнымъ и приведенныхъ образцовъ, чтобы придти къ заключенію, что мусульманская точка зрѣнія на обѣщанія, клятвы и присягу не только не соотвѣтствуетъ серьезности этихъ актовъ, но что эта точка зрѣнія прямо-таки довольно легкая и не имѣетъ никакого сходства съ воззрѣніями просвѣщенныхъ народовъ на святость клятвъ и присяги и обязательность ихъ исполненія. Поощряя своихъ послѣдователей къ произнесенію клятвъ по поводу разныхъ мелочей и пустяковъ повседневной жизни, мусульманское ученіе тѣмъ самымъ создаетъ совершенно легкомысленное отношеніе къ обязанности исполнять эти, часто прямо вздорные, клятвы и обѣты. Но если мы примемъ во вниманіе, что клятвенныя обѣщанія даются нашими мусульманами не только по отношенію къ безразличнымъ съ точки зрѣнія закона житейскимъ мелочамъ, но и служатъ гарантіей правосудія въ самыхъ серьезныхъ уголовныхъ дѣлахъ, а также обезпечиваютъ вѣрность подданства, то станетъ яснымъ, что, по характеру и особенностямъ мусульманскаго вѣроученія, мусульманская клятва уже сама по себѣ не можетъ служить гарантіей правосудія на русскомъ судѣ, а тѣмъ болѣе она не можетъ служить этой гарантіей въ томъ видѣ, въ какомъ она практикуется въ нашихъ современныхъ судахъ.

Извѣстно, что наши мусульмане присягаютъ въ русскихъ судахъ по формѣ, указанной въ ст. 713 Уст. угол. суд. (изд. 1883 г.), съ замѣной словъ „Крестъ и Евангеліе“ сло-

вомъ „Коранъ“. При самомъ даже поверхностномъ знакомствѣ съ сущностью мусульманской религіи, можно, по поводу этой формы присяги, замѣтить, что первый существенный ея недостатокъ заключается въ томъ, что она не мусульманскаго, а русскаго происхожденія, и уже потому можетъ не имѣть, въ глазахъ мусульманъ, значенія святости и обязательности. Второй недостатокъ этой присяжной формулы заключается въ томъ, что въ нее включены такія обязательства, которыя, по самому духу ислама, не могутъ имѣть для мусульманъ значенія обязательствъ, если и не всегда, то по крайней мѣрѣ очень часто при разрѣшеніи дѣлъ въ русскихъ судахъ. Такія слова, какъ „не увлекаясь ни родствомъ, ни дружбою, ниже ожиданіемъ выгодъ“, въ большинствѣ случаевъ, для всякаго мусульманина не что иное, какъ звукъ пустой. Если еще присягающій мусульманинъ можетъ не увлекаться ни родствомъ, ни дружбою въ томъ случаѣ, когда дѣйствующими на судѣ сторонами являются его же единовѣрцы, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы мусульманинъ признавалъ за собою обязанность не увлекаться родствомъ или дружбою, если противной стороной является христіанинъ. Это было бы прямо противъ основныхъ требованій мусульманскаго ученія и мусульманской морали, а потому для всякаго мусульманина неисполнимо.

Уже эти два обстоятельства, сами по себѣ, совершенно обезцѣниваютъ въ глазахъ мусульманина значеніе этой „русской“ присяги, но къ этому присоединяется еще и то, что мусульманская религія не требуетъ принятія присяги во многихъ изъ тѣхъ случаевъ, когда она требуется нашими законами и обратно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она требуется непремѣнно у мусульманъ, она у насъ совершенно не допускается, какъ, напр., въ опроверженіе силы и значенія документовъ. Такая разница въ нашихъ и мусульманскихъ воззрѣніяхъ на присягу совершенно непостижима даже для сравнительно образованнаго мусульманина, а тѣмъ болѣе для мусульманина невѣжественнаго и всегда фанатичнаго.

Непонятна нашимъ мусульманамъ также и наша процедура допущенія и недопущенія къ присягѣ. Наши воззрѣнія

на допущеніе къ присягѣ совершенно не сходствуютъ съ мусульманскими и нашему мусульманину часто совершенно непонятно, почему такой *отводъ* отъ присяги, который заключается только въ заявленіи, что онъ *не вѣритъ безпристрастію* присягателя, не принимается въ соображеніе, такъ какъ такой отводъ съ мусульманской точки зрѣнія одинъ изъ самыхъ обычныхъ и вѣскихъ. Не говоримъ уже о томъ, что мусульманскіе законовѣды ставятъ присягу въ гражданскихъ дѣлахъ самымъ главнымъ доказательствомъ, что документы опровергаются у мусульманъ присяжными свидѣтельствами, что присягѣ одного лица противупоставляется присяга другаго лица, т. е., что дозволяется присягу опровергать присягой и т. д., но вообще можно сказать, что разница во взглядахъ на присягу по ученію мусульманской религіи и по воззрѣніямъ нашего законодательства настолько громадна, что тутъ не можетъ быть даже найдена почва для примиренія и соглашенія, и потому будетъ совершенно правильно придти къ заключенію, что пріуроченіе магометанской присяги къ русскимъ взглядамъ и къ формамъ русской присяги и полное игнорированіе мусульманскихъ воззрѣній на присягу было ошибкой, послѣдствія которой выразились, между прочимъ, въ значительномъ и повсемѣстномъ развитіи лжесвидѣтельства.

Установившееся, въ нѣкоторыхъ сферахъ общества, убѣжденіе въ безукоризненномъ благочестіи мусульманъ и серьезномъ отношеніи ихъ къ присягѣ есть одно изъ циркулирующихъ въ обществѣ заблужденій, имѣющее своимъ корнемъ совершенное незнакомство ни съ мусульманами вообще, ни съ ихъ воззрѣніями на присягу. Основаніемъ къ этому заблужденію также послужила извѣстная всѣмъ неохота мусульманъ принимать присягу вообще и въ особенности предъ русскимъ судомъ; но было бы большой ошибкой считать причиной этой неохоты пониманіе святости присяги и боязнь отвѣтственности предъ Богомъ, а гораздо правильнѣе предположить, что мусульмане, по возможности, уклоняются отъ присяги на русскомъ судѣ въ виду довольно строгой отвѣтственности по нашему закону за лжесвидѣтельство, хотя и эта отвѣтственность все еще оказывается недостаточно удер-

живающей отъ лжесвидѣтельства на судѣ, и закавказскіе достовѣрные лжесвидѣтели и „алибисты“ лгутъ безбоязненно и подъ присягой, и безъ присяги, и не считаютъ, съ мусульманской, разумѣется, точки зрѣнія на присягу въ русскомъ судѣ, особенно позорнымъ отсиживать по нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за лжесвидѣтельство обыкновенно безъ присяги, такъ какъ возбужденіе преслѣдованія за ложную присягу представляетъ большую рѣдкость.

Изъ всего изложеннаго естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ,—въ какой же формѣ должна быть даваема нашимъ мусульманамъ присяга, чтобы она имѣла для нихъ требуемое нашимъ закономъ значеніе и могла бы быть признаваема, на русскомъ судѣ, достаточной гарантіей правдивости показаній?

Выяснивъ ранѣе воззрѣнія мусульманскихъ авторитетовъ на сущность присяги, остается, не входя въ дальнѣйшія подробности, пояснить еще:—1) что по гражданскимъ дѣламъ (хотя почти никакого отличія между дѣлами гражданскими и уголовными нѣтъ) присяга у мусульманъ допускается какъ въ подтвержденіе, такъ и въ опроверженіе иска; 2) что доказательствамъ истца, по общему правилу, отдается предпочтеніе предъ доказательствами отвѣтчика; 3) что обычное возраженіе отвѣтчика противъ требованій истца есть прежде всего присяга (она требуется всегда трижды, причемъ судья повторяетъ три раза:—я предлагаю тебѣ дать присягу, если ты дашь ее, то хорошо, если нѣтъ, то я постановлю рѣшеніе въ пользу истца); 4) что въ уголовныхъ дѣлахъ наиболѣе сильнымъ доказательствомъ въ пользу обвиняемаго является также его собственная присяга, и, напримѣръ, воръ, отказывающійся отъ принятія присяги, считается признающимъ свою вину и подвергается имущественной отвѣтственности; 5) что хотя нѣкоторые мусульманскіе законовѣды и утверждаютъ, что одинъ отказъ отъ принятія присяги не есть еще доказательство виновности, ибо, говорятъ они, иные не даютъ присяги потому, что она, по ихъ мнѣнію, уничтожаетъ достоинство дающаго, но вообще отказъ отъ присяги ведетъ къ присужденію исковыхъ требованій.

Нужно сказать еще, что форма присяги, принимаемой у мусульманъ въ подтвержденіе собственно гражданскихъ претензій, представляется гораздо болѣе выработанной, нежели присяга по дѣламъ характера уголовнаго. Такъ, въ одной изъ книгъ Хидая, въ главѣ объ искахъ (т. III, кн. 24) встрѣчается даже нѣсколько *обязательныхъ* формъ присяги по имущественнымъ искамъ, хотя казію предоставляется сократить или добавить такую присягу по своему усмотрѣнію, но отнюдь „не повторять" присяги. Такъ, одна изъ преподанныхъ формъ такова:—„Клянусь Господомъ Богомъ, Единымъ, Истиннымъ, которому извѣстно скрытое и явное, что ни я, ни кто-либо другой за меня не долженъ такому-то суммы, которую онъ требуетъ". Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ указаній преподаны правила, какъ слѣдуетъ, при отобраніи присяги по имущественнымъ искамъ, выражаться наиболѣе точно; но всѣ эти правила касаются случаевъ чисто гражданскихъ взысканій, относительно же дѣлъ уголовныхъ никакихъ формальностей не установлено, самая присяга не столь обязательна, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, отвѣтственность за ложное свидѣтельство менѣе значительна, и все предоставляется болѣе усмотрѣнію судей, но, какъ объяснено выше, и это усмотрѣніе почти совершенно устранено преподаніемъ формулы присяги, извлеченной изъ Судебныхъ Уставовъ.

Отъ немногихъ нашихъ востоковѣдовъ можно также услышать подтвержденіе, что дѣйствительно никакихъ формулъ уголовной присяги не устанавливается ни Кораномъ, ни обычнымъ правомъ мусульманъ, а что касается до преподанной къ руководству „русской присяги", то, по мнѣнію этихъ востоковѣдовъ, она отталкиваетъ мусульманъ своимъ формализмомъ и единообразіемъ на всѣ случаи и притомъ прямо не соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ мусульманъ на клятвенныя обѣщанія, даваемыя на судѣ. Востоковѣды предполагаютъ существованіе въ различныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ мусульманами, особой „мѣстной" присяги, имѣющей для нихъ дѣйствительную силу и значеніе, но такое предположеніе еще недостаточно изслѣдовано и подтверждено, а пока, до розысканія этой мѣстной присяги, востоковѣдами

высказывается такое мнѣніе, что не слѣдовало бы стѣснять мусульманъ преподанной въ нашемъ законѣ формой присяги и было бы болѣе полезно, чтобы присягающіе магометане просто обѣщались показать на судѣ правду и закрѣпляли это обѣщаніе всегда священными для нихъ словами:— *Валааги*, *Билааги*, *Талааги*,—каковыя слова, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ нашихъ знатоковъ Востока, и составляютъ самую сущность мусульманской клятвы и соотвѣтствуютъ словамъ—„ей-ей“ и „ей-Богу“.

Явится ли такая присяга болѣе дѣйствительной гарантіей правдивости показаній нашихъ мусульманъ на русскомъ судѣ, это не замедлитъ выясниться въ самый непродолжительный срокъ, но пока можно удостовѣрить, что въ даваемой мусульманиномъ *русской* присягѣ коренится какой-то большой недостатокъ, потому что мусульманская лжеприсяга процвѣтаетъ исключительно на судѣ русскомъ, встрѣчаясь весьма рѣдко на судѣ народномъ, творимомъ мусульманскимъ казіемъ, и хотя можно ожидать, что и послѣ установленія такой болѣе внушительной присяги, лжесвидѣтельство на судѣ не прекратится, по особымъ условіямъ и отношеніямъ, въ которыхъ находится весь мусульманскій міръ къ міру христіанскому, но можно будетъ разсчитывать, что хоть сократится то повальное лжесвидѣтельство, которое существуетъ теперь. Само собою разумѣется, что тѣ лукавые и хитрые пріемы [1]), которые нынѣ практикуются мусульманами при дачѣ свидѣтельскихъ показаній, будутъ практиковаться и впредь, но нужно по возможности содѣйствовать сокращенію числа этихъ пріемовъ и бороться противъ ихъ примѣненія всѣми мѣрами.

---

[1]) Извѣстно, напр., что при спорахъ о правѣ на землю свидѣтели, по мусульманскому обычаю, становятся на спорную землю и говорятъ: „мы стоимъ на землѣ, принадлежащей такому-то“ (т. е. истцу или отвѣтчику). Если свидѣтель желаетъ дать показаніе въ пользу истца, а дѣйствительно стоитъ на землѣ отвѣтчика, то онъ набираетъ себѣ въ сапоги земли съ участка, несомнѣнно принадлежащаго истцу, и, стоя на землѣ отвѣтчика, спокойно говоритъ: „я стою на землѣ истца“, разумѣя ту землю, которая у него находится въ сапогахъ.

Замѣтимъ еще, что вновь нарождающіеся наши мусульмане—киргизы пока высоко почитаютъ присягу, и случаевъ лжесвидѣтельства подъ присягой почти неизвѣстно между ними; но это объясняется тѣмъ, что киргизы чрезвычайно рѣдко появляются на русскомъ судѣ и притомъ *киргизская присяга* не приняла еще мусульманской формы [1]).

Высказавъ все, что̀ мнѣ представлялось необходимымъ, относительно мусульманскихъ воззрѣній на клятву и присягу, и, въ заключеніе, возвращаясь къ вопросу о мѣрахъ

---

[1]) Киргизская присяга обыкновенно сопровождается обрядами устрашающаго свойства, очень подробно описанными въ сочиненіи Н. И. Гродекова—„Киргизы и Каракиргизы" (стр. 208—215). Прежде всего, у киргизъ присягу принимаетъ не участникъ дѣла, а постороннее лице, одного рода съ истцомъ или отвѣтчикомъ. Присяга почитается у киргизъ такъ высоко, что одно только твердое намѣреніе принять присягу считается уже достаточнымъ подтвержденіемъ извѣстнаго обстоятельства дѣла, уклоненіе же отъ принятія присяги признается обстоятельствомъ въ пользу противной стороны. Въ большинствѣ дѣлъ обходятся безъ присяги, такъ какъ, съ религіозной точки зрѣнія, присяга для обѣихъ сторонъ считается одинаково опасною, ибо „наказаніе постигнетъ не только того, кто присягнулъ ложно, но и того, кто истребовалъ присягу со стороны невиновнаго". Изрѣдка встрѣчающіеся у киргизъ случаи ложной присяги, однако, не наказываются строго потому, что „присяжный" обыкновенно принимаетъ присягу по принужденію родственниковъ, а не по внутреннему убѣжденію въ правотѣ дѣла. У киргизъ также допускается опровергать присягу „двойной присягой", т. е. присягой двухъ лицъ, и опровергнутая такимъ образомъ присяга именуется „сгнившею", т. е. недѣйствительною. Затѣмъ, самому обряду приведенія къ присягѣ у киргизъ стараются дать видъ устрашающій и дѣйствующій на воображеніе. Присягающаго обводятъ около „мазара" (могилы), а получающему присягу объясняютъ, что онъ получаетъ душу присягающаго. Часто вслѣдствіе уклоненія отъ принятія присяги начинается драка спорящихъ сторонъ, переходящая въ общее побоище, и бѣжавшая сторона считается неправой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присягающаго одѣваютъ въ саванъ; въ другихъ вводятъ въ могилу, откуда онъ, чрезъ боковое отверстіе, выходитъ наружу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присягающій срѣзаетъ прутъ отъ дерева на могилѣ святаго и говоритъ, что жизнь его будетъ также срѣзана, если онъ скажетъ неправду и т. п. По поводу киргизской присяги необходимо замѣтить, что въ настоящее время въ русскихъ судахъ киргизъ приводятъ къ присягѣ, какъ настоящихъ мусульманъ, т. е. на Коранѣ, и этимъ какъ-бы поощряется дальнѣйшее ихъ омусульманиваніе, особенно усилившееся со времени покоренія края, благодаря свободному допуску въ киргизскихъ степяхъ мусульманской пропаганды, что̀ составляетъ несомнѣнную политическую ошибку, такъ какъ киргизы, при нѣкоторомъ развитіи нашей миссіонерской дѣятельности, могли быть легко обращены въ православныхъ христіанъ.

противодѣйствія дальнѣйшему распространенію лжесвидѣтельства особенно среди закавказскихъ мусульманъ, кажется умѣстнымъ поставить слѣдующіе вопросы. Во-1-хъ), не слѣдуетъ ли измѣнить порядокъ приведенія мусульманъ къ присягѣ въ русскихъ судахъ, сдѣлавъ это измѣненіе въ духѣ мусульманской религіи, т. е. предоставивъ мусульманскому духовенству приводить къ присягѣ не по тексту ст. 713 Уст. угол. суд., а обязавъ приводящихъ къ присягѣ составить, для каждой данной мѣстности, такую присягу, которая затрогивала бы чувствительныя и религіозныя струны нашихъ крайне невѣжественныхъ магометанъ, или, если такой „мѣстной“ присяги не окажется, отбирать просто одно обѣщаніе показать правду, подкрѣпляемое словами—„Валааги, Билааги, Талааги“? Во-2-хъ), не слѣдуетъ ли и въ отношеніи наказанія за ложную присягу приблизиться къ мусульманскимъ взглядамъ на послѣдствія лжесвидѣтельства и перейти къ тѣмъ способамъ возмездія за лжесвидѣтельство, которые установлены мусульманскими законовѣдами, т. е. къ имущественнымъ взысканіямъ? Наконецъ, мнѣ кажется, что въ виду совершенно иного пониманія нашими мусульманами и значенія присяги и ея послѣдствій и полнѣйшаго отсутствія гарантій въ правдивости показаній, даваемыхъ мусульманами подъ присягой, не представляется чѣмъ-либо невозможнымъ совершенно отмѣнить принятіе свидѣтелями мусульманами присяги въ русскомъ судѣ и замѣнить эту присягу отобраніемъ отъ этихъ свидѣтелей такого же *обѣщанія* показать все по чистой совѣсти, какъ это нынѣ дѣлается относительно лицъ, не пріемлющихъ присяги. Это было бы тѣмъ желательнѣе, что правдивость такихъ безприсяжныхъ показаній нашихъ мусульманъ была бы, по своему достоинству, нисколько не ниже показаній, нынѣ даваемыхъ подъ присягою, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ русскихъ судахъ была бы упразднена та публичная профанація торжественной клятвы говорить одну правду, которая хронически повторяется теперь въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ, а самое это населеніе было бы избавлено отъ обязанности приносить неосуществимую для него клятву говорить правду, „не

увлекаясь ни родствомъ, ни дружбою и т. д.", неосуществимую по самому духу ученія Магомета, заранѣе обрекшаго всѣхъ „невѣрныхъ" анафемѣ и вѣчному мученію въ аду и разрѣшившаго правовѣрнымъ истреблять этихъ невѣрныхъ, пока не останется ни одного изъ нихъ.

Н. М. НИКИФОРОВЪ.

О КУЛЬТУРѢ ХЛОПЧАТНИКА

ВЪ

Ташкентскомъ раіонѣ.

ИЗДАНІЕ

Туркестанскаго Общества сельскаго хозяйства.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія торг. дома „Ф. и Г. Бр. Каменскіе".

1896.

О КУЛЬТУРѢ ХЛОПЧАТНИКА

въ Ташкентскомъ раіонѣ*).

При основаніи хлопковой плантаціи первостепенную роль играетъ удачный выборъ мѣстности; принимая во вниманіе требованія хлопчатника относительно солнечнаго освѣщенія и свободнаго притока воздуха, мы убѣждаемся прежде всего въ томъ, что подъ хлопковыя плантаціи должны отводиться мѣстности открытыя; но при этомъ поверхность мѣстности можетъ быть различна; чѣмъ разнообразнѣе и измѣнчивѣе эта поверхность, тѣмъ, конечно, дороже обходится ея обработка, тѣмъ затруднительнѣе становится орошеніе и тѣмъ неравномѣрнѣе будутъ получаемые урожаи.

На покатой мѣстности результаты посѣва будутъ различны, смотря по наклонамъ относительно странъ свѣта.

Если покатость обращена къ востоку или югу, почва ея болѣе или менѣе значительно нагрѣвается въ теченіе дня. При наклонѣ мѣстности въ противоположныя стороны, т. е. къ сѣверу или западу, она страдаетъ отъ малой продолжительности солнечнаго освѣщенія.

---

*] Сообщеніе, сдѣланное въ собесѣдованіи членовъ Туркестанскаго Общества сельскаго хозяйства въ зиму 1895—1896 г.

Поля, склоняющіяся къ сѣверо-востоку, подвергаются кромѣ того горячимъ вѣтрамъ (гармъ-силь). Эти соображенія приводятъ насъ къ тому, что болѣе ровныя и плоскія поверхности считаются наиболѣе благопріятными для хлопка, чѣмъ имѣющія склоны, холмистыя или лощины.

Вспашка земли. Благопріятное время для весенней пахоты опредѣляется степенью влажности предназначенной къ обработкѣ почвы. Земля не должна быть ни слишкомъ сыра, ни слишкомъ суха; она должна обладать такой влажностью, при которой имѣетъ наименьшую связность, что, конечно, дастъ наименьшее сопротивленіе плугу. Земля должна уже, такъ сказать, нѣсколько обвѣтриться отъ зимней влаги и представляться разсыпчатой. Это правило должно соблюдаться у насъ, въ Ташкентѣ, при его глинистыхъ почвахъ; при сырой пахотѣ земля подымается плугомъ, не разсыпаясь, остается въ видѣ связныхъ пластовъ и большихъ комьевъ, которые чрезвычайно трудно измельчаются послѣ высыханія; кромѣ того сорныя травы при обработкѣ сырой почвы труднѣе уничтожаются.

Въ случаѣ слишкомъ поздней пахоты, когда почва пересохла, получаются слишкомъ большія глыбы, раздробленіе которыхъ доставляетъ много лишнихъ трудовъ, расходовъ и траты времени.

Самый разгаръ пахоты въ Ташкентскомъ раіонѣ приходится на мартъ мѣсяцъ, а иногда бываетъ и въ концѣ февраля. Въ апрѣлѣ обыкновенно пахота уже кончается.

Число вспашекъ, нужное для того, чтобы привести почву въ наиболѣе выгодное для хлопка состояніе, опредѣляется многими условіями. Если почва находилась, напримѣръ, подъ хлопчатникомъ и держалась чистою отъ сорныхъ травъ, достаточно бываетъ двухъ хорошихъ весеннихъ вспашекъ по различнымъ направленіямъ

для того, чтобы довести почву до степени достаточной измельченности и перемѣшанности. Наоборотъ, если почва плотно слежалась и заросла травами (послѣ посѣва колосовыхъ хлѣбовъ), требуется пропахиваніе до 3-хъ разъ, чтобы достичь того-же результата.

Сказанное правило должно имѣть въ виду, если хлопчатникъ введенъ въ сѣвооборотъ и при подъемахъ нови; въ такихъ случаяхъ первый взметъ, конечно, лучше всего производить съ осени, чтобы вспаханная земля пролежала зиму. Во всякомъ случаѣ нужно помнить, что хлопчатникъ требуетъ тщательной обработки почвы; небрежность въ этомъ случаѣ прямо отражается на всемъ процессѣ его роста и на урожаѣ.

Въ своей практикѣ мнѣ положительно пришлось убѣдиться, что почва подъ хлопчатникомъ сильно истощается, поэтому приходится прибѣгать къ плодосмѣну, удобренію, тщательной глубокой вспашкѣ не менѣе, какъ на 5—6 вершковъ, или занимать новыя земли, а для достиженія бо́льшей тщательности въ обработкѣ хлопковаго поля слѣдуетъ непремѣнно боронить его по различнымъ направленіямъ послѣ каждой вспашки, весною. Аккуратное бороненіе много способствуетъ размельчиванію комьевъ и перемѣшиванію земли; поле дѣлается послѣ бороньбы болѣе чистымъ. Бороньбу лучше всего производить сейчасъ же въ слѣдъ за вспашкой.

Устройство грядъ. Вслѣдъ за послѣдней вспашкой почвы приступаютъ къ устройству грядъ.

Когда не было у насъ, въ Ташкентѣ, спеціальныхъ земледѣльческихъ орудій, гряды обыкновенно дѣлались ручнымъ способомъ при помощи кетменя и въ большинствѣ плантанцій распространены были широкія гряды туземнаго образца; на такихъ грядахъ сарты культивируютъ дыни; хлопчатникъ сажался на нихъ такъ же, какъ и дыни, т. е. въ два ряда, по одному съ каждаго края

гряды. Такой способъ посадки имѣлъ слѣдующія неудобства: средина грядъ недостаточно увлажнялась, такъ какъ водѣ трудно проникнуть до нея; корни растеній, сидящихъ близко къ склону гряды, развиваются неравномѣрно; они, направляясь къ срединѣ гряды, встрѣчаютъ, какъ мы говорили, недостаточно увлажненную почву; при напускѣ воды въ арыки, корни растеній, находящіеся слишкомъ близко къ краямъ грядъ, промачиваются этой водой, чего хлопчатникъ не любитъ. Кромѣ того и прогрѣваніе солнечными лучами неравномѣрно.

Механическій способъ устройства грядъ мы считаемъ наиболѣе удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ по слѣдующимъ причинамъ.

1) Наиболѣе прямолинейныя, неширокія гряды (прямолин. если это, конечно, на равнинѣ) мѣрою въ 1 арш. 2 верш. въ основаніи; такая гряда болѣе или менѣе равномѣрно напитывается водою.

2) Разстояніе между грядами должно быть такое, чтобы отъ середины одной гряды до середины другой приходилось отъ 18 до 20 вершковъ, слѣдовательно, ширина арыка между грядами будетъ имѣть въ основаніи отъ 7 до 8 вершковъ.

3) Гряды должны быть выведены достаточно высокими.

4) Посѣвъ долженъ быть однорядный и производиться по самой серединѣ гряды; при этомъ пріемѣ корни растеній встрѣчаютъ по всѣмъ направленіямъ достаточную толщу обработанной земли и равномѣрно увлажняются водой.

Направленіе грядъ также не лишено значенія. Къ сожалѣнію только на очень ровныхъ, плоскихъ земляхъ можно придавать произвольное направленіе грядамъ; если же мѣстность имѣетъ болѣе или менѣе значительные уклоны, не говоря о мѣстностяхъ холмистыхъ—прихо-

дится поневолѣ опредѣлять направленіе грядъ направленіемъ арыковъ, зависящихъ отъ уклоновъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ устройствѣ грядъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что гряды должны быть на столько длинны, на сколько позволяетъ мѣстность и условія орошенія. Очевидно, что чѣмъ длиннѣе и прямѣе гряды, слѣдовательно, чѣмъ менѣе извилисты и спутаны промежутки между ними, тѣмъ легче обозрѣвается плантація, тѣмъ удобнѣе производить на ней пропахиванье и сборъ хлопка.

Устройство грядъ производится обыкновенными окучниками съ раздвижными крыльями (такими же, какіе употребляются для окучки картофеля или свекловицы). У насъ, напримѣръ, на плантаціи имѣлись окучники двухъ конструкцій: а) одни изъ цѣльнаго желѣза съ растворомъ крыльевъ въ 1 аршинъ ширины, б) другіе съ деревянной грядилью системы Фельзера съ растворомъ крыльевъ въ 12 вершковъ; послѣдніе, т. е. Фельзера, соединяются крестовиной два вмѣстѣ, и болѣе пригодны на ровной мѣстности для прямолинейныхъ грядъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ соединенномъ видѣ они не нуждаются въ маркерѣ. Первые предназначаются для склоновъ и мѣстностей холмистыхъ, гдѣ приходится дѣлать арыки на-глазъ, въ видахъ удобства орошенія.

По изготовленіи грядъ слѣдуетъ пускать воду на поле, чтобы, во-первыхъ, увлажнить почву передъ посѣвомъ, а во-вторыхъ, чтобы произвести осадку грядъ.

Время посѣва опредѣляется количествомъ тепла, потребнаго для проростанія сѣмянъ. Сѣмяна хлопчатника при 17° и 18° R проростаютъ чрезъ 5—6 дней, а при болѣе низкой температурѣ черезъ 10—15 дней. Позднѣе, въ концѣ апрѣля или началѣ мая, при еще большемъ нагрѣваніи почвы, мы наблюдали всходъ намоченныхъ сѣмянъ хлопчатника даже черезъ 3 дня послѣ

посѣва. Приблизительнымъ предѣломъ самаго поздняго посѣва хлопчатника въ Ташкентскомъ раіонѣ считается промежутокъ времени между 25 апрѣля и 1-го мая. Хотя въ нашей практикѣ и былъ случай посѣва 20 мая, но результаты были не удачны, хотя изъ этого окончательнаго вывода всетаки не слѣдуетъ еще дѣлать. При такомъ позднемъ посѣвѣ можно видѣть, что хотя растенія и подымаются быстро, но не достигаютъ роскошнаго развитія; вслѣдствіе слишкомъ скораго цвѣтенія онѣ остаются мелкими и даютъ мало коробочекъ; нужна очень теплая и продолжительная осень, чтобы такая плантація дала сколько нибудь удовлетворительный сборъ.

Очень ранній посѣвъ, если температура почвы еще недостаточно высокая, способствуетъ, по нашимъ наблюденіямъ, гніенію сѣмянъ хлопчатника. Кромѣ того ночи бываютъ холодныя и можно опасаться утренниковъ или инея. По нашему мнѣнію наиболѣе благопріятное время для посѣва хлопчатника – начало апрѣля.

Выборъ сѣмянъ хлопчатника. Свѣжесть сѣмянъ и годность ихъ для посѣва опредѣляется обыкновенно посредствомъ раскусыванія ихъ. Дозрѣвшее и хорошо сохранившееся сѣмя раскусывается съ особеннымъ трескомъ; свѣжее, здоровое сѣмя представляется на разломаной поверхности молочно-бѣлымъ съ мелкими черными точками; бурый оттѣнокъ указываетъ уже на негодность сѣмяни для посѣва.

Подготовка сѣмянъ къ посѣву. За сутки до посѣва сѣмяна хлопчатника намачиваются въ водѣ, а передъ посѣвомъ обваливаются въ древесной старой золѣ. Этотъ пріемъ употребляется для удобства посѣва; нѣкоторые же полагаютъ, что зола предупреждаетъ порчу сѣмянъ вредными насѣкомыми.

Посѣвъ. И такъ сѣмяна приготовлены къ посѣву. Переходимъ къ производству самаго посѣва.

До сихъ поръ посѣвъ производится у насъ, въ Ташкентскомъ раіонѣ, исключительно ручнымъ способомъ, (сѣялокъ еще не примѣнено); ручной гнѣздовой посѣвъ даетъ пока удовлетворительные результаты.

Что касается вопроса о томъ, на какомъ разстояніи должны отстоять другъ отъ друга растенія, то наши наблюденія показали, что при разстояніяхъ въ 12 верш. между растеніями и при окучиваніи въ одномъ направленіи, получались хорошіе результаты. Другіе же плантаторы совѣтуютъ оставлять между растеніями пространство отъ 16 до 18 вершковъ.

Для посѣва сѣмянъ на одинаковомъ разстояніи употребляется наметчикъ, который состоитъ изъ деревяннаго бруса или бревна длиною аршина $4^1/_2$, съ насаженными на немъ, на разстояніи отъ 1 арш. до 1 арш. 2 вершк., деревянными зубьями вершковъ 6-ти длиною.

Сѣмяна хлопчатника ни въ какомъ случаѣ не должны глубоко задѣлываться.

Послѣ посѣва и до времени ихъ всхода, сѣмянамъ угрожаютъ: а) опасность загнить и б) образованіе коры, которая получается отъ того, что влажная почва подъ вліяніемъ лучей солнца спекается. Въ предупрежденіе послѣдняго плáнтаторы высѣваютъ большее количество сѣмянъ на десятину: вмѣсто напримѣръ 2—3 пуд. высѣвается до 10 пуд. и болѣе, такъ что на каждую лунку приходится отъ 50 до 80 сѣмянъ, которыя, прорастая, взламываютъ образовавшуюся кору; иногда, впрочемъ, это не удается и въ такомъ случаѣ приходится подсѣвать. Можно принимать и другія мѣры, препятствующія образованію коры; такъ напримѣръ смѣшиваютъ перегной съ пескомъ и этою смѣсью засыпаютъ лунки. По нашему мнѣнію, способъ этотъ заслуживаетъ вниманія, хотя и вызываетъ лишній расходъ до 5 руб. на десятину.

Затѣмъ, въ иные годы, въ землѣ на сѣмяна напа-

даетъ червь и производитъ такое опустошеніе, что приходится возобновлять посѣвъ.

Эти невзгоды угрожаютъ лежащимъ въ землѣ сѣмянамъ хлопчатника, а потому осторожность обязываетъ каждаго плантатора имѣть достаточное количество запасныхъ сѣмянъ на случай подсѣва.

Такъ какъ въ началѣ апрѣля бываютъ дожди, то не мѣшаетъ убѣдиться, не подверглись ли сѣмяна гніенію, чтобы своевременно сдѣлать подсѣвъ.

При благопріятной погодѣ всходы бываютъ чрезвычайно дружные.

Прорѣживаніе всходовъ. Прорѣживаніе всходовъ раннихъ посѣвовъ производится приблизительно чрезъ 15 дней послѣ ихъ появленія, а позднихъ—не болѣе какъ черезъ недѣлю; операція эта заключается въ томъ, что изъ каждой лунки излишнія растенія удаляются посредствомъ выдергиванія; при этомъ нужно обращать вниманіе на молодыя растенія, сидящія въ каждой группѣ; онѣ не всѣ одинаковы: одни изъ нихъ крѣпче и выше другихъ, и надо оставлять такіе экземпляры, а выдергивать тѣ, которыя окажутся болѣе слабыми, а такъ какъ сѣмяна сѣются кучкой и молодыя растенія сидятъ тѣсно, при выдергиваніи приходится тревожить оставленные экземпляры, вслѣдствіе чего нѣсколько дней они болѣютъ.

Что касается числа растеній въ каждой лункѣ, то нами оставляется по три, хотя нѣкоторые плантаторы оставляютъ и по два.

Окучка. Первое разрыхленіе или пропахиваніе почвы дѣлается одновременно съ прорѣживаніемъ всходовъ. При механической обработкѣ первое пропахиваніе или разрыхленіе почвы производится одновременно поперекъ грядъ и вдоль арыковъ между растеніями; затѣмъ пускаются грядильники для возстановленія вновь грядъ и арыковъ.

Наилучшія для этой цѣли орудія, разрыхляющія землю, американскіе пропашники съ раздвижной рамой отъ 8 и до 16 вершк.; они прекрасно рыхлятъ и переворачиваютъ землю на глубину отъ 2 до 3 вершковъ. Затѣмъ пропашникъ-мотыга, американскій „Планетъ", тоже съ развижною рамою отъ 8 и до 16 вершк. шир. съ разными лапками, лемехами и другими приспособленіями для уничтоженія сорныхъ травъ. Въ первый и второй изъ нихъ впрягается одна пара быковъ; для ускоренія пропашки однако лучше впрягать лошадей, въ первый - одну пару, во второй - достаточно одной лошади.

При механической обработкѣ кетмень, или ручная работа, примѣняется въ томъ только случаѣ, когда по близости хлопчатника остаются сорныя травы и невозможно уничтожить ихъ орудіемъ, не рискуя подрѣзать и молодой хлопчатникъ.

Такимъ образомъ продолжаются и слѣдующія окучки или пропахиванія; этихъ окучекъ или пропахиваній должно быть произведено до цвѣтенія хлопчатника, т. е. до середины іюня—три, но иной разъ приходится ограничиться и двумя, а третью дѣлать тамъ, гдѣ только необходимо, когда сильное развитіе сорныхъ травъ мѣшаетъ росту хлопчатника.

Поливка хлопчатника. Вопросъ этотъ имѣетъ чрезвычайную важность въ дѣлѣ культуры хлопчатника. Неумѣлой поливкой этого растенія можно совершенно загубить урожай, поэтому надо обращать строгое вниманіе и на своевременность каждаго полива.

При умѣренномъ орошеніи въ началѣ роста хлопчатника появляется бо́льшее количество бутоновъ и ускоряется ихъ развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ конечно и сильно пересушивать хлопковую плантацію.

Правильное примѣненіе орошенія вырабатывается практикой плантатора; въ особенности пагубно вліяетъ на ростъ хлопчатника затопленіе плантаціи, когда взмученная почва образуетъ на стѣнкахъ грядъ сплошную корку, мѣшающую доступу воздуха въ почву, а слѣдовательно своевременному нагрѣванію ея (т. е. почвы). На возвышенныхъ мѣстностяхъ приходится поливать чаще, въ низинахъ гораздо рѣже. У насъ, напримѣръ, на возвышенныхъ мѣстахъ поливка дѣлалась, считая отъ начала посадки и до конца августа, 6-ть разъ, а въ низкихъ мѣстахъ 4 раза.

Цвѣтеніе. Окучка обыкновенно оканчивается къ 15 или 20 іюня, когда начинается цвѣтеніе, во время котораго кусты хлопчатника продолжаютъ разростаться все больше и больше. Началомъ цвѣтенія хлопчатника заканчивается періодъ весенней работы на плантаціи, разсчитываются лишніе рабочіе, оставляется только необходимое ихъ количество для поливки и уничтоженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сорныхъ травъ. Во время цвѣтенія поливка производится тогда, когда хлопчатникъ нуждается въ водѣ. Узнать время, когда хлопчатникъ наиболѣе нуждается въ водѣ, возможно, наблюдая окраску листа; при недостаткѣ почвенной влаги листъ начинаетъ темнѣть. Этотъ признакъ считается характернымъ. Въ мѣстахъ, гдѣ хлопокъ идетъ сильно въ ростъ, въ особенности въ низинахъ, поливка прекращается и кромѣ того производится обламываніе верхушекъ растеній.

Хлопчатникъ, при хорошихъ условіяхъ культуры, даетъ очень большое количество цвѣтовъ, но далеко не изъ всѣхъ ихъ получаются плодовыя завязи; во-первыхъ, часть ихъ опадаетъ, портится червемъ, а во-вторыхъ, много не успѣваетъ вызрѣть и дать годное волокно.

Ежегодно намъ приходится видѣть на своихъ плантаціяхъ, что на отдѣльныхъ экземплярахъ Упланда насчитывается весьма различное число коробочекъ, которыя должны дать волокно; можно встрѣтить кусты съ числомъ коробочекъ отъ 60 до 100 шт., но такихъ экземпляровъ встрѣчается, конечно, не много; большая же часть растеній имѣютъ отъ 20 до 30 коробочекъ; не мало находится на плантаціи и неразвившихся растеній, которыя даютъ отъ 5 до 10 коробочекъ. Первыя зрѣлыя коробочки раскрываются въ Ташкентскомъ раіонѣ чрезъ 4 мѣсяца послѣ посѣва. Растенія, зацвѣтающія въ іюнѣ и половинѣ іюля, даютъ зрѣлую коробочку черезъ 50 дней, а зацвѣтающія со второй половины іюля и въ началѣ августа—не раньше 60 или 65 дней; августовскіе цвѣты въ большинствѣ случаевъ не вызрѣваютъ.

Сборъ въ Ташкентскомъ раіонѣ обыкновенно начинается съ 15 сентября. Первый и второй сборы считаются лучшими по качеству волокна, если послѣднее снято до морозовъ; затѣмъ дѣлаются 3-й и 4-й сборы, волокно которыхъ много хуже и цвѣтъ его уже желтый, такъ какъ обыкновенно эти сборы подвергаются дѣйствію дождей и морозовъ.

Сѣмяна для посѣва обыкновенно оставляются изъ 2-го сбора, если, конечно онъ снятъ своевременно до морозовъ, а то приходится оставлять изъ 1-го. По нашему мнѣнію, для того, чтобы имѣть для посѣва хорошія сѣмяна, слѣдуетъ собирать ихъ не съ общаго поля, а выбирать на плантаціяхъ извѣстныя площади, гдѣ находятся болѣе сформировавшіеся и развитые кусты съ большимъ количествомъ плодовъ, что всегда можно встрѣтить, какъ на большой, такъ и на малой плантаціи; или же спеціально завести особую площадь земли для сѣмянъ и ухаживать за ней болѣе тщательно, отъ чего получатся самыя лучшія сѣмяна.

Стоимость обработки одной десятины.

I. Ручная обработка:

	Руб.	К.
Вспахать 3 раза и проборонить	9	15
Сдѣлать гряды	16	—
Полить одинъ разъ и сдѣлать запруду	3	20
Мочка сѣмянъ и подвозка ихъ	—	40
Посѣвъ	3	50
2-я поливка для продергиванія и запруда	4	—
Прорѣживаніе	4	—
3-я поливка передъ первой окучкой	4	—
1-я окучка	14	—
Поливка для 2-й окучки	4	—
2-я окучка	12	—
Поливка послѣ окучки	4	—
6-я поливка	4	—
Чистка арыковъ	3	—
Сборъ хлопка (60 пуд.)	12	—
Сѣмяна	2	—
Всего	99	60

II. Машинная обработка:

Вспахать 3 раза и проборонить	9	50
Сдѣлать гряды	2	20
1-е распредѣленіе арыковъ	3	15
Поливка 1-я, обваливаніе сѣмянъ и подвозка ихъ	1	05
Посѣвъ	3	20
Поливка 2-я для продергиванія	—	70
Прорѣживаніе	4	—
Поливка 3-я	—	70
1-я окучка	2	20
Уничтоженіе сорной травы около растеній	1	40
Возстановленіе арыковъ	2	20
2-е распредѣленіе арыковъ	3	85
4-я поливка	—	70
2-я окучка	2	20
Уничтоженіе сорной травы	1	40
Возстановленіе арыковъ	2	20
3-е распредѣленіе арыковъ	3	15
5-я и 6-я поливка	1	40

Чистка арыковъ	3	—
Сборъ хлопка (60 пуд.)	12	—
Сѣмяна	2	—
Всего	62	20

Въ суммы стоимости обработки какъ ручной, такъ и машинной не вошелъ расходъ на администрацію, ремонтъ, погашеніе имущества и проч. Вышеозначенныя цыфры расхода по обработкѣ десятины хлопка, какъ ручнымъ такъ и механическимъ способомъ, могутъ быть и дешевле и дороже; все это зависитъ отъ разныхъ условій.

Стоимость очистки. Плата за очистку на заводахъ бываетъ отъ 8 до 10 к. съ пуда сырца съ страховкою. Изъ хорошаго хлопка сырца 1-го сорта чистаго волокна получается 12—12¾ фун. изъ пуда, 2-го сорта хорошаго 12—12½ фун., изъ 3-го сорта хорошаго 11½ фун., изъ плохого 10 фунтовъ. Сѣмянъ получается отъ 27¼ до 27¾ фун. изъ пуда; стоимость полученныхъ сѣмянъ отъ очистки, въ среднемъ, оправдываетъ плату за очистку на заводахъ.

Сѣмяна, негодныя для посѣва, употребляются на кормъ рогатаго скота и на выдѣлку масла, а жмыхи идутъ на кормъ скоту; совсѣмъ негодное сѣмя изъ 3-го сорта можетъ служить хорошимъ удобреніемъ полей.

Очищенное волокно хлопка прессуется; вѣсъ кипъ отъ 8 до 9 пуд. въ каждой; на хорошо устроенныхъ прессахъ кипа выходитъ отъ 20 до 22 фун. на кубическій футъ. Для укупорки кипъ употребляется полотно пеньковое, джутовое и мата (хрящъ). Стоимость матеріала для укупорки колеблется между 1 р. 50 к. и 1 р. 65 к., а сама прессовка отъ 55 до 65 к., или всего на кипу отъ 2 руб. до 2 р. 20 коп.; а на каждый пудъ чистаго волокна падаетъ расходовъ до 25 коп.

Н. Никифоровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вспашка земли . . . . . 4.

Устройство грядъ . . . . . 5.

Выборъ сѣмянъ хлопчатника . . . . . 8.

Подготовка сѣмянъ къ посѣву . . . . . —

Посѣвъ . . . . . —

Прорѣживаніе всходовъ . . . . . 10.

Окучка . . . . . —

Поливка хлопчатника . . . . . 11.

Цвѣтеніе . . . . . 12.

Сборъ. . . . . 13.

Стоимость обработки одной десятины . . . . . 14.

Стоимость очистки . . . . . 15.

Ледники въ верховьяхъ Малой Алматинки (Туюкъ-су) въ Заилійскомъ Алатау, близъ г. Вѣрнаго.

д. чл. Туркестанскаго Отдѣла И. Р. Г. О.

С. Е. Дмитріева.

Отъ Вѣрнаго до ледниковъ.

Обрусѣвшее имя „Малая *Алматинка*“ (Яблонька), носимое водной артеріей г. Вѣрнаго, вполнѣ къ ней пристало, такъ какъ она, именно, питаетъ сплошную зелень *яблочныхъ* садовъ въ этомъ городѣ, который почти всѣмъ своимъ планомъ и раскинулся по конгломератовому выносу изъ ея же горной долины, на сѣверномъ склонѣ Заилійскаго Алатау [1]); дикій же яблочникъ продолжаетъ осѣнять ея воды и выше по самой ея долинѣ. Но киргизы отличаютъ Малую Алматинку названіемъ „*Туюкъ-су*“ (*непроходимая* р.) изъ за отсутствія прохода по ней черезъ горы, подобно извѣстному Алматинскому перевалу въ верховьяхъ ея западной сосѣдки и тезки—Большой Алматинки. Для краткости будемъ придерживаться послѣдняго названія.

---

[1]) Конгломератовыя отложенія Тянь-Шаня признаются, какъ извѣстно, за результатъ дѣятельности водъ въ озерный періодъ этой горной страны, слѣдующій за ледниковымъ (*П. П. Семеновъ*, *П. В. Мушкетовъ*, *А. Н. Красновъ*). Слѣдуетъ удивляться силѣ тогдашнихъ горныхъ потоковъ при видѣ нѣкоторыхъ валуновъ, входящихъ въ составъ этихъ образованій. Однимъ изъ такихъ является, напр., валунъ, лежащій въ 2-хъ верстахъ отъ Вѣрнаго, на пути изъ города въ лагерь; величина его—свыше 250 куб. метровъ, и издали онъ часто принимается за киргизскую юрту.

Желающимъ посѣтить верховья *Туюка* предстоитъ сначала очень удобный путь. Отъ самаго города и затѣмъ долиною рѣки—на 15-ти верстахъ—разработана колесная дорога, и больше чѣмъ за половину ея вы развлекаетесь видами дачъ и пасѣкъ, такъ что почти незамѣтно для себя поднимаетесь на двойную абсолютную высоту Вѣрнаго, у дома киргиза *Медеу*, выстроеннаго по-русски [1]). Но дальше путь уже только верховой, такъ какъ рѣчная долина, до сихъ поръ довольно широкая и уклонявшаяся къ востоку, недалеко отъ Медеу съуживается въ настоящее ущелье, врѣзываясь въ горы прямо на югъ.

По указаніямъ геологовъ, уже въ этой области можно разсчитывать на встрѣчу слѣдовъ простиранія древнихъ ледниковъ Алатау [2]). Слѣды эти оказываются, дѣйствительно, и въ Мало-алматинской (Туюксуйской) долинѣ. Они представлены сглаживаніемъ скалъ и остатками морены въ самомъ устьѣ названнаго ущелья, верстахъ въ 2-хъ отъ Медеу. Рѣка размыла морену съ обѣихъ сторонъ и отъ нея сохранилась только средняя часть, образованіе которой изъ безпорядочнаго скопленія глины и валуновъ ясно видно. Ельникъ, зона котораго начинается немного ниже, посылаетъ и на

---

[1]) По даннымъ Главной Физ. Обсерваторіи высота Вѣрнаго в. у. м. равняется 793.4 m., домъ Медеу стоитъ на высотѣ 1600 m.—Эта высота, равно какъ и всѣ послѣдующія предлагаемой работы установлена по анероиду № 16795, который передъ поѣздками и по возвращеніи провѣрялся на Вѣрненской метеорологической станціи. Нѣкоторые пункты опредѣлялись еще, сверхъ того, гипсотермометромъ.—*Вѣрный* же взятъ и базою при вычисленіяхъ, при чемъ наблюденія станціи за соотвѣтствующій періодъ приняты съ разсчетомъ уклоненія ихъ отъ многолѣтнихъ среднихъ.—Въ виду малочисленности моихъ опредѣленій высоты показаны съ приближеніемъ въ 50 мет.

Изъявляю благодарность наблюдателю Вѣрненской метеорол. станціи К. А. Ларіонову за его содѣйствіе по провѣркѣ анероида.

[2]) *И. В. Мушкетовъ.*—См. *А. Н. Красновъ*: „Опытъ исторіи развитія флоры южной части Восточнаго Тянь-Шаня“, 1888 г., стр. 42.

морену нѣсколько своихъ представителей. Абсолютная высота морены опредѣляется барометромъ въ 1700 метровъ. Современное русло рѣки справа отъ нея, подъ отвѣсной скалой прилегающаго бока ущелья.

Какъ разъ отъ этого пункта дорога поднимается налѣво и потомъ уже ни разу не переходитъ на другую сторону рѣки. Правый склонъ ущелья все время сохраняетъ свой скалистый характеръ съ крутымъ, высокимъ паденіемъ къ самой рѣкѣ, только на 3-ей верстѣ прерываясь мягкимъ уваломъ—„*Тлепперіенъ-джайляу*"; лѣвый же склонъ очень крутъ только внизу, выше онъ болѣе отлогій и эта продольная терраса образована мягкимъ наносомъ; голыя скалы выступаютъ по ней только спорадически, въ перемежку съ отторженцами.

Высоко надъ шумящимъ по дну ущелья потокомъ рѣки часа полтора-два приходится ѣхать здѣсь косогоромъ, сначала луговинами, потомъ (за отщелкомъ „*Кюйгенъ-сай*")—прекраснымъ еловымъ лѣсомъ, пока тропа не приведетъ къ послѣднему аулу въ урочищѣ „*Аманъ-джайляу*".

Абсолютная высота аула—2400 метровъ, разстояніе же его отъ Медеу 7—8 верстъ. Такимъ образомъ, послѣдняя часть пути отъ города оказывается *вдвое* круче, чѣмъ первая. Здѣсь, въ отщелкахъ, также видны кое-гдѣ сглаженныя скалы, а на той сторонѣ, подъ защитою склона горы на сѣверъ, пріютилось снѣговое поле, и расположеніе обломочнаго матеріала поперечными валами ниже его указываетъ на бывшій когда-то тутъ ледникъ.

Отсюда дорога еще труднѣе, хотя и на короткѣ. Уже въ какой-нибудь верстѣ отъ Амана остаются позади послѣднія ели (2600 m. н. у. м.; по утесамъ праваго склона одиночныя елки лѣпятся, впрочемъ, еще выше) и тутъ же разомъ ущелье преграждается...

Передъ нами высятся узкія скалистыя *ворота*, загроможденныя давнимъ выносомъ (поросли арчи—Iuniperus pseudosabina) и болѣе свѣжей щебневой осыпью. Прорытымъ въ выносѣ русломъ рѣка низвергается въ ущелье пѣнистыми каскадами. Едва примѣтная тропинка, зигзагами на осыпяхъ, вьется надъ нею вверхъ по лѣвому скату. Крутой подъемъ и уже сильно разрѣженный воздухъ заставляютъ лошадь дѣлать частыя остановки...

Но новый видъ живописной альпійской долины „*Мынъ джылкы*“ (1000 лошадей), открывающійся сверху воротъ, съ излишкомъ вознаградитъ любителя природы за всѣ эти трудности. Украшенная яркимъ ковромъ высокаго горнаго луга, долина особенно привлекательна въ лѣтній солнечный день и ни мало не теряетъ отъ своихъ небольшихъ размѣровъ; при поперечникѣ около полуверсты она и въ длину не свыше $1^3/_4$ вер., такъ какъ и сзади, съ южной стороны, она также заграждена высокимъ и крутымъ, но *голымъ*—каменистымъ выносомъ, который въ слѣдующихъ воротахъ отдѣляетъ ее отъ вышележащей области, скрывая послѣднюю отъ взора подобно тому, какъ болѣе узкія нижнія ворота заслоняютъ самую долину со стороны ущелья. При такомъ устройствѣ „*Мынъ-джылкы*“ является впадиною, открытою только на сѣверъ, съ уклономъ около 6^0. Высота долины надъ уровнемъ моря=2900—3000 метровъ [1]).

[1]) „*Мынъ-Джылкы*“ принадлежитъ къ лѣтовкѣ упомянутаго Амана, и въ свою первую поѣздку 16 іюля, (1902 г.) я засталъ еще здѣсь табунокъ киргизскихъ лошадей. Въ августѣ ни одной лошади уже не было. Только стая кумаевъ пировала на трупѣ жеребенка, да множеество сурковъ тявкали у своихъ норъ. Иногда раздавался протяжный сторожевой крикъ улара, а потомъ можно было разсмотрѣть цѣлый выводокъ этихъ крупныхъ, осторожныхъ птицъ, перелетающихъ по высокимъ скаламъ.—Изъ животнаго міра интересно упомянуть еще слѣпней, которыхъ вначалѣ не было ни одного, а 6 августа вдругъ появился цѣлый рой; также бабочекъ и божью коровку, встрѣченныхъ мною на самыхъ ледникахъ. Насѣкомыя эти, вѣроятно, были увлечены на такую высоту вѣтромъ, дующимъ періодически снизу долины.

Туюкъ протекаетъ черезъ „*Мынъ-джилкы*“ извилистой лентой шириною до 3-хъ метровъ, и здѣсь самое начало рѣки. Она берется *тремя* истоками съ голыхъ камней задней—южной стѣны долины. Лежащія по сторонамъ снѣговыя поля, на верху пяти боковыхъ ущелій: 1—справа и 4 слѣва, пополняютъ верховья рѣки только родниками изъ почвы у дна долины. Форма образованій, замыкающихъ устья этихъ ущелій въ долину, напоминаетъ старыя морены, но всѣ онѣ видимо уже давно до самаго верха заросли травою, а промытыя въ нихъ русла потоковъ высохли.

За то заднее загражденіе долины являетъ уже всѣ признаки недавняго ледниковаго происхожденія, и достаточно взобраться по этимъ камнямъ еще на 300 метровъ вверхъ, чтобы увидѣть воочію и сложившіе ихъ *ледники*.

На этой послѣдней ступени—въ области „*Каръ-джеръ*“, какъ характерно называютъ ее киргизы (буквально: „*снѣговая область*“)—рѣчная долина оканчивается широкой котловиною съ пятью развѣтвленіями: 2—на востокъ, 1—на юго-востокъ, 1—на западъ и съ пятымъ продолженіемъ на югъ—до самаго станового гребня З. Алатау. Каждое развѣтвленіе даетъ начало собственному леднику, которые и спускаются по своимъ ложамъ болѣе или менѣе далеко, въ зависимости отъ условій своего питанія. Ледники и нынѣ не всѣ порвали между собою связь; расположеніе же и разнообразіе состава ихъ моренъ, выражающееся также въ цвѣтѣ послѣднихъ, позволяютъ отчасти прослѣдить ихъ прежнее простираніе въ котловинѣ.

Главный ледникъ S—N.

Изо всей группы прежде всего бросается въ глаза центральный ледникъ—тотъ, который выдвигается изъ *южнаго* продолженія котловины по линіи магнитной стрѣлки. Онъ самый большой изъ 5-ти и, благодаря

своему положенію, наиболѣе совершенный по образованію своихъ частей. Очевидно, прежде онъ составлялъ *главное*, срединное теченіе древняго ледника, а его сосѣди лишь пополняли его массу. И теперь онъ одинъ только открыто проходитъ черезъ всю котловину, даже нѣсколько спускаясь по обрыву выноса въ ея воротахъ выгнутымъ каменистымъ валомъ (конечная морена). Этотъ конечный валъ ледника видѣнъ и снизу, изъ долины „*Мынъ-джилкы*", по срединѣ выноса.

По совершенству образованія этотъ ледникъ превосходитъ многіе ледники и въ *Джунгарскомъ Алатау*, на которыхъ мнѣ пришлось быть въ 1896—99 г.г. въ верховыхъ *Тишкана*, *Чежина* и *Бурхана*. Когда видишь его одѣтымъ сверкающей пеленою дѣвственнаго альпійскаго снѣга, то поэтическое сравненіе съ „престоломъ" напрашивается само собою.

Къ сожалѣнію, эта же бѣлоснѣжная одежда помѣшала болѣе подробному обслѣдованію ледника, сглаживая контуры и скрывая многія детали. Въ день моего восхожденія на ледникъ, 5 августа 1902 г., конецъ его оказался большею частью оголеннымъ, но выше начинался уже сплошной пластъ снѣга. Онъ былъ глубже на скатахъ и мельче на возвышенныхъ мѣстахъ. На послѣднихъ глубина снѣга повышалась такимъ образомъ:

Разстояніе отъ конца ледника въ верстахъ [1]).	Абсолютная высота въ метрахъ.	Глубина въ метрахъ [1]).
1.4	3400	0.02
1.7	3500	0.45
2.2	3550	0.75
2.6	3600	1.08
2.9	3650	1.20

[1]) Разстояніе измѣрялось шагами послѣ предварительнаго опредѣленія средней длины шага на ледникѣ. Глубина снѣга опредѣлялась альпійскою палкой съ дѣленіями.

Я не могъ также опредѣлить точно длину ледника, такъ какъ дальше 2 в. 450 саж. я по нему не проходилъ.

Однако высоту достигнутаго мною пункта можно принять за абсолютную высоту *фирновой линіи* ледника: отсюда оставалось всего шаговъ 500 *ровной* поверхности до мѣста, гдѣ ледникъ склоняется въ мульду своего снѣжнаго бассейна. До задней стѣны послѣдняго оставалось также около 1500—2000 шаговъ, но... я былъ одинъ, а снѣгъ и на самомъ верху продолжалъ осѣдать подо мною такъ сильно, что заставилъ, наконецъ, вспомнить объ особенной опасности фирновыхъ трещинъ на дальнѣйшемъ пути.

Приведенныя величины даютъ приблизительную длину ледника въ 4 версты вмѣстѣ со снѣжникомъ. Его нижній конецъ лежитъ на 3300 метрахъ н. у. м, фирновая линія, какъ указано—на 3650 метрахъ. Общій уклонъ поверхности ледниковаго потока, опредѣленный эклиметромъ съ двухъ противуположныхъ точекъ отъ фирновой линіи внизъ и обратно на эту линію отъ конца ледника, оказался равнымъ менѣе 10°. Такимъ образомъ, ледникъ можетъ быть причисленъ къ „альпійскимъ ледникамъ I порядка".

Столь же типичнымъ для альпійскихъ ледниковъ представляется и *циркъ*, въ которомъ скопляются главные снѣжные запасы, питающіе нашъ ледникъ. Циркъ простой—однокамерный. Задней стѣной ему служитъ сѣверный склонъ станового гребня З. Алатау—высшая ступень хребта на данномъ меридіанѣ; боковыми стѣнами—начала 2-хъ сѣверныхъ отроговъ хребта, опоясывающихъ котловину и идущихъ потомъ внизъ для образованія Мало-алматинской (Туюксуйской) долины.

На глазомѣръ, гребень хребта возвышается здѣсь надъ фирновой линіею метровъ на 400—500, такъ что

его собственная высота надъ уровнемъ моря будетъ, вѣроятно, около 4100 метровъ.

Расширяясь замѣтно только въ восточномъ направленіи, циркъ кажется, какъ будто *однобокимъ* и имѣетъ, на глазъ, около версты поперечника. Склоны его очень круты, особенно сѣверный—отъ главнаго хребта. Мощныя толщи снѣга покрываютъ гребень и склоны и, только сползая съ боковъ, съ задней стѣны прямо обрываются и скатываются лавинами, оставляя на склонѣ слоистые навѣсы съ неровными, причудливыми изгибами.

Выдавливаясь изъ боковой ниши цирка, фирнъ сталкивается съ тѣми фирновыми массами, которыя имѣютъ прямой выходъ въ долину съ другихъ склоновъ бассейна, тѣснитъ ихъ влѣво и заставляетъ изгибаться. Получается подобіе *водоворота*, въ томъ видѣ, какъ его можно наблюдать, напримѣръ, гдѣ нибудь на быстрой рѣчкѣ подъ защитой берегового мыса.

Водяной воронкѣ, которая крутится въ центрѣ такого водоворота какъ разъ соотвѣтствуетъ мульда, углубляющаяся на ледникѣ подъ правымъ склономъ долины.

Надъ самой мульдой въ воротахъ цирка видѣнъ поперечный разрывъ фирна, происходящій отъ того же кругообразнаго движенія.

Такимъ образомъ открывается еще одна черта сходства между ледникомъ и рѣкою,—сходства, уже давно подмѣченнаго изслѣдователями въ другихъ отношеніяхъ.

Ледникъ выступаетъ изъ воротъ своего цирка величаво и спокойно. Только съ праваго края, по линіи воротъ, на немъ есть вышеуказанный поперечный разрывъ съ невысокимъ уступомъ, который сглаживается, не доходя средины ледника.

Также спокойнымъ нужно назвать и дальнѣйшее теченіе ледниковаго потока до самаго конца его, но не однообразнымъ. Сначала ледникъ движется въ настоящихъ берегахъ между обступающихъ его съ обѣихъ сторонъ горныхъ массивовъ (этихъ, какъ бы, „поручней престола"), а затѣмъ спускается въ нижележащее расширеніе котловины, въ которое выходятъ (или только глядятъ на него) и остальные ледники, его бывшіе притоки, и тутъ его берега теряются. Оттого по ходу ледника ниже снѣжника рѣзко различаются двѣ части: верхняя—междустѣнная и нижняя—котловинная, безъ береговъ.

Верхняя часть длиннѣе нижней, приблизительно, вдвое. Ледникъ даетъ здѣсь три главныхъ косыхъ волны, изъ которыхъ первая отъ снѣжника и послѣдняя къ выходу приподняты у лѣваго берега и склоняются къ правому, средняя же, промежуточная, волна имѣетъ обратное склоненіе—справа на лѣво.

Кромѣ возможной неровности ложа въ образованіи первой, верхней ледяной волны участвуетъ также и кругообразное теченіе фирна въ снѣжникѣ, которое только что описано.

Головы 2-й и 3-ей волнъ приходятся у впаденія нынѣшнихъ притоковъ ледника: 1) у праваго, который спускается широкимъ фирновымъ потокомъ, граничащимъ съ главнымъ снѣжникомъ скалистымъ гребешкомъ воротъ цирка и 2) у лѣваго, представляющагося настоящимъ ледникомъ, который, переливаясь въ общее русло черезъ скалистый приступокъ, показываетъ множество мелкихъ поперечныхъ бороздъ, но безъ разрывовъ.

Направляясь косвенно внизъ по теченію ледника, волны имѣютъ видъ очень отлогихъ, плоскихъ ступеней (уклонъ каждой не свыше 5^0—8^0) и также съ мягкими переходами одной въ другую и въ нижнюю

область ледниковаго потока. Наиболѣе крутыми оказываются, понятно, тѣ возвышенныя участки волнъ у краевъ ледника.

На такомъ вспучиваніи *третьей* волны я встрѣтилъ 5 *краевыхъ трещинъ*, которыя обнаруживали голубоватый цвѣтъ ледниковаго льда. Трещины идутъ отъ лѣваго края ледника къ его срединѣ и *вверхъ* по теченію, указывая на извѣстную неравномѣрность вь движеніи ледяной массы. У самаго края ширина трещинъ до 2-хъ метровъ; онѣ выклиниваются шаговъ черезъ 300—400. Съ выступовъ стѣнъ висятъ въ глубину трещинъ большіе сталактиты и меньшія сосульки льда.

Здѣсь же, на 3-ей волнѣ. у входа ледника изъ скалистыхъ стѣнъ въ котловину, гдѣ онъ начинаетъ расширяться, видны еще *продольныя* трещины. Я насчиталъ ихъ 6. Онѣ ясно выдѣлялись на поверхности ледника въ видѣ идущихъ рядомъ полосъ, совсѣмъ бѣлыхъ отъ набившагося въ нихъ сверху снѣга.

Въ одну изъ этихъ продольныхъ трещинъ, шириною 0.6 m., я спускалъ бичевку со свинцовой гирею, и 57 метровъ бичевки до дна не хватило. Однако я не могу рѣшить, не уносило ли фунтовой гири теченіемъ воды, глухо журчавшей въ темной глубинѣ трещины. Всплеска отъ паденія гири въ воду не было слышно. Если судить о мощности льда въ этомъ пунктѣ по толщинѣ ледника у его конца (которая *въ 30 саженяхъ отъ лѣваго языка оказалась только въ 6 десиметровъ*), то, повидимому, она не будетъ здѣсь столь значительною, хотя и не слѣдуетъ забывать, что при расширеніи ложа (и отъ таянія) мощность ледника должна убывать книзу очень быстро.

Нижнюю котловинную часть ледника можно принять за его четвертую и послѣднюю волну. Этой волной, до версты длиною, ледникъ занимаетъ всю

среднюю область котловины до самаго ея устья, чѣмъ существенно отличается отъ своихъ сосѣдей—боковыхъ ледниковъ. Указанная выше потеря ледникомъ его береговъ происходитъ не сразу. Передъ расширеніемъ котловины отступаетъ сначала горный массивъ, ограничивающій ледникъ *справа*, и тотчасъ же подъ нимъ ледниковый потокъ раздается къ востоку, еще тѣснимый скалами съ противоположной стороны. Но здѣсь же наблюдается и большая ширина ледника между его боковыми моренами—до 250 саженъ: къ концу онъ съуживается, не смотря на то, что потомъ и лѣвый боковой горный массивъ, обрываясь отворачиваетъ къ западу. Такъ, въ 30 саженяхъ отъ лѣваго ледяного языка эта ширина равняется уже только 160 саж.

Правая половина котловинной волны выше лѣвой и представляетъ длинный *горбъ* съ плоскимъ углубленіемъ въ срединѣ и съ поперечникомъ отъ 15-ти до 40-ка саженъ. Своимъ длиннымъ внутреннимъ скатомъ горбъ сталкивается въ серединѣ ледника съ низкой отлогостью его лѣвой половины такъ, что тутъ получается слабая провислость съ трещиною, по которой бѣжитъ ручей, мѣстами въ ней пропадая. Но низкая лѣвая сторона сама еще склоняется къ лѣвой моренѣ, дополняя поперечный уклонъ ледника справа на лѣво, т. е. обратный его предыдущей, 3-ей волнѣ.

Съ обѣихъ описанныхъ сторонъ ледникъ, утончаясь, переходитъ въ два *языка*, одинаково похожихъ на зазубренный ланцетъ. Правый языкъ—отъ горба—выступаетъ дальше лѣваго и круче его вдвое (углы паденія того и другого: 10° и 5°). Онъ покрытъ больше грязью и ровенъ, а лѣвый, на оборотъ, засыпанъ еще щебнемъ и несетъ на поверхности продольныя ледяныя гривки и ледяные же конусы, до 1.5 метра

высотою, покрытые пескомъ и тонкой ледниковой мукою.

Но, какъ выше указано, этими языками весь ледникъ еще не кончается. Въ треугольномъ пространствѣ между ними масса льда продолжается еще нѣсколько ниже, возвышаясь по краю выгнутымъ валомъ (конечной морены), высотою до 5 метровъ, съ двумя холмами по угламъ, какъ сторожевыми насыпями. Правый уголъ выходитъ дальше лѣваго. Еще одинъ-третій — холмъ стоитъ впереди вала, ближе къ правой сторонѣ. Весь этотъ треугольникъ льда, гранича съ лѣвымъ языкомъ трещиною, а съ правымъ короткой и низкой каменистой грядою, сплошь закрытъ щебнемъ и валунами, и только съ внѣшней, сѣверной стороны, гдѣ конечный валъ лежитъ надъ крутизною мореннаго ската въ долину, существуетъ два ледяныхъ *лба*, одѣтые снѣгомъ: одинъ подъ лѣвымъ изъ упомянутыхъ холмовъ, а другой рядомъ съ правымъ, кнаружи отъ него. Снѣгъ на правомъ лбу отличается *красноватымъ* оттѣнкомъ.

Боковыя морены не только дѣлаютъ возможнымъ точное измѣреніе площади ледника и въ его котловинной обдасти, не имѣющей береговъ, но отчасти и пополняютъ здѣсь его размѣры, такъ какъ обратно съуженію ледниковаго потока онѣ къ концу его расширяются. Морены развиты прекрасно съ обѣихъ сторонъ ледника. Начало ихъ относится, вѣроятно, къ самымъ воротамъ снѣжника: по крайней мѣрѣ, и на высотѣ того пункта, докуда мнѣ удалось дойти по леднику, я видѣлъ у его лѣваго края обломки скалъ подъ одѣвавшимъ ледникъ снѣгомъ. Отъ мѣста принятія ледникомъ притоковъ съ ограничивающихъ его въ верхней области горныхъ массивовъ боковыя морены идутъ уже вполнѣ сформированными. Книзу онѣ постепенно увеличиваются и пріобрѣтаютъ сразу

большіе размѣры отъ угловъ, гдѣ названные массивы отступаютъ передъ расширеніемъ котловины.

Отворачивая въ противоположныя стороны на востокъ и на западъ, эти массивы образуютъ склоны на сѣверъ, покрытые толстымъ пластомъ снѣга, слоистость котораго отчетливо видна съ правой стороны. Этотъ снѣгъ, сползая, доставляетъ дополнительное питаніе боковымъ ледникамъ котловины: юго-восточному и западному, которые оба подходятъ къ описываемому—главному, такъ что здѣсь его боковыя морены обращаются въ *среднія* съ тѣми, пополняясь сносимымъ ими матеріаломъ. Но черезъ нѣкоторое время это соприкосновеніе ледниковъ прерывается и къ концу морены опять становятся лишь боковыми.

Такъ какъ правый массивъ отворачиваетъ раньше, то котловинный участокъ правой морены оказывается длиннѣе лѣваго. Кромѣ того, онъ уже его въ началѣ и по всей длинѣ круче. Оттого на лѣвой моренѣ совсѣмъ нѣтъ обнаженій льда и, наоборотъ, они во многихъ мѣстахъ наблюдаются по внутреннему скату правой — отъ сползанія каменистаго покрова. Надъ поверхностью ледника обѣ морены возвышаются, приблизительно, одинаково; только въ концѣ правая морена, относительно, выше. Также сходны онѣ и по ровности своего гребня, которая нарушается лишь въ самомъ концѣ, гдѣ морены, нѣсколько загибаясь внутрь, охватываютъ конечные углы ледника: здѣсь лѣвая морена заканчивается цѣпью изъ трехъ холмовъ, а правая сходитъ уступомъ.

Морены обрываются надъ указаннымъ уже ранѣе крутымъ скатомъ, который отъ самаго края ледника, съ высоты до 170 метр. и подъ угломъ до 40°, падаетъ на болѣе отлогую *террасу* изъ тѣхъ же обломковъ. Послѣдняя, съ мульдами и буграми, тянется сама около 180 саженъ, прежде чѣмъ оборваться

такимъ же дугообразнымъ, какъ и край ледника, выступомъ въ долину „*Мынъ-джилкы*“, какъ разъ въ самомъ выходѣ въ нее котловины.

Снаружи конецъ лѣвой морены примыкаетъ къ каменному полю, образуемому западнымъ ледникомъ (см. ниже); правая же сама расширяется кнаружи въ такое же *каменное поле*, которое и замыкаетъ ворота котловины вправо отъ главнаго ледника. Выступая дальше крутого ската подъ этимъ ледникомъ, это возвышенное каменное поле осыпаетея въ сторону долины самостоятельно и на его нижнюю моренную террасу посылаетъ только узкій продольный валъ.

Боковыя и конечныя морены главнаго ледника отличаются своимъ составомъ изъ продуктовъ разрушенія кристаллическихъ горныхъ породъ, придающихъ имъ *сѣро-красный* цвѣтъ. Но отъ встрѣчи ледника съ юго-восточнымъ къ его правой моренѣ примѣшиваются еще обломки *чернаго* сланца. Этотъ же сланецъ находится въ большой примѣси и къ *правому каменному полю*, а идущій книзу отъ послѣдняго продольный валъ—совсѣмъ черный.

Отдѣльные валуны въ боковыхъ моренахъ достигаютъ величины 8 куб. метр.; на скалѣ подъ ледникомъ видна примѣсь песку и ледниковой муки; полированные и штрихованные камни встрѣчаются также по этому скату.

Валуны и щебень разбросаны и по самой *поверхности* ледника, но больше скопляются у его краевъ, около моренъ, и замѣчательно различіе обѣихъ сторонъ: крупные валуны лежатъ главнымъ образомъ у правой морены, образуя здѣсь множество ледниковыхъ столовъ, иногда очень типичныхъ; у лѣваго же края наблюдается только полоса щебня до 40 саженъ въ ширину отъ морены. На верху горба я встрѣтилъ много ямокъ съ темными камешками на

днѣ—*ледниковые стаканы.*—Открытая поверхность льда мѣстами (также на горбѣ) имѣетъ рыхлый, пористый видъ и отличается бѣлымъ цвѣтомъ; но большею частью ледъ закрытъ грязью. Въ углубленіяхъ множество дугообразныхъ, выпуклыхъ книзу бороздъ, замѣтныхъ особенно на языкахъ и вообще по конечному склону ледника, грязь, смываемая водою, скопляется въ видѣ черныхъ полосъ такой же дугообразной формы.

Въ дни моего посѣщенія, 5 и 6 августа, ледникъ былъ въ полной дѣятельности. Подъ горячими лучами солнца ледъ подвергался энергичному таянію, и по всей открытой ледяной поверхности бѣжали безчисленные ручейки воды. Утромъ внизу ледника нога то и дѣло попадала въ лужицы, подернувшіяся за ночь тонкимъ ледкомъ, а когда я шелъ по леднику вверхъ сплошнымъ снѣгомъ, то онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, шурша, осѣдалъ подо мною кругами въ 6—10 метр. діаметромъ. Въ теченіе однѣхъ сутокъ вода и тепло успѣли отточить снова остріе лѣваго ледяного языка, которое я обломалъ наканунѣ десиметра на 4.

Мелкіе и крупные ручьи сливаются въ три главныхъ водныхъ потока: два краевыхъ и одинъ средній. Краевые потоки собираются въ желобахъ между краевыми моренами и обращеннымъ къ нимъ скатомъ ледника (скатъ горба къ правой моренѣ—18°), средній же бѣжитъ по трещинѣ, которая, начинаясь подъ третьей волной справа, пересѣкаетъ наискось горбъ и затѣмъ принимаетъ продольное направленіе по описанной провислости между горбомъ и низкой лѣвой половиной ледника. Мѣстами, какъ уже упомянуто, средній потокъ уходитъ сквозь трещину подъ ледъ. Наибольшая ширина ручьевъ—0.5 метр., глубина—0.4 метр.

Обогнувъ лѣвый ледяной языкъ съ внутренней стороны, средній водный потокъ впадаетъ въ лѣвый боковой, такъ что въ концѣ концовъ главный ледникъ даетъ рѣкѣ два истока отъ обоихъ своихъ языковъ. Они подмываютъ ледяныя основанія угловыхъ холмовъ конечнаго ледниковаго вала, каждый со своей стороны, и стремятся внизъ по крутому моренному скату шумными каскадами. Достигнувъ *нижней террасы*

моренъ, лѣвый потокъ уклоняется влѣво и, соединившись съ ручьемъ западнаго ледника, открыто выбѣгаетъ въ долину „*Мынъ-джилкы*“ *лѣвымъ* истокомъ *Туюка*; правый же скрывается сначала въ мульду на концѣ террасы и потомъ уже выбивается изъ камней внизу ея, образуя *средній* истокъ рѣки.

На концѣ правой морены ледника встрѣчены три озера: одно вверху (каменное поле) и два ниже—на уступѣ морены. Озера овальной формы и небольшой величины: 20—25 саж. въ поперечникѣ. Вода въ нихъ прекраснаго бирюзоваго цвѣта[1]).

Правые боковые ледники.

Съ правой стѣны котловины въ нее вдаются двѣ короткія поперечныя гривы, которыя и разграничиваютъ три ея восточныхъ развѣтвленія, занятыя боковыми ледниками.

Самымъ большимъ изъ этихъ трехъ ледниковъ будетъ верхній, выходящій изъ цирка въ *юго-восточномъ* углу между изгибомъ праваго горнаго массива и верхней гривою, гдѣ залегаетъ его широкій, но не глубокій снѣжникъ. Первоначальное направленіе его теченія SO—NW въ связи съ вышеуказаннымъ питаніемъ ледника еще съ самаго крыла названнаго массива способствуютъ встрѣчѣ его съ описаннымъ уже главнымъ ледникомъ. Но масса послѣдняго оттѣсняетъ ледникъ и заставляетъ его повернуть *по котловинѣ* рядомъ съ собою на сѣверъ (см. выше). Искривленное положеніе SO—NW—N видно и на моренахъ ледника: двухъ боковыхъ и средней. Правая боковая морена, начинаясь отъ снѣжника, огибаетъ подножіе верхней поперечной гривы широкимъ валомъ и потомъ смѣшивается съ конечной мореною сосѣдняго ледника O—W. Эта морена черна, какъ уголь. Средняя морена, болѣе свѣтлая, идетъ такимъ же изгибомъ посрединѣ ледника отъ его вспучиванія въ воротахъ цирка (выступъ скалы?). Нако-

[1]) 19-го августа 1903 г. на мѣстѣ верхняго озерка оказалась одна яма: вода промыла себѣ ходъ и ушла.

нецъ, лѣвая небольшая гряда, опять черная, подходитъ дугою къ правой боковой моренѣ главнаго ледника и сливается съ нею (см. выше). Пройдя по котловинѣ до высоты лѣваго края сосѣдняго ледника O—W, юго-восточный ледникъ оканчивается плоскимъ языкомъ, весьма похожимъ на языки главнаго ледника. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ конца ледника возвышается валъ его конечной морены, а за нею, подъ наружнымъ скатомъ правой моренной гряды главнаго ледника, слѣдуетъ впадина, простирающаяся къ выходу котловины до праваго каменнаго поля, выше описаннаго. Дно этой впадины усыпано тѣми же обломками чернаго сланца, изъ которыхъ состоятъ конечная морена и (большею частью) каменное поле.

Сосѣдній *ледникъ* O—W, лежащій между обѣими поперечными гривами, спускается до уровня котловины къ *каменному полю* такой же черный продольный валъ, который ограничиваетъ вышеназванную впадину съ правой стороны. Широтное положеніе доставляетъ этому леднику лишь *одностороннее* питаніе, такъ какъ снѣгъ сохраняется только на сѣверномъ склонѣ его долины.

Еще рѣзче топографическія условія отзываются на слѣдующемъ черезъ гриву, послѣднемъ изъ правыхъ ледниковъ, ближайшемъ къ выходу котловины. Хотя долина его и не меньше чѣмъ у сосѣда, но онъ уже совсѣмъ ушелъ вглубь ея и, по своей крутизнѣ, долженъ быть названъ *висячимъ*. Однако и этотъ ледникъ спускался когда-то значительно ниже и наглядное доказательство тому—въ его старыхъ конечныхъ моренахъ. Нижній ярусъ моренъ, весь изъ параллелепипедальныхъ и досчатыхъ отдѣльностей, громадной величины, упирается какъ разъ въ правый бокъ того же самаго *каменнаго поля*, засыпавъ собою

образовавшуюся подъ нимъ лощину.—Сбоку, у выхода котловины, эти старыя морены поросли уже отчасти травою, и я собралъ здѣсь нѣсколько экземпляровъ *эдельвейса* (Leontopodium alpinum).

Вода отъ таянія правыхъ боковыхъ ледниковъ уходитъ вся подъ нагроможденный ими же въ котловинѣ рыхлый каменистый наносъ и выступаетъ на поверхность уже къ самому низу—между прочимъ, можетъ быть, тѣмъ ключемъ, который, вытекая изъ камней *нижней террасы*, сбѣгаетъ въ долину „*Мынъ—джилкы*“ *правымъ* (третьимъ) истокомъ *Туюка* (впадаетъ въ средній истокъ).

Лѣвый—западный ледникъ.

По другой сторонѣ, въ направленіи на западъ, котловина углубляется только однимъ ущельемъ, но за то оно, въ сравненіи съ восточными развѣтвленіями, отличается большей длиною, а по ширинѣ у выхода равняется, приблизительно, общей ширинѣ обоихъ нижнихъ восточныхъ. Соотвѣтственно тому и *ледникъ* этого ущелья превосходитъ восточные своими размѣрами. Онъ нисходитъ тремя террасами до 3350 метровъ абс. высоты; верхняя терраса лежитъ на 3500 метр. кромѣ снѣжника, въ верховьи ледникъ на всемъ своемъ протяженіи питается снѣгомъ еще съ праваго, сѣвернаго, склона своей долины, между тѣмъ какъ противоположный, южный склонъ начисто обнажается солнцемъ. Такимъ образомъ ледникъ движется сверху внизъ, сжимаемый еще справа налѣво, его террасы вытягиваются впередъ и направо, *на подобіе ступеней винтовой лѣстницы*, а несомые имъ продукты вывѣтриванія (красноватаго цвѣта) скопляются у его лѣваго края въ видѣ какъ бы единственной боковой морены. На правой сторонѣ по леднику изгибается лишь не-

большая полоса рѣдкихъ валуновъ отъ разрушенія скалъ праваго склона, выстоящихъ изъ подъ снѣга. Въ то время, какъ правый снѣжный, склонъ долины спускается на ледникъ ровнымъ скатомъ, отраженная теплота отъ голаго лѣваго склона заставляетъ его образовать съ послѣднимъ широкую и глубокую ложбину.

При такихъ условіяхъ, искажающихъ самый видъ ледника, вышеуказанное столкновеніе его съ главнымъ ледникомъ, по выходѣ послѣдняго въ котловину, происходитъ только у его праваго нижняго угла, гдѣ онъ и складываетъ свой минеральный матеріалъ къ лѣвой моренѣ главнаго ледника. Настоящій же конецъ западнаго ледника отходитъ отъ главнаго на большое разстояніе. Этотъ обнаженный конецъ въ видѣ *купола* смотритъ на NO; наклонъ многочисленныхъ продольныхъ складокъ на его поверхности (слоистость льда) *влѣво* указываетъ на то же сжатіе ледяной массы въ направленіи косвенномъ къ оси долины.

Куполъ нѣсколько отступилъ отъ собственной конечной морены ледника (изъ сѣрыхъ валуновъ), опоясывающей его дугою отъ мѣста сліянія его съ главнымъ ледникомъ до его лѣвой боковой морены. Лѣвая морена къ концу ледника расширяется въ каменное поле, а это послѣднее, двумя уступами, спускается къ самымъ воротамъ котловины, образуя въ нихъ *лѣвое крыло* замыкающаго ихъ выноса. Отъ наружнаго угла этого поля идетъ внизъ—на *нижнюю террасу моренъ*—крутой и высокій валъ, достигающій вмѣстѣ съ террасою уровня долины „*Мынъ—джилкы*“ [1]).

---

[1]) Ложбина между этимъ моренымъ валомъ и лѣвымъ бокомъ воротъ—наиболѣе удобный путь для выхожденія на ледники, особенно когда въ ней лежитъ еще снѣгъ, хотя выше все-таки приходится взбираться ползкомъ по самому валу.

Ручей ледниковой воды, сбираясь у купола, бѣжитъ поверхъ конечной морены ледника, скрывается въ *мульду* между этой мореною, между мореной главнаго ледника и каменнымъ полемъ и показывается опять на скатѣ послѣдняго. Здѣсь онъ принимаетъ другой ключъ, выбивающійся слѣва отъ него, и впадаетъ внизу въ *лѣвый* потокъ главнаго ледника, о чемъ было уже упомянуто при его описаніи. Къ сказанному нужно лишь добавить, что послѣ этого сліянія увеличившійся потокъ вытекаетъ въ долину глубокимъ русломъ, которое онъ промылъ себѣ между лѣвымъ продольнымъ валомъ и нижней террасою конечныхъ моренъ.

Итакъ, и въ *Заилійскомъ Алатау*, гдѣ на мѣстѣ *„бывшихъ“* ледниковъ думали видѣть *лишь скопленія снѣга и песка“*[1]), *ледники*, напротивъ, *оказываются на лицо и въ настоящее время*. Безпристрастное свидѣтельство фотографій подтверждаетъ только что приведенное ихъ описаніе.

Въ описаніи уже была отмѣчена прямая зависимость происхожденія и размѣровъ *Тюксуйскихъ ледниковъ* отъ высоты надъ уровнемъ моря и отъ направленія горныхъ склоновъ, на поверхности которыхъ скопляются запасы питающаго ихъ снѣга. Только въ самомъ верхнемъ поясѣ котловины—у станового хребта снѣгъ держится еще на всѣхъ склонахъ (за исключеніемъ вертикальныхъ обрывовъ); но чѣмъ далѣе кни-

---

[1]) *А. Н. Красновъ*, op. cit p. 42.—См. также *П. П. Семенова*: „Небесный хребетъ и Заилійскій край“ въ изд. Т-ва Вольфъ „Живописная Россія“, т. X, 1885 г., стр. 353 и 354.

зу, тѣмъ энергичнѣе солнце сгоняетъ его съ *южныхъ* склоновъ долинъ, уменьшая тѣмъ самымъ и занимающіе ихъ ледники, и, наконецъ, за котловиною мы и на сѣверныхъ склонахъ видимъ только фирновыя поля, лишь въ одномъ восточномъ боковомъ ущельѣ „*Мынъ-джилкы*“ (наиболѣе защищенномъ)—съ короткимъ ледянымъ языкомъ.

Тѣ же отношенія существовали, по видимому, и въ ту эпоху, когда ледники, сливаясь въ котловинѣ въ одно общее ледяное поле, спускались до уровня *Мынджилкинской* впадины, въ ея верхнихъ воротахъ. Преобладаніе въ отложенной здѣсь нижней террасѣ конечныхъ ледниковъ моренъ обломковъ крупно-кристаллическихъ горныхъ породъ, составляющихъ и современныя морены *главнаго* ледника, показываетъ, что и тогда онъ былъ впереди своихъ сосѣдей. Изъ послѣднихъ ледники *западнаго* расширенія котловины и *юго-восточнаго* сопровождали досюда главный ледникъ только частію (продольные валы по краямъ нижней террасы, правый—особаго цвѣта), главная же масса ихъ доходила въ то время, вѣроятно, лишь до верха воротъ, гдѣ каждый изъ нихъ и скопилъ каменныя поля праваго и лѣваго крыльевъ верхняго яруса конечныхъ моренъ въ воротахъ, между тѣмъ какъ средина этого яруса и теперь еще вѣнчается живымъ концомъ *главнаго* ледника. Въ образованіи *праваго* каменнаго поля участвовалъ также, по всей вѣроятности, и *верхній* изъ *восточныхъ* ледниковъ—въ видѣ притока къ юго-восточному; *нижній* же восточный, самый малый въ группѣ, подходилъ къ нимъ въ котловинѣ перпендикулярно къ ихъ теченію.

Между нижней террасою *главнаго* ледника и каменными полями его сосѣдей—съ одной стороны, а затѣмъ и въ слѣдующихъ за этими отложеніями въ

ровномъ скатѣ—подъ первымъ (по крутизнѣ воротъ) и во впадинахъ—до новѣйшихъ конечныхъ моренъ *юго-восточнаго* и *западнаго* ледниковъ—видно большое сходство и оно позволяетъ заключить, что одновременное и медленное отступаніе ледниковъ до ихъ нынѣшнихъ размѣровъ *прерывалось промежуточнымъ періодомъ, особенно неблагопріятнымъ ихъ развитію.*

Пока мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для сужденія о степени отдаленности отъ насъ описанной эпохи простиранія ледниковъ до *Мыджилкинской* впадины. Ссылаясь на карту *Рената* (1716—33), на которой Алматинка *(Almatu)*[1]) изображена такой же малой, не доходящей до *Или* рѣчкой, какъ и всѣ другіе лѣвые притоки этой главной рѣки, исключая Чарына и Чилика, можно лишь приблизительно сказать, что и 200 лѣтъ тому назадъ питающіе нашу рѣчку ледники и снѣга не обладали развитіемъ, слишкомъ отличнымъ отъ нынѣшняго.

По вопросу о *климатическихъ* условіяхъ образованія *Тююксуйскихъ* ледниковъ можно воспользоваться наблюденіями на ближайшей къ нимъ метеорологической станціи въ г. *Вѣрномъ (26 верстъ)* и, попутно, сравнить ихъ съ таковыми же наблюденіями другой станціи въ долинѣ Или, также ближайшей къ другой группѣ ледниковъ. На южномъ склонѣ горнаго узла Боро-Хоро съ Джунгарскимъ Алатау—именно, *Борохудзира* (55—65 верстъ отъ *Тишканскихъ* ледниковъ). Но какъ видно изъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ и графическихъ таблицъ, представляющихъ результаты нашихъ вычисленій изъ матеріаловъ Глав-

---

[1]) На картѣ показана только *одна* рѣчка съ этимъ названіемъ.—См. А. Макшеева: „Карта Джунгаріи, составленная шведомъ Ренатомъ" и т. д. въ „Запискахъ" И. Р. Г. О. XI, 1888 г.

ной физ. Обсерваторіи за семилѣтіе 1891—97 г.г. для обоихъ взятыхъ пунктовъ[1]), выводы относительно климата на ледникахъ той и другой группы получаются очень не полные, доказывая тѣмъ самымъ настоятельную необходимость непосредственныхъ наблюденій на ихъ высотѣ—въ верхнемъ послѣ горъ.

ТЕМПЕРАТУРА:

	Средняя года.	Зимы (XII.-II).	Весны (III—V).	Лѣта (VI—VIII).	Осени (IX—XI).	Годовая амплитуда (январь—іюль).	Разница t°-ръ октября и апрѣля.	Годовая амплитуда среднихъ maximum и minimum.	Суточная амплитуда.	Число дней: Безъ оттепели.	Число дней: Съ морозомъ.
Вѣрный . .	7.7.[2])	—7.3.	8.7.	22.0.	7.7.	33.0.	- 2.6	33.4.	7.2.	82.	145.
Борохудзиръ	9.3.	—7.3.	11.3.	23.7.	9.0.	34.4.	—3.4.	35.7	8.7.	70.	139.
Разность . .	1.6.	0.	2.6.	1.7.	2.3.	1.4.	1.8.	2.3.	1.5.	—12.	—6[3])

[1]) Къ сожалѣнію, не можемъ представить сравненія за большій періодъ времени, такъ какъ наблюденія въ *Борохудзирѣ* приняли систематическій характеръ только съ 1891 года, а цифръ за послѣдующіе годы по этому пункту у насъ подъ руками не было.—*Джаркентъ* ближе *Борохудзира* къ Тишканскимъ ледникамъ, но метеорологическія наблюденія въ немъ еще болѣе отрывочны.—Для *Вѣрнаго* нѣкоторыя среднія вычислены (и показаны въ примѣчаніяхъ къ таблицамъ): за 20 лѣтъ: 1879—1883 и 1877—1901 (сумма остатковъ), за 19 лѣтъ: 1879—1883 и 1887—1900 (средняя температура) года) и за 16 лѣтъ: 1879—1883 и 1887—1897. За 1884 г. данныхъ для Вѣрнаго совсѣмъ нѣтъ, за 1885—86 г.г. они неполны; предшествующіе годы взяты изъ перепечатки г. *Ларіонова* въ „памятной книгѣ Семирѣч. Обл. Статист. Ком-та„ на 1898 г. т. II, стр. 180—188, послѣдніе годы—изъ метеорологическихъ бюллетеней, печатаемыхъ въ Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣд-стяхъ.

[2]) Средняя годовая t°-ра Вѣрнаго за 19 лѣтъ 7.8°. Эта цифра ниже показанной въ книгѣ *А. И. Воейкова*: „Климаты земного шара" и т. д. 1884 г., стр. 614 (8.3_0).

[3]) За взятое семилѣтіе въ Вѣрномъ зарегистрировано дней съ морозомъ: въ маѣ - 1 и въ сентябрѣ—3; въ Борохудзирѣ—ни одного морознаго дня за тѣ же мѣсяцы.

ВЛАЖНОСТЬ, ОСАДКИ И ОБЛАЧНОСТЬ.

	Абсолютная влажность.		Относительная влажность.			Осадки.					Число дней.		Облачность.
							Распредѣленіе по временамъ года въ $^0/_0{}^0/_0$ годового количества.						
	Средняя за годъ.	Годовая амплитуда.	Средняя за годъ.	Годовая амплитуда.[1]	Суточная амплитуда.	Сумма въ mm.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Съ осадками вообще.	Со снѣгомъ.	
Вѣрный	6.2.	10.3.	69.[2]	29.	19.	585.1[3]	15.	**46.**[4]	19.	20.[5]	101.	33.	4.6.
Борохудзиръ	5.6.	9.7.	58.	34.	22.	138.7.	20	23.	**36.**[6]	21.	43.	14.	4.3.
Разность	0.6.	0.6.	—11.	+5.	+3.	346.4.	+5.	—**23.**	+**17.**	+1.	—58.	—.19[7]	—0.3.

[1]) Вѣрный: I—VII: Борохудзиръ: I—V.
[2]) Вѣрный за 16 лѣтъ: 68.
[3]) Вѣрный за 20 лѣтъ: 573.6mm.
[4]) Изъ нихъ 22.3$^0/_0$, т. е. почти половина—въ *апрѣлѣ*.
[5]) За 16 лѣтъ почти тѣ же $^0/_0{}^0/_0$: 15, 43, 21, 21.
[6]) Изъ нихъ 17$^0/_0$ т. е. почти половина въ *іюлѣ*.
[7]) Въ Борохудзирѣ за *семь* лѣтъ не зарегистрировано ни одного дня со снѣгомъ въ *апрѣлѣ*, въ Вѣрномъ за тотъ же періодъ отмѣчено всего 17 снѣжныхъ дней въ этомъ мѣсяцѣ.

ДАВЛЕНІЕ ВОЗДУХА И ВѢТРЫ.

	Давленіе воздуха.				Вѣтры.											
	Годовая амплитуда[1].	Разница давленій: февраля и мая.	мая и іюля.	сентября и ноября.	Сумма всѣхъ вѣтровъ.	Румбы. N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Затишье.	Сила вѣтра.	Бури:
Вѣрный . .	10.1.	—2.5.	—4.9.	+4.8.	640.	54.	50.	28.	64.	**113.**	**165.**	**103.**	63.	456.	0.84.	<3.
Борохудзиръ.	12.8.	—5.2.	—4.9.	+6.5.	381.	32.	**96.**	60.	30.	27.	**113**	15.	8.	697.	1.4.	**56**
Разность . .	2.7.	**2.7**	0.	**1.7.**	—259.	—22.	**+46.**	**+32.**	—34.	**—86.**	—52.	**—88.**	**—55.**	241.	+5.6.	**+53.**

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПО ВРЕМЕНАМЪ ГОДА.

Вѣрный.	Весна	188.	17.	22.	9.	18.	30.	**45.**	26.	21.	87.	1.1.	0.7.
	Лѣто	174.	14.	9.	3.	**23.**	**48.**	**49.**	17.	11.	101.	0 9	1.0.
	Осень	145.	13.	7.	6.	11.	24.	37.	29.	18.	130.	0.7	0.3.
	Зима	133.	10.	12.	10.	12.	11.	34.	**31.**	13.	138.	0.7.	0.5.
	Годъ	640.	54.	50.	28.	64.	**113.**	**165.**	**103.**	63.	456.	0.8.	2.5.
Борохудзиръ.	Весна	128.	7.	**31.**	21.	6.	9.	**45.**	6.	3.	145.	2.2.	20.
	Лѣто	110.	11.	24.	20.	14.	12.	23.	4.	2.	160	1.4.	18.
	Осень	88.	10.	21.	12.	6.	4.	**31.**	3.	1.	178.	1.3.	13.
	Зима	55.	4.	20.	7.	4.	2.	14.	2.	2.	213.	0.7.	4.
	Годъ	381.	32.	**96.**	60.	30.	27.	**113.**	15.	8.	697.	1.4.	56.

[1]) Годовая амплитуда давленія воздуха: Вѣрный: XI—VII, Борохудзиръ: XII—VII.

Такимъ образомъ, прежде всего, мы не можемъ даже приблизительно вычислить среднюю температуру года у ледниковъ [1]).

Разница средней годовой температуры Борохудзира и Вѣрнаго слишкомъ велика (1.6°) для того, чтобы объяснить ее превышеніемъ одного пункта надъ другимъ (170.4 m.), тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя разница покрывается таковою же разницею широтной (1°12'), и приходится искать причину въ мѣстныхъ условіяхъ: въ положеніи сравниваемыхъ пунктовъ на противоположныхъ склонахъ, въ лучшей защитѣ Борохудзира горами и вмѣстѣ — въ большей удаленности его отъ нихъ [2]). Тѣ же условія, видимо, придаютъ климату Борохудзира и его сравнительно большую континентальность: болѣе рѣзкія колебанія температуры, большую сухость, бѣдность осадками и т. д. [3]).

Но, въ виду этихъ же условій, мы не имѣемъ права брать для *Тишканскихъ* ледниковъ тотъ же *коэфиціэнтъ* при опредѣленіи вѣроятной температуры у нихъ, какъ у *Тюксуйскихъ*, хотя и тѣ и другіе весьма сходны не только по внѣшнему виду и въ порядкѣ отступанія до современныхъ размѣровъ, но и по

---

[1]) По формулѣ проф. *А. И. Воейкова* (op. cit. p. 146): T.=t.—M.×A., гдѣ T. есть искомая температура, t—t°-ра станціи, *M*—разность высотъ въ сотняхъ метровъ, а *A*—*коэфиціэнтъ* измѣненія температуры на 100 метровъ высоты.

[2]) По даннымъ Главн. Физ. Обсерваторіи, Вѣрный: φ—43°16', λ—76°53', H—793.4: Борохудзиръ: φ—44°28', λ—79°49', H—623°.—Широтная разница (по *Шпиталеру*) въ пользу Вѣрнаго=1.01°C, высотная (*по Воейкову*)—въ пользу Борохудзира=0.94°C.—Разстояніемъ пунктовъ *по долготѣ* (2°56') пренебрегаемъ, ибо и *на западъ* отъ Вѣрнаго оказываются мѣстности съ болѣе высокой t°-рой года, чѣмъ въ этомъ городѣ (и послѣ приведенія къ одной широтѣ и высотѣ н. у. м.).—См. „*Климатъ*", ст. *А. И. Воейкова* въ „Энциклопед. словарѣ" Брокгауза и Эфр., т. 29, стр. 376 и 382.

[3]) И отражаются также на культурѣ: при искусственномъ орошеніи въ Джаркентскомъ оазисѣ, вообще въ широкихъ размѣрахъ практикуется воздѣлываніе *риса*, разведеніе *винограда* и нѣжныхъ садовыхъ растеній (*персикъ*), чего въ Вѣрномъ и его окрестностяхъ мы не встрѣчаемъ.

высотѣ надъ уровнемъ моря[1]): бо́льшее нагрѣваніе солнечнаго склона западнаго узла Боро-Хоро должно обусловливать другую величину измѣненія t^0-ры на единицу высоты, чѣмъ на сѣверномъ склонѣ Заилійскаго Алатау.

Каковы эти величины въ обоихъ случаяхъ и вообще, какова средняя t^0-ра у ледниковъ, покажутъ только прямыя наблюденія у сихъ послѣднихъ.

То же самое и съ другими метеорологическими элементами, важными для существованія ледниковъ. Малое количество *осадковъ* въ Борохудзирѣ (почти въ $4^1/_4$ раза меньше вѣрненскихъ) можно приписать удаленности его отъ горъ, потому что, напр., на уроч. *Тишканъ*[2]), на высотѣ около 1600 m. н. у. м. въ горахъ Боро-Хоро идутъ проливные дожди и бываютъ частые и густые туманы весною, особенно въ маѣ, когда на днѣ долины ясно, жарко и сухо. На Тишканѣ встрѣчаются даже „богарныя" поля пшеницы, между тѣмъ какъ въ Джаркентскомъ оазисѣ никакая культура безъ искусственнаго орошенія не возможна. На самыхъ *Тишканскихъ* ледникахъ мнѣ не разъ приходилось бывать подъ снѣгомъ и въ срединѣ лѣта.

Извѣстно, что осадки приносятся сюда *вѣтрами*,

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду опредѣленіе абсолютной высоты у концовъ двухъ ледниковъ лѣвой вѣтви *Улькунъ Тишкана*. Опредѣленіе было сдѣлано *Я. И. Корольковымъ* (помощію ртутнаго барометра Паррота) во время совмѣстной экскурсіи моей съ нимъ, въ іюлѣ 1899 года. Конецъ одного ледника, выступающаго на *сѣверъ*, оказался на высотѣ 3200 метровъ, другого—съ *южнымъ* направленіемъ—на 3350 метрахъ. Разница въ 150 метр. объясняется главнымъ образомъ инсоляціею.

[2]) Мѣсто лагеря Джаркентскаго гарнизона 35 вер. отъ Джаркента, который стоитъ отъ Борохудзира на 15 вер. къ востоку. Киргизы зовутъ это урочище „*Сары-бель*". Можетъ быть, это то самое уроч. „*Шара-бель*", гдѣ джунгарскій властитель *Галданъ-Бошокту* окончательно разбилъ своего брата *Цэценъ-хана* въ 1676 году и гдѣ, „*близъ р. Чичиканъ*" (*Schisichan*—у Рената), нашелъ его резиденцію въ 1683 году китайскій посланникъ. (*А. Позднеевъ*: „Къ исторіи зюнгарскихъ калмыковъ", стр. 248; также, *Риттеръ*: „Землевѣденіе Азіи", т. II 1859 г., стр. 148).

главнымъ образомъ, западныхъ румбовъ, и такой благопріятствующій ледникамъ вѣтеръ мы видимъ для Вѣрнаго зимою въ W. Но вообще зимою преобладаетъ *затишье*, особенно въ Борохудзирѣ, какъ въ пунктѣ болѣе защищенномъ вслѣдствіе своего положенія въ глубинѣ Илійской долины (79.5% всѣхъ зимнихъ наблюденій противъ 50.9%—въ Вѣрномъ), по той же причинѣ, что эта долина выходитъ на западъ, а самъ Борохудзиръ закрытъ съ этой стороны горами Катя и далѣе ю. з. отрогомъ Джунг. Алатау, въ немъ господствуетъ SW, дующій, преимущественно, весною и осенью (35% всѣхъ румбовъ за эти времена года). При сравнительной рѣдкости борохудзирскіе вѣтры вообще сильнѣе вѣрненскихъ (бурь больше почти въ 22 раза)[1].—Нѣмыми свидѣтелями силы *западныхъ* вѣтровъ въ Илійской долинѣ лежатъ, продольныя по ней и повышающіяся къ востоку, гряды „*Моюнъ-кумовъ*", песковъ между г. Джаркентомъ и р.р. Или и Хоргосомъ. Близость горъ съ ихъ ледниками способствуетъ въ обоихъ пунктахъ теченію воздуха съ ихъ стороны, преимущественно, въ теплое время года и если исключить SW Борохудзира, то получается интересное въ этомъ отношеніи сходство его съ Вѣрнымъ: въ обоихъ пунктахъ направленіе наиболѣе частаго горнаго вѣтра не меридіональное, а сосѣднее съ нимъ на 45° (Бор.—NE, Вѣр.—SW).[2]

Какъ бы то ни было, но уже самый фактъ нахожденія ледниковъ въ западномъ узлѣ Боро-Хоро (съ Джунгарскимъ Алатау) и въ Заилійскомъ Алатау долженъ говорить за достаточно обильные снѣгопады

---

[1]) Сравн. разницу въ ходѣ барометра.

[2]) Это сходство распространяется и на другіе пункты Семирѣчья, напр. на *Копалъ*.

въ верхнемъ поясѣ и здѣшнихъ горъ, вопреки существовавшему до сихъ поръ мнѣнію, что „*снѣговыя тучи здѣсь* (Заил. Алатау, Александровскій хреб.) *вообще не выше 10000 футовъ*“ [1]).

Конечно, всѣ ледники, о которыхъ шла у насъ рѣчь, малые, они только послѣдніе остатки когда-то могучихъ ледяныхъ рѣкъ, но уже съ давнихъ временъ сократившихся вслѣдствіе общаго усыханія страны и теперь можно поставить вопросъ: заслуживаютъ-ли они дальнѣйшаго изученія наровнѣ уже съ извѣстными, крупными ледниками Тянь-Шаня, какъ, напр., ледники: *Семенова*, *Мушкетова*, *Петрова* и др.?

Если имѣть въ виду главное явленіе въ жизни ледниковъ—*измѣненіе ихъ величины*, то, по видимому, наблюденія надъ малыми ледниками будутъ *выгоднѣе*, такъ какъ самая причина, вызывающая эти измѣненія—бо́льшее, или-же меньшее накопленіе снѣга въ снѣжникахъ (*А. И. Воейковъ* и др.) обнаружится на маломъ ледникѣ *скорѣе, чѣмъ на большомъ*.

Проф. А. И. Воейковъ, въ своей статьѣ: „Колебанія климата и уровня озеръ Туркестана и Западной Сибири“ (1901 г.), объясняетъ недостатокъ свѣдѣній о вѣроятномъ увеличеніи ледниковъ Тянь-Шаня и Алая тѣмъ, что въ этихъ горахъ наблюденію подвергались до сихъ поръ только самые большіе ледники [2]); а въ 1902 году появилось и фактическое подтвержденіе этой мысли: *Б. А. Федченко* констатировалъ *наступаніе* Майдантальскихъ ледниковъ въ Западномъ

---

[1]) По *Сѣверцову*.—*А. И. Воейкова*: „Климаты земного шара“, стр. 539.

[2]) Цитирую по работѣ *Л. Берга*: „Матеріалы для гидрологіи Аральскаго моря“, Извѣстія Турк. Отд. И. Р. Г. О., т. III в. I, стр. 60.

Тянь-Шанѣ[1]), которые, по всѣмъ даннымъ, не должны быть особенно значительныхъ размѣровъ.

Метеорологическія наблюденія въ г. Вѣрномъ указываютъ на то же явленіе прогрессивнаго возрастанія годового количества осадковъ, какъ и въ другихъ пунктахъ Туркестана (и Зап. Сибири). По пятилѣтіямъ, съ 1879 года[2]), получаются слѣдующія среднія числа годового количества осадковъ для Вѣрнаго.

1879—1883=522. 5 mm.
1887—1891=539. 4 „
1692—1896=594. 7 „
1897—1901=630,02 „

Въ пятилѣтіе 1897—1901 осадковъ выпало на 17.07% болѣе, чѣмъ въ 1879—1883 г.г.

Но увеличиваются ли и *Туюксуйскіе* ледники такъ-же, какъ и *Мандайтальскіе?*

Посѣтивъ ледники въ первый разъ лѣтомъ 1902 г., мы не можемъ отвѣтить на этотъ важный вопросъ съ положительностью. Мы нашли, что *боковые* ледники нашей группы всѣ отстоятъ отъ своихъ конечныхъ моренъ. Но такое расположеніе можетъ еще и не доказывать отступанія ледниковъ за послѣднее время, потому что передъ симъ они могли находиться отъ моренъ еще дальше и къ нашему посѣщенію, наоборотъ, приблизиться къ моренамъ. Можетъ быть, за это послѣднее говоритъ иная картина *главнаго* ледника. На обрывѣ котловинныхъ воротъ ниже его края нѣтъ ни валовъ, ни бугровъ изъ обломковъ горныхъ породъ, но за то самый край ледника окаймленъ мо-

---

[1]) „Результаты Тянь-шаньской экспедиціи Б. А. Федченко", стат. въ Туркест. Вѣд-стяхъ 1902 г. № 72.

[2]) Съ промежуткомъ въ 3 года: 1884—1886, за которые свѣдѣнія не полны.

реннымъ валомъ, подъ которымъ *ледъ* составляетъ непосредственное продолженіе массы ледника отъ его средины. Если выше этого образованія есть еще конечные языки, а въ 30 саж. отъ лѣваго языка мощность ледника всего 0.6 метр., то при видѣ этого не слѣдуетъ забывать и той отчаянной борьбы, какую ледникъ долженъ вести здѣсь съ уничтожающимъ дѣйствіемъ солнца и въ которой все-таки удается ему сохранить свое существованіе еще на нѣкоторое время—подъ защитой болѣе компактнаго слоя минеральнаго матеріала, имъ же доставленнаго сверху.

Разрѣшеніе вопроса требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій. Для нихъ, на *главномъ* ледникѣ 6 августа 1902 г. сдѣланы мною три промѣра:

1) отъ конца лѣваго ледяного языка до валуна передъ нимъ=3 метра;

2) отъ нижняго края лба подъ лѣвымъ холмомъ конечнаго ледниковаго вала, гдѣ вытекаетъ (частію) ледниковый ручей до сѣраго валуна на скатѣ у праваго берега этого ручья=32.2 метр.

и 3) отъ того же лба вдоль ручья внизъ и, затѣмъ, черезъ лѣвый продольный моренный валъ и ложбину за нимъ—къ большому камню, лежащему въ дол. „*Мынджилкы*“ на лѣвомъ склонѣ ея, какъ разъ по линіи подножія моренного выноса изъ котловины въ эту долину=588 метр.

Измѣренія производились бичевкою опредѣленной длины.

Наилучшій по устойчивости нижняго пункта послѣдній промѣръ, къ сожалѣнію, долженъ быть признанъ наименѣе надежнымъ: въ будущемъ едва ли удастся повторить его по всѣмъ изгибамъ и неровностямъ моренного ската. Надежнѣе другіе про-

мѣры, особенно первый, такъ какъ большой валунъ лежитъ передъ ледянымъ языкомъ на слабомъ лишь уклонѣ.

Кромѣ повторенія этихъ промѣровъ, въ 1903 г. необходимо произвести съёмку Туюксуйскихъ ледниковъ, для чего потребна помощь спеціалиста—топографа[1]). Тогда при наличности топографическихъ, инструментовъ возможно будетъ приступить и къ опредѣленію скорости движенія ледниковъ. Наконецъ, весьма важно заложеніе на ледникахъ термометровъ maximum и minimum, которые съ этой цѣлію нужно выслать наблюдателю.

Въ виду интереса къ ледникамъ Тянь-Шаня, особенно возобновившагося за послѣднее время въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, слѣдуетъ указать, что едва ли во всей этой горной странѣ найдутся другіе ледники, столь подходящіе для систематическихъ наблюденій по своей близости къ населенному пункту, какъ *Туюксуйскіе близъ Вѣрнаго*. Важность ледниковъ, какъ первоисточниковъ орошенія въ самомъ городѣ Вѣрномъ, позволяетъ разсчитывать и на *мѣстную помощь* въ этой работѣ.

С. Дмитріевъ.

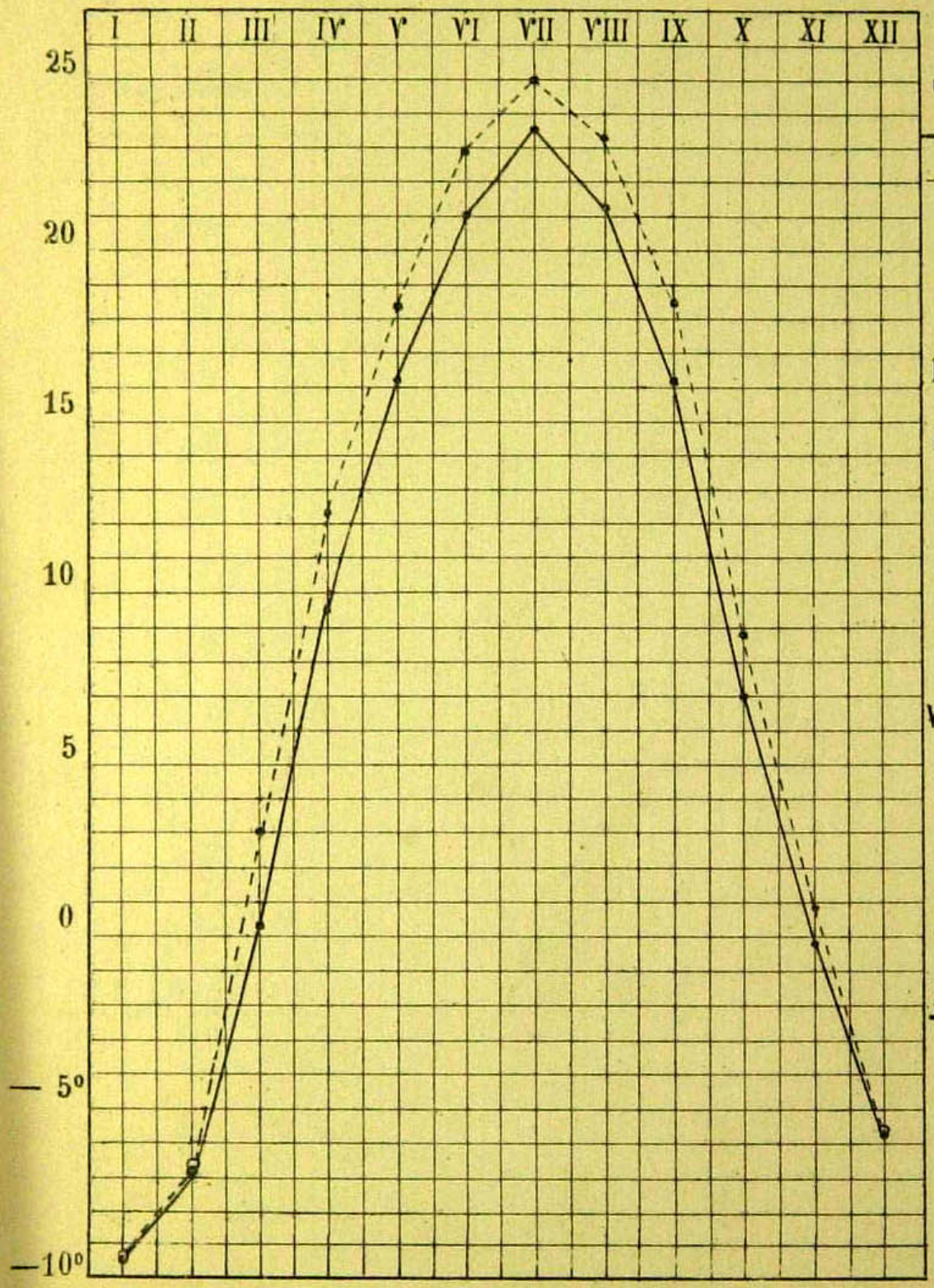
Января 1903 г.
г. Вѣрный.

---

[1]) Съемка нужна хотя бы уже потому, что на *трехверстной* картѣ военныхъ топографовъ, работавшихъ здѣсь въ 1890 году, *ледники совсѣмъ не нанесены* и даже самыя горы между верховьемъ Туюка (Мал. Алматинки) и долиною р. *Кебина*, какъ говорится, „пущены фуксомъ".—На этой картѣ нѣтъ также ни одного названія урочищъ въ долинѣ М. Алматинки, приведенныхъ мною въ настоящей работѣ.

Годовой ходъ температуры

въ Вѣрномъ и въ Борохудзирѣ.



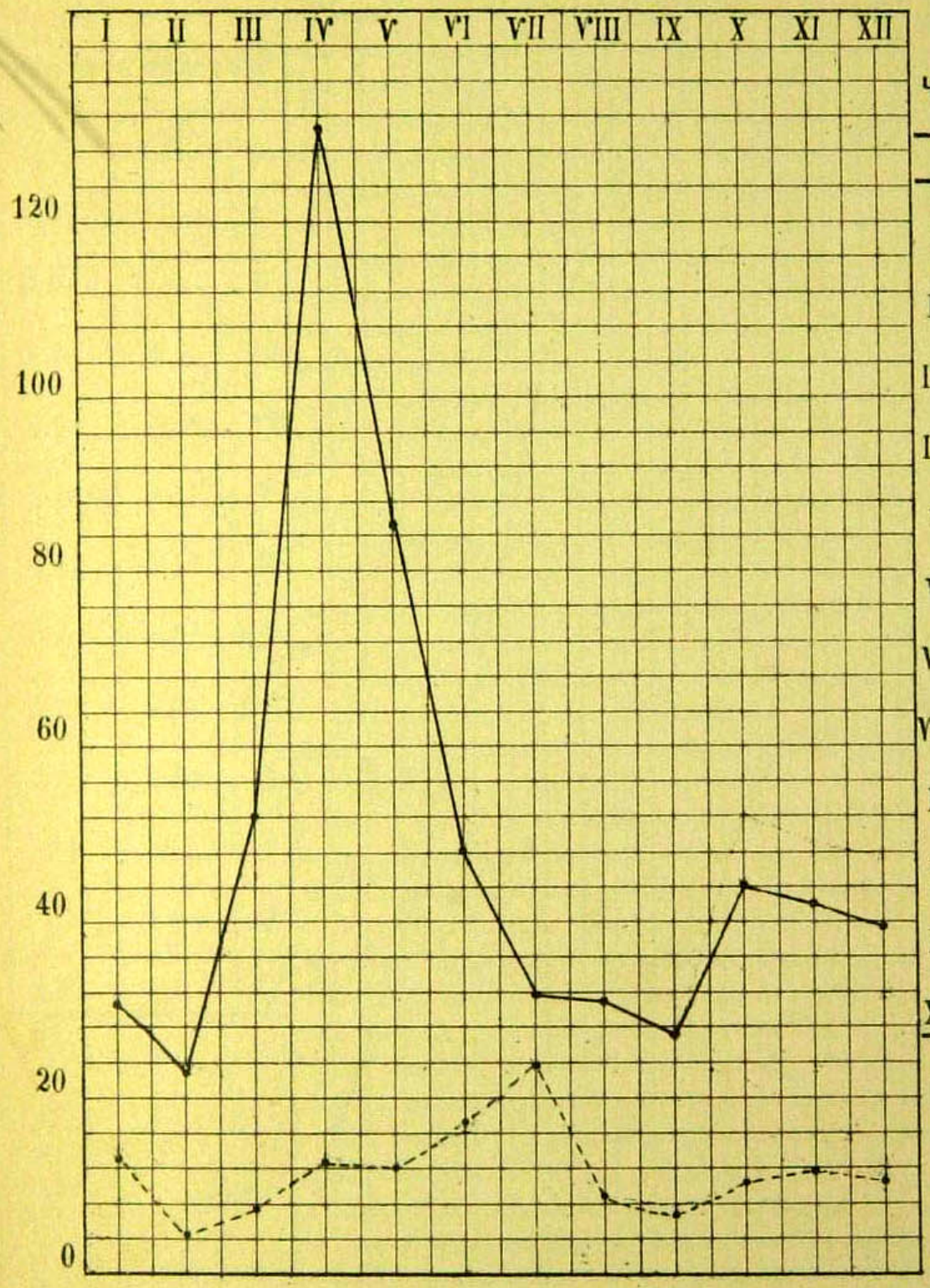
Числовыя величины:

	В.	Б.
I	—9.5	—9.4
II	—6.8	—6.6
III	0.3	3.0
IV	9.6	12.3
V	16.2	18.5
VI	21.0	22.8
VII	23.5	25.0
VIII	21.4	23.3
IX	16.3	18.6
X	7.0	8.7
XI	—0.3	0.7
XII	—5.7	—5.8

Непрерывная—*Вѣрный;* прерывистая *Борохудзиръ.*

Годовой ходъ осадковъ въ mm.

въ Вѣрномъ и въ Борохудзирѣ.



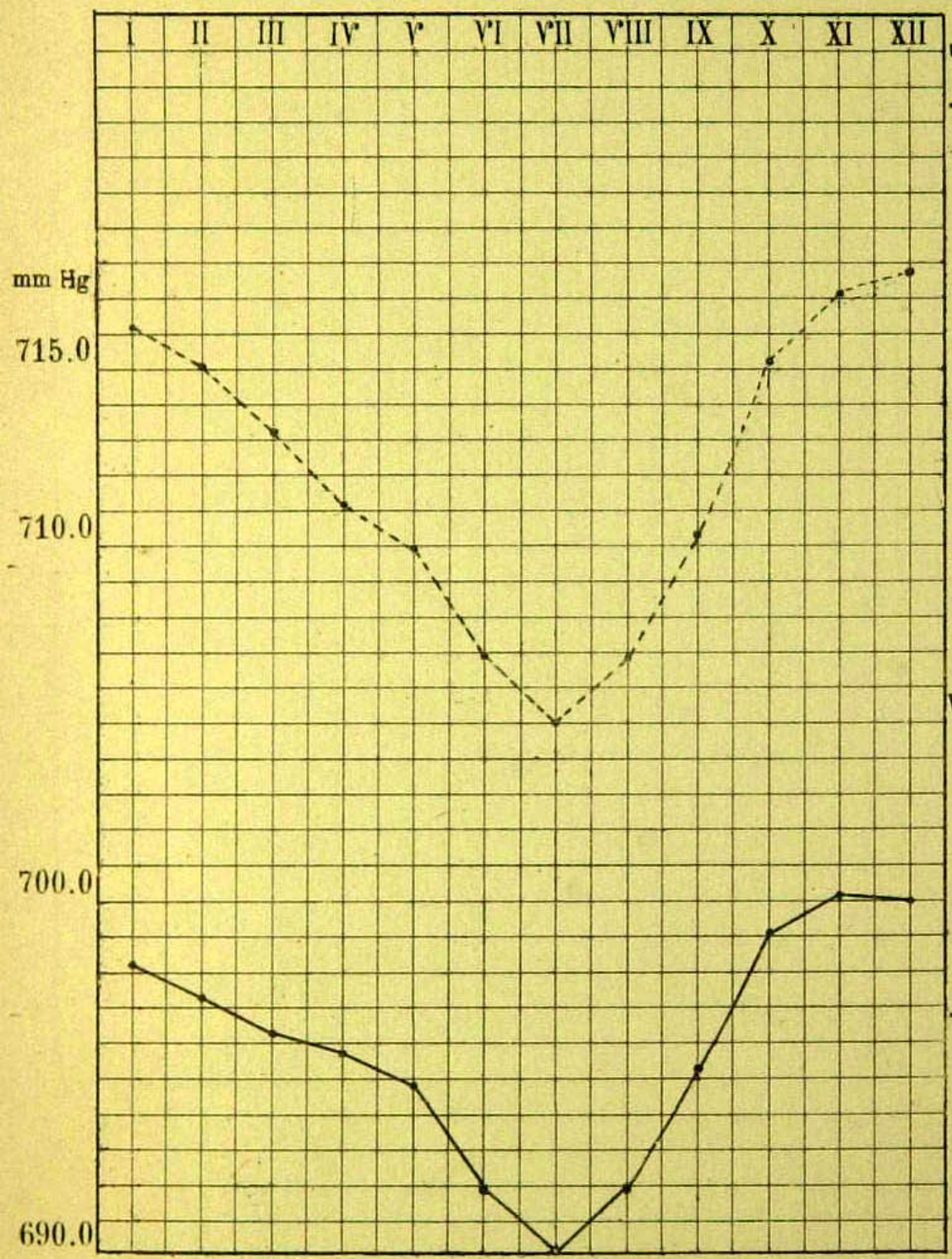
Числовыя величины:

	В.	Б.
I	31.4	13.2
II	22.4	4.2
III	51.3	7.3
IV	**130.7**	12.7
V	85.3	12.0
VI	48.8	17.7
VII	31.1	**23.6**
VIII	30.2	8.8
IX	26.8	7.7
X	44.6	9.8
XI	42.6	11.4
XII	39.9	10.3

Непрерывная—*Вѣрный;* прерывистая—*Борохудзиръ.*

Годовой ходъ барометра

въ Вѣрномъ и въ Борохудзирѣ.



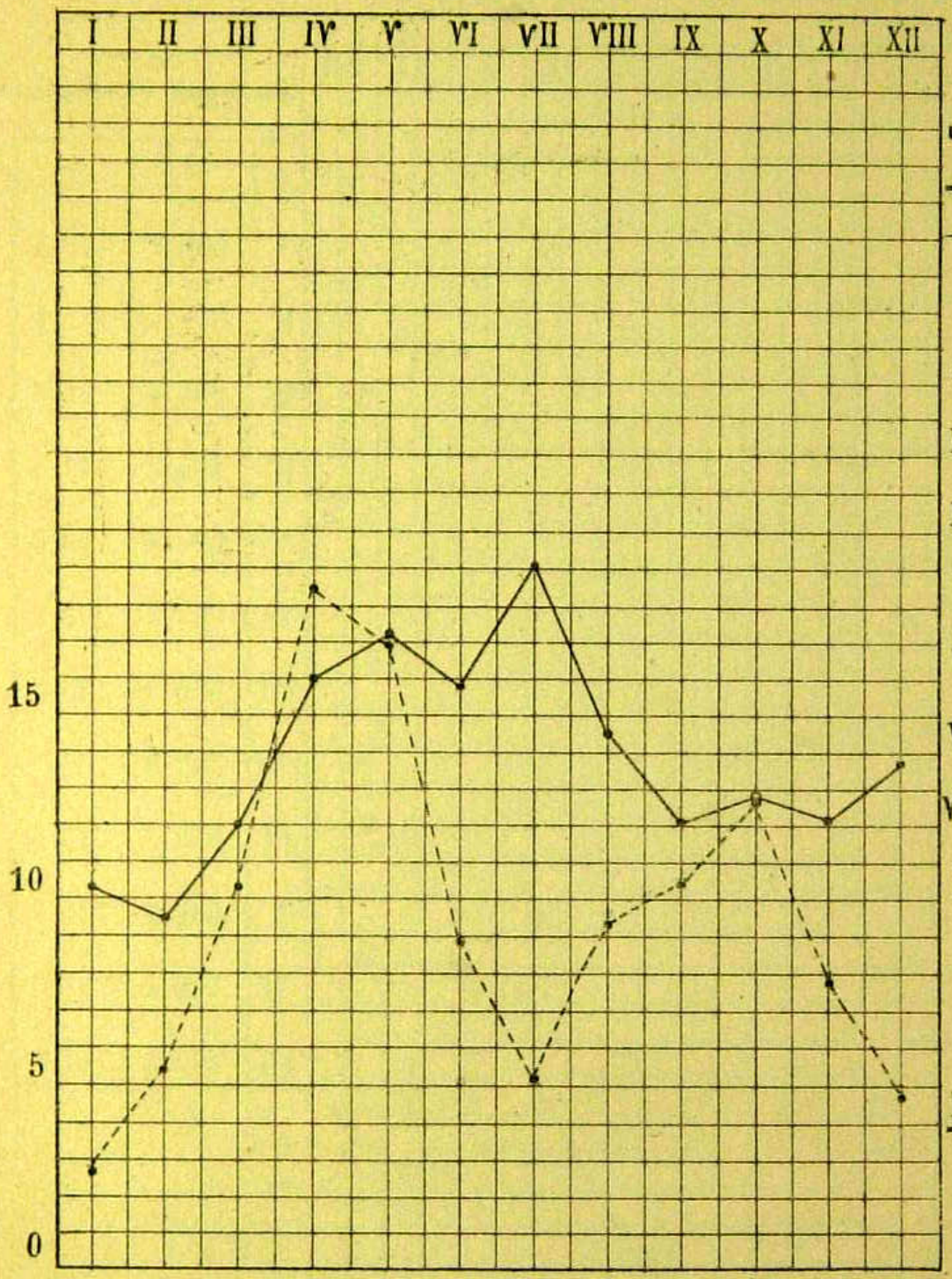
Числовыя величины:

	В.	Б.
I	698.3	716.3
II	697.4	715.1
III	696.4	713.3
IV	695.8	711.3
V	694.9	709.9
VI	691.9	706.9
VII	690.0	705.0
VIII	691.9	706.7
IX	695.3	710.5
X	699.2	715.2
XI	700.1	717.0
XII	700.0	717.8

Непрерывная — *Вѣрный;* прерывистая — *Борохудзиръ.*

Годовой ходъ вѣтра S W

въ Вѣрномъ и въ Борохудзирѣ.



Числовыя величины:

	В.	Б.
I	10.3	2.7
II	9.6	5.3
III	11.9	10.1
IV	16.0	18.4
V	17.3	16.9
VI	15.7	8.9
VII	19.1	5.1
VIII	14.4	9.4
IX	12.1	10.4
X	12.7	12.6
XI	12.3	7.9
XII	13.7	4,9

Непрерывная — *Вѣрный;* прерывистая *Борохудзиръ.*

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ статьѣ о Туюксуйскихъ ледникахъ.

Намѣченныя въ предыдущей статьѣ работы были произведены въ 1903 году, благодаря просвѣщенному содѣйствію Туркестанскаго Отдѣла И. Р. Г. О., и заключались въ слѣдующемъ:

1. Промѣромъ, повтореннымъ ровно черезъ годъ — 6 августа 1903, констатировано *отступаніе* южнаго Туюксуйскаго ледника на 3.2 метра. Убыль льда обнаружилась также въ увеличеніи конусовъ и гривъ на концѣ ледника, въ появленіи новыхъ подобныхъ же образованій и въ повышеніи ножекъ ледниковыхъ столовъ.

2. 6-го августа на томъ же ледникѣ въ разстояніяхъ: 481 саж. отъ конца его, 160 саженъ отъ правой и 30 саж. отъ лѣвой моренъ и на абсолютной высотѣ около 3450 метровъ установлены термометры максимумъ и минимумъ за №№ 270 и 7145 въ будкѣ англійскаго образца. Высота термометровъ надъ поверхностью льда 1.6 метр.—20 августа показанія термометровъ были: Мх=+11.8°, Мп=—9.4.—Въ видахъ устойчивости того же числа будка была перенесена на камни лѣвой морены, гдѣ и установлена въ 32 саж. отъ скалъ лѣваго склона, остальныя условія остались прежнія.

3. 20—22 августа, при содѣйствіи корпуса военныхъ топографовъ Капитана *А. Н. Картыкова*, произ-

ведено опредѣленіе скорости движенія южнаго Туюксуйскаго ледника по способу Тиндаля.

Для этого кипрегелемъ, по линіи перпендикулярной къ оси ледника, въ 282 саженяхъ отъ его нижняго конца, были установлены 7 вѣхъ и черезъ двое сутокъ положеніе вѣхъ было провѣрено. Средняя скорость движенія ледника оказалась равною 214.5 миллиметрамъ въ 24 часа. При такой скорости частица льда отъ снѣжника достигнетъ до конца ледника не раньше 45 лѣтъ.

4. Въ тѣ же дни *А. Н. Картыковымъ* произведена инструментальная съемка Туюксуйскихъ ледниковъ въ 2—верстномъ масштабѣ. Съемка связана съ городомъ Вѣрнымъ по долинѣ рѣки М. Алматинки (Туюкъсу), что дало возможность провѣрить барометрическія опредѣленія высотъ разныхъ точекъ ледниковъ.

Послѣ этого намъ удалось побывать на Туюксуйскихъ ледникахъ только въ 1905 году.

23 іюля этого года мы посѣтили ледники съ цѣлію провѣдать максимальный и минимальный термометры, поставленные на южномъ Туюксуйскомъ ледникѣ. Показанія этихъ инструментовъ теперь, черезъ два года, были бы очень интересны, такъ какъ по нимъ можно бы было заключить о средней годовой температурѣ въ Высочайшей области Заилійскаго Алатау, т. е. объ одномъ изъ важнѣйшихъ условій образованія ледниковъ въ этихъ горахъ.

Но надежды наши разбились самымъ реальнымъ образомъ. Порывъ урагана повалилъ нашу метеорологическую будку, разбивъ въ дребезги термометръ минимумъ. и только термометръ максимумъ по какой то странной случайности остался невредимымъ.

Цѣлью второй поѣздки, совершенной 6 августа, являлся прежде всего промѣръ разстоянія между южнымъ Туюксуйскимъ ледникомъ и однажды избранной постоянной точкой ниже его конца (камень).

Измѣреніе показало, что *ледникъ все еще находится въ фазѣ отступанія.* По сравненію съ 1903 годомъ онъ отступилъ на 4.3 метра.

Во вторыхъ, мы рѣшили на этотъ разъ установить постоянныя наблюденія за движеніемъ того же южнаго Туюксуйскаго ледника, какъ главнѣйшаго изъ пяти глетчеровъ, составляющихъ эту группу.

Такія длительныя наблюденія крайне необходимы, особенно при здѣшней далеко неудовлетворительной обстановкѣ. Единичныя измѣренія быстроты движенія ледниковъ, произведенныя въ короткое время, имѣютъ цѣну только при чрезвычайной точности такихъ измѣреній. Въ противномъ случаѣ они ведутъ иногда къ страннымъ выводамъ, къ какимъ, напримѣръ, пришелъ извѣстный путешественникъ по Средней Азіи и превосходный наблюдатель *Свенъ-Гединъ* нашедшій, яко-бы, *обратное* движеніе краевыхъ частей на ледникѣ Ямъ-булакъ въ области Мусъ-тагъ-ата на Памирѣ (H. Hess).

По способу, примѣненному впервые на Альпахъ извѣстнымъ гляціалистомъ Геймомъ, мы проектировали положить поперекъ южнаго ледника три ряда камней перпендикулярно къ оси его теченія, но были въ состояніи установить только двѣ линіи; нижнюю и верхнюю. Сплошной пластъ снѣга скрывалъ всѣ трещины ледника за исключеніемъ краевыхъ, и пройти черезъ глетчеръ въ средней части, гдѣ трещины особенно сильно развиты, представлялось слишкомъ рискованнымъ.

Нижній рядъ камней уложенъ поперекъ южнаго ледника въ 306 саженяхъ отъ его лѣваго языка, на

абсолютной высотѣ около 3.550 метровъ, по линіи отъ „*пальца*“ который выдѣляется на углу горнаго массива, ограничивающаго этотъ ледникъ слѣва [1]) — на выемку у единственнаго зуба раздѣльной гривы между юго-восточнымъ и верхнимъ восточнымъ ледниками — съ противоположной, правой стороны.

Оба эти оріентировочные пункта видны отчетливо, и найти ихъ не составляетъ никакого труда.

Всего на линіи положено 27 камней, на равномъ разстояніи (10 саженъ) другъ отъ друга [2]), и каждый камень отмѣченъ двумя цифрами: римскою (обозначающею рядъ) и арабскою (номеръ камня по порядку) [3]). Камень III/1 лежитъ на лѣвомъ краю ледника, у самаго берега, а камень III/27—на гребнѣ правой морены. Открытая поверхность ледника простирается между камнями III/3 и III/24, и поперечникъ глетчера въ данномъ мѣстѣ опредѣляется въ 210 саженъ.

Вслѣдствіе (вѣроятной) неровности ложа въ верхнихъ частяхъ своихъ (а равно и по причинѣ кругообразнаго теченія фирна въ снѣжникѣ) южный ледникъ вынужденъ двигаться не по оси своей долины (S—N), а въ направленіи SW—NO, образуя въ этомъ раіонѣ первую косую волну. По этому и камни пришлось уложить здѣсь, на верхней линіи, не съ W на O, какъ внизу, а перпендикулярно скату ледяной волны, т. е. NW—SO. Съ обѣихъ сторонъ ледника линія оріентирована на выдающіеся пункты скалъ, которые сфотографированы. Это мѣсто приходится на фирновой линіи ледника (3,650 метровъ надъ уров-

---

[1]) Камень въ формѣ пальца стоитъ на „*Кипрегельной гривкѣ*“—той самой, на которой ставился кипрегель при опредѣленіи скорости движенія ледника 20—22 августа 1903 года.

[2]) Разстоянія измѣрялись казенной цѣпью въ 10 саженъ.

[3]) Надписи дѣлались черной масляной, несмывающейся краской.

немъ моря)[1]). Здѣсь въ томъ же количествѣ (27) и на тѣхъ же 10-саженныхъ интервалахъ отмѣченные камни лежатъ такимъ образомъ, что первый камень (I/1) приходится на гребнѣ второго начальнаго холма лѣвой боковой морены, а послѣдній (I/27)—на скатѣ въ мульду подъ правымъ склономъ долины.

Впослѣдствіи будетъ производиться провѣрка положенія камней въ обѣихъ линіяхъ на ледникѣ.

---

26 сентября 1905 года термометры Мх и Мп (вновь получ.) были помѣщены въ прежней метеорологической будкѣ на „*Кипрегельной гривкѣ*“ между южнымъ и западнымъ Туюксуйскими ледниками. *Высота* надъ уровнемъ моря, приблизительно, та же, что и прежде (гипсотермометръ=88.990). Съ сѣвера будка защищена вышеназваннымъ „*пальцемъ*“, съ юга—скалистой стѣной. Для большей устойчивости ножки будки врѣзаны въ крышку деревяннаго стола, который въ свою очередь привязанъ къ камнямъ желѣзной проволокой. Камнями же обложены и ножки стола.—Показанія термометровъ при установкѣ 26/IX, въ 3 ч. 30 м. по-полуд. были 6.7°.

Въ 20 шагахъ отъ будки на той же *Кипрегельной* гривкѣ установленъ *дождемѣръ*, изготовленный Главной Физической Обсерваторіей спеціально для даннаго случая. Цилиндрическій цинковый резервуаръ этого дождемѣра устроенъ по типу, выработанному Обсерваторіей для россійскихъ метеорологическихъ станцій; онъ имѣетъ тотъ же діаметръ и такой же воронкообразный щитъ для устраненія вліянія вѣтра. Но въ виду невозможности вести на ледникахъ наблюденія изо дня въ день, резервуаръ сдѣланъ значительно

---

[1]) По анероиду нивеллировкою А. Н. Картыкова опредѣлено 172.8 саж. или 3680.2 метра.

большей вышины (2 метра). Будучи составнымъ изъ двухъ частей, резервуаръ удерживается желѣзной рамой на высотѣ 16 сантиметровъ отъ земли, помощію особой подставки. На ту же подставку ставится подъ резервуаръ лампа для расплавленія въ немъ снѣга. Получающаяся при этомъ вода принимается въ измѣрительный стаканъ черезъ *боковой* кранъ, открываемый ключемъ.—Дождемѣръ укрѣпленъ мною такимъ же способомъ, какъ и метеорологическая будка; кромѣ того, для защиты отъ солнца инструментъ закрытъ досками. Для того, чтобы имѣть поправку на испареніе, предположено установить другой, совершенно, такой же дождемѣръ на одной изъ станцій, устраиваемыхъ партіею по пріисканію переселенческихъ участковъ въ Семирѣченской области, въ полосѣ богарныхъ полей.

Агрономъ партіи П. Н. Квитко сообщилъ намъ, впрочемъ, что сѣть его станцій должна занять нижнюю границу названной культурной полосы, которая, по его словамъ, проходитъ на высотѣ около 800 метровъ надъ уровнемъ моря, т. е. не выше города Вѣрнаго, и потому если не найдется ничего болѣе подходящаго, пожалуй, удобнѣе будетъ установить второй экземпляръ новаго дождемѣра въ этомъ послѣднемъ пунктѣ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить результатовъ наблюденій на нашей ледниковой станціи въ истекающемъ 1905 году. Служебныя поѣздки помѣшали намъ посѣтить станцію прошлой осенью и теперь придется ожидать открытія дорогъ на ледники послѣ таянія снѣговъ весною 1906 году.

Эти наблюденія могутъ представлять значительный интересъ, особенно, въ отношеніи осадковъ. Измѣреніе осадковъ на ледникахъ производится систематически лишь съ 1897 года и то только въ двухъ мѣстахъ: на Ронскомъ глетчерѣ въ Альпахъ и на од-

номъ изъ сѣверныхъ ледниковъ, носящемъ названіе Suotasjokul (H. Hess). Но, на сколько намъ извѣстно, Туюксуйскій дождемѣръ болѣе совершеннаго устройства, чѣмъ такіе же инструменты на названныхъ ледникахъ, и во всякомъ случаѣ онъ является первымъ инструментомъ этого рода у насъ въ Россіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на необходимость постройки на Туюксуйскихъ ледникахъ хижины для ночлега и какъ убѣжища отъ непогоды.

С. Е. Дмитріевъ.

Декабрь 1905 г.
г. Вѣрный.

Таранчинскіе бакши.

Пери Уйнатмакъ.

(Способы игры и лѣченія бакшей).

Н. Пантусовъ.

Слѣды шаманства сохранились доселѣ и у тюрковъ-таранчей[1]), исповѣдающихъ исламъ, между прочимъ въ пріемахъ ихъ бакшей при лѣченіи больныхъ субъектовъ, когда эти духовные врачи-бакши изгоняютъ изъ недугующаго злыхъ духовъ, поддерживающихъ болѣзнь и терзающихъ тѣлесное существо.

Какъ въ шаманскихъ обрядахъ, такъ и въ этихъ случаяхъ лѣченія больныхъ, бакши предаются изступленной пляскѣ, которая доводитъ ихъ до нѣкотораго экстаза.

Въ Илійскомъ краѣ—въ Кульджѣ—мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть сеансъ изгнанія злыхъ духовъ бакшіями изъ больныхъ. Занимаются этимъ мужчины и женщины надъ больными мужскаго и женскаго пола, въ присутствіи многочисленной публики разныхъ половъ и возрастовъ, которая собирается и по приглашенію и на звуки оглушительной музыки...

Эти молитволѣчебныя собранія представляютъ прекрасный случай не только для моленія объ исцѣленіи больнаго, но и для всевозможныхъ рандеву и свиданій молодежи обоихъ половъ; иныя собранія менѣе удобны для этого.

---

[1]) Таранчи разсѣяны по Илійской долинѣ Китайскаго вѣдомства и у насъ въ Семирѣчьѣ. Это древніе выходцы изъ Кашгаріи или вѣрнѣе сказать переселенцы, выведенные въ Или изъ Кашгаріи китайцами для занятій земледѣліемъ.

Зовутъ обыкновенно бакши къ опасно и не опасно больнымъ людямъ, наприм. одолѣетъ лихородка, сведетъ ротъ, заболятъ руки и ноги... Тутъ зовутъ бакши.

Таранчи (темный народъ) говорятъ между собою, что „если больной человѣкъ, лежащій отъ слабости, говоритъ все то, что придетъ ему въ ротъ, или же обнаружатся у него какія-либо болѣзни, то къ этому больному привязался *джинъ* и что если поиграть въ *пери*, то будетъ хорошо". Они такъ толкуютъ.

Тотчасъ же призываютъ бакши. Бакши является, осматриваетъ больного и говоритъ: „Къ этому больному прявязался самый злой пери изъ еврейскихъ пери; приготовьте одного жирнаго барана и одну жирную курицу, я приду въ такое то время и буду играть (уйнатурменъ)". Послѣ этого бакши уходитъ. Ближайшіе родственники больного приготовляютъ все то, что сказалъ бакши, и также собираютъ разноцвѣтныя лоскутья (юрунъ или журунъ يورون) у сосѣдей.

Всѣ духовно-врачебныя дѣйствія баксыя раздѣляются на три акта (*уюнъ*—игра). Самый важный актъ или отдѣлъ послѣдній — третій, когда совершается *великая игра* или представленіе—*чонгъ-уюнъ*. Это бываетъ на разсвѣтѣ.

I.

Среди комнаты съ потолка (турусъ) къ полу привязываютъ перпендикулярно веревку (арканъ) сложенную вдвое; внизу она прикрѣпляется къ колу, въ верху же у потолка тоже къ колу или гвоздю. Все это прикрѣпляется накрѣпко. Это—*тугъ* (знамя), около котораго продѣлываются баксыемъ всѣ манипуляціи; на половинѣ или срединѣ эту веревку обвязываютъ полкускомъ бѣлой маты (бязи); на верху

веревки прикрѣпляется бакшіемъ семь разныхъ тряпокъ (هر رنك لاته), которыя хозяинъ дома приноситъ отъ семи, восьми и десяти своихъ сосѣдей. Эти тряпки разныхъ цвѣтовъ (красныя, желтыя, зеленыя); онѣ прикрѣпляются на верху аркана къ вѣткѣ джидды или урюка или чигана, имѣющей семь колючекъ или сучковъ. Къ каждой изъ этихъ колючекъ и прикрѣпляется тряпка يورون قليب. Эту вѣтку съ тряпками, прикрѣпленную вверху веревки, закрываютъ платкомъ или кускомъ ситцу. Все это называется *журунъ*, куда собираются злые духи по выходѣ изъ больного; закрывающая вѣтку тряпка должна быть красная или бѣлая.

Затѣмъ къ стѣнамъ въ углы на всѣ четыре части свѣта прикрѣпляется по одной свѣчкѣ (*шамъ*) и двѣ свѣчи [1]) внизу *туга* или же большее число свѣчей, всего до 14 свѣчей, и свѣчи зажигаются.

Свѣчами двумя, которыя помѣщаются у *туга*, водятъ кругомъ его три раза.

Въ полночь свѣчи эти замѣняются новыми, а въ концѣ сеанса ставятся еще шесть свѣчей.

Свѣчи эти приготовляются такъ: рѣжутъ палочки чія длиной съ карандашъ или болѣе, обертываютъ ихъ ватой и опускаютъ въ льняное масло; затѣмъ сосуды прикрѣпляютъ, гдѣ нужно. Послѣ того приводятъ больного и садятъ его у веревки (туга); музыканты садятся въ сторонѣ, публика вокругъ; тутъ собираются сосѣди на эту игру пери; собираются мужчины, женщины и молодежь.

Баксы проводитъ нѣсколько разъ свѣчами вокругъ больного и затѣмъ послѣ молитвы и тренія веревки (*тугъ*) руками дѣлаетъ *текбиръ*. Молитва заканчивается словомъ „аминь", причемъ трутъ веревку руками.

---

[1]) Двѣ свѣчи эти ставятся въ честь „40 существъ" — چهل تنلا رنينك حقيده

Тутъ внизу же веревки разводится курево—*абдурасманъ*—пахучая трава. Эта трава посыпается на огонь, который приносятъ къ веревкѣ на желѣзной лопатѣ. Или же зажигаютъ *иссырыгъ* и водятъ этими травами вокругъ туга три раза.

Затѣмъ чашку наполняютъ коровьимъ молокомъ или водой и солью. Изъ этой чашки прыскаютъ въ свое время къ верху веревки (*туга*). Эта влага называется *хансуи*. Воду въ этой чашкѣ помѣшиваютъ ложкой. По приготовленіи этой воды (*хансуи*), обводятъ чашку вокругъ туга три раза, кропятъ изъ нея водою три раза, а также обводятъ всѣ принадлежности сего врачебнаго сеанса вокругъ туга три раза и кропятъ ихъ хансуи три раза.

Открывается лѣчебный сеансъ, разумѣется, молитвой, во время которой всѣ сидятъ.

Затѣмъ музыканты (два-три бубенщика) и бакши садятся лицомъ къ кыбле и поютъ канты подъ аккомпаниментъ бубновъ (дабъ [1]) и барабана (думбакъ [2]), въ которой бьетъ бакши. По большей части бьютъ въ эти инструменты ученики бакшія (шагирдъ), а онъ въ такомъ случаѣ садится сзади ихъ. Въ это время больной сидитъ у веревки, держась за нее. Тутъ Баксыемъ и учениками поются: „Бисмилля, лаилога илль-алла, адамъ сафіуалла, чаръ-яръ; ики имамъ"... подъ аккомпаниментъ бубновъ и барабана.

Болѣе же употребительный пріемъ такой: бакши беретъ въ руки бубенъ, садится по направленію къ кыбле, читаетъ стихъ изъ книги Неваи, затѣмъ произноситъ: الله تنكريمدين ... затѣмъ бакши плачетъ и усиленно проситъ великихъ духовъ о помощи.

---

[1]) Бубенъ-*дапъ* или *дабъ*. Кругъ дѣлается изъ тутоваго дерева, а кожа на него—козловая. По кругу висятъ сережки изъ желѣза.

[2]) Барабанъ-*думбакъ*. Кругъ его дѣлается изъ тутоваго дерева, кожа на немъ—верблюжья. Палки-*чока* приготовляются изъ ирги.

По окончаніи пѣнія духовныхъ стиховъ (образчикъ переложенъ на ноты), больного отводятъ въ сторону, баксы бросаетъ барабанъ, музыканты встаютъ; баксы водитъ больного кругомъ каната (тугъ); музыканты сопутствуютъ имъ, слѣдуя позади и ударяя въ бубны и барабанъ съ пѣніемъ кантовъ (*сенема чаладу*). Потомъ больного сажаютъ въ сторону.

Послѣ того баксы молится, дѣлаетъ такбиръ и хватается за веревку; потомъ ходитъ кругомъ нея три раза; а больной ходитъ вокругъ туга семь разъ, держась за тугъ. Затѣмъ молитва повторяется, баксы кланяется передъ веревкой, разводя руками и ходитъ вокругъ нея тоже разводя руками. Вслѣдъ затѣмъ баксы пляшетъ вокругъ каната или вѣрнѣе кружится вокругъ него и больного, сидящаго у туга (пикрафъ), и притомъ сильно и весьма долго. Музыканты бьютъ все это время въ бубны; баксы кружится все быстрѣе и быстрѣе, доходя до чрезвычайной быстроты (*гульванъ*): бубны аккомпанируютъ этому вращенію въ темпъ—*селкашка чаладу*. Восторженные зрители выкрикиваютъ разные звуки (уакыраду) и благочестивыя слова.

Наконецъ баксы прекращаетъ круговращеніе; затѣмъ больного, сидѣвшаго у туга, поднимаетъ, беретъ на себя и вертится съ нимъ; потомъ останавливается и спрашиваетъ у больного: „Что представлялось твоимъ глазамъ; видѣлъ ли синяго козла“? Если больной скажетъ, что ему ничего не представлялось, то бакши вдѣваетъ въ иглу толстую нитку и взявши больного за языкъ, колетъ его, затѣмъ даетъ ему *тугъ* и вертитъ его вокругъ туга и затѣмъ опять спрашиваетъ: „Что представлялось твоимъ глазамъ“? Больной, едва перенося боль въ языкѣ, говоритъ, что „Глазамъ моимъ представился синій козелъ“, хватается за веревку и дѣлаетъ такбиръ.

Послѣ того баксы опять молится, держась за веревку (тугъ), затѣмъ бѣгаетъ съ нагайкой, бьетъ ею присутствующихъ людей, бьетъ больного, третъ нагайкой больного и кружится съ нагайкой около туга.

Конецъ перваго акта. Нѣкоторый перерывъ.

II.

Больной опять садится у веревки; музыканты поютъ и бьютъ въ бубны.

Больной встаетъ, ходитъ около каната впередъ и обратно. Баксы въ это время сидитъ спокойно. Затѣмъ больной садится; пѣніе и музыка перестаютъ; баксы давитъ ему спину (укалайду — массажируетъ), дѣлая манипуляціи, выказывающія, что онъ собираетъ злыхъ духовъ, въ тѣлѣ внѣдрившихся, въ одно мѣсто. По окончаніи этого массажа, баксы садится, музыканты поютъ и бьютъ въ бубны. Затѣмъ онъ встаетъ и водитъ больного нѣсколько круговъ около каната; обыкновенно вожденіе или хожденіе больного вокругъ туга повторяется семь разъ, а затѣмъ больной самъ ходитъ. Разумѣется всѣ эти дѣйствія сопровождаются молитвой.

Баксы вторично давитъ больному спину у веревки, послѣ чего больного отводятъ въ сторону, а баксы ходитъ вокругъ веревки впередъ и обратно, дѣлая такбиръ съ хватаніемъ веревки; потомъ ходитъ размахивая руками, танцуетъ (усла-усла уйнамакъ), кружится съ чрезвычайною быстротою подъ темпъ музыки; потягивается, бѣгаетъ кругомъ каната; опять кружится. Въ это время публика кричитъ „алла“.

Баксы беретъ кинжалъ (ханджаръ[1]) — ножъ съ четырьмя шаркунцами—кунгу рачъ—третъ и колетъ

---

[1]) *Ханджаръ*-кинжалъ—дѣлается изъ рябины (*дулана*). Въ кинжалѣ три дыры, въ которыя продѣты разныя лоскутья (*ялыкъ*); на немъ висятъ также два колокольчика (*кунракъ*).

кинжаломъ больного черезъ мату; бѣгаетъ съ кинжаломъ вокругъ веревки, третъ имъ и колетъ больного; потомъ обводитъ послѣдняго около веревки три раза, садитъ, а затѣмъ беретъ себѣ на спину и носитъ кругомъ веревки. Затѣмъ становится предъ музыкантами, держа больного на спинѣ, и произноситъ молитвы, мотая головой.

Для изгнанія изъ тѣла злого духа, баксы кладетъ больного на подушку, тычетъ ему кинжаломъ въ горло и глаза, а затѣмъ во всѣ мѣста тѣла (въ лицо, въ животъ, спину) усиленно и быстро. Публика въ это время выкрикиваетъ „алла".

Послѣ того переворачиваютъ больного навзничь, спиною вверхъ, обводитъ кинжаломъ вокругъ веревки и чешетъ ему ногой спину (между лопатками) и снова тычетъ кинжаломъ въ спину. Въ промежуткѣ баксы иссокомъ (пей[1]) изъ птичьихъ перьевъ кропитъ больного изъ *хансуи*, приговаривая „аузу биллями" а'замту алейкюмъ, я джинлеръ, о пирлеръ, сѣзамту алейкюмъ дивелеръ, шеятинляръ". Кропитъ иссопомъ больного столько разъ, сколько колетъ его кинжаломъ. Больной переноситъ все терпѣливо и только иногда произноситъ „аллагу тоуба" (каюсь Господу).

Вслѣдъ затѣмъ мнетъ рукой спину и голову и колетъ ихъ кинжаломъ и наконецъ обтираетъ кинжалъ.

По окончаніи этой манипуляціи, больной встаетъ но его садятъ, баксы же сперва ходитъ вокругъ аркана съ кинжаломъ, а затѣмъ вертится около веревки, держа кинжалъ въ рукѣ; становится въ это время у веревки больной и баксы тычетъ кинжаломъ во всѣ части его тѣла, бросается на публику съ кинжаломъ,

---

[1]) Пей—связка перьевъ отъ беркута. Въ связкѣ бываетъ обыкновенно четыре пера изъ крыльевъ беркута.

переворачиваетъ лицомъ къ себѣ больного и все это время тычетъ его кинжаломъ... Послѣ того приступаетъ къ другому дѣйствію: щупаетъ пульсъ, колетъ руку иглой и выпускаетъ изъ нея кровь. Больной, разумѣется, страдаетъ.

Изъ наколовъ иглою баксы выжимаетъ сильно кровь. Съ другой руки онъ тоже пускаетъ кровь. Затѣмъ очищаетъ кинжаломъ языкъ и горло, послѣ чего кружится съ кинжаломъ около веревки и колетъ имъ больного.

Этотъ актъ духовно-врачебной пляски заканчивается молитвой, заключаемой всеобщимъ „аминь" присутствующихъ.

Если больной утомится, то его замѣняетъ кто-нибудь изъ присутствующей публики и съ такимъ подставнымъ субъектомъ баксы продѣлываетъ тоже, что́ и съ больнымъ.

Во время перерыва сеанса, назначаемаго для отдыха, почетные изъ присутствующихъ лицъ угощаются чаемъ[1]), бесѣдуютъ съ хозяевами и родственниками больного...

Больному, сильно устающему отъ этихъ ужасныхъ духовно-медицинскихъ упражненій и вспотѣвшему, даютъ холодной воды, для возстановленія силъ.

Рѣдкій изъ больныхъ, крайне утомляющійся отъ описанныхъ движеній, не отходитъ въ вѣчность на другой или третій день послѣ этихъ цѣлебныхъ упражненій: такимъ образомъ вмѣсто изгнанія злыхъ духовъ, изгоняется душа самого больного...

---

[1]) Если приготовленъ хозяевами баранъ, что бываетъ у богатыхъ, то его рѣжутъ и варятъ. Изъ оставшагося же мяса приготовляютъ *нанъ-чупъ* (такъ называется супъ съ разломленными лепешками), которое и вкушаютъ.

III.

(Чонгъ уюнъ).

Больной сидитъ у туга. Баксы отводитъ его въ сторону а самъ цѣпляется за тугъ, танцуетъ передъ нимъ, вертится. Въ темпъ его движеніямъ бьютъ бубны и барабанъ. Затѣмъ бѣгаетъ съ кинжаломъ, кричитъ *алла*, вертится, бьетъ кинжаломъ воздухъ около больного, бьетъ кинжаломъ въ тѣло больного... Затѣмъ мочитъ ханджаръ въ *хансуи* и колетъ имъ глаза и другія части тѣла; потомъ кропитъ хансуи по тѣлу и водитъ по тѣлу кинжаломъ, носитъ на себѣ больного и кружится съ нимъ; потомъ кладетъ на подушку у туга и баксы массажируетъ (укалаиду) его ногой по спинѣ, затѣмъ по передней части, а послѣ того больному даютъ въ руку тугъ и всѣ вертятся около туга...

На разсвѣтѣ близко къ восходу солнца больного выводятъ или выносятъ на кошмѣ въ другую комнату или на дворъ, при звукахъ барабана и бубновъ, и голову больного закрываютъ чѣмъ нибудь—богатые халатомъ, бѣдные—матой.

Затѣмъ приносятъ бѣлую курицу или пѣтуха или же черную, но здоровую, бакши проводитъ (кучераду) ею вокругъ больного и побиваетъ или хлопаетъ ею немного больного[1]), послѣ чего отдаетъ ее ученику—

---

[1]) Вмѣсто курицы можно употребить на это дѣло барана.

шагирду;[1]) бакши же снимаетъ съ головы больного халатъ (чапанъ) или мату и беретъ себѣ.

Послѣ того приносятъ камышу и бакши соединяетъ его съ семью тряпочками отъ туга, зажигаетъ все это и проводитъ этимъ пучкомъ вокругъ больного, затѣмъ бьетъ имъ больного и послѣ того выбрасываетъ на дворъ, гдѣ пучекъ и сгораетъ.

Потомъ баксы опять молится и брызгаетъ ложкой на больного изъ чашки *хансуи*; брызгаетъ также на всѣ четыре стороны свѣта. Въ дырку, гдѣ былъ колъ отъ *туга*, льютъ масло и бросаютъ горящій фитиль отъ свѣчки. Дѣлаютъ это для того, чтобы шайтанъ не оставался въ комнатѣ.

Тѣмъ лѣченіе и изгнаніе духа и кончается: больной уходитъ или уносятъ его въ свое помѣщеніе а баксы разбрызгиваетъ оставшееся хансуи и уходитъ вслѣдъ за больнымъ въ помѣщеніе хозяина.

Баксы беретъ себѣ халатъ или мату, какъ мы сказали выше, чашку изъ подъ хансуи, ложку, платокъ отъ журуна и мату отъ туга, за которую держался больной (*тугнымъ яглыкъ*); веревку же (тугъ) и курицу отдаетъ ученику. Оставлять эту мату съ больного нельзя, ибо взявшій ее непремѣнно, по понятіямъ присутствовавшихъ, долженъ заболѣть.

---

[1]) Въ № 161 „Русскаго Туркестана" за 1901 годъ читаемъ:—въ Сочи какой-то туземецъ, придя въ церковь, принесъ съ собою *живого чернаго пѣтуха*, котораго и положилъ на паперти, а самъ сталъ усердно молиться Богу. Передъ окончаніемъ Богослуженія онъ преспокойно отрѣзалъ ножемъ у пѣтуха гребень и кровью начинаетъ мазать на дверяхъ съ наружной стороны кресты. Какъ оказалось, у этого имеретина тяжко больна жена припадочною болѣзнью, причина которой — злой духъ, вселившійся въ женщину; помощь врачей въ этомъ случаѣ, по мнѣнію народа, безполезна,—нужна умилостивительная жертва, которою и является *черный пѣтухъ*. Жертвеннаго пѣтуха затѣмъ варятъ и раздаютъ бѣднякамъ. Нѣчто подобное существуетъ и у осетинъ, съ тою только разницею, что послѣдніе приносятъ умилостивительную жертву „хайраку" (черту) разъ въ годъ, въ ночь наканунѣ „новаго" года.

Въ иныхъ случаяхъ состоятельные даютъ баксѣ 1 руб. деньгами, а бѣдные копѣекъ 30 и упомянутые яства, а ученики берутъ себѣ всѣ вещи, употреблявшіяся при сей игрѣ.

Послѣ этого сеанса, бакши входитъ въ помѣщеніе хозяина, и послѣдній даетъ ему, бакшію, семь хлѣбовъ и семь блиновъ *(пушкалъ)*, которые жарятся здѣсь же; или же даетъ сала и муки и бакши самъ печетъ у себя пушкалъ. Эти яства приносятся въ жертву „40 существамъ" (чиль тенъ хакларга).

На это зрѣлище народу собирается всегда много; почетныя лица пьютъ все это время чай, остальнымъ же присутствующимъ чай дается только передъ разсвѣтомъ.

Бакши въ одеждѣ и костюмѣ своемъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ таранчей—простонародья; они носятъ такую же какъ и прочіе таранчи, длинную рубаху и короткій халатъ *(калта чапанъ)*.

Кромѣ мужчинъ бакшей, бываютъ и женщины бакши, которыя отправляютъ весь этотъ чинъ такъ же, какъ и мужчины. Женщины бакши головы не покрываютъ, а волоса распускаютъ и всклокачиваютъ ихъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1896 году, у насъ въ трехъ таранчинскихъ волостяхъ Вѣрненскаго уѣзда находилось бакшей: въ Карамской волости въ селеніи Карамъ 2 мужчины и 1 женщина, а въ остальныхъ селеніяхъ этой волости Караюта, Лабаръ, Каратурукъ, Кіикбай и Асы по одному мужчинѣ, въ Карасуйской волости состояло: въ селеніяхъ Алексѣевкѣ (Талгаръ) и Ташкенбайсазѣ по одному мужчинѣ, въ селеніи Ташты-кара—одна женщина и въ г. Вѣрномъ одинъ мужчина (Гохталяръ—77 лѣтъ) и 1 женщина (Азнаханъ); въ Малыбаевской волости: въ селеніи Малы-

баѣ — два, въ селеніи Байсеитѣ — одинъ, въ селеніи Сарыбулакѣ трое мужчинъ. Женщинъ и дѣвицъ бакшей въ этихъ селеніяхъ не находилось; равно не было рѣшительно бакшей въ селеніяхъ Масакбаѣ и Кайнакѣ.

Изложеніе того, что говоритъ каждый, идущій посѣтить больного, и что читаютъ при заговорахъ[1].

Тѣ лица, которыя являются повидать больного, входятъ въ домъ больного и говорятъ: „Асселомъ аляйкумъ“ (миръ Вамъ), затѣмъ садятся и говорятъ: „О Боже, исцѣли этого больного, о исцѣлитель изъ исцѣлителей! Аминь“.

(Аллагумма, ошфа газиги-ль маризъ, я ошфаа-ль-шафіина. Аминь). Значеніе сихъ словъ такое: о Боже, подай исцѣленіе этому больному, о лучшій изъ подателей исцѣленій)!

Послѣ того посѣтитель кладетъ свою руку на лобъ больного и говоритъ: „Какъ Вы спали? Какое мѣсто болитъ у Васъ?“

Больной говоритъ: „Все тѣло болитъ у меня; голова моя, поясница, обѣ ноги болятъ“.

Посѣтитель снова спрашиваетъ: „Показывались ли Вы доктору, принимали ли лѣкарство?“

Больной говоритъ: „Лѣкарство давали, однако пользы не принесло“.

Посѣтитель говоритъ: „Если такъ, то не приказывали ли Вы читать заговоры?“

Больной отвѣчаетъ: „Мы не могли найдти хорошаго муллы“.

---

[1]) *Азаимъ*—заговоры отъ сл. Азиметъ—عزيمت. *Азаимъ-ханъ*—мулла, читающій заговоры отъ болѣзней. Заговорщики не пользуются уваженіемъ въ народѣ потому, что шаріатомъ заговоры не рекомендуются, а также и потому, что это народъ не ученый.

Посѣтитель говоритъ: „За воротами“ Су-дервазе“ есть одинъ мулла, по имени мулла Абду-керимъ паршивый. Вы попросите[1]) его, и онъ придетъ; а Вы заставьте его читать. Онъ читаетъ хорошо. Непремѣнно сдѣлайте такъ“.

Сказавши это, посѣтитель уходитъ.

Больной тотчасъ же приглашаетъ къ себѣ паршиваго муллу и проситъ его, чтобы отчиталъ его.

Паршивый мулла тотчасъ же ворожитъ по книгѣ двумя палочками[2]), смотритъ и говоритъ, что къ этой болѣзни привязался[3]) мусульманскій пери[4]).

Мулла приказываетъ принести одну бѣлую курицу чернолицую.

Больной тотчасъ же находитъ и приноситъ бѣлую курицу чернолицую.

Послѣ того паршивый мулла говоритъ: „Пока я кончу читать молитвы, вы приготовьте 40 блиновъ[5]), на салѣ испеченныхъ[6]) и сорокъ блиновъ, жаренныхъ безъ сала[7])“.

---

[1]) *Чирлабъ.*

[2]) *Ремль тартибъ*—ворожить по книгѣ двумя палочками. Палочки эти въ вершокъ длиной, имѣютъ на себѣ черные знаки—точки и черточки. Они бѣлаго цвѣта. Иногда обдѣлываются бѣлою костью. Ремль значитъ по араб. песокъ. Прежде, до времени мусульманства гадали по песчинкамъ, а потомъ стали гадать по книгѣ.

[3]) Чепилинтуръ.

[4]) Пери существуютъ разныхъ родовъ: мусульманъ, кафиръ, мугъ, джугудъ, терса (христіанскій)...

[5]) *Пушкалъ*—блинъ тонкій, на салѣ испеченый.

[6]) *Гуль.*

[7]) *Курукъ*—собственно *сухой*. Пекутъ въ казанѣ безъ сала. И курицу и блины заговорщикъ беретъ потомъ себѣ и уноситъ. Кромѣ того онъ беретъ себѣ чашку и ложку, именно ту чашку, въ которую наливаютъ воду и затѣмъ изъ которой брызгаютъ больного ложкою.

Когда же ихъ приготовятъ, то ихъ кладутъ возлѣ заговорщика.

Послѣ того онъ кладетъ больного, обративши его лицемъ на западъ (въ сторону кыбле) и совсѣмъ закрываетъ[1]) больного новою бѣлою дабовою матеріею[2]).

Послѣ того онъ начинаетъ отчитывать больного.

Прежде всего онъ прочитываетъ семь разъ *фатиху* и семь разъ „куль гува аллагу ахадъ", при чемъ дуетъ на больного. Потомъ читаетъ семь разъ „Суру-джинъ"[3]) и тоже дуетъ. Послѣ того онъ читаетъ сорокъ одинъ разъ нижеслѣдующую молитву заговора; при чемъ дуетъ на больного.

„Во имя Бога милостиваго и милосерднаго! Я прочиталъ заговоръ надъ Вами, о духи джиновъ, отдалитесь подальше отъ этого больного! Во имя пятикнижія Моисеева и евангелія Іисуса и псалтыря Давидова и священныхъ книгъ Мухаммеда-Мустафа, да благословитъ его Господь, и да привѣтствуетъ! Посредствомъ дыханія Соломона, сына Давидова, переселитесь, уходите, о джины, о пери, о дивы! О мать дѣтей[4]).

Пришло повелѣніе пророка Соломона: посредствомъ дуновенія Тамуса-пери[5]), Шахбаля сына Шаруха-пери, Малека Абдурахмана джина переселитесь, уходите, о пери, о проклятые! Если вы христіанскіе пери, то уходите ради пророка Іисуса, о проклятые! Если вы жидовскіе пери, то уходите именемъ пророка

---

[1]) *Туркандурюбъ.*

[2]) *Рахтъ.*

[3]) 29 часть (парѐ) въ Коранѣ.

[4]) Имя джина, женщина—джинъ. ام صبيان называютъ зіяндашъ. У нея 70 сосцовъ: если въ теченіе 7 дней (идаръ) кормитъ она дитя, то дитя непремѣнно умретъ.

[5]) Тамусъ—или Тамусъ-Султанъ пери—царь всѣхъ джиновъ. Живетъ на Куги-кафъ. Куги-кафъ обнимаетъ кольцомъ всю землю.

Моисея, о проклятые! Если Вы изъ монгольскихъ пери, то переселяйтись и уходите ради пророка Шуайба, о проклятые! Если вы еврейскіе (пери), то переселяйтесь и уходите именемъ пророка Узейра, о проклятые! Если вы изъ пери невѣрныхъ, то переселяйтесь ради пророка Давида, о проклятые. Если вы изъ мусульманскихъ пери, то переселяйтесь, уходите именемъ пророка Божія Мухаммеда. Выходите совсѣмъ![1])"

Слова эти сопровождаются сильнымъ дуновеніемъ: „Явилось приказаніе пророка Соломона: выходите совсѣмъ, будешь ли ты жидовскій, еврейскій, христіанскій, кафирскій (невѣрный), мусульманскій (правовѣрный) — выходите совсѣмъ, о духи джиновъ! Скорѣе, скорѣе, скорѣе! Во мгновеніе, во мгновеніе, во мгновеніе![2]) Тотчасъ же, тотчасъ же, тотчасъ же! Приходите, приходите, приходите! О ты (Боже)! О ты создатель! Нѣтъ Божества, кромѣ его.

По твоей милости, о милосердный изъ милосердныхъ"!

Послѣ того больного съ прежняго мѣста, гдѣ лежалъ онъ, передвигаютъ и укладываютъ на другое мѣсто. Затѣмъ родственники больного даютъ муллѣ деньгами два-три рубля за чтеніе молитвъ, послѣ чего мулла беретъ курицу, блины и деньги и уходитъ домой по дорогѣ.

Послѣ всего этого, если (больной) поправится, выздоровѣетъ, то хорошо. Если же не въ состояніи будетъ выздоровѣть, то приходящіе потомъ къ нему посѣтители говорятъ: „Слѣдуетъ прочесть молитву на прогнаніе духовъ[3])".

---

[1]) *Тупъ Кучъ.*

[2]) الوجا = فجاة

[3]) *Раддъ-наме*—молитва на прогнаніе духовъ.

Больной отвѣчаетъ: „Я заставлялъ паршиваго муллу читать заговоры, но я не могъ поправиться".

Пришедшій народъ говоритъ ему: „Вы дурно сдѣлали, паршивый мулла обманулъ[1]) Васъ и ушелъ. Приведите хорошаго муллу и заставьте его прочитать молитву на прогнаніе духовъ".

Когда таковой мулла явится, то прежде всего берутъ и приносятъ воду изъ семи ключей, изъ семи колодцевъ, изъ семи озеръ, съ семи мельницъ, изъ семи мѣстъ рѣки и развѣшиваютъ эти воды на семь равныхъ частей вѣсомъ корана[2]).

Взявши и поставивши эту воду, накаливаютъ[3]) въ огнѣ семь сортовъ разныхъ желѣзныхъ принадлежностей и опускаютъ въ эту воду желѣзныя принадлежности по одному, и (отъ пара) заставляютъ больного потѣть.

Послѣ того надъ этой водой читаютъ суру „ясинъ", „инна фатахна" изъ суры „фатхъ", „аррахманъ", т. е. суру „рахманъ" суру „Джинъ" четыре „куль"[4]) и молитвы на прогнаніе духовъ, — каждую по семи разъ.

Затѣмъ дуютъ на помянутую воду и купаютъ въ этой водѣ больного.

Потомъ надъ головою больного наливаютъ въ отверстіе остова черепахи[5]) воду, которая проходитъ черезъ остовъ и онъ (больной) такимъ образомъ дѣлаетъ полное омовеніе.

---

[1]) Шаллакъ.

[2]) كلام شريف

[3]) Кызытыбъ—накаливать до крана.

[4]) Четыре „куль" суть слѣдующія: „куль я", „куль гува аллагу ахадъ", „куль аузу бираббиль палаки" и куль аузу бирабин-наси". Первые стихи изъ суры „кафирунъ", вторые изъ суры „ихласъ", третьи изъ суры „палакъ" и четвертые изъ суры „насъ".

[5]) Пакачанакъ.

Послѣ того эту воду выливаютъ на колесо мельницы[1]). Больной тотчасъ же долженъ исцѣлиться. Если же онъ отъ подобныхъ дѣяній не выздоровѣетъ, то приготовляютъ и даютъ (народу) „пищу духовъ“[2]).

Способъ приготовлять пищу духовъ.

Рубятъ[3]) хорошенько немного мяса и приготовляютъ лапшу[4]). Рѣжутъ лапшу[5]), нѣсколько кусковъ отрываютъ отъ тѣста и кладутъ, изъ нѣкотораго количества дѣлаютъ въ видѣ змѣи, изъ нѣкотораго количества тѣста дѣлаютъ лягушекъ, ящерицъ[6]), изъ нѣкотораго количества тѣста приготовляютъ манту[7]), чучбуре[8]). Все это варятъ въ одномъ казанѣ. Затѣмъ приглашаютъ хорошихъ людей и предлагаютъ вкусить этой пищи.

Кромѣ того кладутъ въ крынку немного этой пищи, закрываютъ отверстіе новымъ платкомъ и ставятъ ее на перекресткѣ дорогъ и уходятъ. Тотъ, кто возьметъ этотъ сосудъ съ пищей, уноситъ его (при чемъ читаетъ молитву духамъ).

Если больной не исцѣлится посредствомъ всѣхъ сихъ совершенныхъ дѣяній, то заставляютъ читать надъ больнымъ единственную молитву къ „матери дѣтей“, (умму субьянъ) и производятъ дуновеніе, а

---

[1]) Чтобы быстро вылилась въ арыкъ.

[2]) *Эрвакъ* — духъ.

[3]) *Кырма*. Таранчи выговариваютъ *Кійма*.

[4]) *Унъ-аши*—мучная пища, лапша.

[5]) *Угра*—лапша, длинная вермишель; по дунгански *лянмень*. Есть еще *халабашъ* — четырехугольная лапша отрывается руками и *манчуръ* мелкая лапша, крошется треугольниками.

[6]) *Кесленчукъ*.

[7]) *Манту*—большіе пельмени, сваренные паромъ.

[8]) *Чучбуре*—маленькіе пельмени, сваренные въ водѣ. Есть еще *самбуса*—это пирожки, жаренные въ салѣ и *гушъ-гирды* — токачи съ мясомъ (*гирды* по кашгарски токачъ).

также пишутъ слѣдующую молитву и привѣшиваютъ на шею больного.

Молитва къ „матери дѣтей“ слѣдующая:

Во имя Бога милостиваго и милосерднаго! Во славу Адама, созданнаго по подобію Божію, во славу Ноя, спасеннаго Богомъ, во славу Авраама, искренняго друга Божія, во славу Моисея, прорекшаго слово Божіе, во славу Іисуса, духа Божія, и во славу Мухаммеда посланника Божія. Во истину я не встрѣчусь съ тѣмъ человѣкомъ, къ которому будетъ прикрѣплена эта молитва, сохраняющая и преграждающая (отъ джиновъ), ни ночью, ни днемъ, ни во время ѣды, ни во время питья, ни во время бодрствованія, ни во время сна.

Постоянно и безконечно и во вѣки вѣковъ!

И по истинѣ, я буду читать надъ тобою заговоры, если ты жидовскій (джинъ), во имя Муссы, да будетъ надъ нимъ миръ и ради сошествія пятикнижія.

Я буду читать надъ тобою заговоры, если ты христіанскій (джинъ), во имя Іисуса да будетъ надъ нимъ миръ, и ради сошествія отъ него евангелія. И я буду читать надъ тобою заговоры, если ты будешь огнепоклонническій или же звѣздопоклонническій, во имя Шуайба, да будетъ надъ нимъ миръ, и ради сошествія отъ него (разныхъ) книгъ. Я буду читать надъ тобою заговоры, если ты будешь джиномъ кафировъ (невѣрныхъ), во имя Давида, да будетъ надъ нимъ миръ и ради сошествія псалтири. Я буду читать надъ тобою заговоры, если ты будешь правовѣрнымъ (джиномъ), во имя Мухаммеда, посланника Божія, и ради сошествія Корана.

И сказалъ ей [1]) Соломонъ, сынъ Давида: Миръ имъ! Привяжу твою правую руку къ лѣвой ногѣ, при-

---

[1]) „Матери дѣтей“—ام الصبيان

вяжу лѣвую твою руку къ правой ногѣ, такъ что ты не будешь ходить среди беременныхъ женщинъ. Ты не встрѣчайся съ людьми, которые молятся Богу, которые имѣютъ намѣреніе идти въ хаджъ. Ты не встрѣчайся съ ними въ видѣ черной вороны. Не ходи въ воду, если будутъ пить ее люди. Воздадимъ похвалы Мухаммеду и потомству его тысячу разъ!

Прибѣжище наше и сила только у Бога, великаго и всемогущаго."

Повѣствованіе о происхожденіи бакшей.

Поэтому поводу сами таранчи повѣствуютъ такъ:

Въ первыя времена дивы и джины представлялись и видѣлись нѣкоторыми людьми и многихъ людей совращали съ пути и соблазняли.

Джины и злые духи (шайтаны) восходили на небеса, переговаривались съ ангелами Божіими и узнавали о дѣлахъ, которыя могли приносить пользу или вредъ сынамъ человѣческимъ, и эти дивы и злые духи переговаривались съ людьми и совращали ихъ съ добраго пути.

Потомъ, по рожденіи святѣйшаго пророка Мухаммеда —, да благословитъ его Господь и привѣтствуетъ —, ангеламъ Божіимъ было повелѣніе отъ Господа, чтобы послѣ того, какъ джины и злые духи взойдутъ на небеса, возбранить имъ возвратиться на землю. Эти слова писаны во всѣхъ нашихъ книгахъ.

Въ такъ называемой книгѣ „Тарихи Рашиди" упоминается, что въ первыя времена существовала женщина по имени Аланку—красавица. Она была очень набожная цѣломудренная женщина. На поверхности міра сего не было ей равной и подобной по красотѣ и добротѣ.

Всевышній Господь подарилъ красавицѣ Аланку тайно, по зачатію безъ мужа, ребенка-сына. Ему дали имя Бузенджиръ-ханъ. Когда Бузенджиръ-ханъ возмужалъ, то сталъ государемъ въ Джунгарскомъ царствѣ.

Джунгарскимъ царствомъ называли Кюгне-Турфанъ, Кучаръ, Кашкаръ, Аксу, Учь-Турфанъ, Хотанъ, Яркендъ, Или—эти восемь городовъ.

Послѣ смерти Бузенджиръ-хана, государемъ сталъ сынъ его Бупа-ханъ.

Послѣ же того, какъ умеръ Бупа-ханъ, воцарился государемъ сынъ его Думнинъ-ханъ. Послѣдній былъ идолопоклонникъ, невѣрный.

Причина тому, что Думнинъ-ханъ по воцареніи сталъ невѣрнымъ, была такая.

Къ сыну Думнинъ-хана, по имени Каидъ-хану, одинъ джинъ, по имени Дивебидъ, прицѣпился, имѣлъ на него вліяніе, изурочилъ его и слѣдомъ сего была болѣзнь всего его тѣла — горячка[1]. Врачи и ученые рѣшительно не могли его вылечить, такъ какъ лихорадочный жаръ его былъ на почвѣ страстей, и болѣзнь закончилась опухолью мозга.

Думнинъ-ханъ былъ весьма пораженъ этимъ.

Однажды онъ выѣхалъ, въ сопровожденіи небольшаго отряда войскъ, на охоту. На встрѣчу ему попался дикій козелъ. Думнинъ-ханъ погнался за нимъ; гнался, гнался и отдѣлился отъ отряда. Дикій козелъ также скрылся.

Думнинъ-ханъ отправился на ближайшее мѣсто, поросшее деревьями. Тамъ онъ встрѣтилъ одного человѣка, у котораго оба глаза были красны какъ кровь, на лицѣ его пятна отъ оспы; волосы на его головѣ выросли очень длинные и ниспадали до поясницы. На немъ была желтая одежда. Онъ, не переставая, вертѣлся.

Думнинъ-ханъ, увидѣвши этого человѣка, изумился и спросилъ его: „Эй, человѣче, ты что за личность? Что ты дѣлаешь здѣсь, въ этой пустынѣ, одинокій? Какъ твое имя? Почему ты стоишь и все вертишься"?

Тотъ человѣкъ сказалъ:

---

[1]) Всѣ событія, случившіяся до Каидъ-хана, изложены въ книгѣ, называемой „Тарихи Рашиди".

„Эй ханъ, я человѣкъ бакши; я самъ калмыкъ. Имя мое Даванчукъ (или Дунчукъ); я сынъ Дачика. У меня въ обычаѣ постоянно вертѣться; какая бы болѣзнь ни была, я излечиваю ее“.

Ханъ спросилъ: „Есть ли у тебя жена и дѣти? Самъ ты изъ какого города?“

Даванчукъ отвѣтилъ:

„Самъ я изъ города Каяна; есть у меня жена; имя ея Дамурченъ; имя моего сына Мунгай“. Ханъ спросилъ: „Что ты дѣлаешь здѣсь одинокій“?

Даванчукъ отвѣтилъ: „Я не одинокій, я вмѣстѣ съ своимъ учителемъ“.

Ханъ спросилъ: „Гдѣ же твой учитель“? Даванчукъ сказалъ: „Онъ находится передъ Вами; Вы его не видите“.

Ханъ сказалъ: „Покажи-ка мнѣ его; я посмотрю на него“.

Даванчукъ что-то прочиталъ и сдѣлалъ дуновеніе на небо и на землю. Послѣ того еще прочиталъ что-то и подулъ на всѣ четыре стороны свѣта. Ханъ увидѣлъ, что что-то появилось.

У этого существа два крыла, на головѣ четыре рога; длина его съ маховую сажень, толщиной съ рукавъ; три глаза; изо рта и изъ носа выходитъ огонь; имѣетъ образъ человѣческій.

Думнинъ-ханъ испугался, упалъ съ лошади и припалъ головой къ землѣ. Послѣ того онъ сталъ невѣрнымъ кафиромъ.

Даванчукъ увидалъ, что ханъ испугался, и опять что-то прочиталъ и подулъ. Дивъ сталъ невидимъ. Это былъ тотъ самый дивъ, который называется „четырехъ рогій диве—бидъ“.

Думнинъ-ханъ взялъ Даванчука и увезъ къ себѣ во дворецъ. Онъ показалъ ему своего сына Каидъ-хана.

Даванчукъ сказалъ: „Къ этому царевичу привязался джинъ. Хорошо будетъ поиграть съ пери [1])“.

Послѣ того онъ прикрѣпилъ въ одномъ помѣщеніи тугъ (знамя), билъ тамъ въ бубны и барабаны и игралъ съ пери надъ Каидъ-ханомъ.

Каидъ-ханъ оправился отъ болѣзни.

Думнинъ-ханъ очень обрадовался этому и одарилъ Даванчука большимъ количествомъ золота, серебра, лошадей и одежды.

Даванчукъ многихъ больныхъ, посредствомъ игры съ пери, вылечилъ и сдѣлалъ ихъ благополучными.

Распространилась о немъ также слава, что если Даванчукъ—бакши поиграетъ съ пери, то больные не остаются не исцѣленными.

Благодаря этому, множество народа увѣровали искренно въ Даванчука и вслѣдствіе этого они стали грѣшниками и богоотступниками.

Думнинъ-ханъ снялъ изображеніе съ дива, учителя Даванчукова, и приказалъ сдѣлать идола, которому онъ билъ челомъ и такимъ образомъ сталъ невѣрнымъ.

Отъ Даванчука научился сему дѣлу Арджастъ.

Этотъ Арджастъ — бакши тоже вылечилъ очень многихъ больныхъ.

Арджастъ научилъ трехъ калмыковъ: Дальчука, Исхара и Аскара. Отъ этихъ трехъ бакшей научился уже весь народъ и появились уже бакши.

Среди сибинскаго народа (шибе) также многіе научились и у нихъ появились бакши [2]).

Изъ мусульманъ также многіе научились: Кара ходжа научился, послѣ него научился Байкузы, послѣ

---

[1]) Пери پری—крылатый добрый духъ, ангелъ, прелестное существо.

[2]) Разсказы о событіяхъ начиная отъ Даванчука, сына Дачика, вылечившаго Каидъ-хана, до Аскара-бакши находятся въ книгѣ „тевариxи сапамани“—تواريخ سپامانى

того — Бувефа, сынъ послѣдняго Асымъ, сынъ этого Асыма по имени Касымъ; сынъ Касыма-Пасаръ; Харбадъ бакши, послѣ него Раматъ бакши, Мурадъ бакши сынъ послѣдняго Пуладъ бакши.

Всѣмъ этимъ пятнадцати бакшамъ джины оповѣщали и объявляли всѣ скрытныя и тайныя дѣла; вслѣдствіе этого все то, что оповѣщали и передавали эти прежніе бакши, все это выходило истиннымъ.

Много простого темнаго народа довѣряли имъ и вслѣдствіе этого впадали въ грѣхъ.

Этимъ бакшамъ народъ оказывалъ большое почтеніе и безусловно довѣрялъ ихъ словамъ; однако это очень нехорошее дѣло, что простой народъ довѣряетъ словамъ таковыхъ бакшей и ворожей (палбинъ). Если бы даже слова ихъ и оказались справедливыми, все таки шаріатомъ не дозволяется и считается не законнымъ искренно вѣрить этому.

Въ городѣ Кульджѣ во времена Ингразука-Гунъбека, котораго китайцы называли Сангуномъ (третьимъ гуномъ) и въ тѣ времена, когда юношами были Мульки-затъ Хакимъ, Хушъ-незадъ-Хакимъ, Сулейманъ-гунъ, Искендеръ-ванъ,—былъ извѣстенъ и славенъ Пулатъ-бакши.

О Пулатъ-бакши также распространилась слава, что онъ знаетъ скрытое.

Мульки-затъ Хакимъ, устранивъ изъ своего дворца постороннихъ и никому не показывая, закопалъ на срединѣ своего дома золотую пуговицу, которая походила на яйцо. Ночью Мульки-затъ отправился за три версты, въ тотъ домъ, гдѣ спалъ Пулатъ-бакши, позвалъ его и привелъ во дворецъ.

Здѣсь онъ сказалъ: „Эй, Пулатъ-бакши, я въ своемъ домѣ, спряталъ одну вещь, если ты ее найдешь, то я подарю тебѣ лошадь, одежду и десять саровъ серебра“.

Пулатъ сказалъ ему: „Вы посрединѣ своего дома закопали одну золотую пуговицу, подобную яйцу“.

Сказавши это, Пуладъ отправился, нашелъ пуговицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была закопана, принесъ и вручилъ ее Мульки-зату-беку.

Мульки-затъ-хакимъ похвалилъ его и пожаловалъ ему много разныхъ вещей.

За всѣмъ тѣмъ намъ извѣстно, что нѣкоторые бакши даютъ народу разныя свѣдѣнія о джинахъ, злыхъ духахъ и о многомъ скрытномъ и тайномъ.

Если простой народъ видитъ подобныя дѣла, творимыя бакшами, и говоритъ, что такой-то бакши знаетъ скрытное и тайное, то они погрѣшаютъ.

Въ то время, когда въ Кульджѣ были хакимами Бакы-хакимъ и Хализатъ-хакимъ, существовалъ Самсакъ-бакши, сынъ Пулада-бакши; затѣмъ — Тали-бакши, плѣшивый бакши съ золотыми локонами.

Во время правленія Чорукъ-хакимъ-бека былъ Сакы — плѣшивый бакши; среди женщинъ также были бакши. Изъ женщинъ бакшей извѣстны Фатима, дѣвица-бакши Фериза. Были также среди бакшей Муса, Тохтояръ [1])...

Въ 1880 — 1890 годахъ извѣстны были бакши Турды-бакы-бакши, Буль-буль (соловей) — бакши, Зенджиръ (цѣпь) бакши, Кукуль бакши.

Кромѣ ихъ существовало еще много другихъ, менѣе извѣстныхъ народу.

Въ книгѣ باختشى لارنينك رساله سى мы видѣли записан-

---

[1]) Тохтояръ, въ настоящее время старикъ 77 лѣтъ, живетъ въ г. Вѣрномъ.

нымъ такое сказаніе: Дочь пророка Мухаммеда, Биби-Фатима, сидѣла въ тѣни подъ однимъ деревомъ. Какая-то желтая птица прилетѣла и сѣла на то дерево. Тотчасъ же вѣтка, на которой сидѣла птица, засохла. Птица потомъ слетѣла. Тѣнь отъ ея крыльевъ пала на обѣ ноги святѣйшей Биби-Фатимы. Въ обѣ ноги ея вошла болѣзнь; семь сутокъ Биби Фатима была больна. Когда она не могла уже найдти покоя отъ этой болѣзни, святой пророкъ испросилъ у Господа Бога ниспослать „сорокъ тѣлъ" (چهل تن), чтобы исцѣлить Бибу-Фатиму.

Изъ этихъ „сорока тѣлъ" семь тѣлъ, по благоволѣнію Всевышняго Господа, снизошли и спустились изъ окрестностей Гумбаза на поверхность земную.

Въ священной келіи Биби-Фатимы устроили знамя (тугъ) и Биби-Фатима нѣсколько разъ кружилась около туга. Биби-Фатима получила полнѣйшее выздоровленіе.

Такъ говорятъ и такъ пишутъ въ книгахъ. Намъ это осталось въ наслѣдіе отъ того священнаго существа (Фатимы) и мы, по преемству и преданію, исполняемъ эти правила. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ и пишутъ.

Эти бакши совершенно напрасно и ложно приписываютъ и относятъ къ себѣ этихъ „сорокъ тѣлъ": Всевышній нашъ Господь самъ хорошо знаетъ дѣла этихъ нашихъ „сорока тѣлъ". Толковать относительно ихъ такъ и сякъ намъ совершенно не пристойно[1]).

---

[1]) Все вышеизложенное позаимствовано, по словамъ таранчей, изъ книгъ: „Тарихи Рашиди", „Тарихи Сипогани" и „Бакшиларныхъ рисалеси".

Книга о дѣяніяхъ таранчинскихъ бакшей[1]).

СОСТАВЛЕННАЯ МУЛЛОЙ КАСЫМЪ-АХУНОМЪ.

Начинаю именемъ Всемогущаго Бога, расточающаго въ сей жизни милости одинаково на все живущее, а въ загробной жизни милующаго только однихъ достойныхъ людей.

Хвала и благодареніе Творцу, неимѣющему ни начала, ни конца и никого равнаго себѣ, своимъ искусствомъ создавшему весь міръ изъ ничего, дающему жизнь и питаніе всему живущему и гнѣвомъ своимъ могущему во мгновеніе ока превратить въ ничто все существующее. Кто это съумѣетъ сдѣлать, кромѣ твоей пречистой природы? Затѣмъ хвала и благословеніе совершеннѣйшему и святѣйшему изъ людей и первому избраннику Божьему Мухаммеду, его семейству и сподвижникамъ!

Въ книгѣ „Кензуль-Гараибъ" одинъ повѣствователь разсказываетъ слѣдующее:

Однажды, во времена великаго пророка Мухаммеда, сильно захворала его дочь Биби-Фатима (да благословитъ ее Всевышній!) и ничѣмъ ей помочь не могли. Тогда пророкъ вознесъ молитвы къ Богу, прося исцѣленія дочери. Богъ внялъ молитвамъ своего избранника и послалъ къ нему съ вѣстью Джебраиля[2]), который, явясь къ Мухаммеду объявилъ ему": Богъ

---

[1]) Бакши (по киркизски баксы) — лекарь, имѣющій сношенія съ духами и нѣкоторую власть надъ ними.

[2]) *Джебраиль* — Архангелъ Гавріилъ.

прислалъ тебѣ поклонъ, а ангелы много благословенія и повелѣлъ: подними моего друга Мухаммеда на четвертое небо; тамъ я сотворилъ одну часовню, въ которой живутъ сорокъ одинъ невидимый мужъ. Пусть Мухаммедъ поднимается туда и спроситъ тѣхъ мужей (какъ вылечить Фатиму"). Объявивъ объ этомъ, во исполненіе Божьяго велѣнія, Джебраиль предложилъ Мухаммеду свои услуги, посадилъ его на свои крылья и поднялъ на четвертое небо, гдѣ пророкъ увидѣлъ одну зеленую часовню съ накрѣпко запертыми дверями. Мухаммедъ подошелъ къ первой двери и постучался своими благословенными перстами. Изъ-за двери послышался вопросъ: „Кто тамъ"?[1]) Мухамедъ отвѣтилъ: „Я". Вопрошавшій, не отворяя двери, отвѣтилъ: „Гордецамъ тутъ дороги нѣтъ". Тогда Мухаммедъ постучался во вторую дверь, а когда кто-то спросилъ: „Кто тамъ", отвѣтилъ „Факиръ"[2]). Мухаммеда впустили въ часовню, говоря, что смиреннымъ людямъ тутъ дорога есть. Войдя въ часовню и замѣтя тутъ сорокъ одного невидимаго мужа, Мухаммедъ привѣтствовалъ ихъ. Одинъ изъ мужей принялъ привѣтствіе, а другіе не обратили на пришедшаго никакого вниманія и продолжали молиться Богу: они путемъ постоянной молитвы достигшіе совершенства, познавшіе Бога и влюбленные въ него, все время проводили въ служеніи Творцу, не пропуская ни одной минуты и удивляясь Его благодати. Едва Мухаммедъ подумалъ: „Почему на мое привѣтствіе отвѣтилъ только одинъ изъ мужей, а остальные даже не обратили на меня вниманія", какъ въ тотъ же моментъ одинъ изъ

---

[1]) На вопросъ: кто тамъ"? Мухаммедъ отвѣтилъ: „Я", полагая, что его знаетъ, но говорившій за дверью принялъ это за самомнѣніе и гордость со стороны Мухамеда.

[2]) Факиръ—собственно *нищій*, а тутъ употреблено въ смыслѣ: смиренный человѣкъ.

святыхъ мужей заговорилъ: „О посланникъ Бога! мы всѣ составляемъ одно тѣло и одну душу. Не угодно ли испытать и убѣдиться въ томъ?“ Сказавъ это и снявъ съ себя лохмотья съ заплатами, мужъ тотъ поранилъ себѣ иглою руку: кровь стала течь изъ рукъ всѣхъ святыхъ мужей. Видя это, Мухаммедъ успокоился. Послѣ сего тотъ же мужъ спросилъ Мухаммеда: зачѣмъ и по какому случаю ты, посланникъ Божій, направилъ свои благословенныя стопы въ эту часовню“?

Тогда Мухаммедъ, разсказавъ о болѣзни Фатимы, обратился къ святымъ мужамъ со (слѣдующими) словами: „Эй вы, невидимые мужи, по велѣнью Божьему, объявленному мнѣ Джебраиломъ, излеченіе Фатимы зависитъ отъ васъ“. При чемъ Мухаммедъ прочелъ слѣдующіе стихи:

„Стойте тихо и выслушайте просьбу! Никакой ножъ не рѣжетъ своей ручки (такъ я не могу вылечить свою дочь); обращаюсь къ Вамъ по велѣнью Божьему: исцѣленіе (Фатимы) зависитъ отъ васъ“.

Послѣ этого главный изъ святыхъ мужей сдѣлалъ другимъ знакъ и семь мужей, живо соскочивъ съ мѣстъ своихъ, въ одно мгновеніе ока на крыльяхъ Джебраила, вмѣстѣ съ Мухаммедомъ, спустились на землю. Они въ домѣ Фатимы до зари молились Богу и продѣлывали 72 разныхъ игры—искусства, подняли флагъ на веревкѣ, играли на дафѣ[1]), шумѣли, ходя вокругъ больной, и плевали[2]) въ нее. Тутъ были въ сборѣ всѣ сподвижники Мухаммеда, которые видѣли все это и, удивляясь искусству семи святыхъ мужей,

---

[1]) Дафъ-вродѣ барабана.

[2]) Обыкновенный способъ леченія больныхъ (у всѣхъ мусульманъ)—читать молитвы и плевать въ больного.

произносили хвалу Богу[1]) „я Гува! я мэнъ Гува! я ля илляха илля хува"! Такимъ образомъ Фатима получила исцѣленіе (но объ этомъ въ мусульманскхъ книгахъ не говорится) и отсюда на свѣтѣ пошло искусство бакшей.

Въ началѣ игры 41 разъ читаютъ „Фатиху" (первая глава корана) и благословляютъ 41 невидимаго мужа—обитателей небесной часовни, затѣмъ „Фатиху" повторяютъ 71 разъ и благословляютъ 71 невидимаго мужа, живущаго на землѣ.

72 игры — искусства, которыя продѣлываютъ бакши: плачъ, экстазъ, игра на дафѣ, каленый до красна кетмень (который бакши лижетъ языкомъ, топчетъ босыми ногами, прикладываетъ къ голому тѣлу больного), зикръ, привязываніе къ веревкѣ флага и проч., остались намъ въ наслѣдство отъ помянутыхъ святыхъ мужей, но не все ихъ искусство открыто бакшамъ.

Профессіональный бакши долженъ пятикратную молитву въ день совершать съ обществомъ и неукоснительно исполнять пять своихъ обязанностей: постъ (одинъ мѣсяцъ въ году), пятикратную въ день молитву, Хаджъ[2]), зякетъ[3]) и изученіе наукъ. Онъ долженъ давать милостыню и съ уваженіемъ относиться къ своему искусству, дѣлу святыхъ мужей; отъ лжи, воровства, непотребства и другихъ недостойныхъ дѣлъ онъ долженъ беречь себя хорошо, въ противномъ случаѣ на Страшномъ судѣ Богъ, всѣ

---

[1]) Зикиръ — повтореніе именъ Божьихъ, при чемъ приносящіе зикръ бѣснуются до полнаго экстаза и потери сознанія.

[2]) *Хаджъ* — посѣщеніе Мекки и Медины (обязательно лишь для состоятельныхъ мусульманъ).

[3]) *Зякетъ*—извѣстная часть имущества (одна сороковая), подлежащая раздачѣ бѣднымъ.

пророки и святые, а также невидимые мужи отвернутся отъ бакши.

Насколько вѣрно (изложенное), знаетъ лишь одинъ Богъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказъ начинается такъ же, какъ въ началѣ сей книги, а далѣе излагается такъ: въ ту ночь (когда семь святыхъ съ Мухаммедомъ на крыльяхъ Джебраила спустились на землю) святые мужи, читая закиръ и продѣлывая 72 игры пріема, вылечили Фатиму, а затѣмъ, когда они (исполнивъ свою миссію) стали просить у Мухаммеда позволенія вернуться назадъ на 4-е небо, въ свое небесное жилище, и когда Мухаммедъ въ заботахъ о своихъ немощныхъ послѣдователяхъ, долженствующихъ жить въ грѣшное время (предъ концомъ міра), упрашивалъ святыхъ навсегда остаться на землѣ,—явился Джебраилъ и объявилъ Мухаммеду: „Богъ прислалъ тебѣ поклонъ, а ангелы много благословенія, и Его велѣніе таково: по желанію Мухаммеда, его сподвижниковъ и послѣдователей, святые мужи должны остаться на землѣ, чтобы указывать людямъ, живущимъ на землѣ отъ запада до востока, путь истины и лечить страждущихъ изъ нихъ". Послѣ сего святые мужи и остались на землѣ.

Если каждый послѣдователь Мухаммеда будетъ помнить тѣхъ святыхъ мужей и вѣрить, что они живы, то исполнятся всѣ его желанія.

Леченіе больныхъ, съ призывомъ духовъ, осталось въ наслѣдство (нынѣшнимъ бакшамъ), но (имъ) открыто не все искусство, дабы не развратились люди грѣшнаго времени (живущіе предъ концомъ міра). Отъ невидимыхъ мужей бакшамъ осталось немного искусства, но при помощи и этого немногаго можно

достигнуть желанія, если поможетъ Богъ. Искусство это дается не всякому встрѣчному распутному человѣку, а дается человѣку честному и набожному.

Святые мужи исчезли съ лица земли (сдѣлались невидимыми[1]), но показывались въ иныхъ городахъ, давая зрѣніе слѣпому и ноги хромому. Люди, которымъ появлялись святые, дѣлались всезнающими.

Поскитавшись долгое время на землѣ, въ концѣ концовъ святые эти поселились подъ однимъ чинаромъ[2]) въ Яркентѣ (провинція западнаго Китая съ главнымъ городомъ того-же названія) и все время проводили въ служеніи Богу и въ восхваленіи его. Народъ не зная, что это за люди, задавался вопросомъ: „Что дѣлаютъ эти семь календарей[3]) подъ чинаромъ? „и разными толками и догадками дразнили (оскорбляли) святыхъ. Наконецъ, одному семилѣтнему мальчику со стороны Яркента Богъ открылъ—что это за люди. Мальчика того звали Ходжа Ша-Талыпъ блаженный.

Онъ былъ весьма любознателенъ (постоянно стремился познать Бога), плакалъ и молился Богу, но все не находилъ себѣ совершеннаго руководителя и наставника (пиръ). Мальчикъ этотъ, скитаясь по свѣту, наконецъ нашелъ названныхъ святыхъ мужей, жившихъ подъ чинаромъ, и упалъ безъ чувствъ. Тогда главный изъ святыхъ, по имени Хаджи бабай Нуръ, посмотрѣлъ на мальчика, который въ тотъ же мигъ на небѣ зачислился въ число святыхъ и сталъ большимъ святымъ, а затѣмъ, когда онъ пришелъ въ себя, святые подали ему чашку винограднаго соку. Выпивъ эту жидкость, мальчикъ сразу проникся любовью

---

[1]) *Гибъ болды*—исчезъ, сдѣлался невидимымъ.

[2]) Чинаръ—яворъ.

[3]) Календарь—отшельникъ, монахъ.

(къ Богу) и, узнавъ о высокомъ происхожденіи святыхъ и поразившись ихъ благочестіемъ, онъ сталъ имъ прислуживать.

Многіе жители Яркента сдѣлались мюридами[1]) Ша-Талыпа блаженнаго, а гордецы и лицемѣры усумнились въ его святости и стали проклятыми и отступниками. Наконецъ въ одинъ день мальчикъ—святой объявилъ большимъ и малымъ (о своей святости).

Впрочемъ, точнѣе знаетъ одинъ только Богъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Одинъ изъ семи святыхъ мужей, по имени Ходжи-бабай Нуръ, изъ этого суетнаго и невѣчнаго міра съ достоинствомъ переселился въ міръ вѣчный (т. е. умеръ). Видитъ Ходжа-Ша Талыпъ блаженный: собирались ангелы съ 7 небесъ и со всего лица земли.

Ходжи-Ша-Талыпъ блаженный со всѣми своими учениками и поклонниками (и ангелами) совершилъ отпѣваніе святаго, похоронилъ его въ той же мѣстности, а начальники города и мулла отвели землю и построили тутъ мазаръ,[2]) назначивъ шейха[3]) и сторожа.

Оставшіеся послѣ того шесть святыхъ мужей, благословивъ каждый по одному ученому мальчику, улетѣли также на небеса (т. е. умерли). Ходжа-Ша Талыпъ блаженный ихъ отпѣлъ и схоронилъ тутъ же.

Насколько это правда, извѣстно одному только Богу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ходжа-Ша Талыпъ блаженный разстался со святыми мужами. Онъ, горя огнемъ любви (къ Богу) и

---

[1]) *Мюридъ*—ученикъ, поклонникъ святого (Ишана).

[2]) *Мазаръ*—могила, памятникъ святого.

[3]) Шейхъ—начальникъ, глава мазара.

отрекшись отъ тлѣннаго и суетнаго сего міра, простился съ жителями Яркента и съ избранною группою своихъ учениковъ рѣшился совершить хаджъ. Отправившись въ путь, они прибыли въ Кашгаръ. Начальникомъ Кашгара (въ то время) былъ человѣкъ невѣрующій и злой: онъ велѣлъ народу зажарить кошку, ягненка, чтобы этою хитростью испытать святого: если, молъ, святой узнаетъ (обманъ) и не станетъ ѣсть кошки, то признаетъ его; а если станетъ есть, то поймаетъ и убьетъ его, такъ какъ онъ учитъ народъ хитрости (т. е. развращаетъ). Такъ вздумалъ поступить (начальникъ города со святымъ).

Стихи:

Не узналъ хорошаго человѣка человѣкъ невѣрующій.
Быкъ знаетъ солому, а собака знаетъ кости.
Золото знаетъ (цѣнить) золотыхъ дѣлъ мастеръ, а пиръ поклонники.
О дорогѣ спроси того, кто ходитъ караваномъ (т. е. кто немного путешествовалъ), а о верблюдѣ спроси того, кто пасетъ верблюдовъ.
Вѣдь незналъ Язидъ невѣрный происхожденія шахзадэ Хусейна[1]),
И, убивъ его, пролилъ кровь.

Начальникъ города вышелъ на встрѣчу ничего неподозрѣвавшему святому Ша-Талипу блаженному и, встрѣтивъ его съ почетомъ, привелъ въ городъ и принялъ въ своемъ дворцѣ; а затѣмъ постлали скатерть и подали святому кошку. Святой Ходжа посмотрѣвъ своими благословенными глазами на кошку и чудомъ узнавъ ее, вскричалъ съ сердцемъ: „Эй безумецъ! Твой прадѣдъ Язидъ ѣлъ мясо свиньи, со-

1) Хусеинъ—одинъ изъ двухъ сыновей Алія, убитый Язидомъ.

баки и кошки. Мы—послѣдователи Мухаммеда и не ѣдимъ поганаго!“ Сказавъ это, святой своею благословенною рукою сдѣлалъ жестъ и крикнулъ „Пышъ!“ Многовенно ожила и встала зажаренная кошка. И послышалось мурлыканье кошки. Не осталось сомнѣнія въ святости (Ходжи).

Пораженный этимъ, начальникъ бросился въ ноги святому, но святой своими калошами изъ сагры[1]) съ гвоздями 7 разъ пнулъ его въ голову и не сталъ его слушать. Святой проклялъ Кашгаръ, сказалъ: „Въ три года разъ подвергайся волненію и раззоренію, никогда не пользуйся спокойствіемъ“. Затѣмъ святой со спутниками, не оставаясь тутъ дольше, направился въ Хаджъ.

Насколько справедливо сказаніе, знаетъ лишь одинъ Богъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Искусные бакши (при леченіи больныхъ) встаютъ на зарѣ, совершаютъ омовеніе и вспоминаютъ о святыхъ невидимыхъ мужахъ, а затѣмъ играя на дафѣ и приходя въ экстазъ, произносятъ слѣдующіе стихи:

„Начинаю именемъ Бога Всемогущаго, расточающаго въ сей жизни милости на все живущее, а въ той жизни милующаго только однихъ достойныхъ людей. Аззалету-алейкумъ (изгоняю Васъ).

Эй, вы, дивы[2]), эй, вы, пери[3]), эй, вы, духи джиновъ[4]) - мужчинъ, эй, вы, духи джиновъ—женщинъ. Эй вы, нечистые духи, ниспосылающіе сыновьямъ и дочерямъ Адама несчастія! Если вы изъ 366 жилъ или изъ 444 отдѣльныхъ костей, выходите, уходите!

---

[1]) *Сагры*—выдѣланная кожа, вродѣ шагрени, зеленаго цвѣта.

[2]) Дивъ—демонъ, нечистый духъ, исполинъ.

[3]) Пери—духъ, ангелъ.

[4]) Джинъ—злой духъ, демонъ.

Если вы изъ хромыхъ и безрукихъ пери, выходите, уходите! Если вы изъ воды или огня, выходите! Если вы изъ обезьянъ эѳіопскихъ, уходите! Если вы изъ негрскихъ абиссинскихъ обезьянъ, уходите! Если вы изъ арабскихъ (корайшъ)[1]) обезьянъ, выходите! Если вы изъ обезьянъ явныхъ, видимыхъ, уходите!

Если вы изъ благословенныхъ великихъ, уходите!

Если вы происходящіе отъ Лота[2]), уходите!

Если вы изъ пери поклоняющихся солнцу, уходите!

Если вы изъ пери поклоняющихся огню, уходите!

Если вы изъ пери идолопоклонниковъ, уходите!

Если вы изъ пери малыхъ, уходите!

Если вы изъ пери мусульманъ, уходите!

Если вы изъ пери калмыцкихъ, уходите!

Если вы изъ пери невѣрныхъ (кяфиръ), уходите!

Если вы изъ пери рода—*сія пушъ*[3]), уходите!

Если вы изъ пери Мелике Мигри-Негоръ[4]), уходите!

Если вы изъ пери луны, уходите!

Если вы изъ пери солнца, выходите!

Если вы изъ пери Мелике Биди-уль джемала[5]), выходите!

Если вы изъ пери Асмо[6]), выходите!

Если вы изъ пери Мелике Курейшъ Султана[7]), уходите!

Если вы изъ пери Мелике Танъ[8]), уходите!

Если вы изъ пери Мелике Мештатиль, уходите!

---

[1]) Корайшъ—родъ арабовъ, изъ котораго происходитъ и пророкъ Мухаммедъ.

Корайшъ также *змѣя*, которая увозитъ грѣшниковъ въ адъ.

[2]) *Луты*—происходящіе отъ Лота, употребляющіе въ задницу.

[3]) Сія-пушъ одѣвающія черныя одежды.

[4]) Мигри-Негоръ—дочь царя пери Шехруха.

[5]) Дѣвица пери, героиня поэмы Сейфуль-мулюкъ.

[6]) Асмо дочь Шахбала, взялъ ее въ замужество Эмиръ Гамза Государь.

[7]) Курейшъ - султанъ-дочь Гамзы - Государя Арабскаго.

[8]) Имя дѣвицы.

Если вы изъ пери Малике Кульзумъ[1]), уходите!

Если вы изъ пери Мелике Беграмъ-Шаха, уходите!

Если вы изъ пери Бурханъ-Шаха, выходите!

Если вы изъ пери Умми-Субьянъ[2]), выходите!

Если вы изъ пери Шахбалъ-ибни Шах-руха[3]), уходите!

Если вы изъ царскихъ пери, уходите!

Если вы изъ пери острыхъ какъ мечъ, уходите!

Если вы изъ пери муллы Абдурахмана[4]), уходите!

Если вы изъ пери слѣпыхъ на оба глаза, уходите!

Если вы изъ пери хромыхъ или безрукихъ, уходите!

Если вы изъ водяныхъ пери, уходите!

Если вы изъ пери земли, уходите!

Если вы изъ пери вѣтра, выходите!

Поднялъ я вашъ флагъ, приготовилъ кровяной напитокъ[5]) вашъ, сжегъ благовонныя травы—выходите, уходите! Во имя небесъ[6]) (гдѣ Божій тронъ), во имя книги судебъ, во имя священной Каибы, во имя земель—земъ (колодецъ въ Меккѣ), во имя Іерусалима, во имя четвертаго неба, во имя мечети Акса[7]) (въ Іерусалимѣ), во имя Меки (Бейтуль-харамъ), во имя рая и ада, во имя лица земли, перекочуйте въ большіе ключи и родники, перекочуйте въ старыя мечети; перекочуйте въ старые строенія, перекочуйте

---

[1]) Кульзумъ—собствен. имя.

[2]) Умми-Субьянъ—(мать дѣтей)—ѣстъ дѣтей у бабъ въ утробѣ, отчего они не рожаютъ.

[3]) Шахбалъ—сынъ Шахруха.

[4]) Абдурахманъ—ученый среди джиновъ; ворожей и знаетъ что будетъ впередъ за 40 лѣтъ и было назадъ 40 лѣтъ; наставникъ джиновъ. Великій мулла среди джиновъ.

[5]) Канъ-шербетъ: бакши рѣжетъ свой языкъ, и присоединяетъ кровь (*ханъ-суи*).

[6]) *Орша* собственно „девятое небо".

[7]) *Мечеть Акса*, куда была введена Пресвятая Богородица.

въ старыя мельницы. Во имя сорока дѣвицъ, уходите[1])! Во имя пророковъ, уходите! Во имя Адама, уходите! Во имя пророка Шиста (Сифъ?), уходите! Во имя пророка Идриса, уходите! Во имя пророка Нуха (Ной), уходите! Во имя пророка Ибрагима (праотецъ Авраамъ), уходите! Во имя пророка Исхака (Исаака), уходите! Во имя пророка Исмаила, уходите! Во имя пророка Якуба (Іакова), уходите! Во имя пророка Юсуфа (Іосифа), уходите! Во имя царя Божьяго Дауда (Давидъ), уходите! Во имя царя Божьяго Сулеймана (Соломона), уходите! Во имя пророка Божьяго Худа, уходите! Во имя пророка Божьяго Лота, уходите! Во имя Святыхъ Армія и Ашмія, Миха, Харфія, Полиса, Шамъуна, Джирджиса и Юнуса, уходите! Во имя пророковъ Яхъи (Іакова) и Зикріи (Захарія), уходите! Во имя Божьихъ святыхъ Салэ, Юша и Зилькифли, уходите! Во имя Узайра, Хизра и Ильяса, уходите! Во имя Искандера и Лукмана, уходите! Во имя пророка Арона, уходите! Во имя пророковъ Божьихъ Мусы (Моисей) и Айсы (Іисусъ Христосъ) и Мухаммеда, уходите! Во имя четырехъ помощниковъ и сподвижниковъ (Мухаммеда) и трехъ тысячъ Асхабовъ его хорошо служившихъ, уходите! Во имя 12 имамовъ чистыхъ и 14 чистыхъ, уходите! Во имя одиннадцати Ахмедовъ и десяти человѣкъ, входящихъ въ рай, уходите! По приказу Хазрета Сулеймана пророка, плевками муллы Абдурахмана-ахуна, плевками восхвалявшихъ Бога, плевками муллы Сиражетдина и муллы Секаки[2]), выходите, уходите, о проклятые! Вамъ, проклятымъ, дозволяется (выходить изъ больнаго).

---

[1]) Тѣ 40 дѣвъ, которыя были посланы къ Маріѣ Богородицѣ съ камнями, которыхъ выдавали за дѣтей или рожденныхъ.

[2]) Могила муллы Юсуфа Секаки находится близь сел. Кальдфата Джаркентскаго уѣзда, Семирѣченской области.

„Ва-ну-наззилу Минь-аль-куръ-ани“... т. е. читаются стихи изъ суры Корана „Бени-Исраиль“ (часть 15). Тьфу, уходите“!

На сколько это вѣрно, извѣстно лишь одному Богу.

Образчики стиховъ, которые поютъ бакши во время сеанса.

ایش باشلادیم بسم الله ایشیم باشی بسم الله

ایمان باشی بسم الله الحمد باشی بسم الله

یسین باشی بسم الله قرآن باشی بسم الله

یسین لارنینک دمیدین قرآن لارنینک ذوریدین

برطلبم خدادین برطلبم پیرلاردین یا الله یا الله یا الله

آدم فرزنه لاری غه اثر قیلغان لشکرلار

اوج یوز آلتمیش آلتی تموردین آفت اورغان لشکرلار

آدم اوغلی قزیغه نقصان قیلغان لشکرلار

اویکا کیرسام بسم الله اویدین چیقسام بسم الله

یولغه کیرسام بسم الله یول دین چیقسام بسم الله

سوغه کیرسام بسم الله سودین چیقسام بسم الله

بسم الله نینک دمیدین بسم الله نینک نوریدین

اجابت قیل خدایم الله الله سبحان الله

Дѣло началъ я „во имя Бога“.
Начало моего дѣла „во имя Бога“.
Начало вѣры „во имя Бога“.
Начало „альхамда“[1]) „во имя Бога“.
Начало „ясинъ“[2]) „во имя Бога“.
Начало корана „во имя Бога“.
Силою плевковъ (при чтеніи) Ясина.
Силою величія Корана.
Одно прошеніе у меня отъ Бога.
Одно прошеніе отъ періевъ.[3])
О Боже, о Боже, о Боже!
Сыновъ Адама плѣнили воинства (джиновъ)[4]).
Въ 366 жилъ (существа человѣка).
Воинство (джиновъ) нанесли вредъ (несчастіе).
Сынамъ и дщерямъ Адама.
Воинства (джиновъ) причинили обиды (несчастія).
Войду ли въ домъ—во имя Бога!
Выйду ли изъ дому—во имя Бога!
Пойду ли въ путь—во имя Бога!
Сойду ли съ пути (въ сторону)—во имя Бога!
Войду ли въ воду—во имя Бога.
Выйду ли изъ воды—во имя Бога!
Силою „Бисмилля“ (при произношеніи его).
Свѣтомъ „Бисмилля“.
Внемли благосклонно, мой Господь!
О Боже, Боже! Хвала Богу!

---

[1]) الحمد لله رب — начало „Фатихи“ начало Корана.

[2]) „Ясинъ“—сура въ 22 паре въ срединѣ. Въ Гафтіекѣ-же—это третья сура. „Ясинъ“ читаютъ когда умираетъ человѣкъ, вродѣ „отходной“.

[3]) Вмѣсто „пери“ иные поютъ „сызлардинъ“ отъ Васъ, т. е. отъ чильтенъ.

[4]) По другой редакціи вмѣсто; оставили слѣдъ то себѣ причинили встрѣчаемъ اسير - плѣнили.

آدم لارغه پر بولغان حضرت آدم آتادور
دهقان لارغه پر بولغان حضرت خضر آتادور
سوجی لارغه پر بولغان حضرت الیاس آتادور
چوازجیغه پر بولغان حضرت روشن آتادور
یغاج چیغه پر بولغان حضرت نوح آتادور
کیکیز چیغه پر بولغان حضرت دانیال آتادور
تیمورچیغه پر بولغان حضرت داود آتادور
تیوه چیغه پر بولغان حضرت ویس القرن دور
آطچیلارغه پر بولغان حضرت قمبر آتادور
کلاچیغه پر بولغان حضرت زنکی بابادور
پهلوان لارغه پر بولغان احمد جمشید آتادور
موزه دوزغه پر بولغان حضرت صالح آتادور
بوزچی لارغه پر بولغان حضرت شیش آتادور
تاعچی لارغه پر بولغان حضرت ابراهیم پیغمبر
تنورچیغه پر بولغان حضرت ملیکه آتادور
بر طلبیم خدادین بر طلبیم پیرلاردین
خدا حقی تیلارمن پیرلار حقی تیلارمن
حضرت ایوّب حقی تیلارمن حضرت یوسف حقی تیلارمن
حضرت یعقوب حقی تیلارمن حضرت سلیمان حقی تیلارمن
عرش کرسی حقی تیلارمن مونداغ قاتیغ کسلغه
شفا بیر کین خدایم آلله الله سبحان الله

Людямъ былъ старѣйшиной (учителемъ)
Великій Адамъ—отецъ.
Земледѣльцамъ былъ учителемъ
Великій Хизръ—отецъ.
Мореплавателямъ былъ учителемъ
Великій Ильясъ—отецъ.
Маслобойщикамъ былъ учителемъ
Великій Раушапъ—отецъ.
Плотникамъ былъ—учителемъ
Великій Нухъ—отецъ.
Дѣлателямъ кошемъ былъ учителемъ
Великій Даніялъ—отецъ.
Кузнецамъ былъ учителемъ.
Великій Давудъ—отецъ.
Пастухамъ верблюдовъ былъ учителемъ
Великій Увейсъ-Уль-Кырапъ[1]).
Пастухамъ лошадей былъ учителемъ
Хозретъ Камбаръ—отецъ.
Пастухамъ рогатаго скота былъ наставникомъ
Хозретъ Зинги—баба.
Охотникамъ[2]) былъ наставникомъ
Отецъ Ахмедъ—Джемшидъ[3]).
Сапожникамъ былъ учителемъ
Хазретъ Салэ—отецъ.
Изготовителямъ бязи былъ наставникомъ
Хазретъ Шише—отецъ.
Мастерамъ домовъ былъ учителемъ

---

[1]) Могила Султана Увейса находится восточнѣе г. Кульджи, на Боробогосуни и называется „Восточный Мазаръ", въ отличіе отъ „Западнаго" Мазара на р. Хоргосѣ съ могилами Тоглукъ-Тимура и Шейхъ-Мухаммедъ-Садыка.

Другая редакція этого стиха: اويس القرن بزركوار

[2]) *Пеглевонъ* —богатырь по сартовски; по таранчински-же—*охотникъ*. По таранчински богатырь بوكه

[3]) Другая редакція этого стиха: حضرت جمشيد حياتدور

Хозретъ Ибрагимъ – пророкъ.
Печникамъ была учительницею
Великая Малика – мать.
Одно прошеніе отъ Бога.
Одно прошеніе отъ періевъ.
Именемъ Господа Бога усердно прошу.
Именемъ періевъ усердно прошу.
Ради Хазрета Аюба умоляю.
Ради Хазрета Юсуфа умоляю.
Ради Хазрета Якуба умоляю.
Ради Хазрета Сулеймана умоляю.
Ради трона Божія[1]) умоляю.
Столь тяжко больному
Подай Господь мой исцѣленіе,
О Боже, Боже. Хвала Богу!

---

[1]) На седьмомъ небѣ.

آلله تنکریمدین جبار عالمدین
قدرت خدایم دین همیشه لشکرلار اوزلری غایبلار
وقت لاری حاضر لار آلله الله سبحان الله
اویون سالدوق سیزلارکا اویناب اویناب کلینلار
یولده حیال بولمانکلار یولده حیال بولسانکلار
یوزوم قرا قیلمانکلار یوزوم قرا قیلسانکلار
شرمه خیا قیلمانکلار موندا غ قاتیغ کسل غه
دیردیغه دوا تیلارمن موندا غ قاتیغ کسل غه
رنج غه شفا تیلارمن برطلبم خدادین برطلبم پرلاردین
پیرلاریم غه سغینه یم توغ لاریم غه سیغینه یم
آلله آلله سبحان الله

هوا غه چیقان لار بلوت غه مینکان لار
چمن غه توشکان لار دریانی کاشکان لار
یورغانی مینکان لار یلان قامچی توتقان لار
یلوایی بویلوق لار مایسه کوکوللوق لار
غونچه بویلوق لار قلم قاشلیق لار
شیرین سوزلوک لار یونچه تیشلیق لار
آلله الله سبحان الله

اون آی قورساق کوترکان آچیغ تولغاق یکان لار
تاتلیق امچاق آمیزکان آنالاریم غه سغینه یم
برطلبیم پیرلاردین بیرطلبیم توغ لاردین
اوستادیم غه سغینه یم چهل تن لارغه سغینه یم
پیرلارغه سغینه یم آرواح لارغه سغینه یم
شهیدلارغه سغینه یم اسرافیل غه سغینه یم
بیرطلبیم خدادین بیرطلبیم پرلاردین
اولیالاردین تیلارمن انبیالار حقی تیلارمن
بزرکوار حقی تیلارمن حضرت آدم حقی تیلارمن
حضرت حوا انا حقی تیلارمن سکیز بهشت حقی تیلارمن
یتی دوزخ حقی تیلارمن مغرب حقی تیلارمن
مشرق حقی تیلارمن برطلبم خدادین برطلبم پرلاردین

По волѣ Бога[1]), Господа моего, Творца вселенной.

По могуществу Бога моего, воинства (джиновъ) сами всегда не видимыя (скрыты).

Но повременамъ они появляются,

Боже, Боже. Хвала Богу!

Мы приступили къ игрѣ съ Вами,

Приходите играть, играть.

Въ пути не замѣшкивайтесь.

Если будете мѣшкать въ пути, то не срамите моего лица (не дѣлайте чернымъ).

Если вы посрамите мое лицо,

То не стыдите, не конфузьте меня,

Передъ столь тяжко больнымъ.

Я испрашиваю лекарства отъ болѣзни

Столь тяжело больному.

Я прошу исцѣленія его болѣзни.

Одно прошеніе отъ Бога,

Одно прошеніе отъ періевъ.

Я тоскую по моимъ періямъ,

Я тоскую по своимъ знаменамъ.

Боже, Боже—Хвала Богу!

Вы періи вышедшіе на воздухъ,

Помѣстившіеся въ облакахъ,

Осѣвшіе на лугъ,

Проникнувшіе въ море,

Сѣвшіе на иноходцевъ,

Держащіе змѣю вмѣсто нагайки.

Тонкіе (красивые) станомъ, съ локонами подобными „майсе“[2]),

Пахучіе какъ бутоны,

---

1) Алла—Богъ—по арабски, Тенгри—Богъ по Тюркски.

2) *Майсе*—Далеко до посѣва хлѣбовъ, таранчи сѣютъ зерно пшеницы въ плошки и ставятъ ихъ у себя дома. Вышедшая въ плошкахъ зелень и есть майсе.

Съ бровями какъ перо—
Со сладкими рѣчами,
Съ зубами какъ жемчугъ.
О Боже, Боже. Хвала Богу!
(Больного) девять мѣсяцевъ[1]) носила (мать) въ животѣ.
Сильныя боли живота (передъ рожденіемъ) переносила она.
(Больной) сосалъ сладкую грудь,
Я тоскую по своимъ (святымъ) матерямъ[2]).
Одно прошеніе отъ періевъ,
Одно прошеніе отъ знаменъ,
Я тоскую по своемъ учителѣ,
Я тоскую по „чигиль-теналѣ" (40 тѣлъ).
Я тоскую по періямъ,
Я тоскую по душамъ умершихъ,
Я тоскую по шагидамъ (убіеннымъ въ священной войнѣ).
Я тоскую по Исрафилѣ (ангелъ).
Одно прошеніе отъ Бога,
Одно прошеніе отъ періевъ.
Я буду просить (помощи) у святыхъ,
Я буду просить ради пророковъ
Я буду просить ради святителей,
Я буду просить ради хозрета Адама,
Я буду просить ради Великой Евы матери.
Я буду просить ради восьми раевъ,
Я буду просить ради семи адовъ.
Я буду просить ради Запада,
Я буду просить ради Востока.
Единственное прошеніе отъ Бога.
Единственное прошеніе отъ періевъ.

---

[1]) По счету таранчей мать носитъ ребенка 9 мѣсяцевъ и 9 дней.
[2]) Ева, Абу—Марьянъ.

ظالم یار یارای مستان یار یارای

سن براورسانک یا وای یارای

جانکال دین اوتون کستم آلله یای هول تالنینک قروغنی وای آلله یای

خدایم فنا برسون آلله یای هاتونینک اوروغنی یاوای آلله یای

آیمه‌ی یاکونمه‌ی قاقلاغلی آیخاتونینک قری بولسه آنانکدی سقلاغلی

سن چمن نینک کلی بولسانک من چمن نینک بلبلی

سن چراینک غه ایشانسانک من خدایم نینک قلی

تقدیر آلله تقدیر آلله تاغ نی یراتی

تاغ باشیده رنکی تورلوک سجک یراتی

دریا بویی قمو شلوق اوراق سالیب اورغان یوق

یانکی یار توتقان برلان اورون سالیب یاتقان یوق

آرفه بغدای سمانینی سالقین آیرایه‌ور

اوروغ توتقان قرینداش نی آولوم آیرایه‌ور ۵

О другъ мой, мучитель, о другъ!
О упоенный другъ мой, о другъ!
Хотя-бы ты разъ прикоснулась (пожалѣла),
Вай! О другъ мой!
Среди кустарниковъ я нарубилъ дровъ, о Боже!
Изъ сырыхъ таловъ я нарубилъ сухихъ вай, о Боже!
При лунѣ или днемъ можно бить (въ бубенъ).
Эй, если жена твоя стара, зачѣмъ хранить ее какъ мать?
Если ты будешь цвѣткомъ на лугу,
Я буду соловьемъ на лугу.
Если ты надѣешься на свою красоту,
То я—рабъ моего Господа.
По могуществу Божію, по могуществу Божію,
Онъ создалъ горы,
На вершинахъ горъ
Онъ сотворилъ разнообразные цвѣтки.
Берегъ рѣки поросъ камышомъ,
Но его никто не коситъ, пустивши серпъ.
Послѣ того какъ овладѣлъ новою подругою,
Не легъ спать, приготовивши постель.
Ячмень и пшеницу отъ соломы отдѣляетъ вѣтеръ,
Родовичей и родственниковъ раздѣляетъ смерть.

Н. Пантусовъ.

ПОѢЗДКА НА ЛЕДНИКИ ВЕРХОВЬЕВЪ ИСФАРЫ

(Туркестанскій хребетъ, басс. Сыръ-Дарьи).

Л. Берга.

Главною цѣлью моей поѣздки лѣтомъ 1906 года было посѣщеніе ледника Щуровскаго, открытаго *А. П. Федченко* въ 1871 году. Мнѣ хотѣлось опредѣлить по сравненію съ описаніемъ и изображеніемъ, даннымъ покойнымъ путешественникомъ*), подымается ли или опускается нижній конецъ этого ледника. Это интересовало меня въ связи съ вопросомъ о замѣченномъ въ послѣдніе годы прибываніи озеръ и многоводіи рѣкъ въ Туркестанѣ и Средней Азіи**). Интересно было опредѣлить, началось ли уже или нѣтъ надвиганіе ледниковъ. Кромѣ ледника Щуровскаго мнѣ удалось посѣтить еще шесть другихъ. Эти шесть ледниковъ до сихъ поръ не были посѣщены ни однимъ натуралистомъ, а ледники Танынгенъ, Татыгенъ и Мынъ-Теке открыты мною впервые. Нѣсколько словъ о прежнихъ изслѣдованіяхъ ледниковъ Туркестана. Прежніе путешественники по большей части свидѣтельствуютъ объ отступаніи ледниковъ, т. н. *Мушкетовъ* относительно Зарявшанскаго***), *Ивановъ* о ледникахъ

*) **Федченко А. П.** Въ Коканскомъ ханствѣ. Изв. Общ. Люб. Ест. (Москва), XI, в. 7. 1875.

**) См. статью мою „Высыхаетъ ли Средняя Азія?" въ Изв. И. Р. Г. О., XLI, 1905, стр. 570.

***) **Мушкетовъ И.** Геологическая экспедиція на Зеравшанскій ледникъ въ 1880 г. Изв. И. Р. Г. О., XVII, 1881, стр. 80, 102. Однако это отступаніе, если и имѣло мѣсто, то во всякомъ случаѣ было не очень сильнымъ, потому что въ

Таласскаго Алатау*), *Димитріевъ* о ледникахъ верховьевъ р. Алматы (у Вѣрнаго). (Туюксуйскій ледникъ) (1903), проф. *Сапожниковъ* о ледникѣ Семенова. Съ другой стороны за самое послѣднее время начали появляться свѣдѣнія о надвиганіи ледниковъ, именно: *Б. А. Федченко, О. А. Шкапскаго,* (1903) *Я. С. Эдельштейна* (1904—5**); *Мерцбахеръ* о ледникѣ Семенова говоритъ, что онъ не могъ обнаружить его убыванія***); *В. И. Липскій* на ледникѣ Абдулъ-Гасанъ въ Мазарскомъ хребтѣ отмѣтилъ въ 1899 году наступаніе****).

Изъ Ходжента я выѣхалъ 7 іюня (1906) по дорогѣ въ большой кишлакъ Исфане. Дорога идетъ сначала по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи у подножія небольшой галечной террасы, очевидно отложенной самой рѣкой, затѣмъ пересѣкаетъ желѣзную дорогу у станціи Драгомирово (кишлакъ Гулякандозъ) и вскорѣ вступаетъ въ слегка холмистую страну покрытую лессомъ.

Отъ кишлака Хтай дорога нѣсколько болѣе поднимается въ гору и идетъ по теченію рѣчки Исфане-сай, вода которой сплошь разбирается на арыки и потому не доходитъ до Сыръ-Дарьи. По берегамъ рѣчки повсюду выходы плотнаго конгломерата, падающаго на сѣверъ и замѣчательнаго склонностью къ т. н. „карманообразному" вывѣтриванію: на обрывахъ его замѣтно повсюду множество углубленій, то большей то меньшей величины, какъ бы норъ какого то животнаго. Прислоненный къ конгломератовымъ холмамъ, лессъ часто переслаивается съ слоями

„Туркестанѣ" И. В. Мушкетова, II, 1906, стр. 247 мы читаемъ: „Д. Л. Ивановъ, который видитъ Зеравшанскій ледникъ во второй разъ послѣ десяти лѣтняго промежутка (1870—1880), не нашелъ въ немъ никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ, исключая того, что отверстіе его значительно расширилось".

*) **Ивановъ Д.** Верховья системы Таласскаго Алатау. Тамъ же стр. 196 (здѣсь указывается между прочимъ, что „слѣды бывшихъ ледниковъ видны тысячахъ на семи футъ").

) **Эдельштейнъ Я. Нѣсколько замѣчаній о ледникахъ хребта Петра Великаго. Изв. И. Р. Г. О., XLII, 1906, в. 1.

***) См. въ моей вышеуказанной статьѣ.

****) **Липскій В.** Горная Бухара. III, 1905, стр. 664.

гальки и совершенно незамѣтно переходитъ въ слоистый лессъ, въ слоистыя и песчано-глинистыя рѣчныя отложенія.

Кишлакъ Исфане лежитъ на высотѣ 1235 метр.; отсюда подъемъ уже болѣе крутой. Изъ Исфане я проѣхалъ въ лѣсную караулку, лежащую въ 2 в. къ югу за кишл. Андаракъ у подножія г. Калакъ на высотѣ 1720 мет. Ручей Андаракъ принадлежитъ уже къ системѣ р. Акъ-Су (къ зап. отъ Исфане-сай); онъ замѣчателенъ долиной прорыва, которой онъ прорѣзаетъ горы Калакъ:

Благодаря любезности завѣдующаго государственными имуществами Ходжентскаго уѣзда *К. А. Молчанова* я имѣлъ возможность прожить близъ лѣсной караулки въ теченіе 3 недѣль, причемъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ окрестности. Кишлакъ Андаракъ населенъ таджиками и небольшимъ количествомъ кара-киргизъ. Всѣ они занимаются земледѣліемъ, засѣвая пшеницу и ячмень. Пшеницу здѣсь сѣютъ поливную и не поливную (богарная); урожаи бываютъ очень хорошіе отъ 100 до 150 пудовъ пшеницы на десятину нормально. Въ к. Андаракъ живетъ ишанъ— мусульманскій святой или духовный учитель, очень популярный въ туземномъ населеніи. Къ нему приходятъ черезъ перевалъ изъ долины Матчи.

Какъ сказано выше, лѣсная караулка стоитъ на высотѣ 1720 метр. Здѣсь довольно прохладно. Въ этомъ году еще 15 мая выпалъ снѣгъ, хотя уже успѣла къ этому времени появиться трава.

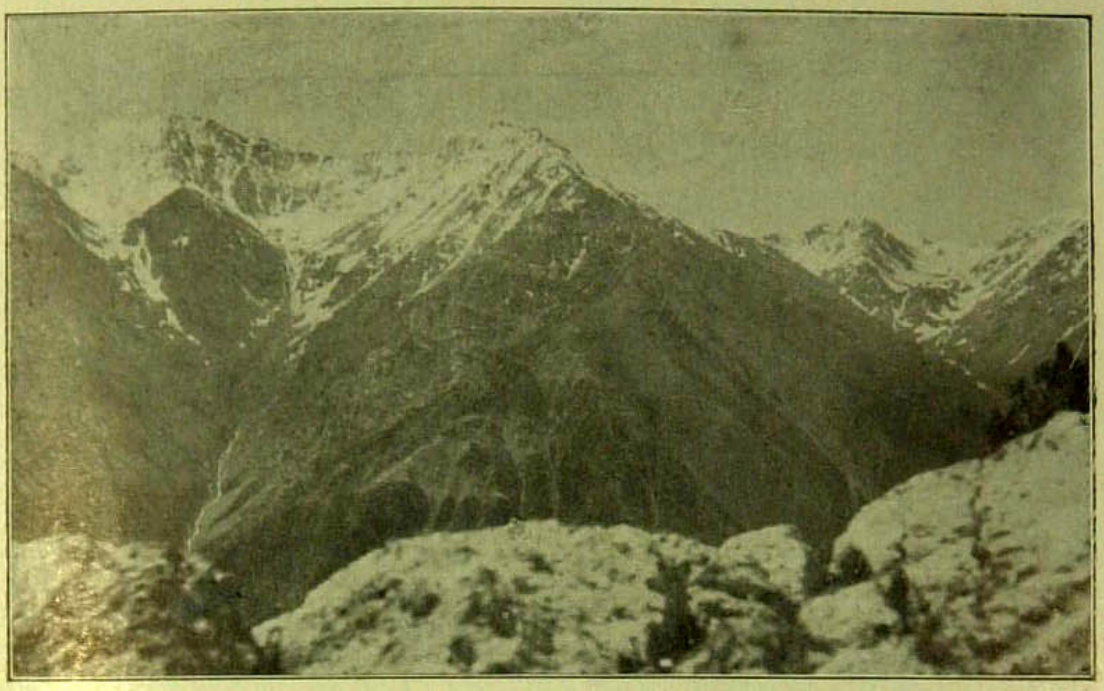
Горы кругомъ покрыты рѣдкимъ арчевымъ лѣсомъ (арча—Juniperus excelsa и sabina) отдѣльные кусты котораго попадаются на высотѣ около 1700 метровъ, а болѣе густой покровъ на 1800 мет. Кромѣ того здѣсь много шиповника и барбариса. Изъ животныхъ на г. Калакъ, какъ мнѣ передавали, водятся дикобразы, джейраны; не мало дикихъ свиней.

Съ 18 по 21 іюня шелъ въ Андаракѣ и окрестностяхъ дождь, временами довольно сильный съ градомъ, а въ окружающихъ горахъ выпалъ снѣгъ. Вообще, нужно сказать, что въ горахъ Зап. Туркестана осадки значительны, но точное количество ихъ неизвѣстно, за неимѣніемъ горныхъ станцій, если не считать Памирскаго поста, отличающагося совершенно особыми метеорологическими условіями. По этому мнѣ кажется не лишнимъ было бы привести метеорологическія наблюденія, любезно сообщенныя мнѣ лѣсничимъ *Н. В. Писчиковымъ*. Наблюденія производились въ 60 в. къ NE отъ Ташкента, на южномъ склонѣ Сайрамскаго хребта, въ мѣстности Акъ-Ташъ на высотѣ 3725 ф. надъ ур. м. (=1135 м.*).

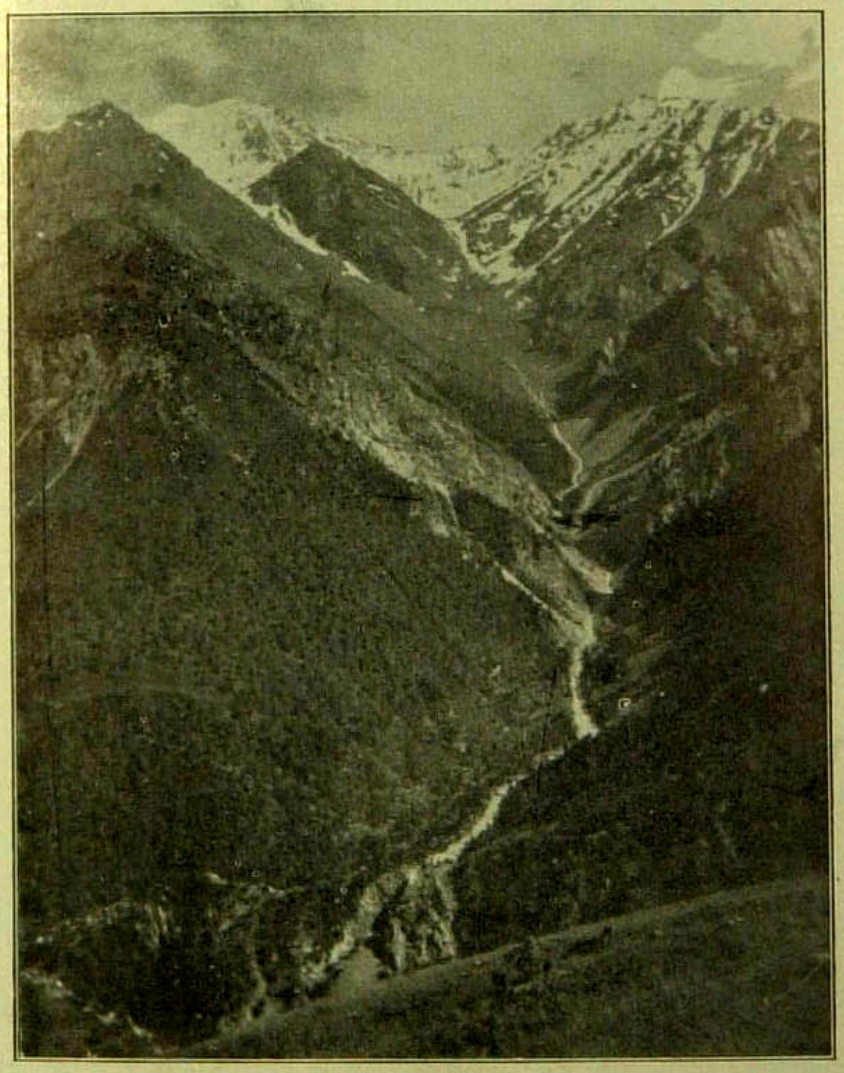
*) Годичныя суммы за время съ 15. IX 1900 по 1. VII 1903 уже приведены въ статьѣ **О. А. Шкапскаго**. Двѣ поѣздки въ горы Ташк. у. Изв., XLII, 1906, стр. 28.

Миллиметры.	1901.	1902.	1903.	1904.
Январь . . .	82.7	131.3	285.1	13.6
Февраль. . .	67.0	113.9	196.8	19.9
Мартъ. . . .	94.6	189.9	87.6	198.1
Апрѣль . . .	56.2	73.6	140.7	130.4
Май	99.1	79.5	37.5	86.9
Іюнь. . . .	65.5	0.0	49.1	6.3
Іюль. . . .	0.0	0.0	2.3	0.4
Августъ. . .	0.0	3.0	4.0	0.0
Сентябрь . .	114.6	30.3	16.0	59.9
Октябрь. . .	161.7	184.2	90.2	53.6
Ноябрь . . .	113.3	381.0	41.6	91.9
Декабрь. . .	75.6	190.8	175.3	223.2
С у м м а.	930.3	1377.9	1126.2	884.2

Изъ растеній, растущихъ въ Андаракѣ, можно отмѣтить: Senecio bungei Franchet, Heterocaryum minimun F. et. M., Brachyactis ciliata Led., Verbascum songoricum Schr., Eremurus olgae Rgl., Lepyrodictis hosteoides Fenzl, Callipeltis cucullaria Stev., Umbilicus Lievenii Led., Hedysarym songaricum Bong., Orchis turkestanica Klinge. (Эти, и всѣ нижеслѣдующія опредѣленія собранныхъ мною растеній, любезно сообщены мнѣ *Д. И. Литвиновымъ*, за что считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить ему мою искреннѣйшую благодарность).



Сары-кунгей. Древній ледниковый циркъ.



Саркентъ. Общій видъ долины, нынѣ оставленной ледникомъ.

15 іюня я посѣтилъ уроч. Сары-кунгей (по рѣчкѣ того же имени), лежащее у подножья горъ Алтынъ-бешикъ и Чаркумъ: обѣ горы снѣговыя, но ледниковъ съ нихъ не спускается, хотя въ верхнемъ теченіи рѣчекъ явственно видны котловины, бывшія прежде ложемъ ледниковъ. 23 іюня ѣздилъ въ уроч. Саркентъ (верховья Акъ-су) черезъ перевалъ Саркентъ (на картѣ Кара-бука) высотой 3080 мет. На самомъ перевалѣ найдена Chorispora exocarpa Bge, а немного выше на 3100 м.—Anemone narcissiflora L. и Papaver alpinum L. Хребетъ имѣетъ высоту 3200 м. На склонахъ хребта выше перевала растетъ арча. Перевалъ довольно трудный, почему киргизы не перевозятъ сюда юртъ, а живутъ въ избахъ, кое-какъ сложенныхъ изъ камня и арчевыхъ стволовъ и покрытыхъ кошмами. Въ этомъ году киргизы прикочевали въ Саркентскую долину около 15 іюня; остаются здѣсь всего мѣсяца два, а затѣмъ обратно уходятъ на зимовки, лежащія нѣсколько повыше Андарака. Высота долины Саркента 2380 м. По словамъ здѣшнихъ стариковъ за послѣдніе годы въ горахъ стало больше снѣга, чѣмъ прежде.

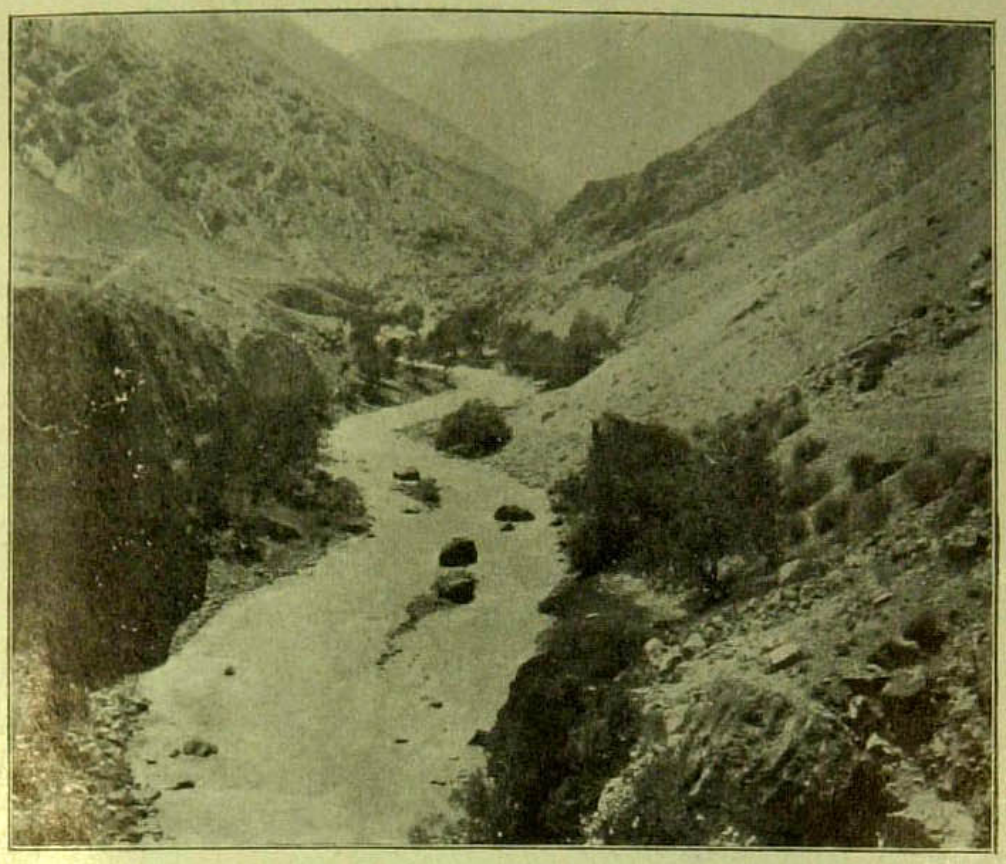
25 іюня на разсвѣтѣ въ Андаракской караулкѣ я чувствовалъ землетрясеніе, хотя слабое, но вполнѣ явственное. Землетрясенія такого характера бываютъ здѣсь по нѣсколько разъ въ годъ.

29 іюня я оставилъ Андаракъ и направился къ ледникамъ верховьевъ р. Исфары, лежащимъ уже въ предѣлахъ Кокандскаго уѣзда. Дорога шла черезъ обширную котловину Тюйе-джайлау, имѣющую въ длину около 15 верстъ, а въ ширину отъ 3 до 6. Дно ея довольно ровное, лежитъ на высотѣ 1950—2000 мет. Эта котловина, какихъ много встрѣчается въ Тянь-шанѣ, представляетъ собой повидимому дно высохшаго озера, которое и стекало черезъ ущелье Дагана. Весной здѣсь пасутъ

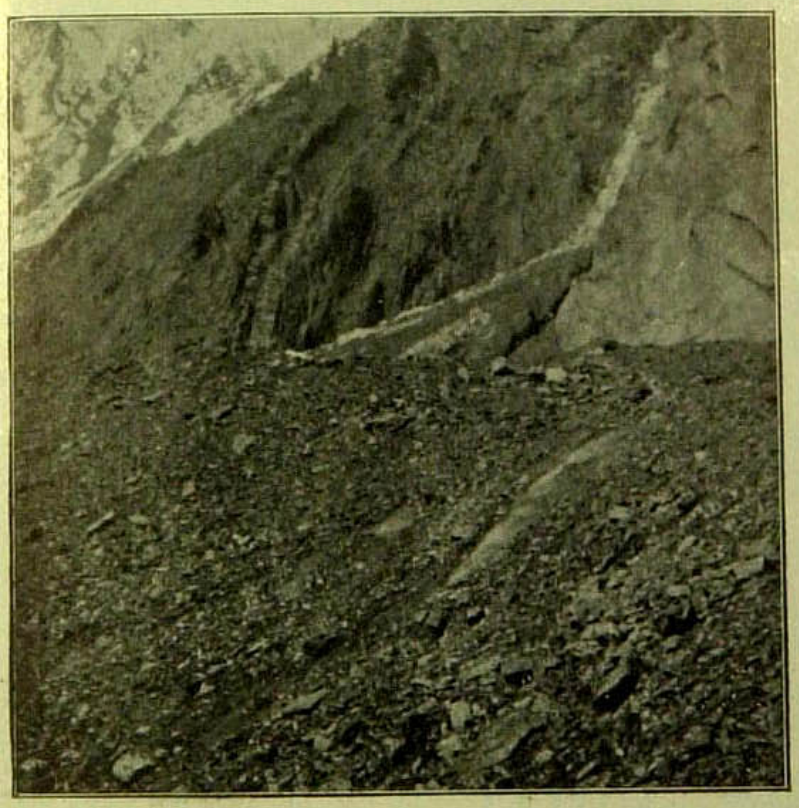
скотъ киргизы; земледѣліе не развито. между тѣмъ почва весьма удобна для хлѣбопашества и орошеніе не трудно бы устроить изъ многочисленныхъ ручьевъ, сбѣгающихъ съ горъ.

Переваливъ черезъ Бель-кудукъ (2600 м.) и Курубель (2750 м.) стали на мѣст. Баулъ, уже въ предѣлахъ Коканскаго у.; отсюда спустились въ долину многоводной р. Ляйляка до высоты 1200 м. Неширокая долина сплошь занята посѣвами и садами кара-киргизовъ; мѣстами поперекъ Ляйляка проходятъ ирригаціонныя трубы изъ дерева, подпираемыя высокими полѣнницами. На берегу Ляйляка видны двѣ, а мѣстами три террассы изъ конгломерата. По теченію ручья Джаупая, праваго притока Ляйляка, мы достигли пологаго перевала Джаупая (2170 м.) и спустились въ долину Кара-муйнака. По дорогѣ мы пересѣкли на высотѣ 2200 метровъ конечную морену исчезнувшаго ледника, а въ горахъ насупротивъ ясно было бывшее ложе ледника. Перевалъ Кара-муйнакъ имѣетъ высоту 2880 м.; на 10 в. картѣ онъ неправильно обозначенъ какъ „Адыгенъ". Вечеромъ 1 іюля мы спустились къ киргизской лѣтовкѣ Андыгенъ на высотѣ 2440 м. Ночью былъ дождь, а весь день 2-го іюля туманъ, что заставило меня остаться въ Андыгенѣ на цѣлый день. Къ вечеру 2 іюля пошелъ снѣгъ, покрывшій всѣ окрестности сплошной бѣлой пеленой.

3-го іюля съ утра прояснило и къ 6 ч. у. весь снѣгъ стаялъ. Путь нашъ лежалъ къ перевалу Бель-сійвасъ. По дорогѣ мы проѣзжали черезъ котловину Сары-язы на высотѣ 2500 м., сплошь занятую пашнями (ячмень). Спускъ съ перевала Бель-сійвасъ (2880 м.) очень трудный, обрывистый; подъемъ же пологій; склоны поросли приземистой арчей. Ручей Бель-сійвасъ, текущій съ перевала, течетъ только весной; въ мое посѣщеніе онъ былъ сухой, ложе его имѣетъ чрезвычайно крутое паденіе и мѣстами обра-



Долина р. Кереушинъ.



Ледопадъ на лѣвомъ рукавѣ ледника Кара-су.

зуетъ ущелье съ нависшими скалами, такое узкое, что по немъ едва проѣзжаетъ лошадь. Бель-сійвасъ впадаетъ въ Кереушинъ на высотѣ 1600 м.; т. о. паденіе его на протяженіи $4^1/_2$ верстъ равно около 1300 м.

Р. Кереушинъ, одна изъ составляющихъ Исфару, течетъ въ глубокой долинѣ: окружающія ее горы поднимаются до 2500 м. (на глазъ), т. о. возвышаются надъ ложемъ рѣки до 900 м. Горы однообразной высоты, въ видѣ хребта, безплодны, только у вершины растетъ рѣдкая арча: ниже пояса арчи начинается комплексъ явленій эоловой денудаціи; весьма странно на высотѣ около 2200—2300 м. видѣть камни блестящіе, покрытые отъ инсоляціи черной коркой. Ущелье очень узко, и дорога идетъ по склону горы, иногда очень высоко надъ рѣкой. На берегахъ рѣки растетъ талъ и береза (Betula alba var. songarica Rgl.). Какъ справа такъ и слѣва видны террасы на высотѣ 20—40 м. надъ ур. рѣки. (Населенія на всемъ протяженіи пути отъ перевала Бель-сійвасъ и до ледника Кара-су нѣтъ). Мѣстами ущелье Кереушина очень узко, стѣны отвѣсны и едва остается пространство для проѣзда. Въ мѣстѣ впаденія р. Урта-чашма въ Кереушинъ находится могила весьма почитаемаго киргизами святого Хазретъ-даутъ. Отсюда видна вся бѣлая гора Акъ-тюбекъ, дающая начало леднику и рѣкѣ того же названія.

Выше Урта-чашмы ущелье Кереушина сильно поростаетъ лѣсомъ изъ тала и березы; по склонамъ и на днѣ долины мѣстами видны киргизскія*) зимовки и около нихъ засѣяны ячменемъ площадки, но сейчасъ здѣсь пусто—всѣ на лѣтовкахъ. Вечеромъ 3-го іюля мы стали въ долинѣ Кара-су, одной изъ составляющихъ Кереушинъ. рѣчекъ. Здѣсь на высотѣ 2600 м. находится лѣтовка;

*) Здѣсь какъ и всюду въ описываемой мѣстности кочуютъ кара-киргизы (называющіе себя „кыргызъ") рода **Ауахатъ**, тогда какъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ р. **Кесекъ** отдѣленіе **Тогай-берды**).

какъ и въ Саркентѣ, здѣсь юртъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ каменныя избушки, грубо сложенныя изъ гальки и камней, иногда лишь, но далеко не всегда, пересыпанныя землей. Оконъ и печей нѣтъ; огонь разводится на землѣ избъ и выходитъ или черезъ дыру въ потолкѣ, или черезъ щели между камнями.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію ледниковъ, я долженъ замѣтить, что ледники обращаютъ на себя сравнительно мало вниманія киргизъ. Съ хозяйственной точки зрѣнія ледникъ не представляетъ для нихъ никакого интереса. Тогда какъ каждый холмикъ, каждая прогалина, гдѣ можно пасти скотъ, имѣетъ у киргизъ свое имя, ледники и горы въ ихъ верховьяхъ они оставляютъ безъ названій, обозначая ихъ по имени берущей изъ нихъ начало рѣки. Ледникъ кара-киргизы называютъ просто *мусъ*, что значитъ ледъ.

ЛЕДНИКЪ КАРА-СУ.

Ледникъ Кара-су я посѣтилъ 4 іюля. Нижній конецъ его лежитъ на высотѣ 3120 м. Ледникъ составляется изъ двухъ рукавовъ: лѣваго сѣверозападнаго и праваго югозападнаго; начало послѣдняго я не видѣлъ, первый же имѣетъ необыкновенно крутое паденіе, не менѣе 60°; снизу кажется, что эта ледяная рѣка, насильно вдавленная въ вертикальную горную щель. Правильнѣе всего назвать это *ледопадомъ*. Ложе этой вѣтви, насколько я могу судить, не широко, всего метровъ 30; спустившись изъ описаннаго почти вертикальнаго ложа, рукавъ соединяется съ SW-ымъ и получаетъ сравнительно весьма малое паденіе. Поверхность ледника (по выходѣ его въ долину) сплошь покрыта массой черныхъ обломковъ. На нижнемъ концѣ ледника ледъ имѣетъ черный цвѣтъ отъ продуктовъ вывѣтриванія чернаго слюдяного сланца: этотъ

черный цвѣтъ (откуда и получила названіе рѣка—Кара-су=черная рѣка) очень рѣзко контрастируетъ со сплошь засыпанными снѣгомъ горами, откуда беретъ начало ледникъ. Толщина льда у нижняго конца не велика, метровъ 30, не болѣе. Ледниковыхъ воротъ нѣтъ. На 10 мет. ниже теперешняго конца ледника и въ разстояніи около 40--50 метровъ отъ него находится старая конечная морена, окружающая полукругомъ нижній конецъ ледника. Еще видно хорошо мѣсто, гдѣ прорывался ледниковый ручей. По словамъ киргизъ, прежде ледникъ убывалъ, въ настоящее же время онъ „стоитъ". Ниже указанной морены киргизы, по ихъ словамъ, не упомнятъ да и не слышали, чтобы ледникъ опускался. Тѣмъ не менѣе когда-то (очевидно еще въ ледниковый періодъ) ледникъ опускался далеко внизъ по долинѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ громадныя боковыя морены, теперь поросшія арчей мѣстами въ человѣческій обхватъ и сопровождающія р. Кара-су далеко внизъ по теченію.

Въ верховьяхъ обоихъ рукавовъ праваго и лѣваго мы видимъ высокія снѣговыя горы, высотой не менѣе 4000 метровъ. Отъ долины сосѣдней рѣчки Акъ-су долина Кара-су отдѣлена хребтомъ, въ которомъ у самаго ледника Кара-су есть три конусообразныхъ пика, называемые киргизами Асанъ-усенъ; средній изъ нихъ нѣсколько ниже боковыхъ; не смотря на громадную высоту не менѣе 4000 м. пики эти почти совсѣмъ не покрыты снѣгомъ: скаты такъ обрывисты, что снѣгъ здѣсь не можетъ удержаться.

На моренахъ ледника на высотѣ 3150 м. найдены слѣдующія растенія: Leontopodium alpinum L. var., Taraxacum lyratum Rgl, Hieracium procerum Fr., Tanacetum trichophyllum Rgl. et. Sch., Erigeron olgae Rgl. et. Schm., E. unifloris L., Scutellaria orbicularis Bge. Dracocephalum imberbis Bge, Saxifraga flagellaria R., Dryadanthe bungeana L., Epi-

lobium latifolium L., Potentilla gelida CAM., Oxytropis echidana Lips., O. humifusa K. K., Cerastium trigynum Wilb., Draba alpina L., Smelowskia calycina CAM., Papaver alpinum L., Chorispora bungeana F. et M., Melandryum apetalum L., Oxyria reniformis Hooker, Cheilantus sczovitsii F. et M., Veronica beccabunga L., Luzula spicata DC.

ЛЕДНИКЪ АКЪ-СУ.

Посѣщенъ 5 іюля. Нижній конецъ его на высотѣ 3100 м. По правой боковой моренѣ я взобрался до высоты 3380 м. Отсюда открылся чудесный видъ: между двумя снѣговыми горами лежитъ фирновое поле, дающее начало довольно широкому леднику, сплошь покрытому мореной изъ гранитнаго сланца. Направо высится небольшой снѣговой хребетъ, съ котораго спускается маленькій ледникъ, (поверхность его тоже сплошь усыпана камнями), сливающійся съ большимъ. Конечная морена состоитъ изъ громадныхъ глыбъ свѣтлаго гранита*), который вывѣтриваясь превращается въ сѣрый песокъ.

Старой конечной морены, подобной Карайсуйской, я на Акъ-су не замѣтилъ; по словамъ киргизъ ледникъ стоитъ на мѣстѣ, но ихъ словамъ нельзя особенно довѣрять, такъ какъ ихъ лѣтовка довольно далеко (верстъ 5) отъ конца ледника и они не имѣютъ ледника постоянно передъ глазами. На меня ледникъ произвелъ впечатлѣніе прибывающаго. Ледниковыхъ воротъ нѣтъ. Ледъ на нижнемъ концѣ свѣтлый. Длина ледника версты 4. Въ $2^1/_2$ ч. дня на высотѣ 3300 м. насъ засталъ снѣгъ, смѣнившійся на 3100 м. дождемъ.

Изъ долины Акъ-су черезъ ледникъ ведетъ перевалъ въ долину Матчи. Черезъ этотъ перевалъ лѣтомъ киргизы

*) Біотитово-роговообманковаго, по опредѣленію И. П. Толмачева, за каковое приношу ему мою искреннюю признательность.

гонятъ барановъ въ долину Матчу, а отсюда въ предѣлы Каратегина, гдѣ есть болѣе привольныя пастбища.

На ледникѣ Акъ-су изъ растеній встрѣчены: Richteria pyrethroides K. K., Waldheimia Korolkowi. Rgl., et Schm; Leontopodium alpinum L. var., Isopyrum anemonoides K. K., Draba media Litw., Epilobium latifolium. L. Sedum rhodiola L., Leoydia serotina, Poa cenisia All., Gagea minutiflora Rgl.

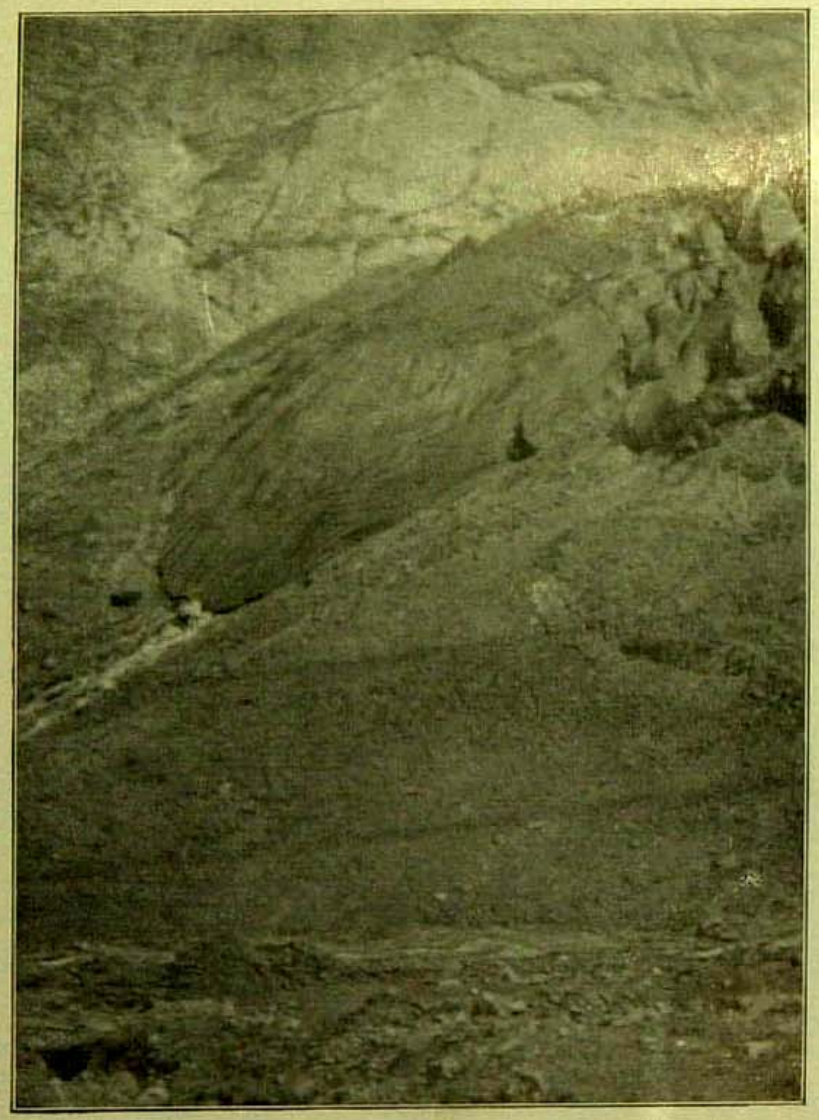
ЛЕДНИКЪ ДЖАУ-ПАЯ.

Посѣщенъ 6 іюля. Въ долинѣ рѣчки Джаупая (притокъ Кереушина*) находится лѣтовка, принадлежащая исключительно дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ киргиза Хаиппая Мараинбаева, старика 81 года, бывшаго въ ханскія времена „минбаши", а въ русскія волостнымъ управителемъ. Лѣтовка Джаупая на высотѣ 2750 м. Подъемъ къ леднику отсюда очень крутой: нижній конецъ его лежитъ на высотѣ 3480 м. Ледникъ этотъ не большой и съ малымъ паденіемъ. Нижній конецъ его разрѣзанъ ледниковымъ ручьемъ на два языка, въ разрѣзѣ которыхъ виденъ слоистый ледъ. Ручей беретъ начало на высотѣ 3520 м.; на этой высотѣ на лужайкахъ, обращенныхъ къ сѣверу, много альпійскихъ растеній въ цвѣту.

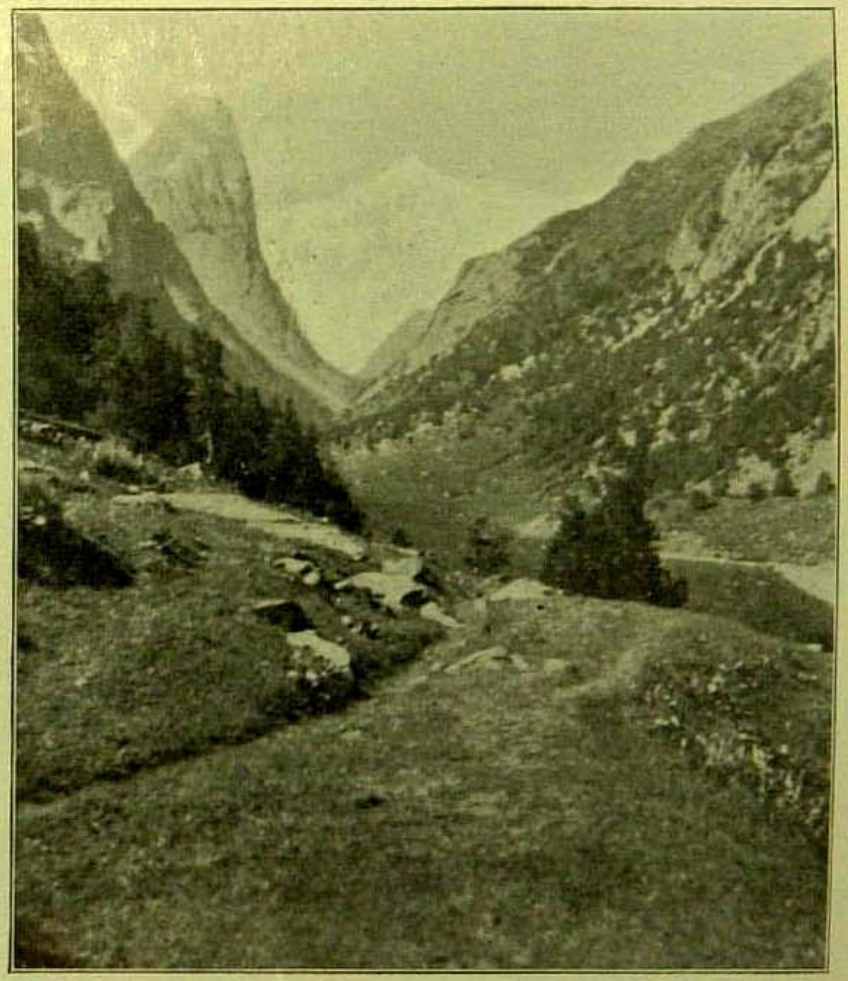
По боковой моренѣ я взбирался на ледникъ на высоту 3590 м. Отсюда виденъ фирновый циркъ, откуда беретъ начало ледникъ. Слѣва бассейнъ ограниченъ двуглавой горой, а справа и нѣсколько спереди коническимъ пикомъ. Всѣ горы очень круты и самыя вершины ихъ благодаря этому обнажены отъ снѣга.

Про этотъ, какъ и про предыдущіе ледники, киргизы говорятъ, что онъ „стоитъ на мѣстѣ". Конечной морены его я не замѣтилъ и полагаю, что теперь лед-

*) Относится слѣд. къ бассейну р. Исфары; не нужно смѣшивать съ упомянутой раньше р. Джаупая, относящейся къ бассейну Ляйляка.



Нижній конецъ ледника Кара-су.



Долина р. Кара-су, берущей начало изъ ледника того же имени. Налѣво виденъ одинъ изъ трехъ пиковъ Асанъ-усенъ.

никъ долженъ прибывать. Старикъ Хаиппай передавалъ мнѣ, что по его памяти ледъ никогда не спускался значительно внизъ.

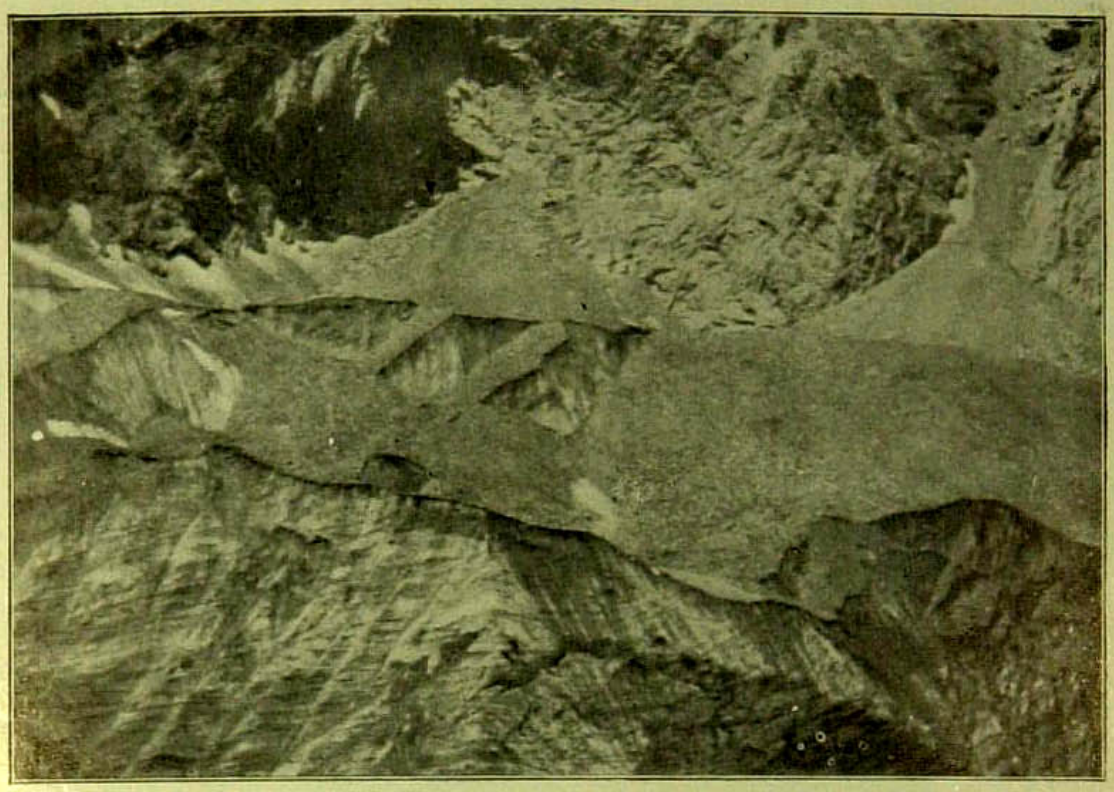
Долина, въ которую спускается ледникъ Джаупая, очень узка и мѣстами почти сплошь преграждена осыпями и выносами съ горъ, которые закрываютъ древнія морены. Арча поднимается здѣсь до 3600—3700 м. На самомъ ледникѣ мы видѣли слѣды горнаго козла (кіикъ, Capra sp.).

ЛЕДНИКЪ ТАНЫНГЕНЪ.

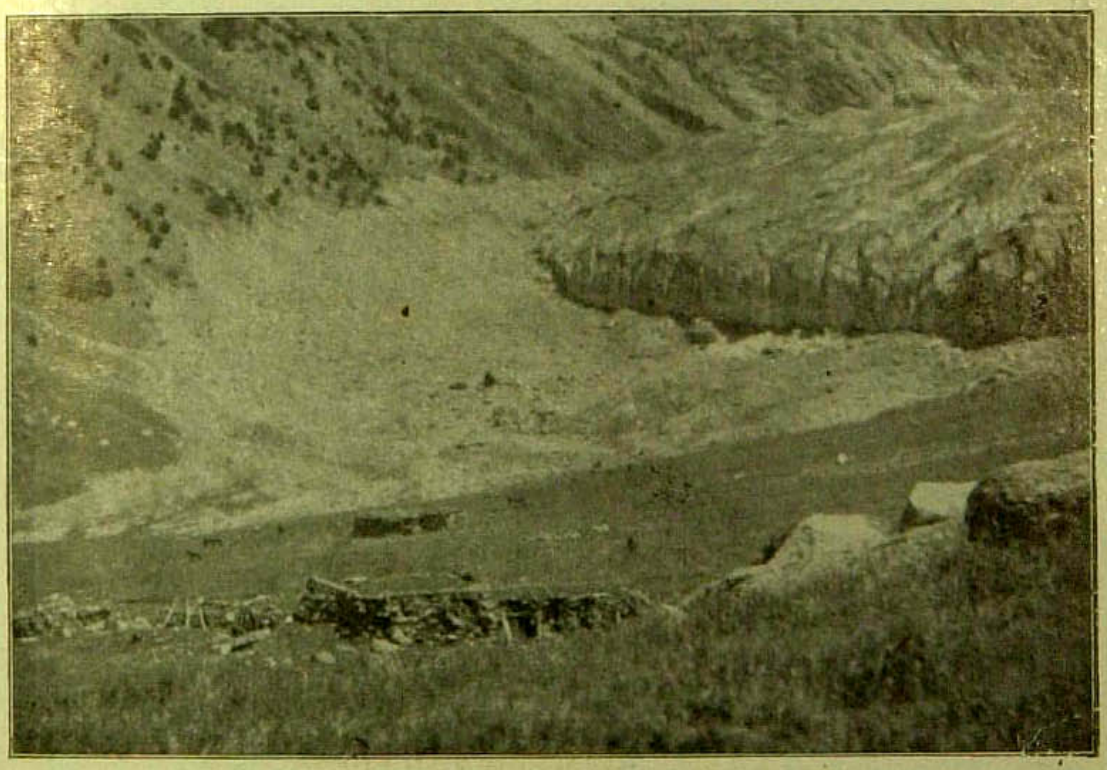
Изъ долины Джаупая въ долину р. Танынгенъ ведетъ очень трудный, хотя не очень опасный перевалъ Джаупая-кумъ-бель высотой въ 3790 м.; онъ находится какъ разъ напротивъ лѣтовки Джаупая на 1000 слишнимъ метровъ выше ея. На перевалѣ 7 іюля, когда я былъ тамъ, лежалъ еще снѣгъ. Водораздѣльный хребетъ возвышается надъ переваломъ метровъ сто. Правая (смотря изъ долины Джаупая) сторона перевала состоитъ изъ чернаго кварцитоваго сланца*), падающаго на S, а лѣвая изъ горизонтальныхъ слоевъ свѣтло—желтаго известняка*). Продукты разрушенія сланца и известняка совершенно различны по цвѣту и граница между осыпями лѣвой и правой стороны рѣзко видна, какъ на верху перевала, такъ и по склонамъ. Такъ какъ черный сланецъ разрушается быстрѣе, то онъ по склонамъ захватываетъ большое пространство переходя частью на лѣвую сторону.

Съ перевала Джаупая-кумъ-бель открывается чудесный видъ: слѣва въ основаніи водораздѣльнаго хребта между р. Джаупая и Танынгенъ возвышается конусообразная гора метровъ въ 4100 высотой (Кара-каттанынъ-

*) По опредѣленію И. П Толмачева.



Трещины и слоистость льда на леднике Джаупая.



Нижній конецъ ледника Татыгенъ.

баше). Внизу видна долина р. Джаупая и въ началѣ ея почти совсѣмъ закрыта снѣговая Джаупая-каттанынъ-баше. Затѣмъ еще далѣе къ западу идетъ хребетъ Асанъ-усанъ, отдѣляющій долину Акъ-су отъ Кара-су, очень хорошо видный отсюда: самая высокая изъ всѣхъ трехъ горъ оказывается южная (3900), а средняя и сѣверная лежатъ на одной высотѣ съ переваломъ Джаупая-кумъ-бель (3800 м.). Еще далѣе на WSW лежитъ хребетъ Кара-су съ снѣговой вершиной Карасунынъ-баше, высотой около 4200 м., доминирующей надъ всѣмъ. Еще далѣе къ западу видна сѣверная часть хребта Акъ-тюбекъ, но самой горы не видно. Въ противоположную сторону—на востокъ—мы видимъ долину Танынгена съ громаднымъ пикомъ Танынгенъ-башъ-чоку (4200м.) въ основаніи.

На перевалѣ на высотѣ около 4000 м. мы видѣли Megaloperdrix himalayana (по киргизки *уларъ*). Спускаясь съ перевала въ долину Танынгена, мы брали первыя альпійскія растенія на высотѣ 3770 м., это были Androsace villosa L., Draba incana L., Corydalis fedtshenkoana, Dracocephalum nutans Pall. f. alpina, Stelaria rigida Bge. На высотѣ 3500 м. попался красивый лукъ съ большими малиновыми цвѣтами (бай-чечекъ, Allium oreophilum CAM.,), а также Neogaya simplex Meisn. Съ 3400 м. пошла арча. Еще ниже на 3300 м. Gentiana prostrata Haenke, Oxytropis tianschanica Bge и Vicia ecirrhosa Rupr. Лѣтовка Танынгенъ лежитъ на высотѣ 3040 м.; киргизы (р. Кипчакъ, зимующіе въ мѣст. Кулакъ Кокан. у.) сюда пришли около 1 іюля.

Ледникъ Танынгенъ (посѣщенъ 7 іюля) прекрасно виденъ изъ долины рѣки Танынгенъ. Это ледникъ не очень большой и съ поверхности не такъ сильно засыпанъ камнями, какъ предыдущіе. Нижній конецъ его на высотѣ 3270 м.; впереди ледника на разстояніи метровъ 150 отъ теперешняго конца находится старая конечная

морена на высотѣ 3220 м.; высота морены $1^1/_2$—2 мет.; въ ней виденъ еще прежній выходъ ледниковаго ручья. Между этой мореной и нижнимъ концомъ ледника лежитъ пространство, покрытое громадными валунами, которые иногда несутъ на себѣ щебень и крупные камни. Ясно, что отступаніе совершилось сравнительно не очень давно, но въ настоящее время слѣдовъ убыванія не замѣтно и, по словамъ киргизъ, и этотъ ледникъ, подобно предыдущимъ, не измѣняетъ за послѣдніе годы своего положенія.

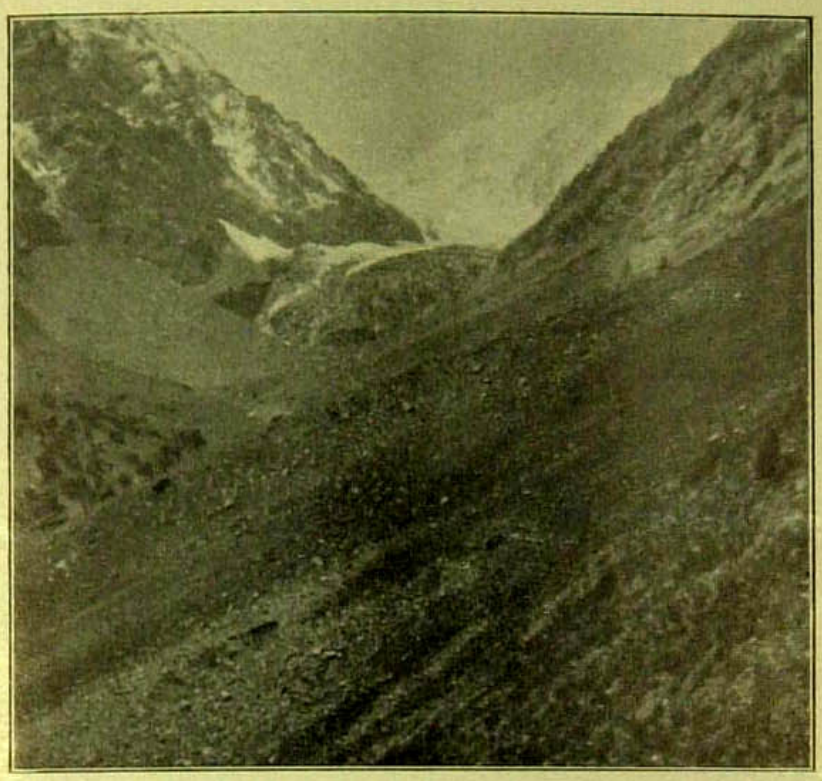
Ледникъ кончается вертикальной стѣной метровъ въ 30 высотой; въ обрывѣ прекрасно видны слои зеленоватаго льда. Ледниковаго грота нѣтъ. Конечная морена лежитъ у самаго основанія ледника и сравнительно не велика, что объясняется малымъ количествомъ моренного матеріала, несомаго ледникомъ.

За старой конечной мореной находится много валуновъ, слѣдовъ древняго оледенѣнія; съ горъ нѣкогда спускались боковые ледники, о чемъ свидѣтельствуютъ длинныя боковыя морены, теперь поросшія арчей въ обхватъ толщиной.

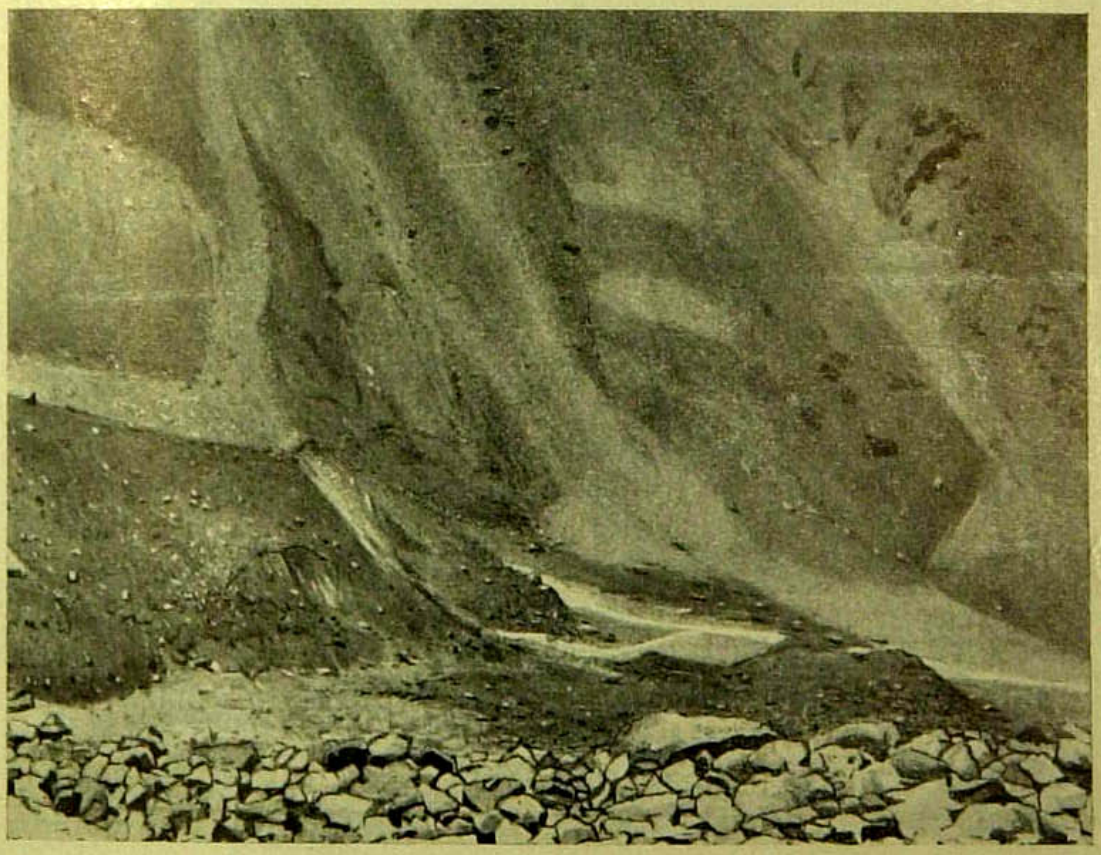
Въ береговыхъ обрывахъ р. Танынгена немного ниже его выхода изъ ледника ясно обнажаются древнія морены съ громадными валунами, покрытыя сверху современными дилувіо-глаціальными слоистыми отложеніями. Въ долинѣ Танынгена видны мѣстами двѣ террассы: одна на 40 метровъ надъ ур. рѣки, другая метровъ на 15 выше первой.

ЛЕДНИКЪ ТАТЫГЕНЪ.

Рѣка Танынгенъ (неправильно названная на 10 в. картѣ „Татынгенъ") течетъ на сѣверъ и впадаетъ въ Татыгенъ; эта послѣдняя въ свою очередь принимаетъ



Ледникъ Татыгенъ. Видъ съ высоты 3200 метровъ.



Нижній конецъ ледника Щуровскаго сбоку.

справа р. Мынъ-теке и впадаетъ въ Джинтыкъ. По теченію Татыгена встрѣтилось по склонамъ, кромѣ арчи, большія Ephedra intermedia Schrenck въ цвѣту (8.VII), въ ростъ человѣка, по киргизски „чикенды". Когда долина Татыгена поворачиваетъ на SE, передъ путникомъ открывается великолѣпный видъ: впереди виденъ ледникъ, а надъ нимъ возвышается посреди совершенно бѣлая пирамидальная гора, очень похожая на Jungfrau, справа и слѣва сопровождаемая двумя горами, неуступающими ей въ высотѣ. Лѣтовка киргизъ рода Кипчакъ (зимовка ихъ на ур. Самаркандскъ) лежитъ у самаго ледника, всего какихъ нибудь 150 саж. отъ нижняго конца его на высотѣ 3020 м. Благодаря этой близости они очень хорошо знакомы съ состояніемъ ледника и утверждаютъ, что уже *три года какъ ледникъ началъ спускаться внизъ, прибывать.*

Ледникъ Татыгенъ небольшой, всего версты $1^1/_2$ въ длину, но по своему строенію чрезвычайно оригиналенъ и заслуживалъ бы подробнаго изученія Правый бокъ ледника (считая по теченію) прилегаетъ къ почти вертикальной правой сторонѣ ущелья, лѣвый же отстоитъ очень далеко отъ лѣвой стороны ущелья, оставляя мѣсто для второго истока Татыгена; одинъ изъ рукавовъ этого послѣдняго беретъ начало у нижняго конца ледника на высотѣ 3070 мет., а другой въ горахъ у начала ледника, но не изъ него, а изъ ключей. По теченію этого второго истока Татыгена мы взобрались довольно высоко вверхъ, именно до высоты 3390 м.; здѣсь встрѣченъ Polygonum songaricum Sch. „кумыздыкъ", Astragalus olgae Rgl. Отсюда виденъ хорошо фирновый циркъ ледника. Ледникъ беретъ начало двумя рукавами, однимъ на лѣвой горѣ, другимъ на „Jungfrau", благодаря чему по соединеніи обоихъ потоковъ видна одна средняя морена; кромѣ нея явственно видно двѣ боковыя поверхностныя; между ними ледъ черный, не засыпанный обломками. Высота трехъ горъ,

какъ мнѣ кажется, не выше 4000 м. нижняя граница фирна на 3500. Направленіе языка SW—NE.

Съ той точки, куда я взобрался, прекрасно видно было все протяженіе ледника. Паденіе его не велико. На всемъ протяженіи лѣваго бока видно, что ледникъ подстилается мореной—это очевидно основная+боковая. Вся толщина ледника считая до уровня лѣваго истока Татыгена метровъ 60. Толщина свободной части льда въ верхней части ледника всего 5—10 метровъ, а остальные 55—50 метровъ падаютъ на морену. Книзу толщина свободной части льда увеличивается. Мѣстами на поверхности льда образуются вспучиванія, а передъ ними углубленія—это характерный признакъ *прибывающаго* ледника въ стадіи выростанія. Нижній конецъ ледника какъ сказано, лежитъ на высотѣ 3070 м. (8.VII, 1906), ледъ здѣсь рѣзко слоистый причемъ слои свѣтлаго, зеленоватаго льда перемежаются съ слоями грязнаго; конечная морена ледника не велика. Въ разстояніи 100 метровъ отъ нынѣшняго конца видна явственная прежняя конечная морена на высотѣ 3060 м. Ледъ былъ здѣсь очевидно сравнительно не очень давно, но киргизы положительно увѣряютъ, что на ихъ памяти ледъ здѣсь никогда не стоялъ. Ниже лѣтовки Татыгенъ течетъ въ ущельѣ, сверху совершенно закрытомъ скалами, какъ это, но лишь въ болѣе грандіозномъ видѣ, наблюдается на Lutschine, вытекающій изъ Untergrindelwaldgletscher. По склонамъ мѣстами видны террассы въ 15, 50 и 300 метровъ надъ уровнемъ рѣки.

ЛЕДНИКЪ МЫНЪ-ТЕКЕ.

Дорога изъ долины Татыгена въ долину Мынъ-теке ведетъ черезъ нетрудный перевалъ высотой 3250 м. здѣсь на высотѣ 3200 м. найденъ Erigeron azureus Rgl.

Съ перевала видна цѣпь снѣговыхъ горъ, среди которыхъ выдѣляется остроконечный пикъ, выше 4000 м., дающій начало леднику Мынъ-теке. Цѣпь имѣетъ направленіе NE—SW, а рѣка Мынъ-Теке SE—NW. Ледникъ Мынъ-теке не большой, длиной съ 1 версту; нижній конецъ его на 3285 м. Метровъ въ 100 отъ нижняго конца находится древняя конечная морена. Поверхность ледника не очень сильно засыпана камнями; правая поверхностная морена его бураго цвѣта, а лѣвая сѣраго.

Отсюда мы отправились въ долину Джинтыка къ леднику Щуровскаго. Дорога переходитъ по правую сторону р. Мынъ-теке, а затѣмъ идетъ высоко надъ Татынгеномъ, на высотѣ 3200 м. Дорога идетъ все время по лѣсу, въ которомъ масса сожженныхъ деревьевъ—это киргизы жгутъ лѣсъ, чтобы имѣть возможность получить право вырубить его въ видѣ сухостоя. Въ одномъ мѣстѣ на высотѣ 3200 м., дорога идетъ какъ разъ напротивъ ледника Татыгена, который отсюда виденъ какъ на ладони. На высотѣ 3120 м. дорога черезъ перевалъ Куганды ведетъ въ долину Джинтыка.

ДОЛИНА ДЖИНТЫКА И ЛЕДНИКЪ ЩУРОВСКАГО.

Джинтыкъ течетъ въ глубокомъ ущельѣ; горы по обѣимъ сторонамъ возвышаются не менѣе, чѣмъ на 900 метровъ; высота ихъ по моему расчету, равна 3300 м., уровень же Джинтыка тамъ, гдѣ мы спустились къ нему, равнялся 2380 м. Спускъ съ перевала Куганды необыкновенно крутой, горы на правомъ берегу Джинтыка болѣе обрывисты, чѣмъ на лѣвомъ, гдѣ они покрыты болѣе густо лѣсомъ и пастбищами. Въ долинѣ Джинтыка растетъ видъ арчи, называемый киргизами *сауръ-арча*, (Juniperus semiglobosa Rgl.), талъ, громадныя березы (Betuga alba var. songarica Rql.) въ два обхвата толщиной (впро-

чемъ большія березы уже по большей части подожжены киргизами); большая Ephedra intermedia Sch, шиповникъ рябина, (Sorbus tianschanica Rupr.). На берегахъ видны мощныя обнаженія конгломератовъ. Чѣмъ выше поднимаешься по теченію Джинтыка, тѣмъ яснѣе слѣды прежняго грандіознаго распространенія ледниковъ: на высотѣ 3000 м. спускается перпендикулярно Джинтыку съ праваго берега мощная морена съ камнями высотой болѣе всадника, поросшая арчей. Эта морена, спустившись въ долину, поворачиваетъ внизъ по теченію Джинтыка и нѣкоторое время слѣдуетъ вдоль него. На лѣвомъ берегу мѣстами, гдѣ вырубленъ лѣсъ, обнажается типичный холмистый моренный ландшафтъ. Еще выше приблизительно на 3100 метрахъ къ обрывамъ лѣваго берега прислонена громадная морена (?) изъ красныхъ валуновъ, высотой метровъ въ 400 надъ уровнемъ рѣки; верхъ ея былъ покрытъ снѣгомъ*).

Верстахъ въ 3 ниже начала Джинтыка на правомъ и на лѣвомъ берегахъ его лежатъ мощныя боковыя морены, высотой до 100 м. очевидно принадлежавшія когда-то леднику *Щуровскаго*; теперь же густо поросшія арчей они стоятъ на террассѣ, которая находится на высотѣ 3220 м., рѣка же здѣсь на 3200 м.

Въ поперечныхъ ущельяхъ видны ложа бывшихъ ледниковъ, нынѣ совершенно изчезнувшихъ.

9 іюля вечеромъ мы прибыли къ лѣтовкѣ Джинтыкъ находящейся на высотѣ 3310 м. Она построена лѣтъ 15 тому назадъ и находится на той самой площадкѣ, гдѣ въ 1871 году останавливался *А. П. Федченко* и откуда *О. А. Федченко* рисовала видъ ледника. Мѣстные киргизы слышали объ Алексѣѣ Павловичѣ (какъ и на Татыгенѣ и даже Джаупаѣ, хотя онъ ни въ томъ, ни въ другомъ

*) Я не совсѣмъ увѣренъ, была ли это морена. Можетъ быть здѣсь нѣкогда поперечный ледникъ запруживалъ долину Джинтыка и образовалъ озеро, давшее начало описаннымъ отложеніямъ. Ближе я не могъ изслѣдовать ихъ.

мѣстѣ не былъ), но въ живыхъ нѣтъ ни одного изъ видѣвшихъ его. Самый старшій изъ здѣшнихъ киргизъ это старикъ лѣтъ 60—65 Кошпакпій Магаткалыбіевъ, младшій братъ Айтмамбетъ-бія, умершаго 30 лѣтъ тому назадъ и принимавшаго когда-то здѣсь же у ледника Щуровскаго *А. П. Федченко.*

Несмотря на близость ледника ледниковый ландшафтъ у его конца (въ $^1/_2$ в. отъ ледника) выраженъ не такъ рѣзко, какъ ниже, очевидно въ этой части ледникъ быстро отступалъ, не успѣвъ оставить послѣ себя значительныхъ моренныхъ отложеній.

Я посѣтилъ ледникъ 10 іюля. Передній видъ его нѣсколько измѣнился сравнительно съ рисункомъ, даннымъ *Федченко;* такъ, образовались значительныя ледниковыя ворота; которыхъ раньше не было.

Старая конечная морена, по словамъ *Федченко*, лежитъ на 25 саж. отъ конца ледника. Точно на такомъ же разстояніи—или даже можетъ быть чуть меньшемъ она и теперь. Такимъ образомъ о прогрессивномъ убываніи ледниковъ за послѣдніе 35 лѣтъ не можетъ быть и рѣчи. На этомъ ледникѣ, какъ и на другихъ существуютъ лишь ничтожныя колебанія впередъ и назадъ. Киргизы рѣшительно свидѣтельствуютъ, что ни на ихъ памяти, ни на памяти ихъ отцовъ ледникъ никогда не приближался къ этой древней конечной моренѣ, слѣдовательно, эта морена, отстоящая всего въ 25 саж. отъ конца ледника является уже сравнительно древнимъ образованіемъ.

Нижній конецъ ледника лежитъ на высотѣ 3340 м., а основаніе бывшей конечной морены 3325 м. Джинтыкъ беретъ начало 3 рукавами: одинъ, средній вытекаетъ изъ ледниковыхъ воротъ, а другіе боковые начинаются съ боковъ ледника, выше его конца, причемъ правый очень малъ. Джинтыкъ образуетъ небольшой водопадъ въ

2 мѣстахъ: тамъ, гдѣ онъ прорѣзаетъ теперешнюю морену и гдѣ прежнюю.

Справа въ боковой долинѣ надъ нижнимъ концомъ ледника Щуровскаго находится небольшой висячій ледничекъ.

Изъ долины Джинтыка я вышелъ въ долину Исфары черезъ перевалъ Джинтыкъ и кишлакъ Ворухъ тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ *Федченко* шелъ къ леднику Щуровскаго. Перевалъ Джинтыкъ, ведущій изъ долины того же имени въ долину р. Чичикты, имѣетъ высоту 3820 м. Подъемъ на него не легкій. Долина, по которой подымаются къ перевалу, очевидно выпахана ледникомъ. Бока и дно ея сложены изъ сильно вывѣтрѣлаго глинистаго сланца. На самомъ перевалѣ 11 іюля снѣгу уже не было, а въ горахъ напротивъ снѣговая линія лежала выше перевала, приблизительно на 4000 м. Рѣка Чичикты сначала имѣетъ сухое русло (т. е. вода по немъ течетъ лишь весной), а затѣмъ получаетъ обильное теченіе изъ ключей, бѣгущихъ изъ сланца. На высотѣ 2660 метровъ я замѣтилъ на лѣвомъ берегу Чичикты мощную боковую морену изъ громадныхъ камней. Ледниковыя явленія въ видѣ шлифованныхъ скалъ, моренъ и валуновъ продолжались, насколько я могъ прослѣдить, до высоты въ 2200 м.

Черезъ Ворухъ (1500 м.), Чарку (1180 м.), Исфару*) и ст. Мельниково (Канъ-и-бадамъ) а вернулся 15 іюля въ Ташкентъ.

Результатами моей поѣздки являются слѣд. выводы:

1. Ледникъ Щуровскаго за послѣдніе 35 лѣтъ, (1871—1906) со времени посѣщеній А. П. Федченко нисколько не отступилъ.

*) Южнѣе кишлака Исфары по долинѣ рѣки обнажается красный глинистый известнякъ, образующій совершенно лишенные растительности холмы.

2. Прочіе изъ посѣщенныхъ мною ледниковъ также не отступаютъ, повидимому, они всѣ находятся въ стадіи возрастанія, а для нѣкоторыхъ (Татыгенъ) это не подлежитъ сомнѣнію.

3. Многія свидѣтельства прежнихъ авторовъ объ отступаніи ледниковъ основаны на слѣдахъ древнихъ моренъ и т. о. не имѣютъ значенія для того времени, когда они были посѣщены.

4. Во время ледниковаго періода въ посѣщенной мѣстности ледники спускались до 2200 м.

Въ заключеніе я считаю своимъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность Турк. Отд. И. Русск. Географ. Общ., отпустившему мнѣ средства на эту поѣздку, а также завѣдующему государственными имуществами Ходжентскаго уѣзда *К. А. Молчанову,* Начальнику Ходжентскаго уѣзда Полковнику *Н. С. Лыкошину* и Кокандской администраціи за крайне любезное содѣйствіе, какимъ я пользовался за все время поѣздокъ.

Л. Бергъ.

Къ генеалогической таблицѣ узбекскаго рода Кунградъ.

К. Ситняковскаго.

Огромная часть монгольской расы, раскинувшаяся на западѣ Средней Азіи, ведя кочевую жизнь, рѣдко сплачивалась въ одно государство. Въ тѣ немногіе и короткіе періоды, когда выдающимся вождямъ удавалось соединить этихъ кочевниковъ подъ одно знамя, внутренніе раздоры отдѣльныхъ родовъ изъ-за господства въ странѣ приводили вскорѣ къ распаденію даже могущественныхъ монархій. Дробное родовое начало такъ незыблемо вкоренилось у народа, что оно вошло въ основу уклада жизни его и сохранилось до настоящаго времени, едва ли не въ первобытномъ характерѣ своемъ. Неразрывно съ этимъ началомъ продолжаются исконныя соперничества и вражда не только между большими родами, но и мелкими колѣнами ихъ. Соревнованія между родами какъ на политической, такъ и на чисто семейной и бытовой почвѣ сопровождались и сопровождаются теперь не одними тайными кознями при помощи ядовъ, но и вооруженными нападеніями и грабежами. Угонъ стада и воровство членами одного рода у другого не считается преступленіемъ, а на оборотъ отвагой, точно также отравленіе чужаго не влечетъ за собою безчестья. Такія черты въ образѣ жизни монголовъ выработали мстительность, продолжающуюся между родами изъ-за каждаго отдѣльнаго случая многіе годы и переходящую изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Главные роды, занимая болѣе или менѣе опредѣленныя пространства для кочевья и зимнихъ стойбищъ, боковыми вѣтвями своими весьма перепутались по топографическому положенію мѣстъ, обитаемыхъ ими. Очевидно, что понятіе о земельной собственности не было присуще этой народности, и всякій селился тамъ, гдѣ было свободно. Какъ напримѣръ занятія свободныхъ земель можно указать тотъ фактъ, что еще недавно, лѣтъ двадцать тому назадъ, цѣлая волость киргизъ, кочевавшихъ около г. Туркестана, ушла съ своихъ мѣстъ и заняла южную часть Голодной степи, прилегающей къ гор. Джизаку. Между киргизами практикуется и теперь свободный выборъ лѣтнихъ пастбищъ.

Смѣшанное землепользованіе и разбросанность семействъ одного какого-либо колѣна среди другихъ, какъ бы давно онѣ не произошли, не препятствуютъ жителямъ твердо знать свою генеалогію по образованію родовъ и безчисленныхъ колѣнъ отъ нихъ. Родовое начало усиленно охранялось системой внутренняго управленія, не допускавшей образованія мелкихъ административныхъ единицъ не только изъ членовъ разныхъ родовъ, но и разныхъ колѣнъ.

Въ Бухарскихъ владѣніяхъ этой системы придерживаются до настоящаго времени, народъ сообразуясь со своими нуждами, самъ выработалъ себѣ на семейныхъ началахъ первую ступень въ государственномъ устройствѣ, *аксакальство*, аминство тожъ (сельское общество), въ составъ котораго входятъ только близкіе сородичи. Аксакальства управляются аксакалами, выбираемыми населеніемъ изъ своей среды и утверждаемыми ярлыкомъ Эмира. Основанныя на добровольномъ союзѣ, аксакальства сформировались весьма различно по количеству жителей и пространству ими занимаемому. Есть малыя аксакальства въ 10 и менѣе дворовъ, когда жители его

очутились далеко въ отбросѣ отъ своего рода. Когда же населеніе сгруппировано въ большомъ числѣ на одномъ пространствѣ и состоитъ изъ разныхъ колѣнъ, перемежающихся зимними и лѣтними стойбищами, то каждое родовое колѣно образуетъ особое аксакальство и управляется своимъ аксакаломъ. Слѣдующія болѣе крупныя административныя единицы—амлякства (волости) составляются на основаніи территоріальнаго дѣленія и управляются лицами по назначенію отъ правительства.

Наше законодательство при устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей въ Туркестанскомъ краѣ приняло въ основу территоріальное дѣленіе, не входя въ разсмотрѣніе разновидности жителей по родамъ и колѣнамъ ихъ, и даровало населенію право выбора не только сельскихъ старшинъ, но и волостныхъ управителей. Такое устройство мѣстнаго управленія явилось для населенія новизною, не согласной съ его искони выработанной системой управленія, новизной—весьма трудно усвоиваемой имъ. Жители раздѣлились на многочисленныя партіи, соотвѣственно числа родовыхъ колѣнъ, изъ коихъ каждая стремится охранять лишь свои интересы и быть господствующей. Потому не удивительно, что при выборахъ сельскихъ старшинъ и волостныхъ управителей раздоръ между родовыми партіями проявляется въ ожесточеніи, доходящемъ до дракъ, убійствъ и неповиновенія властямъ.

Родовое начало также усиленно охраняется и другими особенностями, истекающими или изъ экономическаго положенія народа, или иныхъ причинъ, побуждающихъ народъ помнить родословіе свое.

Въ общемъ часть монгольской расы, обитающей на западѣ Средней Азіи, можно раздѣлить на три отрасли: 1) Тюрки или Турки, 2) Узбеки и 3) Киргизы. Послѣдняя распадается на двѣ вѣтви: казаки и киргизы,

изъ коихъ первую мы именуемъ киргизами, а вторую кара-киргизами. Прежде чѣмъ говорить объ узбекахъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о тюркахъ.

О времени появленія здѣсь тюрковъ положительныхъ историческихъ указаній нѣтъ; несомнѣнно лишь то, что они поселились тутъ задолго до мусульманской эры. Во время первыхъ нашествій арабовъ, тюрки считались коренными жителями степей, примыкавшихъ къ оазисамъ. Въ настоящее время изъ тюркскаго народа, отодвинувшагося на западъ, оставшаяся часть подъ разными названіями своихъ родовъ обитаетъ главнымъ образомъ въ Закаспійской области и на сѣверѣ Персіи; небольшими группами она раскинулась на Аму-Дарьѣ, частью въ Бухарскихъ владѣніяхъ и Самаркандской и Ферганской областяхъ. Въ Сыръ-Дарьинской области тюрки не встрѣчаются, хотя ранѣе въ предѣлахъ ея они несомнѣнно обитали.

Какъ передовые выходцы съ незапамятныхъ временъ отъ центра монгольской страны, тюрки не могли сохранить вполнѣ основы своей народности; ихъ разговорный языкъ мало схожъ съ языкомъ родственныхъ имъ народовъ, хотя корень языка у нихъ сохранился. За то первобытные нравы ихъ: хищничество, безмѣрная храбрость и отвага, которыми они способны наводить ужасъ на сосѣдей, не поколебались. Это хорошо извѣстно персамъ, надъ которыми тюрки упражнялись многіе вѣка.

Узбеки, болѣе поздніе выходцы изъ восточной и центральной Азіи, размѣстились главнымъ образомъ въ предѣлахъ Бухары и Самаркандской области, частью въ низовьяхъ Аму-Дарьи и въ верховьяхъ Сыръ-Дарьи (въ Ферганской долинѣ). Предположеніе, что этотъ народъ составляетъ остатки полчищъ Чингизъ-хана, ринувшихся на западъ Азіи и востокъ Европы, подтверждается и

самими узбеками. Какъ позднѣйшимъ пришельцамъ, на ихъ долю въ завоеванныхъ ими странахъ Западнаго Туркестана достались степи, едва способныя для прокормленія кочевниковъ и тѣ немногія культурныя пространства, которыя или были свободны, или отняты у коренныхъ обитателей страны. И если узбеки, могшіе по обычаямъ тѣхъ временъ истребить завоеванное населеніе и завладѣть всѣмъ его достояніемъ, заняли мало пригодныхъ для осѣдлости земель, то это можно объяснить страстью къ кочевой жизни и презрѣніемъ къ осѣдлому населенію, тяжелыми трудами котораго они несомнѣнно разсчитывали пользоваться.

Тѣ узбеки, которыя поселились въ долинахъ на орошенныхъ земляхъ, слились съ прежнимъ осѣдлымъ населеніемъ; воспоминаніемъ кочевой жизни служитъ любовь ихъ къ подвижному дому—юртѣ или палаткѣ, которыя можно видѣть въ большинствѣ дворовъ.

Другіе, которые остановились на горныхъ возвышенностяхъ, ведутъ полукочевой образъ жизни, занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ хлѣбопашествомъ. Въ лѣтнее время они отходятъ отъ зимовокъ, но не далеко и перемѣняютъ свои стойбища за этотъ періодъ нѣсколько разъ, не удаляясь однако отъ зимовокъ своихъ.

Послѣдніе живутъ очень бѣдно; хлѣбопашество ихъ, не обладающее искусственнымъ орошеніемъ и гибнущее не рѣдко отъ засухъ и злѣйшаго врага его—саранчи, мало обезпечиваетъ этихъ узбековъ; скотоводство за скудностью травъ, выгорающихъ къ началу лѣта, не могло развиться въ мѣрѣ дѣйствительной потребности населенія; лошади разводятся единицами при дворахъ, а важный въ хозяйствѣ рогатый скотъ встрѣчается у полукочующихъ узбековъ весьма рѣдко; мелкій же скотъ овцы и козы и отчасти верблюды получили большее распространеніе благодаря почвѣ, насыщенной обильно со-

лями, дающей скудный, но чрезвычайно полезный кормъ этимъ жвачнымъ животнымъ.

Общая скудость природы, окружающая узбековъ, выработала изъ нихъ очень трудолюбивый народъ. Въ лѣтнее время мужчины, способные къ труду, поголовно уходятъ на работы или на свои пашни, или на заработки въ отдаленныя мѣстности, или же занимаются верблюжьимъ извознымъ промысломъ. Дома остаются только женщины, но и онѣ сидятъ не покладая рукъ; онѣ вѣчно ткутъ свои грубыя шерстяныя издѣлія для домашняго употребленія и частью на продажу. Только чрезмѣрный трудъ всѣхъ членовъ семьи даетъ возможность имъ влачить жалкую полуголодную жизнь.

Узбеки малорослы, нестройны и некрасивы. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ родахъ, какъ Мангиты, Джалаиры, Кенегасы, встрѣчаются видные рослые мужчины и красивыя женщины, но таковыхъ мало. Женщины полукочующихъ узбековъ не закрываются. Покрывало онѣ накидываютъ на лицо тогда, когда бываютъ въ городахъ или на базарахъ. Въ умственномъ отношеніи и по развитію узбеки несомнѣнно стоятъ ниже сартовъ, персовъ и таджиковъ. Въ Бухарскомъ ханствѣ административныя должности узбеками не замѣщаются, не смотря на то, что они составляютъ большинство въ государствѣ и ихъ разговорный языкъ всюду наиболѣе употребительный, а также и то, что господствующая въ настоящее время династія произошла изъ узбекскаго рода Мангытъ. На сколько узбеки воинственны и храбры, сказать трудно. Извѣстно, что нѣкоторые роды ихъ, какъ Мангиты и Кенегасы вели между собою безпрерывныя войны цѣлыя столѣтія изъ-за гегемоніи въ Бухарѣ и за независимость другъ отъ друга.

Уже давно узбеки дѣлили себя на 92 рода. Трудно провѣрить, сохранились ли всѣ роды по старому дѣ-

ленію, но есть основаніе полагать, что раздробленность ихъ увеличилась, такъ какъ встрѣчаются колѣна позднѣйшаго образованія, не вошедшія въ списокъ родовъ. Замѣчательно то, что названія главныхъ узбекскихъ родовъ встрѣчаются и у киргизъ. Это несомнѣнно указываетъ на близкое родство этихъ двухъ племенъ, говорящихъ однимъ языкомъ, съ малыми лишь оттѣнками въ нарѣчіяхъ, и на давность образованія самихъ родовъ.

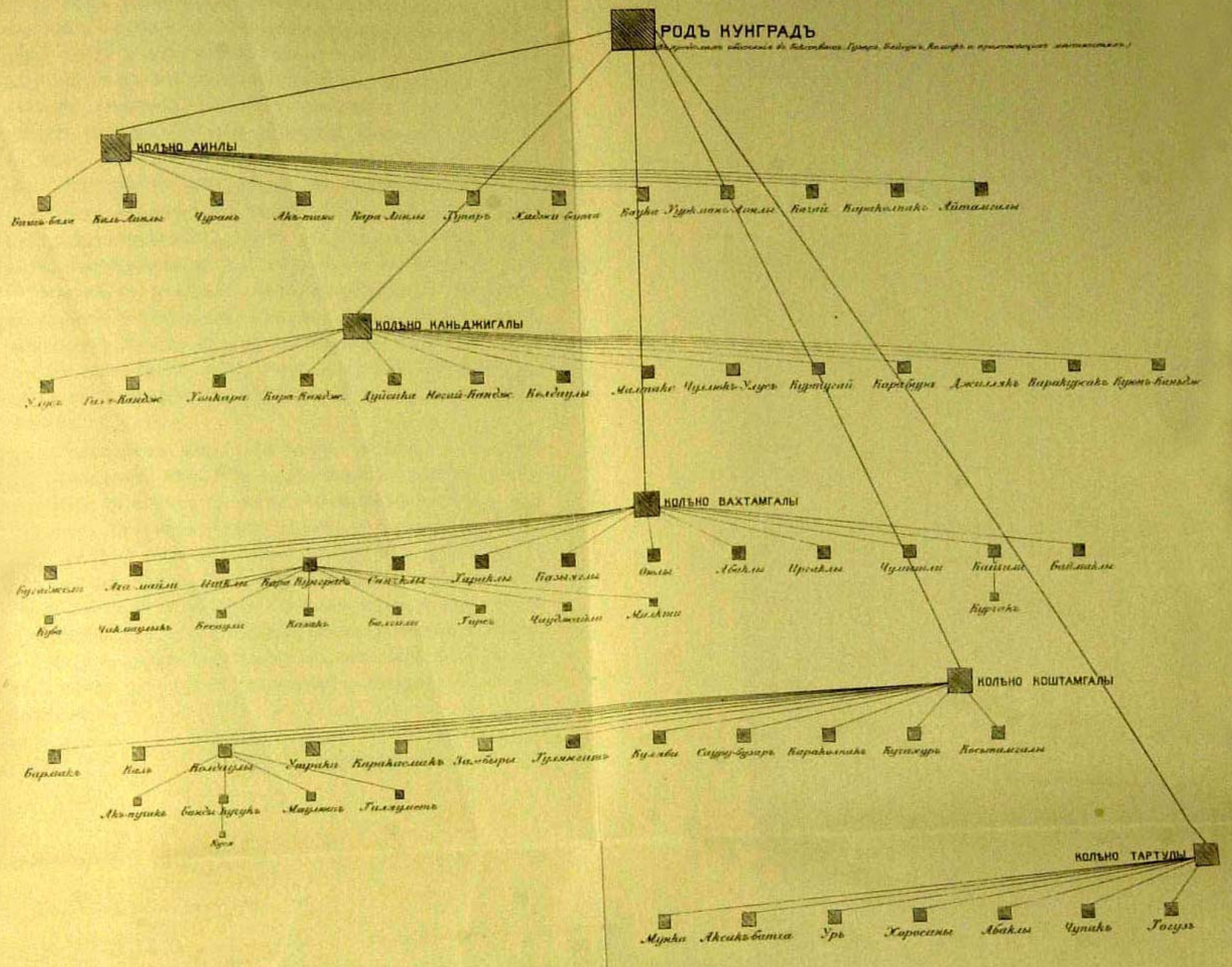
Подобно другимъ народамъ ихъ расы, узбеки усиленно охраняютъ свое родовое начало, не допуская смѣшенія при помощи браковъ не только съ иными, но и со своими родами*). Члены одного колѣна или рода называютъ себя не иначе, какъ братьями (атаинъ). Чтобы поддерживать связь между своими сородичами, узбеки не упускаютъ случая являться на сборища, устраиваемыя по случаю всякихъ семейныхъ торжествъ, какъ то: обрѣзаній, свадьбъ, поминокъ и т. п., ради которыхъ они не лѣнятся дѣлать огромные переѣзды верхомъ, употребляя не рѣдко на эти переѣзды цѣлые мѣсяцы.

Обозначить опредѣленно пространства, занятыя каждымъ родомъ узбековъ не представляется никакой возможности, потому что они такъ раскинулись, что отдѣленія отъ нихъ заняли мѣста не рѣдко за сотни верстъ другъ отъ друга. И только, какъ исключеніе, составляетъ часть рода Кунградъ, сосредоточившаяся на одномъ обширномъ пространствѣ, входящимъ въ составъ бекствъ: Гузарскаго, Байсунскаго, Ширъ-абадскаго и Керкинскаго Бухарскихъ владѣній.

Бухарскіе Кунграды по ихъ словамъ, выходцы изъ Хивы, гдѣ сосредоточена главная масса этого рода и гдѣ городъ Кунградъ получилъ, вѣроятно, свое названіе

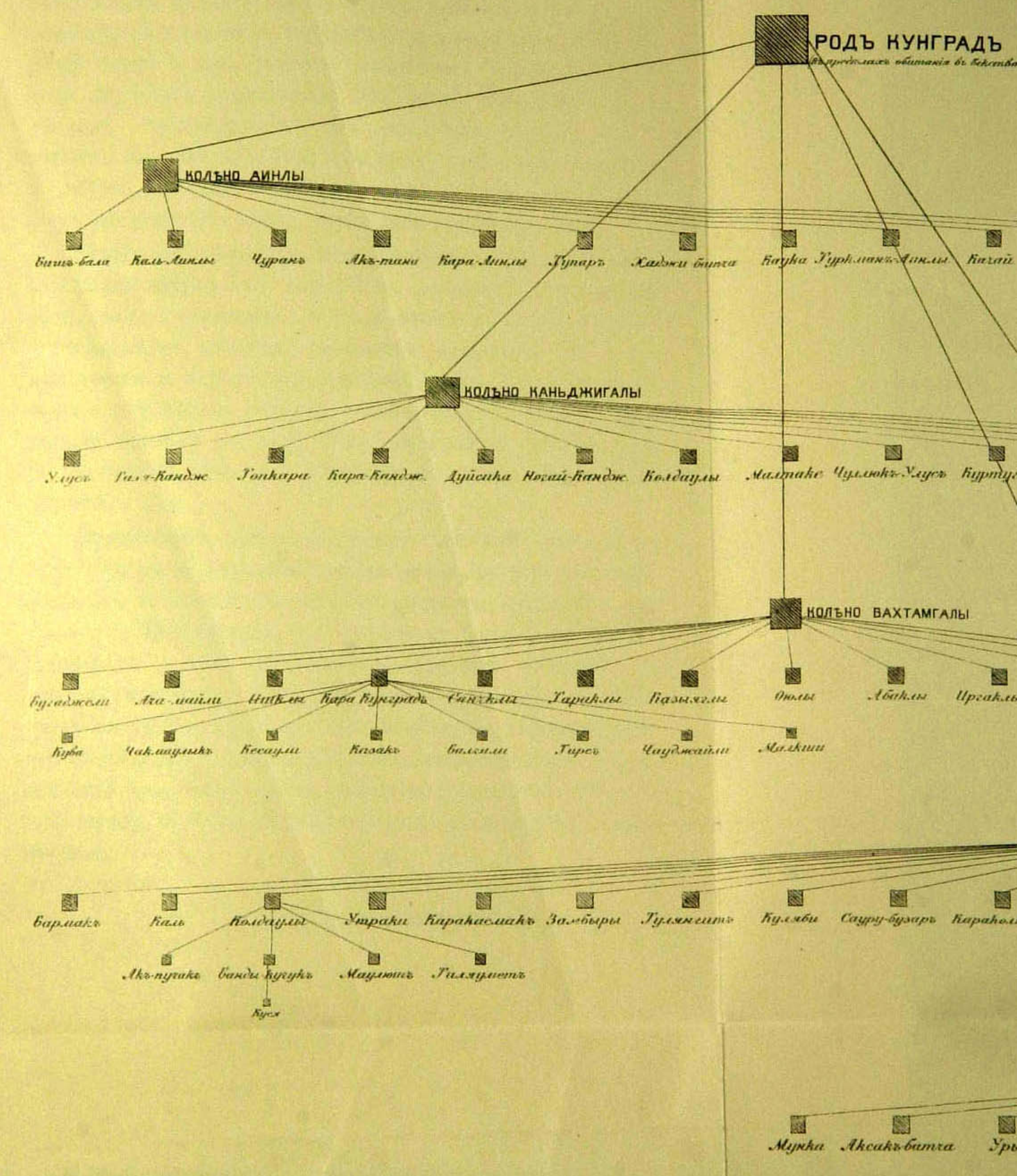
*) Прадѣдъ нынѣшняго Бухарскаго Эмира родомъ Узбекъ Мангытъ женился на дѣвицѣ, происходившей отъ потомковъ Магомета и потому принялъ титулъ „Сандъ"—но это рѣдкое исключеніе. Настоящіе потомки „Сандъ" и „Ходжа" до сихъ поръ протестуютъ противъ части титула „Сандъ", присвоенной насильственно эмирами.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПОЛУКОЧЕВАГО УЗБЕКСКАГО РОДА КУНГРАДЪ.



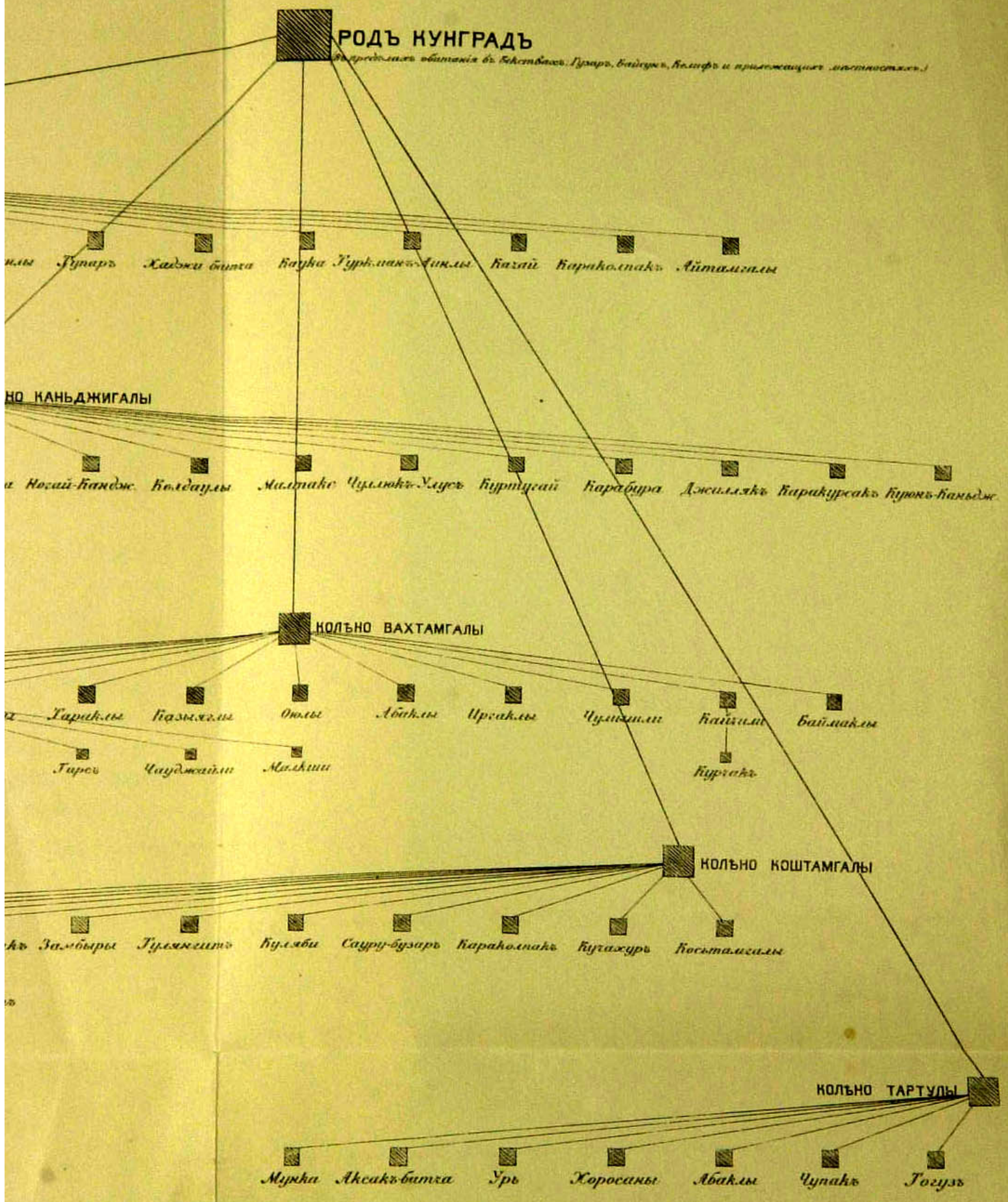
Свѣдѣнія о родахъ собраны въ 1900 г. на мѣстѣ Надежденскимъ Сотникомъ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ПОЛУКОЧЕВАГО УЗБЕКСКАГО



Свѣдѣнія о родахъ собраны въ 1900 г. на мѣстѣ Подполковникомъ Ситн

ТАБЛИЦА ПОЛУКОЧЕВАГО УЗБЕКСКАГО РОДА КУНГРАДЪ.



Свѣдѣнія о родахъ собраны въ 1900 г. на мѣстѣ Подполковникомъ Ситняковскимъ

по имени его жителей. Перекочевали они сюда лѣтъ четыреста назадъ и какъ позднѣйшіе пришельцы заняли самую плохую территорію ханства, состоящую въ большинствѣ изъ безводныхъ степей, способныхъ только къ пастбищамъ мелкаго скота; оттого хлѣбопашествомъ они занимаются очень мало. Всѣ заботы ихъ обращены на разведеніе овецъ и имъ удалось выработать прекрасную породу крупныхъ курдючныхъ барановъ, извѣстную подъ именемъ „Кунградъ-кой". Къ сожалѣнію и этотъ скотъ гибнетъ массами во время суровыхъ зимъ отъ недостатка корма, который не можетъ быть заготовляемъ за полнымъ отсутствіемъ пригодныхъ для покосовъ травъ.

Плохо обезпеченные земледѣліемъ и скотоводствомъ, кунградцы нашли себѣ занятіе въ добываніи соли въ горахъ, ими занимаемыхъ, и въ развозѣ ее на верблюдахъ и ишакахъ къ пунктамъ осѣдлаго населенія. Но дешевизна соли и низкія перевозочныя цѣны дѣлаютъ заработокъ ихъ весьма малымъ. Совокупность всѣхъ этихъ условій привели къ тому, что кунградцы явились едва ли не самымъ бѣднымъ народомъ во всемъ Бухарскомъ ханствѣ.

Прилагаемая генеалогическая таблица узбекскаго рода Кунградъ, вѣроятно не исчерпываетъ всѣ подраздѣленія его на колѣна въ вышеуказанныхъ мѣстахъ обитанія его. Несомнѣнно, что подобныя подраздѣленія существуютъ у того же рода и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ поселился. Нѣтъ основаній утверждать, что Кунградъ самый большой изъ 92 узбекскихъ родовъ и имѣетъ наибольшія подраздѣленія на мелкія колѣна. Собрать свѣдѣнія о колѣнахъ всѣхъ родовъ составило бы непосильный трудъ для одного лица: тутъ необходимы труды многихъ.

Н. Ситняковскій.

ОТЧЕТЪ

Г. Д. Романовскаго

объ осмотрѣ въ 1874 году нѣкоторыхъ каменноугольныхъ мѣсторожденій Сыръ-Дарьинской области съ предисловіемъ горнаго инженера Б. Королькова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1865 году, послѣ громаднаго напряженія нашихъ силъ, палъ Ташкентъ, и Россія твердой ногою стала въ дикомъ Туркестанѣ.

Къ чести завоевателей должно сказать, что наряду съ покореніемъ края шло интенсивное всестороннее изученіе нашей новой окраины; въ составѣ боевыхъ колоннъ двигались въ Туркестанъ люди науки, снаряжались ученыя экспедиціи и т. п. Утвердивъ за собою владычество въ нынѣшнихъ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ, высшая власть въ краѣ естественно обратила вниманіе на тѣ, по истинѣ, неисчерпаемыя богатства, которыя скрыты въ нѣдрахъ земли и эксплоатація которыхъ туземцами стояла на крайне низкой степени развитія.

Первый шагъ къ изученію края въ отношеніи богатства его полезными ископаемыми сдѣланъ былъ въ 1866 году Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ и Командовавшимъ войсками Оренбургскаго военнаго округа Генералъ-Адъютантомъ Крыжановскимъ, который въ сентябрѣ 1866 года образовалъ въ Ташкентѣ (Туркестанъ въ первые по завоеваніи годы входилъ въ составъ Оренбургскаго Генералъ-Губернаторства) подъ предсѣдательствомъ управляющаго своей походной канцеляріей Холо-

довскаго спеціальную коммиссію „для обсужденія вопросовъ относительно горной части въ Туркестанской области и Ташкентскомъ раіонѣ“, въ составъ которой былъ приглашенъ горный инженеръ подполковникъ Татариновъ, ранѣе изучавшій Тарбагатай и сѣверную часть Семирѣчья, впослѣдствіи чиновникъ особыхъ порученій по горной части при Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторѣ, одинъ изъ энергичныхъ піонеровъ горнаго дѣла въ Туркестанѣ по отзыву И. В. Мушкетова.

Не входя въ подробности исторіи изученія края въ геологическомъ отношеніи, превосходно очерченной покойнымъ И. В. Мушкетовымъ въ главахъ III—VIII перваго тома его „Туркестана“, мы замѣтимъ, что разцвѣтомъ изученія края въ отношеніи геологіи, мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ и горнаго дѣла вообще было время незабвеннаго устроителя Туркестана К. П. Кауфмана, живо интересовавшагося всестороннимъ изученіемъ края и не щадившаго для этого средствъ.

— Достаточно упомянуть, что въ его времена работала цѣлая плеяда спеціалистовъ горнаго дѣла и геологіи, состоявшихъ на службѣ въ краѣ и приглашенныхъ Константиномъ Петровичемъ для отдѣльныхъ работъ. Изъ числа ихъ упомянемъ: Татаринова, Мышенкова, Майера, Давыдова, Гилева, Мушкетова, Иванова, Романовскаго— этимъ краткимъ перечнемъ далеко не исчерпываются имена всѣхъ горныхъ инженеровъ и геологовъ, поработавшихъ въ тѣ времена въ краѣ.

Изслѣдованія Г. Д. Романовскаго, приглашеннаго спеціально для этой цѣли въ Туркестанъ К. П. Кауфманомъ, начались въ 1874 году въ ближайшемъ къ Ташкенту раіонѣ. Въ іюлѣ этого года, онъ вмѣстѣ съ И. В. Мушкетовымъ, осмотрѣлъ мѣстность между Ташкентомъ, Чимкентомъ, Турланскимъ проходомъ (въ горахъ Каратау), Татариновской каменноугольной копью и с. Ходжакентомъ.

Объ экскурсіи этой Г. Д. Романовскій донесъ старшему чиновнику особыхъ порученій по горной части при Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторѣ горному инженеру Гилеву 7 Августа 1874 года. Главнѣйшіе выводы изъ этой поѣздки Г. Д. напечаталъ въ запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества за 1875 г. полностью же указываемый отчетъ, насколько намъ извѣстно, не былъ до сего времени напечатанъ нигдѣ.

Не такъ давно, среди архивныхъ дѣлъ Туркестанскаго Горнаго Округа намъ случилось найти подлинныя переписки Г. Д. Романовскаго и И. В. Мушкетова, относящіяся ко времени ихъ пребыванія въ Туркестанскомъ краѣ (1874—1878 г.г.).

Въ виду той остроты, которую пріобрѣлъ въ настоящее время вопросъ относительно снабженія края минеральнымъ топливомъ въ силу недостатка и потому дороговизны дровъ, мы позволимъ помѣстить въ настоящемъ выпускѣ „Извѣстій" вышеуказанный отчетъ Г. Д. Романовскаго, представляющій несомнѣнный интересъ, какъ содержащій результаты осмотра нѣкоторыхъ каменноугольныхъ копей осмотрѣннаго почтеннымъ профессоромъ раіона; при этомъ мы опускаемъ неимѣющее никакого интереса оффиціальное вступленіе и начинаемъ прямо съ „перечня результатовъ геологическихъ соображеній" Г. Д. Романовскаго. При этомъ замѣтимъ, что изъ предначертаній профессора, относительно главнымъ образомъ развѣдки описываемыхъ имъ мѣсторожденій каменнаго угля, были выполнены (и то не вполнѣ) нѣкоторыя указанія по Татариновской копи, что же касается остальныхъ, то таковыя, насколько намъ извѣстно, *никогда не выполнялись*.

Б. Корольковъ.

Отчетъ Г. Д. Романовскаго.

Вотъ перечень означенныхъ результатовъ моихъ геологическихъ соображеній.

1) Осмотрѣнныя каменноугольныя мѣсторожденія, повидимому, не принадлежатъ къ каменноугольной почвѣ, но, вѣроятно, относятся къ почвѣ болѣе новой,—именно къ юрской, что мною разрѣшится окончательно по разбору органическихъ остатковъ.

2) Онѣ не представляютъ самостоятельныхъ и обширныхъ каменноугольныхъ образованій, но являются спорадически (мѣстно), располагаясь среди горныхъ небольшихъ котловинъ на каменноугольномъ известнякѣ съ Productus gigas и Sp. striatus, ниже котораго мѣстами обнажаются известняки девонскіе, порфиры и кристалическіе сланцы.

3) *Карамъ-кульская* каменноугольная копь г. Первушина*), лежащая въ 8 верстахъ отъ Ходжакента, не представляетъ благонадежности для разработки угля въ верхнихъ его горизонтахъ, по причинѣ разсыпчатаго свойства угля; при другихъ условіяхъ этотъ мощный, почти вертикально падающій, пластъ угля могъ бы оказаться болѣе плотнымъ на значительной глубинѣ, но онъ, вѣроятно, и здѣсь разстроенъ и прерванъ близкими выходами порфира. Скважина, (которая) будучи заложена около обнаженія, по простиранію и въ висячемъ боку пласта, можетъ окончательно рѣшить вопросъ о благонадежности этого угля.

4) *Кызылъ-Тальская***), нынѣ разрабатываемая каменноугольная копь г. Первушина, представится невыгодною для добычи угля съ увеличеніемъ разносныхъ работъ, когда придется дѣлать большіе сносы верхней пустой

*) Бывшая Мышенкова, нынѣ Государственнаго Банка (Прим. **Б. Королькова**).

) Повидимому, Угамская, бывшая Мышенкова, нынѣ Государственнаго Банка. (Прим. **Б. Королькова).

породы. Если это мѣсторожденіе благонадежно, то продолженіе угля должно открыться скважинами по окраинамъ долины рѣки Уйгама (Угамъ) именно на W, SO и SW не болѣе одной версты отъ копи, гдѣ сопровождавшему насъ уставщику (штейгеру) я совѣтывалъ произвести развѣдочное буреніе въ 4-хъ пунктахъ. Здѣсь можетъ открыться плотный уголь, но только ниже горизонта водъ Уйгама, которыя однако едва ли окажутъ большой притокъ, такъ какъ надъ углемъ залегаютъ жирныя сланцеватыя глины. Собственно уголь вообще разрушистъ и легко самовозгорается, но горючій сланецъ, его сопровождающій, представляетъ хорошій матеріалъ для топлива. Если означенными мною развѣдками откроется плотный уголь хотя около 7 футъ толщины, то, при желаніи и средствахъ владѣльца, эта копь легко можетъ развиться въ капитальную разработку угля съ закладкою выработъ (аннаго пространства?) пустой породою.

5) *Татариновская копь**), отличающаяся хорошимъ углемъ, къ сожалѣнію находится при самыхъ невыгодныхъ для разработки и перевозки условіяхъ: это повидимому небольшое, каменноугольное образованіе расположено на днѣ глубокой выемки, образовавшейся въ горномъ известнякѣ, что составляетъ теперь верховье ручья Актастыбулакъ. Стратиграфическое положеніе аркарлинскихъ каменноугольныхъ известняковъ, окружающихъ копь, несогласуется съ положеніемъ угольнаго образованія. Горы Аркарлы представляютъ большую антиклиническую складку, ось которой расположена отъ O къ W. Эта совокупность складокъ мощнаго известняка съ Pr. gigas и Pr. cora, противъ копи (къ N), обрѣзана (размыта) наискось къ антиклинальной оси, т. е. по направленію отъ NW къ SO, и къ первой части этого обрѣза, т.

*) Въ Чимкентскомъ уѣздѣ, сначала казенная, потомъ Агапѣева, нынѣ Монина (прим. Б. Королькова).

е. къ сѣверо-западной, прислонены каменноугольные слои, поэтому здѣсь и наблюдается паденіе известняковъ только къ сѣверу, что съ другой стороны, не обусловливаетъ предполагаемаго поднятія угольныхъ слоевъ со стороны сѣвернаго ихъ протяженія; слѣдовательно большая штольна уже *не можетъ* встрѣтить здѣсь угольныхъ пластовъ. Далѣе, но значительно къ востоку отъ копи, не доѣзжая вершины ручья Карасу-булакъ, означенный размывъ Аркарловъ кончается; поэтому здѣсь явилась полная антиклинальная складка съ паденіемъ слоевъ известняка на югъ и на сѣверъ. Затѣмъ, къ югу, между Аркарлами и рѣкою Бурульдаемъ и паралельно имъ наблюдается вторая антиклинальная складка горнаго известняка. Существующія выработки на копи я полагалъ бы *не возобновлять*, по неимѣнію положительныхъ данныхъ для встрѣчи ими новыхъ, годныхъ для добычи угля пластовъ, но принимая хорошее качество угля, изслѣдовать благонадежность этого мѣсторожденія по простиранію, заложивъ буровыя скважины: одну немного (200—300 саж.) сѣвернѣе сѣверо-западнаго угла границы казеннаго участка Татариновской копи, другую—въ срединѣ восточной оконечности этого же участка, примѣрно между верховьями ручьевъ Актасты-булакъ и Карасу-булакъ, саженъ 100—150 къ NO отъ родника, гдѣ, среди наноса, является угольная сажа. Для обѣихъ скважинъ въ означенныхъ пунктахъ слѣдуетъ выбрать возможно ровныя и низменныя площади и вести скважины до горнаго известняка, наибольшая глубина которыхъ, примѣрно можетъ составить: въ первомъ пунктѣ 50, а во второмъ до 30-и саженъ.

6) Долина рѣки *Кошъ-Караты*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, представляетъ совокупность геологическихъ образованій, аналогичныхъ съ актасты-булакскими, и здѣсь по правой сторонѣ рѣки, между холмами конгломерата

„Джете-Тюбе“ (Джеты-Тюбе) и лѣвымъ берегомъ рѣки *Учъ-Сунги*(?) на восточномъ склонѣ бугра, около дороги, мы встрѣтили слѣды угля. Противъ этого мѣста, именно на S, на равнинѣ между рѣкою Кошъ-Карата и дорогою, слѣдовало бы развѣдать мѣстность буреніемъ, а къ сѣверу, саженяхъ въ 50-и отъ угольнаго обнаженія ударить шурфъ.

7) Въ видахъ удобства доставки каменнаго угля къ большой дорогѣ, идущей между Чимкентомъ и Ташкентомъ, должно обратить особенное вниманіе на детальныя развѣдки мѣсторожденія угля по р. *Ленгеру**). Именно на первый разъ, я предлагаю провести двѣ скважины: саженяхъ въ 200 на SO и въ 300 на SW отъ того небольшаго бугра, который находится къ N отъ зимовки Ташъ-Тюбе по правую сторону долины сѣвернаго притока р. Ленгера и гдѣ подъ желтыми песчаниками обнажается каменный уголь. Весьма полезно также провести скважину до встрѣчи съ горнымъ известнякомъ въ долинѣ между упомянутымъ бугромъ и горою *Казы-Куртъ*, т. е. около деревни *Султанъ-Рабатъ*.

8) Мѣсторожденіе каменнаго угля на правомъ берегу р. *Большой Бугуни*, выше впаденія въ нее рѣки Алмалы-Чертерлика(?), судя по слѣдамъ старыхъ работъ и словамъ сопровождавшаго насъ горнаго уставщика Попрядухина, было развѣдано лишь вблизи обнаженія угля. Поэтому это мѣсторожденіе слѣдуетъ развѣдать по направленію простиранія, т. е. къ WNW саженяхъ въ 300 отъ обнаженія, выбравъ для этого долину плоскодоннаго оврага.

9) *Первушинское мѣсторожденіе***) каменнаго угля, расположенное на сѣверной сторонѣ Кара-Тау по *Изынды-булаку*, въ геологическомъ отношеніи весьма аналогично съ бугуньскимъ пріискомъ и было разрабатываемо.

*) Ленгеро-Ольгинская копь, разрабтываемая г. Савинковымъ (пр. **Б. Королькова**).
) Не разрабатывается (прим. **Б. Королькова).

По словамъ нарядчика г. Первушина, (который живетъ на свинцовомъ рудникѣ), уголь сначала достигалъ болѣе 2-хъ аршинъ, но затѣмъ собственно годнаго угля оказалось около 1-го аршина толщины. Это мѣсторожденіе можетъ точнѣе опредѣлиться развѣдочнымъ буреніемъ по паденію, т. е. на NNO отъ Каратаускихъ известняковъ, и по расширенію. Въ обоихъ случаяхъ скважины слѣдуетъ заложить на красныхъ плотныхъ рухлякахъ съ папоротниками и стеблями растеній.

10) Такъ какъ, по моему мнѣнію, геологическій горизонтъ осмотрѣнныхъ мною каменноугольныхъ образованій (каменный уголь, сѣрые сланцеватыя глины и сланцы, известняковые песчаники и конгломератъ) заключается *снизу* между горнымъ известнякомъ, содержащимъ кораллы и раковины Productus и Spirifer, и отчасти брекчіевиднаго сложенія, и *сверху*—между болѣе новыми, вообще красноватыми породами (мелкій кремневый конгломератъ; кирпично—и мяснокрасные, иногда зеленоватые, глинистые рухляки; желтые, коричневые и зеленовато-сѣрые тонкоплитные известковатые плотные песчаники съ папоротниками Pecopteris, Sphenopteris и каламитами), то для разрѣшенія вопроса о возможности нахожденія благонадежныхъ пластовъ каменнаго угля по близости къ гор. Чимкенту, слѣдовало бы заложить буреніе на востокъ, примѣрно въ верстѣ отъ станціи *Беклярь-Бекъ*, именно между нею и песчаниково-порфировою грядою юго-западнаго протяженія горы Казы-Куртъ, выбравъ для этого болѣе низменный пунктъ среди расположенныхъ здѣсь кремневыхъ конгломератовъ, песчаниковъ и рухляковъ. Скважину слѣдуетъ довести непремѣнно до горнаго известняка, что составитъ глубину, примѣрно, не болѣе 40—50 саженъ.

7 Августа 1874 г. Статскій Совѣтникъ
г. Ташкентъ. Генн. *Романовскій*.

МУСУЛЬМАНСКІЯ СУЕВѢРІЯ.

1.

Въ средѣ простого мусульманскаго народа весьма широко распространено повѣрье въ существованіе вредныхъ и злыхъ вѣдьмъ. Это--женщины, отличающіяся отъ простыхъ смертныхъ тѣмъ, что обладаютъ таинственно-чудесными силами, имѣя способность летать по воздуху, превратившись въ птицъ, и заражать людей и скотъ разными болѣзнями. Вещественными признаками вѣдьмъ, по народному мнѣнію, служатъ, будто-бы, едва замѣтные хвостики. Обыкновенно, въ преклонныхъ лѣтахъ, на закатѣ своей жизни, старыя, некрасивыя и безобразныя женщины за свои грѣхи становятся вѣдьмами, въ сердцахъ коихъ, будто-бы, живутъ нечистые и злые духи. И не только постороннія лица избѣгаютъ встрѣчи съ ними, но даже и родственники относятся къ нимъ съ явнымъ пренебреженіемъ, приписываютъ ихъ „дурному глазу" и вліянію всякое несчастье, случающееся въ селеніяхъ. Положеніе такихъ старухъ самое печальное и грустное: двери сосѣдей для нихъ закрыты навсегда, и всякое общественное веселье недоступно имъ, на томъ основаніи, что отъ присутствія ихъ испортится радостное настроеніе духа. Крестьяне называютъ ихъ: «купя гирянъ гарилляръ», что означаетъ въ переводѣ «женщинъ, влѣзающихъ въ кувшинъ», и стараются всѣми силами не впускать ихъ въ хлѣвы, конюшни и скотные дворы въ то время, когда въ нихъ находится скотъ, ибо отъ посѣщенія ихъ, будто бы, погибнетъ вся скотина. Словомъ, всякая зараза, болѣзнь приписывается вѣдьмамъ, повѣрье въ коихъ сильно развито особенно въ захолустныхъ талышинскихъ деревняхъ.

2.

Кромѣ вѣдьмъ, деревенскіе мусульмане вѣрятъ въ существованіе невидимыхъ бѣлыхъ съ длинными волосами и огромными сосцами женщинъ, называемыхъ по-татарски „али арвади", нѣчто въ родѣ „дріадъ". Онѣ живутъ въ лѣсахъ и глухихъ мѣстахъ, по близости рѣкъ и озеръ, нападаютъ ночью на прохожихъ, которыхъ бьютъ своими сосками, могутъ вырывать незамѣтнымъ образомъ сердца у родильницъ. Послѣднія могутъ умереть моментально, если „дріады" успѣютъ окунуть вырванныя сердца въ воду. Чтобы спасти родильницъ отъ ихъ покушеній во время родовъ, въ посудѣ при рожденіи младенца не держатъ воды, на порогѣ дверей оставляютъ на ночь желѣзные предметы, вселяющіе въ „али-арвади" большой страхъ. Прохожіе могутъ быть гарантированы отъ ихъ нападенія только тогда, когда они будутъ носить съ собою ножъ, кинжалъ, или иголку.

3.

Мусульмане называютъ невидимыхъ духовъ, вредящихъ людямъ, „джинами", которые, состоя изъ нѣсколькихъ категорій, исповѣдуютъ, будто-бы, одни магометанскую, другіе идолопоклонническую религіи.

Всѣ они боятся имени Аллаха и желѣзныхъ предметовъ—иголокъ и ножей, управляются своими царями или царицами, стараясь всѣми силами вредить собственно мусульманамъ, которыхъ они въ образѣ знакомыхъ приглашаютъ иногда на обѣдъ, ужинъ и свадьбу, обыкновенно въ лунную ночь. Угощеніе устраивается ими всегда въ глухихъ мѣстахъ около лѣса, кустарника и воды. Въ ихъ компаніи, во время пира, если приглашенный произнесетъ имя Аллаха или покажетъ желѣзную вещь, то онъ передъ собою, вмѣсто плова, увидитъ лошадиный пометъ и получитъ вдобавокъ нѣсколько пощечинъ, отъ коихъ человѣкъ можетъ сдѣлаться навсегда сумасшедшимъ. Для того, чтобы подчинить всѣхъ „джиновъ" своей волѣ, нѣкоторые легковѣрные сеиды или муллы, живя въ совершенно изолированной комнатѣ, читаютъ въ продолженіе сорока дней и ночей какую-то секретную молитву безпрерывно и безостановочно, совершая намазъ, строгій постъ и питаясь только однимъ финикомъ. Эта процедура, по словамъ испытавшихъ ее муллъ, сопряжена съ большими трудностями и препятствіями, вслѣдствіе чего многіе, нарушивъ установленныя правила, не достигаютъ желаемой цѣли. Способъ подчиненія „джиновъ" волѣ человѣческой посредствомъ молитвъ хранится въ строжайшей тайнѣ. По мнѣнію муллъ, человѣкъ, покоривши себѣ „джиновъ", можетъ быть всегда богатымъ и быстрѣе птицъ. «Джины» дѣлаются видимыми покорителю, находясь въ его полномъ распоряженіи и исполняя всѣ его требованія. Они, по мнѣнію мусульманъ, отличаются свойствомъ принимать различные образы: изъ самаго маленькаго предмета они могутъ превратиться въ самый огромный. О превращеніи «джиновъ» существуетъ масса сказочныхъ разсказовъ.

4.

Между злыми невидимыми духами самую главную роль играетъ дьяволъ, называемый по-арабски „шайтаномъ", который былъ нѣкогда старшимъ ангеломъ и жилъ въ раю, надзирая надъ прочими ангелами и молясь усердно Богу; но онъ былъ выгнанъ изъ рая Аллахомъ за то, что отказался наотрѣзъ поклониться праотцу Адаму, когда тотъ былъ вылѣпленъ изъ глины, сказавъ: «Я созданъ изъ огня, какъ изъ самаго чистаго вещества; а Адамъ сдѣланъ изъ грязи,—поэтому, для меня унизительно поклониться ему». За такую гордость, по словамъ мусульманъ, онъ былъ лишенъ своего званія и прогнанъ съ неба, почему и далъ себѣ обѣтъ всячески вредить людямъ. Вслѣдствіе этого, мусульмане глубоко вѣрятъ, что люди совершаютъ разныя преступленія подъ вліяніемъ «шайтана», который, будто-бы, подучаетъ и заставляетъ ихъ рѣшаться на воровство, убійство, обманъ. Словомъ, всякое злое проявленіе воли человѣка совершается съ участіемъ «шайтана», который преслѣдуетъ людей безъ различія званія, вѣроисповѣданія и національностей, оставляя въ покоѣ только однихъ мертвыхъ. Онъ будутъ жить на землѣ до „страшнаго суда", а затѣмъ умретъ, послѣ чего будутъ царить вездѣ

миръ и любовь къ ближнимъ. Кто желаетъ избавиться отъ дурного вліянія «шайтана», тотъ долженъ часто совершать молитву, намазъ и произносить имя Аллаха; а во время раздраженія и вспыльчивости нужно повторить сто разъ «астахфрулла» *).

5.

Мусульмане вполнѣ вѣрятъ, что мертвые послѣ своей смерти, въ видѣ невидимыхъ духовъ, посѣщаютъ свои дома съ тою цѣлью, чтобъ узнать: поминаютъ-ли ихъ чтеніемъ корана, пловомъ и алвою, или нѣтъ; а души мертвыхъ блуждаютъ надъ могилами въ видѣ «блуждающихъ огней», что можно видѣть въ темную ночь при тихой погодѣ. Дабы успокоить души мертвыхъ, во всѣхъ домахъ мусульманъ по четвергамъ вечеромъ читается любимая „сура"—„ясинъ" **).

6.

Если человѣкъ продолжительно болѣетъ лихорадкою, то про него говорятъ, что онъ заколдованъ душою одного изъ умершихъ родственниковъ за то, что не поминаетъ его ни пловомъ, ни алвою, ни чтеніемъ корана. Чтобы спастись отъ такого колдовства, больной прибѣгаетъ къ помощи „мѣряльщицы душъ", называемой по татарски „руh олчанъ". Эта мнимая «мѣряльщица душъ» получаетъ въ продолженіе трехъ дней сряду по вечерамъ отъ больного большой головной платокъ вмѣстѣ съ кусками хлѣба, соли, луку, чесноку, угля, сыру и рѣдьки. Развернувъ платокъ на порогѣ своихъ дверей, она кладетъ въ него локоть правой руки къ одному концу платка и схватываетъ вдоль него рукою въ три перехвата. Сдѣлавъ это, она произноситъ слѣдующія слова: „Измѣряю не собственною рукою, а рукою святой моей бабушки, которая, отличаясь благочестіемъ и святостью, излѣчивала больныхъ отгадываніемъ именъ умершихъ". Произнеся эту фразу, она завязываетъ по части отъ всѣхъ вышесказанныхъ предметовъ въ платокъ, поручаетъ принесшему узелъ отнести къ больному вновь завязанный узелокъ и, не говоря ему ни слова, ударить его по спинѣ три раза и затѣмъ положить этотъ узелокъ подъ голову больного. Но эти части, выдѣленныя для страдающаго, тайкомъ на другой день ночью выбрасываются на кладбище, а другія части хранятся у гадальщицы до тѣхъ поръ, пока не совершится обрядъ троекратно въ сказанномъ порядкѣ. По производствѣ этой процедуры, на четвертый день отгадывается имя покойника, душа котораго, будто-бы, заколдовала больного. По открытіи имени заколдовавшаго покойника, больной, заказавъ пловъ, лавашъ и халву, зоветъ къ къ себѣ муллу, который и читаетъ для забытаго покойника „ясинъ", послѣ чего, будто-бы, больной поправляется. Халва съ лавашемъ раздается бѣднымъ, а пловъ съѣдается «заколдованнымъ» больнымъ и приглашеннымъ муллою.

7.

Кромѣ этого лѣченія, существуютъ слѣдующіе способы, посред-

*) «Астахфрулла» на арабскомъ языкѣ значитъ—„прости, Господи, люди твоя".

**) „Ясинъ" есть излюбленный мусульманами стихъ корана, который всегда читается надъ покойникомъ и умирающимъ; а «сура»—отрывокъ изъ корана.

ствомъ которыхъ лѣчатся лихорадочные больные, не принимая внутрь никакихъ медикаментовъ: заболѣвшій лихорадкою, наполнивъ глиняный кувшинъ водою, отправляется на могилу убитаго, гдѣ онъ умываетъ себѣ ноги, руки и лицо, произнося пять разъ: „Дурную лихорадку свою тутъ оставляю, смывъ ее"; затѣмъ, разбивъ надъ могилою кувшинъ, возвращается обратно домой, не глядя назадъ. За неимѣніемъ могилы убитаго, больной лихорадкою, услышавъ ночью крикъ цапли, дѣлаетъ на хлопчатобумажной ниткѣ семь узловъ, сказавъ при каждомъ узлѣ на своемъ языкѣ: „Завязываю мою лихорадку, чтобъ она прекратилась навсегда, оставивъ меня въ покоѣ"; послѣ-же онъ, связавъ концы, надѣваетъ нитку на лѣвую руку, отчего лихорадка, будто-бы, проходитъ.

8.

Если женщина оказывается безплодной, она обращается къ муллѣ съ просьбою написать ей „талисманъ". Если послѣдній не поможетъ ей, то она, чтобы забеременѣть, воруетъ у какой-нибудь болѣе счастливой ея женщины дѣтское мѣсто и купается въ настоѣ его, предварительно продѣлавъ одну операцію на той крышѣ, подъ которою живетъ родильница... По исполненіи всего этого, будто-бы, бездѣтная женщина начинаетъ родить.

9.

Родильница, по освобожденіи отъ родовъ, въ продолженіе сорока дней не выходитъ изъ комнаты никуда; къ ней не пускаютъ постороннихъ и даже родственниковъ, при входѣ коихъ, если только это случается по необходимости, обязательно выносятъ младенца изъ комнаты, дабы не сглазили его. На сороковой день родильница принимаетъ «гусль», т.-е. купается въ водѣ, для чего она садится въ громадное корыто, держа надъ своею головою младенца, а бабка въ это время выливаетъ на головы ихъ сорокъ чашекъ теплой воды, читая при этомъ какую-нибудь молитву. По совершеніи этой процедуры, она можетъ смѣло выходить изъ комнаты и показываться постороннимъ женщинамъ въ полной надеждѣ, что ни она, ни ея ребенокъ не заболѣютъ отъ дурныхъ вліяній и глазъ, могущихъ повредить имъ.

10.

Ребенка при рожденіи обмываютъ соленою водою, которая, будто-бы, укрѣпляетъ организмъ дитяти, предохраняя его отъ разной порчи; а когда младенца купаютъ въ простой водѣ, то кладутъ туда иглу или ножъ, чтобы нечистые духи не могли приблизиться къ нему, такъ какъ они боятся этихъ предметовъ; чтобъ оберечь ребенка отъ «дурного глаза», ему вѣшаютъ на шею «дуву» и вдобавокъ пришиваютъ къ его шапочкѣ синія четки съ маленькими морскими ракушками, которыя, будто-бы, отклоняютъ дурное вліяніе злыхъ людей. Если-же кто-нибудь „сглазитъ" дитя, то отрѣзываютъ кусокъ отъ платья „сглазившаго", окуриваютъ его дымомъ отрѣзаннаго куска, затѣмъ, обведя горсть соли три раза вокругъ ребенка, бросаютъ ее въ огонь, говоря: «Пускай трещатъ дурные глаза сглазившаго человѣка, подобно соли въ

огнѣ». Чтобъ онъ не хворалъ и не болѣлъ разными недугами, пеленки для него приготовляются всегда изъ стараго платья матери, а не отца. Если онъ заболѣетъ головною болью, то перевязываютъ ему голову синими платками, отъ которыхъ, будто-бы, проходитъ эта болѣзнь. При появленіи у ребенка „молочницы" (Aphtae), проносятъ его подъ коровою въ продолженіе трехъ дней по утрамъ, полуднямъ и вечеромъ. Отнюдь не пускаютъ ребенка смотрѣть въ зеркало, такъ какъ отъ этого онъ не будетъ спать ночью спокойно; удаляютъ также отъ его глазъ сито и рѣшето, чтобъ онъ не надѣлъ ихъ на свою голову, отчего ребенокъ, будто-бы, можетъ сдѣлаться карликомъ.

11.

Существуетъ такое повѣрье у мусульманъ, что при родахъ вообще невидимые злые духи вредятъ родильницѣ. Для спасенія ея, обвиваютъ постель родильницы черною волосяною веревкою, называемою по-татарски „сичимомъ", а подъ подушки кладутъ молитвенникъ и кинжалъ, производящіе на злыхъ духовъ паническій ужасъ. Дабы злые духи не подмѣнили родившагося ребенка, его взвѣшиваютъ три раза на вѣсахъ, при чемъ вмѣсто обыкновенныхъ гирь употребляется мясо и кость съ тою цѣлью, чтобы ребенокъ былъ мускулистъ и крѣпокъ. Бабка отрѣзываетъ пупокъ у ребенка при рожденіи на рукахъ матери, для того, чтобъ она раждала сыновей, а не дочерей. Если у родильницы не остаются дѣти въ живыхъ, то бабка беретъ тряпки для пеленокъ ребенка у тѣхъ матерей, у которыхъ дѣти не болѣютъ и не умираютъ. У ребенка обрѣзываютъ ногти ножницами, а не ножемъ; въ противномъ-же случаѣ онъ сдѣлается воромъ. Обрѣзанные ногти зарываютъ въ землю, а не бросаютъ ихъ, ибо на томъ свѣтѣ, будто-бы, придется отыскивать ихъ по одиночкѣ. Считается большимъ грѣхомъ сажать ребенка къ вѣтру задомъ противъ солнца и луны, на томъ основаніи, что онѣ освѣщаютъ и нагрѣваютъ землю, давая намъ теплоту и свѣтъ. Не позволяютъ дѣтямъ роптать на непогоду и бить палкою землю: осуждать непогоду значитъ прогнѣвить Аллаха, ибо отъ него происходитъ все; земля-же, по милости Бога, кормитъ всякую тварь.

12.

Собака, обладая особеннымъ инстинктомъ и чутьемъ, по мнѣнію мусульманъ, раньше другихъ животныхъ можетъ предугадать грядущее несчастье въ домѣ, предчувствуя которое она всегда начинаетъ выть, предупреждая, будто-бы, этимъ о приближеніи смерти одного изъ членовъ семьи, которые, чтобы предотвратить бѣду, созываютъ голодныхъ нищихъ и бѣдныхъ сиротъ и раздаютъ имъ милостыню, насыщая ихъ вдоволь.

13.

Если въ дурную, дождливую погоду завоетъ ночью шакалъ, то значитъ дождь прекратится, и погода разведрится.

14.

Если кошка лижетъ себя, то этимъ она даетъ знать хозяевамъ, что

къ нимъ прибудутъ гости.

15.

Издаваемый ночью на крышѣ дома совою или филиномъ крикъ предвѣщаетъ, будто бы, смерть одного изъ членовъ семьи. По словамъ правовѣрныхъ, если даже чучело, сдѣланное изъ этихъ птицъ, находится въ домѣ, то оно непремѣнно принесетъ домохозяевамъ какое-нибудь несчастье.

16.

Если ворона каркаетъ, сидя на заборѣ или на крышѣ дома, обратившись лицомъ къ крыльцу,—она тоже знаменуетъ несчастье, вслѣдствіе чего мусульмане, чтобъ она перестала каркать, бросаютъ ей чуреки или мясо, желая спастись отъ приближающейся бѣды.

17.

Сорока считается мусульманами дорою вѣстницею. Когда она кричитъ, сидя на заборѣ или на крышѣ,—она передаетъ, будто бы, привѣтъ домохозяевамъ отъ ихъ родственниковъ, живущихъ вдали; а потому мусульмане, увидѣвъ прокричавшую сороку, обращаются къ ней съ ласковыми словами: „Милая сорока, накормимъ тебя до-сыта, только приноси намъ радостныя и пріятныя вѣсти". Послѣ этого бросаютъ ей кусокъ мяса или хлѣба.

18.

Аистъ, ласточка и розовый скворецъ являются священными птицами для мусульманъ, считающихъ большимъ и непростительнымъ грѣхомъ убивать ихъ. По мнѣнію мусульманъ, счастливы тѣ дома, въ коихъ гнѣздятся эти птицы. Если кто-нибудь убьетъ одну изъ этихъ птицъ, того постигнетъ божья кара. Ласточка поетъ, будто-бы, слѣдующій стихъ изъ корана: „Гуль-гуваллахунъ агадъ", что означаетъ на арабскомъ языкѣ: „Говори, что единъ Богъ". Мусульмане никогда не разоряютъ птичьихъ гнѣздъ вообще, боясь навлечь на свой домъ несчастье.

19.

Мусульмане ночью никогда не подметаютъ комнатъ; если-же это случится, то соръ оставляютъ въ углу комнаты до утра, а ночью не выбрасываютъ на дворъ, ибо они глубоко вѣрятъ, что если выкинутъ соръ ночью, то вмѣстѣ съ нимъ уйдетъ счастье и добро.

20.

Старымъ вѣникомъ если ударить человѣка, то онъ можетъ заболѣть отъ этого сухоткою; а чтобы вылѣчиться отъ нея, нужно выдернуть одинъ прутъ изъ вѣника, сломать и бросить его на землю, плюнувъ на него.

21.

Въ комнатѣ нельзя свистѣть, такъ-какъ свистъ доставляетъ потѣху бѣсамъ и приноситъ бѣдность хозяевамъ.

22.

Рубить что-либо на порогѣ комнаты воспрещается, такъ какъ отъ этого могутъ заболѣть хозяева.

Теймуръ-бекъ Байрамъ Алибековъ.

Наши ближайшія задачи на Дальнемъ Востокѣ *).

Обширность темы не позволяетъ мнѣ развить равномѣрно всѣ части настоящаго очерка, основныя положенія котораго представляютъ лишь общую схему того, что намъ необходимо, по моему крайнему разумѣнію, осуществить, въ ближайшемъ будущемъ, на нашей дальне-восточной окраинѣ для обезпеченія ея безопасности, прочнаго прикрѣпленія къ Россіи и для ея процвѣтанія въ будущемъ. Многихъ частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ общимъ заданіемъ, мнѣ придется коснуться здѣсь поневолѣ лишь вскользь мимоходомъ, что, конечно, не должно умалять ихъ важности и значенія. Вопросомъ этимъ посвящаются и должны быть посвящаемы спеціальные статьи и доклады. Мое же настоящее сообщеніе можетъ служить лишь общимъ къ нимъ введеніемъ.

Въ отвѣтъ на недавно слышанный нами горячій, прочувствованный призывъ одного изъ мѣстныхъ дѣятелей и старожиловъ на Дальнемъ Востокѣ, И. Р. Баженова, обратить наши взоры на нашу запущенную дальнюю окраину и озаботиться, не теряя драгоцѣннаго времени, ея участью—мнѣ отрадно отмѣтить, что русское общество далеко не такъ безучастно къ судьбамъ этой окраины, какъ это могло казаться еще очень недавно. Нѣсколько состоявшихся въ послѣднее время докладовъ **) и длинный рядъ статей въ нашей періодической печати (главнымъ образомъ столичной) а также (и въ спеціальныхъ сборникахъ) статей, принадлежащихъ въ большинствѣ случаевъ лицамъ съ трезвыми патріотическими взглядами, достаточно доказываетъ это.

Правда, еще два года тому назадъ послѣ тягостныхъ впечатлѣній войны и всего съ нею связаннаго, среди угара революціонной смуты, здоровое національное чувство въ цѣлыхъ слояхъ нашего общества было настолько подавлено, что самые жизненные наши интересы въ Азіи отходили на задній планъ, а многими у насъ и вовсе не признавались. Я, какъ, вѣроятно, и многіе единомышленники, имѣлъ случай это особенно глубоко почувствовать, когда выступалъ въ печати по вопросамъ о Дальнемъ Востокѣ 2 года тому назадъ и убѣждался, что къ голосу тѣхъ, кто не переставалъ ни на минуту признавать первостепеннаго значенія для Россіи ея восточныхъ окраинъ, почти никто не прислушивается.

Но это время, къ счастью, миновало, и туманъ, скрывавшій отъ насъ далекое побережье Тихаго океана и связанные съ нимъ жгучіе вопросы,—туманъ, застилавшій передъ нами все наше будущее въ Азіи, нынѣ рѣшительно разсѣивается и позволяетъ намъ проницательно и дальновидно взглянуть на Востокъ,—туда, гдѣ Россіи ея географіей и исторіей поставлены наиболѣе важныя задачи, гдѣ ей открыто обширное поле для широкой и блестящей будущности.

Излагая свои, постепенно, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сложившіеся общіе взгляды на наши задачи на Дальнемъ Востокѣ, я желалъ бы, чтобы они воз-

*) Докладъ, прочитанный въ клубѣ общественныхъ дѣятелей 22 марта 1908 г.

Хотя *ред.* совершенно не раздѣляетъ нѣкоторыхъ основоположеній А. П. Семенова Тян-Шанскаго, но для вполнѣ объективнаго ознакомленія съ вопросомъ о колонизаціи Амурской обл., считаетъ своевременнымъ ознакомить съ ними читателей. Фактически неточное въ этомъ докладѣ и принципіально невѣрное освѣщеніе вопроса о Маньчжуріи и В.-Кит. ж. дор. нами будетъ отмѣчено при помѣщеніи всего характернаго доклада.

**) Полк. Одинцова, полк. Болховитинова, ген. Буйницкаго, ген. Беклемишева, инж. Табурно и др.

будили живой обмѣнъ мнѣній и вызвали скорѣйшее, возможно категоричное и раціональное разрѣшеніе волнующаго теперь русское общество вопроса. Со стороны правительства мы вправѣ ожидать отнынѣ твердыхъ и планомѣрныхъ шаговъ, направленныхъ къ упроченію нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ и къ устраненію всякой возможности тѣхъ несчастныхъ случайностей, которыя недостаточно предусматриваются при слишкомъ оптимистичномъ взглядѣ на наше настоящее международное положеніе. Изреченіе: „si vis pacem, para bellum" болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо примѣнимо теперь на Дальнемъ Востокѣ.

Дальневосточный вопросъ мнѣ представляется настолько важнымъ и острымъ, что было бы, мнѣ кажется, вполнѣ цѣлесообразнымъ образовать въ Г. Думѣ особую постоянную комиссію по вопросамъ Дальняго Востока, которая должна была бы работать въ связи съ комиссіями по государственной оборонѣ, переселенческой и бюджетной.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ по Айгунскому договору съ Китаемъ, окончательно оформленному блестящимъ Пекинскимъ трактатомъ 1860 г., Россія пріобрѣла Уссурійскій край съ нижнимъ Пріамурьемъ и твердой ногой стала на побережьѣ Японскаго моря, достигнувъ нынѣшнихъ своихъ государственныхъ границъ на Дальнемъ Востокѣ. Результатъ этотъ былъ достигнутъ не случайно: онъ явился логическимъ слѣдствіемъ болѣе чѣмъ двухвѣкового стремленія русскихъ людей къ Тихому океану и поисковъ подходящихъ мѣстъ для осѣдлаго тамъ существованія и удобныхъ портовъ на его побережьѣ.

Для колонизаціи и закрѣпленія за собою этой новой окраины Россіей въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ (до начала постройки Сибирской желѣзнодорожной магистрали) было сдѣлано очень мало. До тѣхъ поръ, пока не нарушались на Дальнемъ Востокѣ вѣковой покой и равновѣсіе положеній трехъ сосѣднихъ государствъ: Китая, Кореи и Японіи, Россія могла мириться со своею слабостью на далекой восточной окраинѣ при отсутствіи сообщеній и могла выжидать,--тѣмъ болѣе что Дальній Востокъ не представлялъ для нея такихъ экономическихъ интересовъ, какіе имѣли тамъ другія великія державы.

Но когда Японія стремительно вышла изъ своей многовѣковой замкнутости и отчужденности на международную арену борьбы и, побѣдивъ Китай, выговорила отъ него по Симоносекскому договору (5 апрѣля 1895 г.), между прочимъ, уступку Ляодунскаго полуострова съ Портъ-Артуромъ и признаніе независимости Кореи,—мы были вынуждены, еще чуждые какихъ-либо агрессивныхъ стремленій, вмѣшаться въ дѣла нашихъ восточныхъ сосѣдей. Къ этому насъ естественно побуждали въ то время одни соображенія государственной обороны.

Какой интересъ, въ самомъ дѣлѣ, могла имѣть Японія въ пріобрѣтеніи Портъ-Артура? Какъ лишній портъ, къ тому же тѣсный и мелководный, эта морская крѣпость была для Японіи несущественна. Нѣтъ сомнѣнія, что Портъ-Артуръ оцѣнивался Японіею, какъ стратегическая позиція. Въ этомъ отношеніи огромное его значеніе безспорно, особенно, если разсматривать Портъ-Артуръ не какъ позицію саму по себѣ, а именно въ связи съ Кореей. Находясь во власти Японіи, Портъ-Артуръ составлялъ бы спорный пунктъ при наступленіи японской арміи со стороны Кореи и южной Маньчжуріи противъ Россіи или Китая, а при оборонѣ Кореи отвле-

калъ бы на себя значительную часть наступающей, т. е. русской или китайской, арміи. Кромѣ того, владѣніе Портъ-Артуромъ при независимой, въ японскомъ смыслѣ, Кореѣ, чрезвычайно облегчало бы наступающей японской арміи использованіе богатыхъ продовольственныхъ средствъ южной Маньчжуріи и ея удобныхъ путей сообщенія. Корея,— о независимости которой отъ Китая Японія такъ заботилась не только въ 1895 году, но и впослѣдствіи,—охваченная съ двухъ сторонъ японскими владѣніями и будучи государствомъ слабымъ, совершенно неспособнымъ къ самостоятельной международной жизни, неизбѣжно подпала бы подъ фактическую власть Японіи. Ставъ же твердою ногой въ Портъ-Артурѣ и въ Кореѣ, Японія заняла бы явно угрожающее положеніе по отношенію къ Россіи, въ то время столь еще слабой на Востокѣ Азіи.

Въ это время во главѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ находился князь Лобановъ - Ростовскій. Онъ понялъ опасность для насъ отъ занятія Японіей Портъ-Артура, который, при слабости Кореи, является ключемъ къ ея завладѣнію. Кн. Лобановъ взялъ на себя починъ въ протестѣ противъ невыгодныхъ для насъ постановленій Симоносекскаго договора, для чего привлекъ къ совмѣстному съ нами дипломатическому давленію Францію и Германію. Общими усиліями удалось принудить Японію отказаться отъ Ляодунскаго полуострова и Портъ-Артура. Это первое дипломатическое столкновеніе Россіи съ Японіею нанесло патріотическому самолюбію послѣдней глубокое оскорбленіе, а для насъ вызвало необходимость или согласовать политику обѣихъ имперій на Дальнемъ Востокѣ на почвѣ союза, или готовиться къ вооруженной борьбѣ. Кн. Лобановъ, повидимому, предвидѣлъ неизбѣжную борьбу и для того желалъ привлечь на сторону Россіи Китай и Корею, а изъ европейскихъ державъ—Германію и Францію. Англія осталась внѣ этой комбинаціи, чѣмъ и воспользовалась позже Японія.

Сибирская жел. дорога, начатая постройкой еще въ 1891 г. исключительно для оживленія Сибири и развитія ея производительныхъ силъ, пріобрѣтала военное значеніе, содѣйствуя усиленію нашего положенія на берегахъ Тихаго океана.

Во время хода работъ возникъ вопросъ: вести-ли жел. дорогу по лѣвому, русскому берегу Амура или по правому, китайскому? Первое рѣшеніе было бы и въ культурномъ, и въ военномъ отношеніяхъ для насъ безспорно выгоднѣе: проходя по коренной русской территоріи, желѣзная дорога могла содѣйствовать успѣшному переселенческому движенію, оживляя край и увеличивая, въ то же время, силу нашего въ немъ сопротивленія; кромѣ того, она менѣе подвергалась бы опасности отъ удара непріятельской арміи, наступающей со стороны Маньчжуріи съ юга.

Еще въ началѣ 1890-хъ годовъ, нашимъ министромъ финансовъ предусматривалось проведеніе восточнаго участка Сибирской желѣзнодорожной магистрали по русской территоріи, т. е. по лѣвому берегу Амура, какъ это можно видѣть, между прочимъ, по спѣшно выполненному по порученію министра финансовъ и изданному въ 1894 году подробному „Описанію Амурской области“.

Къ великому сожалѣнію и большому несчастью Россіи всѣ преимущества проведенія ж. дороги по лѣвому берегу Амура не были тогда достаточно взвѣшены и оцѣнены, и получилъ перевѣсъ соблазнъ спрямить путь и удешевить его соору-

женіе, толчекъ къ чему дали и нѣкоторыя техническія трудности, встрѣченныя для проведенія желѣзной дороги непосредственно по лѣвому берегу Амура. При этомъ были совершенно упущены изъ вида многосложныя и опасныя политическія послѣдствія исторгнутаго нами у Китая, въ весьма невыгодное для него время, соглашенія для проведенія части нашего желѣзнаго пути по принадлежащей ему территоріи.

Состоявшееся такимъ образомъ еще въ 1895 г., по иниціативѣ нашего министра финансовъ, рѣшеніе спрямить сибирскую магистраль проведеніемъ 1,400 верстъ пути черезъ сѣверную Маньчжурію было несомнѣнно крупнымъ политическимъ шагомъ, предопредѣлившимъ, путемъ неизбѣжныхъ сцѣпленій, цѣлый рядъ событій первостепенной важности. Создались новыя, сложныя отношенія къ Китаю и косвенно—къ Японіи и ко всѣмъ великимъ державамъ, имѣющимъ на Дальнемъ Востокѣ разнородные и взаимно сталкивающіеся интересы. Всѣ дальнѣйшія компликаціи можно разсматривать уже какъ слѣдствія избраннаго направленія восточнаго участка нашей Сибирской жел.-дорожной магистрали по чужой территоріи.

Изъ вполнѣ понятнаго опасенія, что Японія въ самомъ началѣ уже тогда замышлявшейся ею войны противъ насъ легко вторично овладѣетъ Портъ-Артуромъ въ то время, какъ у насъ не закончена еще Сибирская жел. дорога, мы были вынуждены, въ видахъ самозащиты, въ началѣ 1898 года, пользуясь перевѣсомъ нашего флота надъ японскимъ, занять Артуръ и, утвердившись въ южной части Ляодунскаго полуострова, связать его рельсовымъ путемъ съ маньчжурскимъ участкомъ нашей жел.-дорожной магистрали. Занятіе Портъ-Артура, при наличныхъ въ то время условіяхъ, давало намъ несомнѣнно двоякую выгоду: 1) осада его, въ случаѣ войны, отвлекала большую непріятельскую армію и, слѣдовательно, ослабляла силу нашего противника въ полевой войнѣ и 2) у насъ появлялся еще одинъ, и притомъ незамерзающій, портъ на Тихоокеанскомъ побережьѣ, особенно важный для насъ при возраставшихъ силахъ нашего флота.

Вынужденное такимъ образомъ обстоятельствами, при разъ уже принятомъ у насъ курсѣ политики и при извѣстномъ воздѣйствіи Германіи, занятіе нами, на арендномъ основаніи, Портъ - Артура нанесло второй, еще болѣе тяжелый ударъ національному самолюбію японцевъ, который не могли смягчить уже никакія уступки наши на территоріи Кореи, гдѣ мы съ 1898 г. постепенно отказались отъ всякой активной роли, предоставляя ее всецѣло Японіи. Въ результатѣ явился, въ 1902 году, непредусмотрѣнный и неоцѣненный своевременно нашей дипломатіей союзъ Японіи съ Англіей, совершенно изолировавшій насъ въ военномъ отношеніи на Дальнемъ Востокѣ и дававшій Японіи, въ случаѣ войны съ нами, громадныя преимущества. Занятіе нами Портъ-Артура, въ связи съ прочими предпріятіями нашими въ Маньчжуріи и съ агрессивными дѣйствіями другихъ державъ (главнымъ образомъ Германіи и Англіи), вызвало, съ другой стороны, и въ неизмѣнно, хотя и медленно реагирующемъ на событія Китаѣ, переполнивъ чашу его долготерпѣнія, такъ - называемое боксерское возстаніе 1900 года, а легко достигнутые нами военные успѣхи во время послѣдняго содѣйствовали поддержанію въ насъ ложнаго, преувеличеннаго понятія о совершенствѣ нашей военной подготовки и о нашихъ силахъ.

Начиная съ 1901 г. нашъ военный министръ настаивалъ на необходимо-

сти присоединенія къ Россіи всей Сѣверной Маньчжуріи, противъ чего былъ въ то время министръ финансовъ. Если бы мы были въ то время вполнѣ готовы къ войнѣ съ Японіей, мы могли бы, дѣйствительно, пользуясь нашими легкими побѣдами въ 1900 г. надъ Китаемъ, получить съ него, вмѣсто контрибуціи, сѣверную часть Маньчжуріи до полосы, занятой нашей жел. дорогой, включительно. Но къ серьезной войнѣ мы не только тогда, но и въ послѣдующіе годы, были далеко не готовы.

Въ началѣ 1903 г. военный министръ, разсчитывая во что можетъ обойдтись намъ война съ Японіей, исчислялъ ея стоимость въ 700—800 милл. руб. при потерѣ отъ 30 до 35,000 чел. убитыми и ранеными *) и считалъ достаточной для этой войны 300-тысячную армію, причемъ выражалъ мнѣніе, что „выйдемъ мы изъ войны несомнѣнно побѣдителями". Послѣ личнаго посѣщенія, за нѣсколько мѣсяцевъ до войны, Дальняго Востока и Японіи военный министръ писалъ:

„Укрѣпленія Портъ-Артура приходятъ къ концу и сдѣлаютъ его, при достаточномъ гарнизонѣ и запасахъ, неприступнымъ съ моря и съ суши. Гарнизонъ въ Квантунѣ усиленъ въ значительной степени. Запасы доведены до годовой пропорціи. Нынѣ можно не тревожиться, если даже бо́льшая часть, напр., японской арміи, обрушится на Портъ-Артуръ. Мы имѣемъ силы и средства отстоять Портъ-Артуръ, даже борясь одинъ противъ 5—10 враговъ. Ко всему этому надо прибавить, что успѣхъ работъ для образованія внутренняго порта полный, и часть флота можетъ найдти безопасное и надежное закрытіе во внутреннемъ портѣ. Дальнѣйшія работы дадутъ возможность найдти безопасное убѣжище всей нашей Тихоокеанской эскадрѣ. Уже и нынѣ эта эскадра мѣритъ свои силы со всѣми флотами Японіи, съ надеждою на полный успѣхъ". И далѣе: „Два года тому назадъ, даже годъ тому назадъ мы могли тревожиться оторванностью Портъ-Артура и Приамурья. Теперь же можно и не тревожиться".

Это настроеніе раздѣлялъ, повидимому, въ значительной мѣрѣ, полагаясь, главнымъ образомъ, на силу нашего флота, и намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ.

Въ отвѣтъ на серьезныя предупрежденія объ опасности вслѣдствіе нашей слабости и боевой неготовности на Дальнемъ Востокѣ со стороны нашего бывшаго военнаго агента въ Китаѣ, министръ финансовъ еще весною 1903 г. находилъ, исходя изъ соображенія о безденежьи въ Японіи, что „положеніе на Дальнемъ Востокѣ не такъ опасно, какъ это представлено въ запискѣ" названнаго лица.

Мы знаемъ, насколько правильны были всѣ эти разсчеты и соображенія.

Уже приведенныхъ историческихъ справокъ вполнѣ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы показать, что причины русско-японской войны лежатъ глубже, чѣмъ это принято обыкновенно думать. Ни такъ много нашумѣвшія у насъ лѣсныя концессіи въ сѣв. Кореѣ на рр. Ялу и Тумени, ни вынужденное нашимъ шаткимъ положеніемъ въ Маньчжуріи замедленіе въ выводѣ нашихъ войскъ оттуда въ 1903 г. не могутъ быть разсматриваемы, какъ истинныя причины войны. На нихъ можно смотрѣть только какъ на болѣе или менѣе слабыя и тщетныя попытки предотвратить ее, когда это было уже поздно. При взятомъ нами, начиная съ 1895 г.,

*) Потери наши уже въ одномъ сраженіи при Шахе доходили, какъ извѣстно, до 40,000 чел., а въ сраженіи при Мукденѣ были еще значительнѣе.

курсѣ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ, *война съ Японіей была неизбѣжна*, и надо было къ ней самымъ энергичнымъ и серьезнымъ образомъ готовиться какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, заранѣе изучая будущій театръ военныхъ дѣйствій и будущаго врага, а прежде всего, конечно,—его военныя силы и средства. Своевременной подготовкой къ войнѣ, при обезпеченномъ на много лѣтъ перевѣсѣ въ дѣйствительной, а не кажущейся только силѣ нашего тихоокеанскаго флота, мы могли бы, если не предотвратить войну окончательно, то отсрочить ее, по крайней мѣрѣ, до наиболѣе выгоднаго для насъ момента. Между тѣмъ, несмотря на своевременныя предупрежденія со стороны цѣлаго ряда лицъ (изъ которыхъ можно назвать, напр., нашего бывшаго посланника въ Токіо, М. А. Хитрово, Великаго Князя Александра Михаиловича, нашего бывшего военнаго агента въ Китаѣ ген. Вогака, нашего морского агента въ Японіи кап. Русина, кап. Добротворскаго, писавшаго въ „Нов. Времени" подъ псевдонимомъ Nauta, и нѣк. др.), мы не только не готовились къ войнѣ сколько-нибудь серьезно, имѣя превратныя понятія о силахъ и способностяхъ японцевъ, и усыпляя себя надеждой на легкое ея предотвращеніе, но еще сооружали на территоріи, пріобрѣтенной спеціально въ цѣляхъ обороны, рядомъ съ далеко необорудованнымъ еще Портъ-Артуромъ, новый коммерческій портъ и городъ Дальній, отнимавшій средства отъ необходимаго оборудованія военнаго порта и крѣпости Артура и совершенно недопустимый по однимъ стратегическимъ соображеніямъ. Въ нашей неготовности къ войнѣ съ Японіей въ равной почти мѣрѣ были виновны бывшіе наши министры финансовъ и военный, а также и все морское вѣдомство.

Хотя мы далеко не отошли еще отъ предшествовавшихъ войнѣ событій на то разстояніе, съ котораго можетъ начаться о нихъ безпристрастный судъ исторіи, тѣмъ не менѣе можно уже теперь быть увѣреннымъ въ томъ, что исторія не вынесетъ оправдательнаго приговора иниціаторамъ всей этой такъ-называемой „маньчжурской эпопеи", въ которую мы были втянуты, къ тому же, съ руками, связанными нашей же иниціативой въ Гаагской мирной конференціи.

Изъ всего изложеннаго нельзя не сдѣлать слѣдующихъ выводовъ.

Приступая къ постройкѣ великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, совершенно необходимаго для пріобщенія Сибири къ государственной жизни Имперіи, надо было дальновидно считаться со всѣми возможными послѣдствіями этого гигантскаго шага, предусматривая, что онъ неминуемо дастъ толчекъ къ нарушенію существовавшаго на Дальнемъ Востокѣ равновѣсія. Рѣшеніе наше строить Сибирскую магистраль вызвало прежде всего тревогу въ быстро въ это время развивавшейся Японіи, которая поторопилась осуществить свои аггрессивныя намѣренія по отношенію къ Кореѣ и Китаю. Въ отвѣтъ на это, вмѣсто того, чтобы сразу сосредоточить и развернуть на Дальнемъ Востокѣ необходимыя для защиты нашей окраины и нашихъ интересовъ и для прикрытія строющагося пути военныя и морскія силы, вмѣсто того, чтобы, оцѣнивъ ярко проявившіяся въ войнѣ съ Китаемъ силы и способности японцевъ, попытаться придти къ прочному съ ними соглашенію, мы легко поддались аферистическому соблазну и, пользуясь временной слабостью Китая и возлагая несбыточныя надежды на искреннюю и прочную съ его стороны къ намъ дружбу, проложили восточный

участокъ нашей желѣзнодорожной магистрали по принадлежащей Китаю территоріи и основали своеобразное, не имѣющее никакихъ почти корней въ Россіи и въ общемъ явно убыточное для насъ хозяйство въ Маньчжуріи. Ради этого мы были вынуждены, съ одной стороны, отложить на неопредѣленное время заботы о Приамурьѣ и нашей Приморской области, въ которыхъ они такъ настоятельно нуждались, съ другой —вынуждены были стать въ явно вызывающее положеніе по отношенію къ Японіи, грубо вырвавъ у нея изъ рукъ главные плоды побѣды ея надъ Китаемъ. Наша война съ Японіей была безповоротно предрѣшена съ этого самаго момента. Окончательно же подготовила и ускорила ее наша основанная на чрезмѣрномъ миролюбіи и пренебрежительномъ отношеніи къ Японіи военная неготовность ко времени окончанія постройки Сибирской магистрали и открытія по ней сквозного движенія. Весьма печальную роль въ исторіи всѣхъ нашихъ начинаній на Дальнемъ Востокѣ съиграло также упорное стремленіе къ экономіи въ разныхъ деталяхъ, причемъ часто упускались изъ виду конечныя, главныя цѣли; это близорукое стремленіе отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ и на готовности желѣзнодорожной магистрали въ стратегическомъ отношеніи, и на вооруженіяхъ Портъ-Артура, и на боеспособности нашего флота. Все это достаточно намъ теперь извѣстно и достаточно нами теперь прочувствовано...

Проигранная нами война намъ стоила 2 милліарда 300 милліоновъ рублей, не считая потерянныхъ: флота, запасовъ военнаго и морского вѣдомствъ, сооруженій въ г. Дальнемъ и Портъ-Артурѣ, южной вѣтви Маньчжурской ж. дороги и южнаго Сахалина.

Не для того, чтобы бередить еще незажившія раны, коснулся я предшествовавшихъ послѣдней войнѣ событій и старался въ нихъ разобраться, а единственно для того, чтобы попытаться придти къ плодотворнымъ выводамъ для будущаго.

Я не буду напоминать здѣсь печальныхъ событій русско-японской войны и разсматривать ихъ причины. Скажу только, что мирные переговоры начались и велись на гостепріимной почвѣ Америки какъ разъ въ то время, когда мы были наиболѣе сильны въ Маньчжуріи, если еще не для энергичнаго наступленія, то, во всякомъ случаѣ, уже для упорной обороны; военные же рессурсы Японіи были къ этому времени почти окончательно исчерпаны, и наступательныхъ средствъ она болѣе не имѣла. Въ преимуществахъ нашего положенія въ Маньчжуріи къ осени 1905 г., при усилившейся провозоспособности Сибирской жел. дороги, насъ убѣждаютъ категорическія показанія лицъ, стоявшихъ во главѣ дѣйствовавшихъ армій и прежде всего убѣжденное удостовѣреніе нынѣ покойнаго главнокомандующаго, ген. Линевича.

Моментъ этотъ не былъ у насъ оцѣненъ должнымъ образомъ и не былъ поэтому использованъ. Только стремленіемъ ликвидировать поскорѣе войну, во что бы то ни стало, можно объяснить ту легкость, съ которой, съ одной стороны, начались мирные переговоры, съ другой—нашъ главный уполномоченный въ Портсмутѣ согласился, во избѣжаніе уплаты контрибуціи, не только на уступку южной половины Сахалина, но и на предрѣшенное, къ сожалѣнію, еще въ Петербургѣ предоставленіе японцамъ права морскихъ промысловъ на всемъ 10-тысячеверстномъ протяженіи нашего тихоокеанскаго побережья. Уступая японцамъ занятую

ими лучшую, южную половину Сахалина, надо было произвести ея, хотя бы самую приблизительную, оцѣнку. Для этого были данныя, напр., въ отчетахъ незадолго передъ войною производившаго на Сахалинѣ спеціальныя научно-промысловыя изслѣдованія зоолога П. Ю. Шмидта. Вотъ что онъ говорилъ, между прочимъ, въ книгѣ „Морскіе промыслы острова Сахалина" (Спб., 1905): „Богатства окружающихъ Сахалинъ водъ огромны и совершенно несравнимы съ промысловыми богатствами другихъ омывающихъ берега Россіи морей. Ни въ нашихъ сѣверныхъ водахъ, ни на Черномъ, ни на Каспійскомъ моряхъ въ настоящее время мы не встрѣчаемъ такого массоваго ихъ скопленія. Если взять для сравненія другія страны, то берега Сахалина, по богатству рыбою, можно сравнить развѣ лишь съ такими мѣстностями, какъ Норвегія, Лофоденскіе о-ва, сѣверъ Великобританскихъ о-вовъ и о-въ Ньюфаундлендъ. Запасы морскихъ рыбъ Сахалина можно признать неисчерпаемыми, въ особенности запасы сельди, которые поражаютъ своею грандіозностью. Какъ всѣ чисто морскія богатства, эти запасы являются болѣе стойкими, труднѣе истребляемыми, чѣмъ запасы проходныхъ рыбъ, легко исчезающіе при недостаточно осторожной эксплоатаціи".

Принявъ все это во вниманіе, а также и крайнюю нужду японцевъ, особенно тотчасъ послѣ войны, въ рыбномъ тукѣ для удобренія своихъ полей, лучшимъ матеріаломъ для чего служитъ именно столь обильно встрѣчающаяся у Сахалина сельдь, можно было ограничить права японцевъ на рыболовство въ нашихъ водахъ сравнительно уже небольшою частью нашего побережья, совершенно исключая изъ этого прежде всего сѣверную часть Татарскаго пролива съ Амурскимъ лиманомъ и воды, омывающія Камчатку. Мы знаемъ, что сдѣлать это позже было уже невозможно, и что даже рыболовная конвенція 15 іюля прошлаго 1907 г., заключающая нѣкоторыя, болѣе чѣмъ законныя, ограниченія въ нашу пользу, касающіяся бухтъ и устьевъ рѣки, возбуждаетъ нынѣ извѣстное недовольство среди японцевъ. Очевидно, что уступать въ этомъ вопросѣ далѣе мы никоимъ образомъ не должны и не можемъ.

Уступивъ Японіи южную половину Сахалина и предоставивъ японцамъ право морскихъ промысловъ вдоль всего нашего Тихоокеанскаго побережья, мы превратили Японское и Охотское моря въ закрытые для насъ бассейны, всѣ выходы изъ которыхъ въ океанъ находятся отнынѣ во власти Японіи, а обнаженные наши берега—въ сферѣ ея постояннаго наблюденія. Отдавъ, съ уступкой южнаго Сахалина, Лаперузовъ проливъ въ руки японцевъ, мы, строго говоря, лишились и свободнаго выхода изъ одного своего моря въ другое—изъ моря Японскаго въ Охотское, такъ какъ замерзающій на 5 мѣсяцевъ и мелководный, особенно въ сѣверной своей части, Татарскій проливъ, непроходимый для сколько-нибудь крупныхъ судовъ, выходомъ для насъ считаться, конечно, не можетъ; да и онъ, послѣ уступки южнаго Сахалина Японіи, будетъ всегда находиться въ сферѣ ея наблюденія. Въ такихъ условіяхъ сообщеніе Владивостока съ Камчаткой, и безъ того бывшей для насъ въ островномъ положеніи, за невозможностью проложить туда въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ материковый путь, въ случаѣ новой войны съ Японіей, дѣлается почти невозможнымъ *).

---

*) Такъ много нашумѣвшій у насъ не такъ давно химерическій проектъ Сибирско Американской ж. дороги, долженствовавшей пройдти черезъ Беринговъ про-

Надо принять при этомъ во вниманіе, что оборона Камчатки противъ Японіи при помощи линейнаго флота, опирающагося на Петропавловскій портъ, едва-ли вообще осуществима, какъ по причинѣ полной изолированности этого порта, такъ и вслѣдствіе непосредственно примыкающей къ Камчаткѣ съ юга цѣпи Курильскихъ островов, уступленныхъ нами еще въ 1875 г. Японіи и могущихъ теперь всегда служить временной базой для ея миннаго флота. Почти въ одинакихъ съ Камчаткой условіяхъ находится и весь нашъ крайній Сѣверо-Востокъ, т.-е. Чукотскій полуостровъ съ Анадырскимъ краемъ, только болѣе удаленные отъ японскихъ владѣній и менѣе, чѣмъ Камчатка, въ силу своихъ климатическихъ условій, интересующіе Японію. Мы знаемъ, что, послѣ предоставленія японцамъ права морскихъ промысловъ у береговъ Камчатки, туда стекается большое количество японскихъ промышленниковъ, совершенно подобно тому, какъ это было на южномъ Сахалинѣ передъ послѣднею войною; какъ слышно, японцы уже хлопочутъ объ учрежденіи консульства въ Петропавловскѣ и о разрѣшеніи японскому военному судну крейсировать вдоль береговъ Камчатки для защиты интересовъ своихъ подданныхъ, въ то время какъ мы охраной тамъ своихъ береговъ и промысловыхъ богатствъ почти не занимаемся *). Послѣ этого нельзя будетъ удивляться, если японцамъ въ гидрографическомъ и навигаціонномъ отношеніяхъ будетъ лучше извѣстно, напр., все западное побережье Камчатки, особенно богатое въ промысловомъ отношеніи. На Камчаткѣ нѣтъ никакихъ почти дорогъ; съ нею нѣтъ у насъ и телеграфнаго сообщенія; пароходное сообщеніе наше съ Камчаткой весьма недостаточно; въ видѣ курьеза отмѣчу, что даже о сильныхъ изверженіяхъ нѣкоторыхъ изъ камчатскихъ вулкановъ мы узнавали недавно только изъ японскихъ источниковъ. Въ виду того, что Камчатка составляетъ и понынѣ только округу, т.-е. уѣздъ, Приморской области, правительственная наша власть тамъ представлена очень слабо, при полномъ отсутствіи сколько-нибудь серьезной военной силы...

Что касается частей нашей восточной окраины, непосредственно граничащихъ съ Маньчжуріей, а также и территоріи, до которой прошла наша желѣзная дорога въ Маньчжуріи, то тутъ мы оказались послѣ Портсмутскаго договора въ значительно худшемъ положеніи, чѣмъ были до 1898 г., т.-е. до занятія нами Портъ-Артура. Съ переходомъ этой крѣпости и такъ дорого намъ стоившаго порта Дальняго (теперь Тайренъ) въ руки японцевъ, при окончательной оккупаціи ими Кореи и юга Маньчжуріи, послѣ чего Японія превращается изъ островного государства въ материковое съ громадной базой на фронтѣ Кореи и южной Маньчжуріи, наша сѣверно-маньчжурская (Китайская Восточная) желѣзная дорога можетъ быть нами быстро, въ случаѣ войны съ Японіей или Китаемъ, потеряна окончательно, не говоря уже

ливъ и весь сѣверо-востокъ Сибири на Канскъ, имѣлъ чисто аферистическую подкладку для полученія свободы иностраннымъ капиталистамъ въ эксплоатаціи богатствъ Чукотскаго полуострова. Когда иностраннымъ авторамъ проекта было предложено строить дорогу отъ Канска они отъ проекта отказались.

*) Посылку къ берегомъ Камчатки одной старой тихоходной канонерки („Манджура"), какъ это было въ прошломъ 1907 году, нельзя считать серьезной охраной нашихъ побережій. Только-что сооруженные главнымъ управл. землеустройства и земледѣлія 2 сторожевыхъ крейсера слишкомъ малы и ничтожны.

о всегда возможномъ перерывѣ сообщенія по ней даже при партизанской войнѣ. Пользоваться ею для военныхъ цѣлей, т.-е., напримѣръ, для приведенія Владивостока въ полную боевую готовность, мы уже и теперь не можемъ, въ силу одной изъ статей Портсмутскаго договора, не сразу у насъ сдѣлавшейся достояніемъ публики. При заключеніи въ Портсмутѣ условія, ограничившаго пользованіе нами Маньчжурской жел. дорогой, нашъ уполномоченный, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, недостаточно считался съ совершенно и тутъ неизбѣжными и очень важными для насъ стратегическими соображеніями. И нужно только удивляться, какъ два съ лишнимъ года, протекшихъ послѣ окончанія войны, наше правительство могло мириться съ создавшимся, вслѣдствіе этого, въ Забайкальѣ, въ Приамурьѣ и въ Уссурійскомъ краѣ весьма рискованнымъ для насъ положеніемъ. Напомню хотя-бы то, что лучшая, южная часть нашей Приморской области, представляющая довольно узкую полосу, прижатую къ морю, можетъ быть, при существующихъ условіяхъ быстро изолирована наступающею со стороны Кореи и южной Маньчжуріи или высадившеюся близь устья Амура непріятельской арміею.

А между тѣмъ, мы знаемъ, что проведеніе нами желѣзныхъ дорогъ въ Маньчжуріи вмѣстѣ съ прочими нашими тамъ предпріятіями и въ связи съ военными событіями послѣднихъ лѣтъ пробудили усиленную дѣятельность въ Китаѣ, который, одновременно съ усиленіемъ и развитіемъ по европейскому образцу своей, уже теперь отлично вооруженной и хорошо обучаемой арміи, усиленно и съ большимъ успѣхомъ колонизуетъ сѣверную Маньчжурію какъ вдоль нашей жел. дороги, такъ и по всей нашей границѣ, образуемой Амуромъ. За послѣдніе нѣсколько лѣтъ Китай рѣзко измѣнилъ свою оборонительную по отношенію къ намъ политику; прежде онъ старался отгородиться отъ насъ обширными пустынными пространствами, теперь онъ сталъ усиленно заселять пограничныя съ нами мѣстности, что рѣзко измѣняетъ наше положеніе.

По Амуру прошлымъ лѣтомъ пошелъ первый китайскій пароходъ, а за нимъ появятся, конечно, и другіе; то же наблюдается на Сунгари, а вскорѣ будетъ, вѣроятно, и на Уссури; китайскій берегъ Амура во многихъ пунктахъ укрѣпляется; проектируется китайцами новая жел. дорога, долженствующая соединить Цицикаръ съ Айгуномъ на Амурѣ противъ нашего Благовѣщенска; наконецъ, если вѣрить газетамъ, при впаденіи въ Амуръ р. Сунгари возникаетъ новый китайскій укрѣпленный городъ. Все это представляетъ уже серьезную, все возрастающую угрозу нашему Приамурью, бывшему до сихъ поръ въ относительной безопасности только благодаря слабой заселенности сѣверной Маньчжуріи и общей культурной слабости искони „недвижнаго“ Китая. При этомъ необходимо еще принять во вниманіе, что беззащитное съ юга Забайкалье, 26 проц. населенія котораго составляютъ буддисты (буряты и отчасти тунгусы) и въ западной части котораго наша жел.-дорожная магистраль, огибая южный уголъ Байкала, проходитъ всего только въ 100 верстахъ отъ китайско-монгольской границы, связано съ Европейской Россіей все еще только одной колеей жел. дороги, и что прокладка 2-й колеи на всей Сибирской магистрали потребуетъ немало и средствъ, и времени.

Весьма умѣстно вспомнить здѣсь о вожделѣніяхъ японцевъ, ярко отра-

зившихся въ печати ко времени начала мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ. Съ ихъ стороны выражалось стремленіе добиться наряду съ нашимъ разоруженіемъ на Дальнемъ Востокѣ превращенія нашей Приморской области въ область автономную, широко открытую не только для японской эксплоатаціи, но и для японской колонизаціи. О полномъ завладѣніи Владивостокомъ и Южно-Уссурійскимъ краемъ они всегда мечтали. Эти откровенно выражавшіяся 2½ года тому назадъ мечтанія японцевъ открываютъ намъ глаза на всегда возможное ихъ стремленіе въ будущемъ.

И, дѣйствительно, если принять во вниманіе, что уже черезъ 50 лѣтъ населеніе Японіи легко можетъ превысить 100 милліоновъ, стремленіе ихъ въ оказывающія наименьше сопротивленія части Азіатскаго материка, при закрытыхъ дверяхъ въ Америку, на Филиппины и въ Австралію, можетъ сдѣлаться стихійнымъ... Весьма характерно недавнее объясненіе, данное въ японскомъ парламентѣ военнымъ министромъ Тераучи по поводу все возрастающихъ вооруженій Японіи. Отвѣчая на запросы прогрессистовъ, онъ, между прочимъ, сказалъ *): „Я глубоко убѣжденъ, что распря между великими державами разразится не въ Европѣ, а на востокѣ отъ Индіи и на западѣ или на сѣверѣ отъ Японіи. Подойдетъ-ли японскому народу роль безсильнаго зрителя при такихъ обстоятельствахъ?...“ И далѣе: „Что же касается войскъ, расквартированныхъ въ Маньчжуріи для охраны желѣзной дороги, то я утверждаю, что для насъ замкнуться въ нашихъ настоящихъ границахъ было бы равносильно тому, чтобы отступить“...

*) См. „Нов. Время“ № 11483 (1 марта 1898 г.).

Все это лишній разъ показываетъ, что мы отнынѣ должны быть всегда готовы на нашей дальне-восточной окраинѣ ко всевозможнымъ случайностямъ.

При бѣгломъ взглядѣ на карту можетъ казаться, что Россія занимаетъ слишкомъ обширную территорію, не оправдываемую ни численнымъ составомъ ея населенія, ни культурнымъ его уровнемъ, ни его потребностями; можетъ казаться, что государство наше лежитъ въ Прокрустовомъ ложѣ,—слишкомъ для него длинномъ, и что простѣйшимъ выходомъ изъ этого положенія, для того, чтобы избѣгнуть Прокрустовой казни, было бы укороченье этого ложа. Подобный взглядъ породилъ у насъ широко распространенное еще недавно мнѣніе, что мы свободно можемъ отказаться отъ причиняющей намъ столько заботъ и расходовъ нашей восточной окраины, предоставивъ ее тѣмъ, кто въ этой территоріи болѣе чѣмъ мы нуждается.

Посмотримъ, допустимо-ли въ насъ, русскихъ, такое направленіе мыслей?

За вычетомъ сравнительно густо населеннаго во всѣхъ своихъ частяхъ, доступныхъ культурѣ, Туркестана (съ Закаспійской, Семирѣченской и Уральской областями), площадь Сибири, на основаніи данныхъ послѣдняго вычисленія покойнаго ген. Тилло, безъ Сахалина составляетъ 12.447,700 кв. верстъ *).

*) Напомню, что главную часть жителей собственно Туркестана составляетъ въ высшей степени трудоспособное и достаточно уже культурное, осѣдлое туземное населеніе, вполнѣ намъ преданное. Исключая же изъ площади Сибири Семирѣченскую область, какъ входящую въ Туркестанское генералъ-губернаторство, я вовсе не хочу сказать, чтобъ она не нуждалась въ дальнѣйшей русской колонизаціи. Вслѣдствіе того, что Семирѣчье не имѣетъ строго осѣдлаго туземнаго населенія и по своимъ климатическимъ и др. природнымъ условіямъ вполнѣ подходитъ

Однако, изъ всей этой громадной площади собственно Сибири только приблизительно 4,550 тыс. кв. верстъ (или 37 проц. всей площади) составляютъ территорію, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ вполнѣ пригодную для осѣдлаго существованія русскаго земледѣльческаго населенія, и на всей этой площади уже осѣло населеніе до 10 милл. душъ.

Сравнивая эту наиболѣе легко обитаемую часть Сибири съ удобною для обитанія земледѣльческаго населенія частью Приуралья (губерніи: Пермская за исключеніемъ сѣвернаго ея Чердынскаго уѣзда, Вятская, Уфимская и Оренбургская), мы находимъ, что Приуралье въ принятыхъ здѣсь границахъ въ самыхъ общихъ своихъ чертахъ наиболѣе подходитъ по своимъ естественнымъ условіямъ къ наиболѣе пригодной для колонизаціи части Сибири, такъ что можно приравнять емкость населенія послѣдней къ емкости Приуралья. Въ настоящее время взятая нами часть Приуралья уже имѣетъ въ среднемъ 15 жителей на кв. версту. Примѣняя ту же норму къ пригодной для заселенія части Сибири, мы приходимъ къ выводу, что Сибирь можетъ вмѣстить 68 милл. жит., а такъ какъ она уже имѣетъ до 10 милл., то въ ней есть мѣсто еще для 58 милл. человѣкъ.

Принимая, что народонаселеніе Россіи можетъ удвоиться въ 50 лѣтъ, т.-е. увеличиться на 150 милл., и полагая, что половина этого прироста, т.-е. 75 милл. чел., можетъ еще размѣститься въ Европейской Россіи со включеніемъ Кавказа и Туркестана, мы приходимъ къ выводу, что потребность въ выселеніи въ Сибирь можетъ имѣться за этотъ періодъ для 75 милл. чел. и, слѣдовательно, при условленной средней емкости въ 15 чел. на 1 кв. версту, сибирскаго земельнаго фонда, при непрерывномъ его заселеніи, можетъ хватить приблизительно толькона 35 лѣтъ.

Оговариваюсь, что всѣ эти цыфры, которыми я обязанъ моему отцу П. П. Семенову-Тянъ-Шанскому, основаны поневолѣ на приблизительномъ разсчетѣ и поэтому даютъ лишь общее понятіе о размѣрахъ и значеніи нашего земельнаго фонда въ Сибири.

Главное значеніе для насъ всѣхъ нашихъ азіатскихъ владѣній и, прежде всего, Сибири, заключается въ томъ, что они представляютъ для нашей колонизаціи, т.-е. для стока избытковъ возростающаго населенія Европ. Россіи, почти такую же площадь, какую представляла для всей Зап. Европы Америка, столь-же мало населенная туземными племенами при ея открытіи въ концѣ XV столѣтія Колумбомъ, какъ и Сибирь при ея открытіи около этого же времени русскими. Что было бы съ Европой, еслибы она не могла дать выхода изъ своихъ предѣловъ тѣмъ 100 милліонамъ европейцевъ, которые теперь составляютъ населеніе Америки, не говоря уже объ избыткѣ населенія, выселеннаго Европою въ другія колоніи? А между тѣмъ, и мы въ то время, какъ Европа колонизовала Америку, колонизовали громадную часть сѣвера Азіи, которую начали завоевывать со времени Колумба и которую заняли окончательно къ началу XVIII вѣка, причемъ еще въ половинѣ XVII столѣтія въ нѣсколькихъ пунктахъ (на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, а еще раньше при устьѣ Амура и на Охотскомъ побережьи) достигли Велика-

для русской колонизаціи, этотъ не очень обширный, но благодарный край долженъ съиграть немаловажную роль въ будущемъ русскаго народа. Его скорѣйшее, возможно плотное заселеніе желательно и по стратегическимъ соображеніямъ, какъ мѣстности, пограничной съ Китаемъ.

го океана и обосновались къ концу XVII столѣтія въ Камчаткѣ. И это явленіе представляется, по сравненію силъ одной націи (русской) съ силами всѣхъ остальныхъ европейскихъ націй, вмѣстѣ взятыхъ,—не менѣе грандіознымъ, чѣмъ колонизація европейцами Америки.

Если принять въ соображеніе, что этнографическая граница между Европой и Азіей была въ XVI вѣкѣ совсѣмъ иная, чѣмъ теперь, и что къ ю.-в. отъ діагонали, пересѣкающей Европ. Россію отъ Екатеринбурга до Кишинева, совсѣмъ не жило въ то время европейскаго племени, то окажется, что съ тѣхъ поръ одна Россія дала въ своемъ стихійномъ стремленіи къ востоку и юго-востоку, считая съ приростомъ, до 45 милл. европейскаго населенія новой территоріи, между тѣмъ какъ Зап. Европа дала за тотъ-же періодъ Америкѣ, считая съ приростомъ, не свыше 100 милл. европейцевъ. Колонизація эта явилась слѣдствіемъ рѣшительной побѣды, которую русскіе одержали надъ азіатскими народами, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ тяготѣвшими надъ судьбами Россіи, и окончательно устранилась возможность дальнѣйшихъ нашествій въ Европу восточныхъ расъ.

Но, несомнѣнно, колонизація Сибири представляетъ намъ гораздо больше выгодъ, чѣмъ представляло для Западной Европы ея колонизаціонное движеніе въ Америку.

Европейскія государства могутъ считать себя счастливыми только въ томъ отношеніи, что они избавились отъ избытка въ 100 милл. людей, составляющихъ теперь населеніе Америки; но они, въ то-же время, потеряли для себя навсегда эти 100 милл., ушедшихъ за западные океанскіе предѣлы Европы. Между тѣмъ, Россія, какъ государство, не утратила ничего изъ тѣхъ 45 милліоновъ людей, которые обитаютъ нынѣ за этнографической границей Европы XVI-го вѣка. Путемъ ихъ разселенія въ восточномъ направленіи Россія пріобрѣла тѣ громадныя, хотя и суровыя по климату, пространства, которыя еще надолго, особенно послѣ поднятія культурнаго уровня народа и при интенсификаціи народнаго хозяйства, могутъ предохранить нашу страну отъ послѣдствій переростa населеніемъ занятой имъ территоріи, а при развитіи добывающей и обрабатывающей промышленности на новой, нетронутой еще, многообѣщающей территоріи, дать разнообразные заработки.

Въ своемъ стихійномъ стремленіи на востокъ Россія нашла свои естественныя, весьма выгодныя границы на берегахъ Тихаго океана. И мы должны ими дорожить тѣмъ болѣе, что имѣемъ въ Азіи громадныя по протяженію сухопутныя границы, въ значительной своей части весьма невыгодныя стратегически. Восточныя морскія границы Россіи, принимая въ разсчетъ и климатическія условія на ихъ протяженіи, съ одной стороны, значительно облегчаютъ задачу государственной обороны, облегчая, въ то же время, и сообщенія между такими взаимно удаленными частями нашей окраины, какъ Южно-Уссурійскій край, Сахалинъ, Камчатка, Чукотскій полуостровъ, съ другой стороны, даютъ намъ свободный выходъ въ океанъ, столь важный для народа въ будущемъ, по мѣрѣ развитія производительныхъ силъ страны и ея міровыхъ торговыхъ сношеній. Отказаться отъ этихъ границъ, втянувшись въ глубь Сибири, значило бы съузить преднамѣренно все будущее нашего народа. Мы знаемъ судьбы государствъ, не имѣвшихъ естественныхъ и, прежде всего, морскихъ границъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ историческій примѣръ Польши. На свои восточ-

ныя границы мы должны смотрѣть какъ на громадный капиталъ, жизненно необходимый нашему потомству, капиталъ, растрачивать который мы не имѣемъ никакого права.

Особенно должны мы дорожить, прежде всего, южной частью нашей Тихоокеанской окраины, гдѣ мы имѣемъ такой исключительно удобный портъ, какъ Владивостокъ, съ превосходными и другими бухтами Японскаго моря какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ него, выходъ изъ которыхъ, при небольшой работѣ ледоколовъ, возможенъ всю зиму.

Чтобы оцѣнить громадное значеніе для Россіи Уссурійскаго края, Приамурья и Забайкалья, надо принять прежде всего во вниманіе, что въ Восточной Сибири полоса, вполнѣ пригодная для осѣдлаго существованія земледѣльческаго населенія, весьма не широка, нигдѣ не превышая, а въ большинствѣ пунктовъ и не достигая въ ширину 400 верстъ. По этой-то полосѣ, охватывающей бо̀льшую часть Забайкалья, почти всю Амурскую область и три южныхъ округи Приморской области (Южно-Уссурійскую, Уссурійскую казачью и Хабаровскую),--полосѣ, вполнѣ благопріятной для колонизаціи, будетъ пролегать главная артерія Восточной Сибири--желѣзно-дорожный путь, связывающій наши выходы въ Тихій океанъ съ нашими западными морями. Въ случаѣ утраты этой наиболѣе для насъ цѣнной полосы или даже одной ея восточной части, не имѣя больше выхода къ морю, мы теряемъ всякую почти связь со всѣмъ нашимъ крайнимъ Сѣверо-Востокомъ, включая сюда и Камчатку, и въ результатѣ неминуемо утрачиваемъ и всю эту громадную территорію. Въ суммѣ мы рискуемъ лишиться площади, приблизительно равной Германіи, Австріи, Франціи и Великобританіи вмѣстѣ взятымъ.

Между тѣмъ, весь крайній сѣверо-востокъ Сибири представляетъ громадную цѣнность какъ по своимъ минеральнымъ богатствамъ, такъ и по необыкновенному богатству морскихъ, рѣчныхъ и звѣровыхъ промысловъ, которые могутъ съиграть крупную роль, при культурной ихъ эксплоатаціи, въ будущемъ русскаго населенія всего востока Сибири, особенно по мѣрѣ усиленія его роста и поднятія его культурнаго уровня.

Несмотря на то, что Чукотскій полуостровъ, Анадырскій край, Камчатка и Охотское побережье (Гижигинская округа) еще весьма мало изслѣдованы *), нахожденіе тамъ золота (особенно на Чукотскомъ полуостровѣ, оказывающемся по геологическому строенію вполнѣ сходнымъ съ отдѣленной отъ него лишь неширокимъ Беринговымъ проливомъ Аляской, съ Клондайомъ и т. д.), мѣди, желѣзной руды и каменнаго угля (на Камчаткѣ) уже констатировано.

---

*) Оставляя въ сторонѣ старинныя работы, какъ классическое описаніе Камчатки Крашенинникова, труды Эрмана, Дитмара и др, надо сказать, что обширный трудъ д-ра Слюнина „Охотско Камчатскій край" (т. I и II. Спб. 1900), выполненный по иниціативѣ и порученію С. Ю. Витте въ бытность его министромъ финансовъ, носитъ еще провизорный характеръ; детальные результаты развѣдокъ на Камчаткѣ проф. К. И. Богдановича еще не опубликованы; изслѣдованія его же и горн. инж. Тульчинскаго на Чукотскомъ полуостровѣ имѣли рекогносцировочный характеръ; въ книгѣ ген. П. Ѳ. Унтербергера „Приморская область 1856—1898 гг." (Спб. 1900) свѣдѣнія о сѣв. части области также очень, сравнительно, скудны; весьма интересныя замѣтки почтеннаго мѣстнаго изслѣдователя и жителя Камчатки, д-ра Тюшова, касаются лишь западнаго ея побережья. И только теперь, послѣ снаряжаемой на Камчатку въ этомъ году экспедиціи географич. общества по иниціативѣ и на средства Ѳ. П. Рябушинскаго (Москва), мы вправѣ ожидать объ ней вполнѣ обстоятельныхъ свѣдѣній.

Рыбныя и пушныя богатства Камчатки общеизвѣстны. Напомню, что недалеко отъ ея восточнаго берега лежатъ принадлежащіе намъ Командорскіе о-ва, представляющіе лучшія лежбища сильно уже истребленныхъ въ другихъ пунктахъ, а мѣстами и совсѣмъ исчезнувшихъ морскихъ котиковъ (Callorrhinus ursinus). Районъ Охотскаго и Берингова морей, особенно вдоль нашихъ побережій, служитъ послѣднимъ пріютомъ для цѣлаго ряда весьма цѣнныхъ, постепенно исчезающихъ, вслѣдствіе преслѣдованія ихъ человѣкомъ, морскихъ животныхъ, какъ киты, котики, камчатскій бобръ (Enhidra lutris), сивучъ (Eumetopras Stelleri), бѣлуха, въ сѣв. части—моржи и др. **). Внутреннія части Камчатки весьма богаты соболемъ. Напомню, что превосходная Авачинская бухта у Петропавловскаго порта, какъ и все почти побережье Камчатки, никогда не покрывается зимой сплошнымъ льдомъ, а потому портъ этотъ доступенъ всю зиму. Прекрасныя травы на Камчаткѣ даютъ возможность заниматься съ успѣхомъ скотоводствомъ; изъ культурныхъ растеній вполнѣ удаются тамъ разныя овощи и ячмень. Настоятельно необходимы на Камчаткѣ проведеніе поперекъ полуострова узкоколейной ж.-дороги, для того, чтобы связать наиболѣе богатое рыбой западное ея побережье съ Петропавловскомъ, затѣмъ соединеніе ея телеграфомъ (хотя бы безпроволочнымъ) съ Николаевскомъ и учащеніе пароходнаго съ ней сообщенія.

Возвращаясь къ южной части Приморской области и къ Приамурью, упомяну, что этотъ районъ нашей восточной окраины является наиболѣе пригоднымъ для интенсивной колонизаціи русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ. Уже обстоятельныя развѣдки А. А. Кауфмана, результаты которыхъ изложены въ трехъ его обширныхъ, широко извѣстныхъ работахъ: „Матеріалы по вопросу о колонизаціонной вмѣстимости Приамурскаго края“ (Спб. 1901). „Переселеніе и колонизація“ (Спб. 1905) и „По новымъ мѣстамъ“ (Спб. 1905), способствовали выясненію, что колонизаціонная емкость всего этого края гораздо больше, чѣмъ было принято думать до тѣхъ поръ. Въ первой изъ этихъ работъ авторъ говоритъ относительно Амурской области: „Во всѣхъ частяхъ области, куда только мнѣ ни удавалось проникнуть, я находилъ налицо естественныя условія, обусловливающія возможность земледѣльческой колонизаціи,—въ томъ числѣ и въ такихъ, которыя, по разспроснымъ даннымъ и по литературнымъ указаніямъ, можно было бы предполагать совершенно непригодными для заселенія русскими хлѣбопашцами. И что еще важнѣе—нигдѣ мнѣ не пришлось достигнуть естественныхъ сѣверныхъ границъ возможности земледѣльческаго хозяйства; напротивъ, изученіе характера растительности въ самыхъ крайнихъ пунктахъ пройденныхъ мною маршрутовъ,—пунктахъ, довольно далеко выходящихъ за предѣлы существующаго остова колонизаціи области,—въ связи съ разспросными данными, приводили къ убѣжденію, что земледѣліе возможно еще гораздо дальше, нежели мнѣ довелось проникнуть,—дальше, иногда, не на одну сотню верстъ. А изъ этихъ положеній естественно вытекаетъ то общее заключеніе, что имѣющійся въ области запасъ земель, пригодныхъ для земледѣльче-

**) Киты, вмѣстѣ съ бобрами и котиками, нуждаются съ нашей стороны въ самой энергичной охранѣ отъ истребленія ихъ японскими и прежде всего американскими китобоями, особенно въ наиболѣе излюбленныхъ ими частяхъ Охотскаго моря, напр, въ Тугурскомъ заливѣ у Шантарскихъ о-вовъ. Стоимость одного кита доходитъ теперь до 30 тыс. руб.

ской колонизаціи, долженъ быть очень значителенъ". Даже на нижнемъ теченіи Амура, верстъ на 400 ниже Хабаровска, А. А. Кауфманъ встрѣтилъ вполнѣ удобныя для земледѣлія условія, на что указывалъ въ свое время и Будищевъ, и если жители немногочисленныхъ тамъ русскихъ селеній забрасываютъ земледѣліе и даже обнаруживаютъ нѣкоторую неусидчивость на мѣстахъ, то только потому, что русское населеніе имѣетъ тамъ другіе, болѣе выгодные заработки,—какъ, напримѣръ, поставка дровъ на пароходы и, особенно, рыболовство, которое даетъ въ среднемъ заработокъ на семью не менѣе 1,000—1,200 р. въ годъ. Относительно колонизаціонной емкости Уссурійскаго края А. А. Кауфманъ говоритъ, что она также „значительно больше, чѣмъ въ послѣднее время предполагалось, и что эта емкость можетъ быть существенно увеличена при цѣлесообразномъ и, такъ сказать, экономномъ использованіи имѣющейся наличности непосредственно удобныхъ для культуры угодій". Позднѣйшія изысканія вполнѣ подтвердили правильность заключеній Кауфмана.

Весьма вѣскія данныя П. И. Соколова, заключающіяся, между прочимъ, въ его новѣйшей работѣ „Земельный фондъ сибирской тайги и значеніе его для колонизаціи" (Извѣстія И. р. г. о. 1907), доказываютъ полную пригодность для земледѣлія въ почвенномъ отношеніи многихъ участковъ настоящей тайги (такъ назыв. сибирскіе бѣльники); это еще увеличиваетъ годную для колонизаціи площадь Дальняго Востока. Но землеотводныхъ изслѣдованій до сихъ поръ сдѣлано еще слишкомъ мало и постановка ихъ слишкомъ узка, что въ значительной мѣрѣ можетъ тормазить дѣло нашей колонизаціи.

Главную особенность климата всего Приамурья съ Уссурійскимъ краемъ составляетъ, при его сравнительной мягкости и малоснѣжныхъ зимахъ, его чрезвычайная влажность лѣтомъ. Но эта особенность, вызывающая необходимость нѣкоторыхъ спеціальныхъ, несложныхъ, но требующихъ большого трудолюбія пріемовъ въ культурѣ хлѣбныхъ злаковъ,—пріемовъ, которыми съ величайшимъ успѣхомъ пользуются въ тѣхъ мѣстахъ китайцы, маньчжуры и корейцы (грядковая культура),—въ то же время порождаетъ въ краѣ роскошную древесную растительность, унаслѣдованную здѣсь природой въ мало измѣненномъ видѣ еще отъ предшествовавшаго нашему геологическаго періода (третичнаго). По обилію древесныхъ породъ, Приамурье несравнимо ни съ одной мѣстностью нашей Имперіи, кромѣ развѣ только западной полосы и крайняго юго-востока нашего Закавказья.

Въ то время, какъ на всемъ протяженіи Сибири, вслѣдствіе континентальности климата, отсутствуетъ цѣлый рядъ цѣнныхъ деревьевъ,—какъ, напр., дубъ, ясень, вязъ, липа, а также и большинство фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ,—здѣсь растутъ въ изобиліи, кромѣ всѣхъ обще-сибирскихъ древесныхъ породъ, еще дубъ, 2 вида липы, ясень, нѣсколько видовъ клена, особый видъ грецкаго орѣшника, 3 вида вяза, нѣсколько видовъ березы, тополь, весьма цѣнный особый маньчжурскій кедръ, особое пробковое дерево (Phillodendron amurense), т.-наз. акація Маака (Maackia amurensis), груша, яблоня, черешня, лещина и длинный рядъ кустарныхъ и полукустарныхъ породъ, среди которыхъ такіе характерные, какъ дикій амурскій виноградъ, сирень и др. Къ сожалѣнію, частые лѣсные пожары въ горныхъ мѣстностяхъ, происходящіе отъ пекловъ

или отъ случайныхъ поджоговъ звѣропромышленниками, губятъ десятки и сотни тысячъ десятинъ цѣннаго лѣса. Травы во всемъ Приамурьѣ также роскошны, но слишкомъ рослы и малопитательны отъ излишней влаги; однако, при помощи пекловъ и осушенія почвы покосы быстро улучшаются и даютъ возможность заниматься скотоводствомъ. По глухимъ долинамъ притоковъ Уссури встрѣчается знаменитый жень-шень (Panax ginzeng C. A. M.), растеніе изъ семейства araliевыхъ, за фунтъ корней котораго китайцы платятъ до 1,000 руб.

Исключительно богатъ и разнообразенъ на этой нашей окраинѣ и весь составъ фауны. Только въ Приамурьѣ тигръ встрѣчается наряду съ соболемъ и лосемъ. Изъ наиболѣе цѣнныхъ въ промысловомъ отношеніи животныхъ, встрѣчающихся въ Приамурьѣ, напомню: соболя, чернобурую лисицу, изюбря (это сибирскій благородный олень, дающій такъ дорого цѣнимые въ Китаѣ „панты"), пятнистаго оленя въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, дикую козу (косулю), кабаргу, лося, енотовидную собаку (Nycterentes procyonoides), кабана и др.; изъ птицъ: фазана, рябчика, глухаря, тетеревей, массу водоплавающихъ и голенастыхъ птицъ и пр. Рыбы въ рѣкахъ и по морскому побережью вездѣ большое количество, но особенно ею богатъ, конечно, Амуръ и именно его низовья. Превосходные результаты во всемъ Приамурьѣ даетъ пчеловодство.

Все это я упоминаю для того, чтобы показать, въ какія благодарныя условія, сравнительно съ жизнью на нашей однообразной европейской и западно-сибирской равнинѣ, попадаетъ русскій колонистъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ этихъ условіяхъ не можетъ не пробудиться широкая предпріимчивость въ русскомъ человѣкѣ, не можетъ не подняться быстро его культурный уровень,— особенно, если колонизаціонный контингентъ для Дальняго Востока будетъ подбираться изъ наиболѣе трудоспособныхъ, развитыхъ и энергичныхъ элементовъ населенія разныхъ частей Имперіи. Таковыми явились на Дальнемъ Востокѣ въ первую очередь молокане и старовѣры; послѣдніе особенно сильны, какъ извѣстно, въ роли передовыхъ піонеровъ разселенія въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ новаго края.

Весьма характерно свидѣтельствуемое А. Кауфманомъ быстрое перерожденіе въ Приамурьѣ русскаго мужика въ настоящаго „американца". При этомъ предметы домашняго обихода американскаго производства весьма легко входятъ въ употребленіе у амурскаго крестьянина. „Но самое любопытное, —говоритъ Кауфманъ,- не въ этихъ мелочахъ хозяйственнаго быта амурскаго крестьянина. Гораздо важнѣе его необыкновенная воспріимчивость къ новизнѣ, отсутствіе всякой рутины, проявляющееся въ его земледѣльческомъ хозяйствѣ. Въ особенности поражаютъ, даже поверхностнаго наблюдателя, колоссальные успѣхи амурскаго крестьянскаго хозяйства, въ дѣлѣ усвоенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ,—успѣхи, которыми едвали можетъ, въ той же степени похвалиться какая бы то ни была другая мѣстность Азіатской и Европейской Россіи,—успѣхи тѣмъ болѣе замѣчательные, что на Амурѣ крестьяне не пользовались, въ этомъ отношеніи, содѣйствіемъ ни земства, котораго здѣсь нѣтъ, ни правительства" *).

Въ другомъ мѣстѣ той-же книги авторъ говоритъ **): „Довольно-ли

*) А. Кауфманъ, По новымъ мѣстамъ, 1905, стр. 47—48.
**) L. c., стр.

амурское крестьянство условіями своей жизни въ Приамурьѣ?

...Мои личныя впечатлѣнія въ данномъ отношеніи въ высшей степени утѣшительны; только отъ немногихъ стариковъ-могилевцевъ—да и то больше отъ усвоенной привычки къ брюзжанію—довелось слышать плохіе отзывы объ условіяхъ жизни на Амурѣ.

Въ общемъ же, въ отзывахъ крестьянъ звучитъ основная нота полнаго довольства. „Земля здѣсь все родитъ,—говорятъ намъ навеселѣ въ одномъ мѣстѣ,—и хлѣбъ, и кукурузу, и бахчи". „Лѣсъ есть, хлѣбъ родится, покосовъ вдосталь"—слышите вы отъ другихъ новоселовъ. „И для пашни здѣсь хорошо",—говорятъ вамъ третьи,—„а главное—деньга легкая, заработки хороши".

Громадное значеніе для насъ всего Приамурскаго края увеличивается еще его минеральными богатствами. Кромѣ превосходнаго каменнаго угля, обнаруженнаго не только въ южной части Уссурійскаго края, гдѣ онъ уже разрабатывается (Сучанскія копи) и гдѣ недавно открыты новыя угленосныя площади (около бухты Находка), но также и во многихъ пунктахъ Амурской области, эта область является, вмѣстѣ съ лежащимъ къ с.-з. отъ нея въ предѣлахъ Якутской области Алексинско-Витимскимъ краемъ, какъ извѣстно, кореннымъ мѣсторожденіемъ золота. Богатства золотоносныхъ площадей Амурской области громадны; золотоносныхъ мѣстностей въ Приамурьѣ зарегистровано уже до 30 тыс. кв. верстъ; по приблизительному подсчету г. М—е, въ книжкѣ „Сибирь и Дальній Востокъ" (Спб. 1907 г.), онѣ могутъ дать золота на 350 милліардовъ рублей—цыфра хотя и гадательная, но дающая нѣкоторый масштабъ для оцѣнки того капитала, который представляетъ для Россіи ея дальняя окраина.

Весьма важное значеніе имѣетъ также нахожденіе въ Приамурьѣ въ громадномъ количествѣ желѣзныхъ рудъ (бл. зал. св. Ольги и, по старымъ еще даннымъ горн. инженера Аносова и др., къ сѣверу отъ средняго теченія Амура).

При этомъ надо принять во вниманіе, что относительно другихъ минеральныхъ богатствъ, Приамурье совершенно еще не обслѣдовано. Да и вообще оно ждетъ широкихъ научныхъ изъисканій въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, настоятельно необходимыхъ для раціональной эксплоатаціи этого многообѣщающаго, но ради Маньчжуріи обездоленнаго за послѣдніе годы, края: Пока мы имѣемъ лишь обширную сводочную работу для Амурской области, преимущественно только для предварительной оріентировки; это — „Описаніе Амурской области" Г. Е. Грумъ-Гржимайло, спѣшно составленное на основаніи данныхъ всей предшествовавшей литературы, подъ редакціей и при ближайшемъ участіи вице-предсѣдателя нашего географическаго общества и изданное въ 1894 г., по порученію министра финансовъ; относительно нижняго Приамурья и всего Уссурійскаго края мы имѣемъ весьма полезныя данныя въ обстоятельномъ очеркѣ нынѣшняго приамурскаго генералъ-губернатора П. Ѳ. Унтербергера „Приморская область", появившемся отдѣльной книгой въ 1900 г., какъ выпускъ „Записокъ по отд. статистики" географическаго общества. Прочая новѣйшая литература, касающаяся Приамурья, кромѣ уже упомянутыхъ мною трудовъ А. Кауфмана *) носитъ болѣе

*) Къ нимъ надо еще причислить многочисленныя его статьи въ энциклопед. словарѣ Ефрона.

частный характеръ и состоитъ изъ ряда уже сравнительно небольшихъ работъ, изъ которыхъ назовемъ очерки агронома Крюкова, покойнаго академика Коржинскаго, работы Будищева, Буссе, Даттана, Риттиха, Смирнова, Эдельштейна (о сѣв. и ср. части хребта Сихоти-Алинъ) и нѣк. др.

Всѣ раздающіяся теперь жалобы на недостатокъ точныхъ свѣдѣній о Приамурскомъ краѣ, проистекающія отъ крайней неполноты и неравномѣрности его обслѣдованія даже въ чисто-географическомъ отношеніи, вполнѣ справедливы. И надо надѣяться, что такія учрежденія, какъ наше географическое общество съ его сибирскими отдѣлами, общество востоковѣдѣнія и вновь возникающее общество изученія Сибири и улучшенія ея быта, при широкой поддержкѣ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны частныхъ лицъ, пойдутъ на встрѣчу острой нуждѣ во всестороннемъ изслѣдованіи и научномъ освѣщеніи нашей дальней окраины, столь важныхъ для ея будущаго.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ всякаго вниманія и широкаго подражанія патріотическій примѣръ просвѣщеннаго московскаго мецената, Ѳ. П. Рябушинскаго, пожертвовавшаго 200 тыс. р. на снаряженіе нынѣ осуществляемой экспедиціи въ Камчатку и обезпечившаго изданіе всѣхъ ея научныхъ результатовъ. Наши высшія учебныя заведенія также должны бы способствовать успѣшному разрѣшенію нашихъ ближайшихъ колонизаціонныхъ задачъ. Напомню, что въ Германіи свойственная западному человѣку практичность красной нитью проходитъ теперь черезъ все университетское преподаваніе. Такъ, напр., въ берлинскомъ университетѣ, въ группѣ географическихъ наукъ имѣются слѣдующіе спеціальные курсы: географіи Германіи; физической и политической географіи Средней Европы, т.-е. странъ сопредѣльныхъ съ Германіей; географіи нѣмецкихъ морей; курсъ растительнаго покрова и земледѣлія въ Африкѣ, гдѣ находятся германскія колоніи; землевѣдѣнія восточной Африки; землевѣдѣнія западной Африки; землевѣдѣнія нѣмецкихъ колоній вообще; гигіены жизни въ тропикахъ; спеціальный курсъ культурныхъ и характерныхъ растеній нѣмецкихъ колоній; въ группѣ политико-экономическихъ наукъ читаются, между прочимъ: торговая политика, исторія колоній и колоніальная политика; въ группѣ практическаго изученія языковъ особое вниманіе обращено на языки: русскій, китайскій, японскій и т. д. И если мы еще очень далеки отъ подобной подготовки будущихъ поколѣній, то должны всячески стремиться поскорѣе нагнать нашихъ западныхъ сосѣдей.

Но еще больше должна давать наша народная школа для подготовки будущихъ колонистовъ, основами воспитанія и развитія русскаго человѣка.

Извиняясь за это невольное отступленіе, я закончу свой бѣглый обзоръ значенія для насъ нашихъ дальне-восточныхъ областей указаніемъ, что весьма благодарную площадь для дальнѣйшей, уже съ половины XVII столѣтія здѣсь начатой колонизаціи представляетъ и значительная часть Забайкалья,— издавна привлекавшая русскихъ Даурія,—преддверіе Амурскаго края, отличающееся отъ него еще вполнѣ континентальнымъ климатомъ. Здѣсь имѣются всѣ условія для процвѣтанія земледѣльческаго населенія въ долинахъ и въ южныхъ степныхъ частяхъ страны, а въ сѣверныхъ возможно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ скотоводство. И тутъ минеральныя богатства громадны: въ За-

байкальѣ добывается, какъ извѣстно, золото, серебро, свинецъ, мѣдь, олово, сѣра, марганецъ, желѣзныя руды, запасъ которыхъ очень значителенъ, имѣется каменный уголь, нефть... Для ознакомленія съ Забайкальемъ, мы имѣемъ обширный, но достаточно еще сырой матеріалъ въ многотомномъ изданіи особой правительственной комиссіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области,—комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ А. Н. Куломзина (изд. 1898—99 г.г.).

Главную цѣну оставшейся за нами сѣверной части о-ва Сахалина составляютъ, кромѣ рыбныхъ промысловъ и лѣса, прежде всего также его минеральныя богатства: главн. образ. кам. уголь и окончательно констатированная, недавними развѣдками горн. инжен. Тульчинскаго, нефть. По мѣрѣ увеличенія спроса на послѣднюю для нуждъ военнаго, а въ будущемъ, можетъ быть, и коммерческаго флота—ея нахожденіе на нашей территоріи особенно важно, и нужно только опасаться, какъ бы запасы этого топлива не вызвали, до пробужденія нашей предпріимчивости, предпріимчивость нашихъ теперь непосредственныхъ на Сахалинѣ сосѣдей—японцевъ, принимая во вниманіе, что нефти нѣтъ въ южной части острова.

Всего изложеннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы показать, какую цѣнность и значеніе представляетъ для Россіи вся ея восточная окраина.

Въ возможности ея блестящей будущности нельзя сомнѣваться при наличіи разсмотрѣнныхъ данныхъ.

Но судьба ея—въ нашихъ рукахъ, и отъ нашего къ ней отношенія зависитъ ускореніе ея расцвѣта.

Для того, чтобы прочно привязать къ Россіи эту окраину и обезпечить ея разумную эксплоатацію уже въ ближайшемъ будущемъ, намъ необходимо, прежде всего, озаботиться ея возможно быстрымъ заселеніемъ наиболѣе энергичнымъ, трудоспособнымъ и склоннымъ къ развитію элементомъ нашего населенія. А для этого должна быть существенно измѣнена практикующаяся у насъ система переселенія.

Отнынѣ, вмѣсто пассивнаго и безсистемнаго сплавленія въ Сибирь самостоятельно поднимающихся на мѣстахъ переселенцевъ, наше переселенческое вѣдомство должно выработать строгую программу колонизаціонной кампаніи, по крайней мѣрѣ, на одно десятилѣтіе. Въ основу этой программы должно быть положено планомѣрное, въ интересахъ общегосударственныхъ, возможно быстрое и интенсивное заселеніе всѣхъ нашихъ областей Дальняго Востока, начиная отъ побережья Японскаго моря и теченія Амура, наиболѣе пригодными для этихъ мѣстъ составомъ населенія. А для этого на извѣстный срокъ (5—10 лѣтъ) должны быть совершенно пріостановлены землеотводныя работы и переселеніе въ западной и средней частяхъ Сибири до Байкала. Тутъ намъ никто не грозитъ, и эти земли, на которыхъ уже осѣло наибольшее количество нашихъ переселенцевъ, могутъ свободно оставаться нѣкоторое время резервнымъ фондомъ. На нихъ можно направлять только, въ видѣ исключенія, тѣхъ переселенцевъ, которые, на основаніи опыта прежнихъ лѣтъ, совершенно непригодны для заселенія Дальн. Востока,—какъ, напр., выходцы изъ нѣкоторыхъ нашихъ южныхъ степныхъ губерній. Ими можно заселять мѣстности пограничныя съ Китаемъ къ западу отъ Алтая. Для усиленія же переселенческой волны на Дальн. Востокъ надо широко популяризировать и распространять въ народѣ, при содѣйствіи земствъ не только въ среднихъ нашихъ губер-

ніяхъ, но—что особенно важно—и въ сѣверныхъ, свѣдѣнія о Приамурьѣ, Уссурійскомъ краѣ и Забайкальѣ. Для этого совершенно недостаточно очень недурной, но мало доступной народу брошюры, недавно изданной переселенч. управленіемъ („Переселеніе на Дальній Востокъ въ 1906 г.“). Нужны маленькія иллюстрированныя брошюры, изданныя въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и распространяемыя безплатно. Слѣдуетъ широко использовать благопріятный моментъ, когда послѣ войны и послѣ несбывшихся преувеличенныхъ надеждъ народа на широкое надѣленіе землею, въ немъ такъ сильно пробудилось стремленіе къ переселенію на Востокъ, и поддержать это стремленіе. Весьма отрадно въ этомъ отношеніи извѣстіе, сообщенное сперва въ сборникѣ „Вопросы колонизаціи“, а затѣмъ обошедшее и многія газеты, о томъ, что старообрядческимъ уполномоченнымъ, священникомъ Смирновымъ, организовано переселеніе, въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, изъ 28 губерній Евр. Россіи около 100 тысячъ старообрядцевъ (по первому варіанту—100 тысячъ семей), въ томъ числѣ много городскихъ жителей, чернорабочихъ, ремесленниковъ, мастеровъ, техниковъ, и что мѣстомъ переселенія намѣчены Амурская обл. и Уссурійскій край, гдѣ Смирнову удалось получить, послѣ личнаго осмотра, пока только около 20 тыс. участковъ. Нельзя не привѣтствовать также и тсремленія на Дальній Востокъ нашихъ старовѣровъ, живущихъ въ Румыніи.

Только при твердо и опредѣленно направленной колонизаціонной политикѣ можно разсчитывать на образованіе въ областяхъ Дальн. Востока въ 20—25-лѣтній срокъ потребнаго тамъ русскаго населенія, примѣрно въ 20 милліоновъ. Въ пользу того, что это осуществимо, говоритъ уже тотъ фактъ, что за одинъ 1907 г., безъ всякаго поощренія со стороны правительства, переселилось въ Сибирь до 500 тыс. душъ, между тѣмъ какъ за цѣлое пятилѣтіе, предшествовавшее этому году, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и главн. образ. войны, переселилось въ Сибирь всего только 535 тыс. душъ. Мы знаемъ, что переселенческое движеніе этого года имѣетъ всѣ шансы далеко превзойдти прошлогоднее.

О томъ, что нужно немедленно, самымъ энергичнымъ образомъ, не жалѣя на это средствъ, приняться выполнять на мѣстахъ переселенія, для того, чтобъ облегчить новоселамъ ихъ первые шаги и ставить ихъ въ возможно благопріятныя условія, уже много говорилось въ печати.

На первомъ планѣ должны быть поставлены, конечно, въ связи съ землеотводными работами, пути сообщенія, безъ которыхъ не можетъ совершаться сколько-нибудь равномѣрное разселеніе, особенно въ горныхъ мѣстностяхъ; затѣмъ гидротехническія, на Д. Востокѣ преимущественно осушительныя, работы, и наконецъ, самая широкая, научно и, въ то же самое время, практически поставленная агрономическая помощь новоселамъ на мѣстѣ. Для послѣдней цѣли должны быть организованы многочисленныя агрономическія станціи, опытныя поля съ упрощенными школами мѣстнаго сельскаго хозяйства и складами сельскохозяйств. орудій. Подобныя учрежденія должны прежде всего способствовать въ Уссурійскомъ краѣ и Приамурьѣ скорѣйшему распространенію въ населеніи тѣхъ заимствованныхъ изъ китайской культуры пріемовъ, которые, будучи способны сообщать русскому хозяйству техническія преимущества китайскаго, въ то же время не повышали бы чрезмѣрно стоимости производства про-

дукта, были бы, слѣдовательно, примѣнимы въ экономической обстановкѣ русскаго и ведущагося русскими рабочими хозяйства и содѣйствовали бы скорѣйшей его интенсификаціи. Вѣдь смогли же перейдти, напр., крестьяне села Пермскаго въ заливѣ Св. Ольги на китайскій способъ обработки земли?

Мы знаемъ, что больное мѣсто всей этой нашей окраины составляетъ наплывъ въ нее желтой расы въ лицѣ китайцевъ, маньчжуръ и корейцевъ, порождающихъ т. наз. „испольщину", т. е. сдачу имъ въ аренду русскими переселенцами своихъ надѣловъ. Съ этимъ явленіемъ, сильно понижающимъ трудоспособность нашихъ колонистовъ при ихъ низкомъ еще культурномъ уровнѣ, надо, конечно, бороться. Совершенно недопустимо, между прочимъ, по однимъ уже стратегическимъ соображеніямъ, возобновленіе т. наз. „За-зейскаго отвода" для китайцевъ близь Благовѣщенска съ чѣмъ-то вродѣ права экстерриторіальности. Нежелательно и привлеченіе большихъ массъ китайцевъ на постройку Амурской ж. д., которая должна быть выполнена преимущественно русскими силами. Наиболѣе безопасный для насъ элементъ среди желтаго пришлаго населенія представляютъ тѣснимые теперь японцами и давно тяготѣвшіе къ намъ корейцы, но и ихъ надо селить въ возможномъ удаленіи отъ нашихъ внѣшнихъ границъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ.

Весьма важна широкая постановка медицинской помощи новоселамъ на Дальнемъ Востокѣ. Не менѣе важно своевременное открытіе тамъ школъ. Что касается монастырей, о которыхъ недавно былъ возбужденъ вопросъ, то они могли бы имѣть значеніе для нашей окраины только въ томъ случаѣ, если бы являлись школами упорнаго труда, трезвости и разсадниками культуры, оказывая населенію и медицинскую помощь.

Для предотвращенія сильно вредящихъ въ краѣ скотоводству эпизоотій, необходима немедленная организація ветеринарной помощи населенію.

Значительныя нетронутыя лѣсныя площади должны быть превращены заблаговременно, подобно тому, какъ это сдѣлано во многихъ мѣстахъ Сѣв. Америки, въ заповѣдныя пространства,—въ національные парки, въ которыхъ навсегда сохранилась бы тайга въ ея неприкосновенномъ видѣ. Это особенно важно для сохраненія въ краѣ надолго полезныхъ промысловыхъ животныхъ. Изъ нихъ искусственное разведеніе оленей (мараловодство) имѣетъ особенное значеніе въ виду весьма выгодной торговли съ Китаемъ „пантами".

Громадное значеніе для удешевленія жизни и улучшенія быта переселенцевъ на нашей восточной окраинѣ имѣетъ сохраненіе во Владивостокѣ на болѣе или менѣе продолжительное время порто-франко. Его отмѣна единственно въ интересахъ группы нашихъ фабрикантовъ принесла бы значительный вредъ государству, какъ удорожаніемъ жизни на всемъ нашемъ Дальнемъ Востокѣ въ то время, когда мы должны всѣми способами привлекать туда новыхъ людей, такъ и крупными расходами на организацію и содержаніе весьма сложной сухопутной и морской таможенной охраны, едва-ли даже выполнимой на громадной нашей китайской границѣ, въ виду существованія установленной договорами съ Китаемъ 50-верстной полосы для безпошлинной торговли товарами. Уничтоженіе порто-франко на нашемъ Дальнемъ Востокѣ грозило бы и осложненіями съ Японіей. За сохраненіе порто-франко энергично высказывается, какъ извѣстно, и нынѣшній приамурскій генералъ-губернаторъ П. Ѳ. Унтербергеръ, являю-

щійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ края.

Наряду съ крестьянскимъ переселеніемъ на Дальній Востокъ желательно широкое привлеченіе туда частныхъ предпринимателей изъ русскихъ подданныхъ и частныхъ капиталовъ. Частная иниціатива могла бы съиграть, конечно, важную роль въ развитіи новаго края, но для этого мы должны прежде всего вселить въ среду мѣстныхъ жителей и русскихъ предпринимателей на Дальнемъ Востокѣ твердую увѣренность въ безопасности,—въ томъ, что этотъ край не можетъ никогда отойдти ни къ Китаю, ни къ Японіи.

Для того, чтобы не разбрасывать свои еще слабыя культурныя силы и средства по всему протяженію нашей громадной восточной окраины, а, наоборотъ, успѣшнѣе сконцентрировать ихъ на наиболѣе цѣнной для насъ ея южной части, мы могли бы свободно, мнѣ кажется, предоставить иностранцамъ, на возможно выгодныхъ для государства условіяхъ, эксплоатацію минеральныхъ богатствъ нашего крайняго сѣверо-востока, именно Чукотско-Анадырскаго края, строго ограничивъ этотъ концессіонный районъ опредѣленнымъ меридіаномъ, напримѣръ, 175° отъ Гринича (или 135° отъ Пулкова). На такомъ же основаніи мы могли бы сдать въ аренду иностранцамъ, напримѣръ, американцамъ, и сѣверную часть Сахалина. Безъ этого и нашъ крайній сѣверо-востокъ, и Сахалинъ, совершенно почти беззащитные, будутъ долго еще лежать мертвымъ капиталомъ, лишь напрасно дразня аппетиты нашихъ сосѣдей.

Наконецъ, тотчасъ послѣ завершенія постройки Амурской дороги, мы должны такъ или иначе, возможно выгодно для себя, ликвидировать дѣло Маньчжурской дороги, которой уже и теперь не являемся полноправными хозяевами, и, такимъ образомъ, хоть сколько-нибудь возмѣстить предстоящее намъ по заселенію и оборонѣ Дальн. Востока громадные расходы.

Въ ряду мѣръ, неотложно необходимыхъ для обороны нашей восточной окраины, на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, къ счастью теперь уже близящаяся къ окончательному разрѣшенію, постройка двухколейной Амурской ж. дороги, которая должна съиграть, въ то-же время, и главную роль въ дѣлѣ оживленія всего Пріамурскаго края, его заселенія и эксплоатаціи.

Расходы по постройкѣ этой дороги, которую со временемъ придется, вѣроятно, довести и до Николаевска или до зал. Де-Кастри, несомнѣнно окупятся послѣ того, какъ будетъ призванъ къ жизни новый богатый край.

Затѣмъ, на ближайшей очереди стоитъ прокладка 2-й колеи на всей Сибирской линіи, безъ чего мы, конечно, обойдтись не можемъ. Но временно 2-я колея Сибирской дороги можетъ быть отчасти замѣнена весьма практичными двухъ-этажными вагонами системы инж.-мех. Рыковскова, о которыхъ мы недавно слышали обстоятельный докладъ инж. Табурно. Вагоны эти, легко и значительно увеличивая провозоспособность дороги, совершенно незамѣнимы въ военное время и вполнѣ пригодны и для переселенческаго движенія.

Имѣющейся въ настоящее время въ Сибири арміи (ок. 15,000 въ Сибирскомъ окр. и 91,000—въ Приамурскомъ, а всего ок. 116,000 чел. изъ общаго наличнаго состава русской арміи въ 1,130.000 чел.) совершенно недостаточно, чтобы чувствовать тамъ хотя бы нѣкоторую безопасность. Райономъ сосредоточенія нужныхъ для защиты нашего Дальн. Востока войскъ, должны сдѣлаться Иркутскъ или ближайшія къ нему

мѣста. Здѣсь въ ближайшемъ будущемъ должна возникнуть обширная база для арміи со всѣми средствами ея снабженія боевымъ матеріаломъ. Но такъ какъ содержаніе очень значительной арміи на востокѣ Сибири при существующихъ условіяхъ было бы крайне обременительно и трудно выполнимо для государства, то самъ собою выдвигается вопросъ объ оборудованіи Дальняго Востока могущественными крѣпостями, безъ которыхъ мы не можемъ стоять твердой ногой прежде всего на океанскомъ побережьи.

Въ недавно читанномъ профессоромъ Николаевской инжен. академіи ген. Н. А. Буйницкимъ докладѣ приводятся слѣдующія соображенія:

Японцы, осаждая въ минувшую войну Портъ-Артуръ, противъ его 40-тысячнаго гарнизона, при всемъ несовершенствѣ оборудованія этой крѣпости, должны были отдѣлить 80 тыс. человѣкъ, да еще, по крайней мѣрѣ, 100 тыс. направить туда же для укомплектованія понесенныхъ при осадѣ потерь, а всего, значитъ, наши 40 тыс. человѣкъ оттянули на себя отъ японской полевой арміи не менѣе 180 тыс. Предположимъ теперь, что непріятельская армія силою опять до 500 тыс. человѣкъ, движется отъ залива Посьетъ на нашей корейской границѣ и бухты Де-Кастри къ Хабаровску; на пути она встрѣтитъ, если будутъ осуществлены проектируемыя крѣпостныя сооруженія, рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ съ гарнизономъ вдвое большимъ портъ-артурскаго, на осаду которыхъ, вынуждаемую ихъ мѣсторасположеніемъ и отсутствіемъ обходныхъ хорошихъ путей, уйдетъ тоже вдвое больше людей, т. е. 360 тыс. чел. И вотъ, изъ 500 тыс. чел. непріятельской арміи, будутъ двигаться къ Хабаровску уже только 140 тыс.; опираясь на укрѣпленія и гарнизонъ Хабаровска силою въ 60 тыс. чел., съ этими 140 тысячами можетъ уже успѣшно бороться армія въ 80 тыс. чел. Такимъ образомъ, значеніе крѣпостей на Д. Востокѣ можетъ быть представлено самымъ краткимъ и понятнымъ путемъ, сопоставивъ 500 чел. войска, которыхъ мы должны были бы имѣть въ полѣ противъ такого же числа непріятельской арміи при открытіи крѣпостей, съ 80-ю тыс. чел. въ полѣ и 186 тыс. чел. въ крѣпостяхъ, а всего съ 266 тыс. чел., если имѣть крѣпости. При этомъ ген. Буйницкій весьма справедливо замѣчаетъ, что весь нашъ Дальній Востокъ при существующихъ условіяхъ рисуется въ гигантскихъ размѣрахъ какъ бы тѣмъ же Портъ-Артуромъ, который сосѣди желаютъ, по примѣру послѣдней войны, у насъ отнять, пользуясь опять его разобщенностью съ Россіей, а мы желаемъ удержать до прибытія выручки. Обстановка получается чисто крѣпостная, почему и способъ обороны долженъ быть крѣпостной: упорно отстаивать важнѣйшія сильно укрѣпленныя точки, содѣйствуя этому дѣлу активными предпріятіями (вылазками) общаго резерва; въ качествѣ послѣдняго должна быть постоянная на мѣстѣ, небольшая по числу людей, но отборная по качеству и подвижности сухопутная армія.

Не входя въ критику проекта ген. Буйницкаго, для чего я не чувствую себя достаточно компетентнымъ, я позволю себѣ замѣтить, что созданіе на Дальнемъ Востокѣ обширнаго и возможно совершеннаго миннаго флота, состоящаго, прежде всего, изъ достаточнаго количества усовершенствованныхъ подводныхъ судовъ, значительно упроститъ дѣло нашей морской обороны. По моимъ личнымъ представленіямъ, укрѣпленіе, напр., Петропавловска на Камчаткѣ, находящейся въ чисто-островномъ положеніи, можетъ представить реальную силу только при наличіи тамъ приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ обширныхъ средствъ

подвижной минной обороны, т.-е. подводныхъ минныхъ судовъ, могущихъ предотвратить возможность обширной десантной операціи противника.

Вообще же, совершенно ясно, что на Дальнемъ Востокѣ мы должны создать нѣсколько сильныхъ при морскихъ крѣпостей, во главѣ съ первымъ нашимъ могущественнымъ тамъ оплотомъ--Владивостокомъ, крѣпостей, имѣющихъ возможно сильный сухопутный фронтъ изъ долго срочныхъ укрѣпленій, съ большими гарнизонами и возможно широкой и совершенной подвижной минной обороной, главнымъ образомъ, изъ подводныхъ торпедныхъ лодокъ и подводныхъ минныхъ заградителей, а также изъ легкихъ, возможно быстроходныхъ крейсеровъ и миноносцевъ-истребителей; эта морская оборона позволитъ ослабить артиллерійское вооруженіе крѣпостей съ моря, напр., значительно сократитъ число крупныхъ орудій и даже отдѣльныхъ фортовъ. Взамѣнъ, надо развить—прежде всего во Владивостокѣ—средства для починки и даже постройки мелкихъ, особенно же минныхъ, судовъ. Эти средства, а равно и созданіе вдоль побережья возможно бо́льшаго числа опорныхъ пунктовъ для миннаго флота, увеличатъ живучесть нашей широко подвижной минной обороны, въ которую должны непремѣнно входить большіе запасы минъ загражденія, а также и широкія средства наступленія при помощи особыхъ подводныхъ минныхъ судовъ съ большимъ радіусомъ дѣйствій

Рѣчную оборону Амура, состоящую нынѣ изъ флотиліи недостаточно практичныхъ и слабыхъ, только-что построенныхъ нами канонерокъ, могли бы усилить, между прочимъ, миноносцы съ болѣе сильнымъ артиллерійскимъ вооруженіемъ, высылаемые, въ случаѣ надобности, изъ Николаевска.

При тѣхъ громадныхъ затратахъ, которые неминуемо потребуетъ въ ближайшемъ будущемъ наша дальневосточная окраина, ясно, что мы не можемъ и не должны въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ мечтать о созданіи для ея защиты линейнаго флота, могущаго быть противупоставленнымъ флоту японскому. За послѣднее время достаточно выяснено, что борьба этимъ оружіемъ въ Японскомъ морѣ и безцѣльна, и немыслима; внѣ этого моря она еще менѣе возможна, за неимѣніемъ у насъ базъ и за невозможностью имѣть ихъ. А потому мы должны противопоставить этому оружію другое, хотя и менѣе внушительное съ виду, но могущее парализовать у нашихъ береговъ наступательную дѣятельность самаго могущественнаго непріятельскаго флота и крайне затруднить, если не предотвратитъ окончательно, всѣ дессантныя попытки непріятеля. Если мы, кромѣ миннаго флота, будемъ имѣть еще нѣкоторое количество большихъ весьма быстроходныхъ автономныхъ броненосцевъ съ громаднымъ радіусомъ дѣйствій, пригодныхъ для дѣйствій противъ Японіи или Китая извнѣ, т.-е. опираясь, безъ помощи промежуточныхъ базъ, на одинъ удаленный Мурманъ, то мы будемъ еще болѣе сильны.

Во всякомъ случаѣ, морской силы, имѣющейся у насъ на Дальнемъ Востокѣ, совершенно недостаточно даже для военно-полицейской службы вдоль нашего побережья *), и нужно

*) Мы имѣемъ тамъ всего: 1 слабовооруженный неброненосный крейсеръ („Аскольдъ"), 1 крейсеръ - истребитель („Жемчугъ"), 16 миноносцевъ далеко не современнаго типа, 7 устарѣвшихъ и слабыхъ миноносцевъ, 3 давно устарѣвшихъ миноноски, только 14, далеко еще несовершенныхъ, подводныхъ лодокъ и неимѣющую никакого боевого значенія старую канонерскую лодку, а точнѣе—малый тихоходный крейсеръ „Манджуръ", кромѣ того рѣчную флотилію изъ 10 малыхъ и очень слабо вооруженныхъ канонерокъ, которая сосредоточится на Амурѣ, повидимому, только къ будущему лѣту.

желать, чтобы тамъ были поскорѣе созданы и сосредоточены оборонительныя морскія силы, отвѣчающія достоинству Россіи и гарантирующія безопасность нашего отнынѣ возрастающаго приморскаго населенія. Это тѣмъ болѣе важно, что много еще надо сдѣлать даже для изученія пустынныхъ частей нашего побережья, и постоянное плаваніе военныхъ судовъ въ водахъ Тихаго океана должно служить превосходной, хотя и суровой практической школой для нашихъ моряковъ, отъ которыхъ Россія въ настоящемъ трудномъ ея положеніи вправѣ ждать самоотверженной и продуктивной службы.

Въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ, клонящихся къ обезпеченію столь нужнаго намъ на сколько-нибудь продолжительное время мира, мы также должны пойдти новымъ путемъ. Пора намъ понять, что наши, въ теченіе всего почти прошлаго столѣтія, натянутыя отношенія съ Англіей были основаны въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніи, на непониманіи другъ другъ и на взаимномъ почти непрерывно длившемся раздраженіи. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, та почва, на которой остро, роковымъ образомъ сталкивались бы интересы Россіи и Англіи? Такой почвы нѣтъ и въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ быть не можетъ. Послѣ того какъ мы разграничили сферу нашего вліянія въ Азіи и послѣ того, какъ Англія поняла, что Россія не намѣрена и не будетъ грозить ей ни въ Индіи, ни на ея торговыхъ морскихъ путяхъ, въ Англіи пробудилось къ намъ довѣріе, и на его почвѣ возникло то весьма выгодное для насъ соглашеніе, изъ котораго далѣе, при нашемъ добромъ желаніи, можетъ развиться союзъ. Союзъ же этотъ могъ бы дать намъ громадныя выгоды и на Дальнемъ, и на Ближнемъ Востокѣ, сдерживая враждебные намъ элементы. Если бы мы съумѣли при этомъ заинтересовать Америку въ цѣлости нашей территоріи, придти къ прочному соглашенію, если не къ союзу, и съ Американскими Соединенными Штатами, то положеніе наше на Дальнемъ Востокѣ было бы окончательно упрочено. Со стороны Китая, съ которымъ мы должны всемѣрно стараться поддержать добрососѣдскія отношенія, едва-ли можно ожидать въ скоромъ будущемъ агрессивныхъ дѣйствій. Весь характеръ китайской политики за послѣдніе годы, включая и его вооруженія, и колонизацію окраинъ, носитъ пока характеръ явно оборонительный, что и вполнѣ понятно послѣ происходившихъ за послѣдніе годы на территоріи Китая событій.

Но наша слабость и военная неготовность, особенно послѣ утраты нами военнаго престижа на Дальнемъ Востокѣ, можетъ пробудить агрессивныя стремленія и въ Китаѣ, причемъ почвою для конфликта легко могутъ послужить пограничные вопросы въ связи съ китайской къ намъ иммиграціей. Поэтому мы, и ради предотвращенія этой опасности, должны стоять твердо и незыблемо, въ полномъ боевомъ всеоружіи, на Дальнемъ Востокѣ, не давая въ то же время повода ни Китаю, ни Японіи подозрѣвать насъ въ какихъ-либо агрессивныхъ намѣреніяхъ, которыхъ у насъ нѣтъ и отнынѣ быть не можетъ.

Сильнѣе же всего можетъ упрочить наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ, конечно, поднятіе производительныхъ силъ страны при широкомъ разлитіи по всему лицу нашей земли просвѣщенія, при коренномъ перевоспитаніи народа и поднятіи общаго его культурнаго уровня.

А это, при дружныхъ усиліяхъ нашего молодого народнаго представительства,—усиліяхъ, въ которыхъ и всѣ мы, рядовые граждане Россіи, должны принять посильное

участіе,—не представляется уже лежащимъ гдѣ-то внѣ горизонта нашей досягаемости.

Андрей Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

О древнемъ теченіи Аму-Дарьи

по современнымъ геологическимъ и физико-географическимъ даннымъ *).

Вопросъ о древнемъ теченіи Аму-Дарьи, пожалуй, такъ-же древенъ, какъ сама Аму Дарья. Еще Геродотъ, жившій, какъ извѣстно, за 300 лѣтъ до Р. Хр., слѣдовательно, слишкомъ за 2000 лѣтъ до нашихъ дней, упоминаетъ въ своихъ лѣтописяхъ что рѣка Аму-Дарья при впаденіи своемъ въ море раздѣляется на множество рукавовъ, изъ которыхъ сорокъ терялись въ болотахъ и разливахъ, а одинъ рукавъ направлялся въ Каспійское море. Въ дельтовыхъ болотахъ Оксуса, добавляетъ Геродотъ, жили люди, одѣвавшіеся въ тюленьи шкуры и ѣвшіе плоды, которые они выкапывали изъ земли. Послѣдующіе римскіе историки и географы, какъ-то: Плиній, Птоломей и въ особенности Страбонъ, въ сущности, повторяютъ, говоря объ Оксусѣ, слова Геродота. Интереснымъ здѣсь является историко-географическій фактъ, что никто изъ писателей, жившихъ между I и X вѣками по Р. Х., вовсе не упоминаетъ о существованіи отдѣльнаго Аральскаго моря.

Въ то-же время Каспійское море рисуется ими вытянутымъ въ длину не съ сѣвера на югъ, какъ въ настоящее время, а съ запада на востокъ. Аму-Дарья и Сыръ-Дарья, по ихъ мнѣнію, впадали въ крайнюю восточную половину Каспійскаго моря, приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ онѣ текутъ и понынѣ, направляясь въ Аральское море.

Въ такомъ видѣ переходятъ географическія свѣдѣнія о Каспійскомъ

*) Докладъ, читанный А. М. Коншинымъ 30-го января 1892 года въ кавк. отд. русск. геогр. общ. и напечатанный въ газетѣ «Кавказъ».

морѣ и объ Аму-Дарьѣ въ средніе вѣка. На картахъ тогдашнихъ географовъ западной Европы, какъ, напримѣръ, Берлиньера старшаго, Меркатора и другихъ, Каспійское море также показывается вытянутымъ въ длину съ запада на востокъ до современныхъ предѣловъ Хивы, заливая часть нынѣшнихъ пустынь Туркменіи. Объ Аральскомъ морѣ никто изъ нихъ не упоминаетъ.

Извѣстно, что Императору Петру Великому принадлежитъ честь исправленія этой географической ошибки. Въ докладѣ, сдѣланномъ парижской академіи наукъ, Императоръ Петръ, пользуясь, вѣроятно, свѣдѣніями изъ книги «Большого Чертежа», изданной еще при московскихъ царяхъ, а также на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ изъ непосредственныхъ сношеній съ Хивою, впервые указалъ, что Аральское море совершено обособлено отъ Каспійскаго; что оно отстоитъ отъ него, по меньшей мѣрѣ, въ разстояніи 600 верстъ къ востоку, и что именно въ него, а не въ Каспійское море, впадаютъ рѣки Аму и Сыръ-Дарья.

Слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ этимъ, побуждаемый слухами, шедшими изъ Хивы, о существованіи въ пустыняхъ Туркменіи какого-то стараго русла рѣки, Петръ настойчиво проводилъ мысль о бывшемъ впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море. Въ его геніальномъ умѣ зарождался грандіозный проектъ поворота этой рѣки въ ея прежній, будто-бы, токъ и о возможности установленія воднаго сообщенія между Россіею и среднею Азіею.

Въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ проникнуть европейцу въ среднюю Азію было весьма затруднительно, а потому вопросъ о древнемъ теченіи Аму-Дарьи усердно разрабатывался лишь въ тиши кабинетовъ учеными всевозможныхъ спеціальностей, въ особенности лингвистами и историками.

Въ прошломъ вѣкѣ найдены были древніе арабскіе манускрипты, изъ которыхъ было, между прочимъ, выяснено, что въ эпоху завоеванія арабами Хивы, а именно между IX и XIV вѣками, арабскіе историки, жившіе въ самой Хивѣ, а, слѣдовательно, имѣвшіе точное понятіе о собственной странѣ, единогласно указываютъ на то обстоятельство, что Аму Дарья попеременно нѣкоторыми своими рукавами направлялась то въ сторону Каспія, то впадала въ Аральское море. Это были историки: Эдризи, жившій въ XI вѣкѣ. Истахри въ XII вѣкѣ, Масуди—XIII, Абульфеда и Габдула—XIV вѣка. Описывая такъ-называемый каспійскій рукавъ Аму-Дарьи, они, между прочимъ, указывали, что берега его были цвѣтущіе, густо населенные и прекрасно воздѣланные, со множествомъ деревень и городовъ, съ виноградниками и садами, которые тянулись вплоть до самаго моря. Море, въ которое впадалъ упомянутый рукавъ, они попеременно называли то Хаварезмскимъ, т. е. хивинскимъ, озеромъ или моремъ, то Мазандеранскимъ, вслѣдствіе близости его къ тогдашнимъ границамъ персидской провинціи Мазандеранъ, то Каспійскимъ, или Бакинскимъ. Море это, по ихъ понятію, было небольшое, не болѣе 100 фарсанговъ въ окружности; лежало оно весьма близко къ Хивѣ, а именно, въ 5-ти верблюжьихъ переходахъ, т. е. въ 125-ти верстахъ; во время половодія Аму-Дарьи, море это до того переполнялось рѣчною водою, что выступало изъ береговъ и заливало окрестности, затопляя сады и виноградники.

Однако, хорошо извѣстно, что Каспійское море отстоитъ отъ Хивы не въ 5, а въ 25 верблюжьихъ переходахъ, т. е. не менѣе какъ въ 700 верстахъ, и окружность его во

много разъ болѣе вышеуказанной; покойный-же генералъ Петрусевичъ высчиталъ, что поверхность Каспійскаго моря такъ велика, что если бы не только одинъ рукавъ Аму-Дарьи, но и вся эта рѣка въ цѣломъ объемѣ впадала-бы въ Каспій, то уровень его отъ этого не поднялся-бы даже на 1 вершокъ. Восточное побережье Каспійскаго моря совершенно пустынно, и никакихъ развалинъ городовъ и деревень, слѣдовъ садовъ и виноградниковъ на немъ не наблюдается. Отсюда ясно, что арабскіе историки указывали отнюдь не на впаденіе Аму-Дарьи въ современные берега Каспійскаго моря, а описывали впаденіе рукавовъ Джигуна въ другое море или озеро, расположенное гораздо ближе къ Хивѣ и обладавшее сравнительно меньшими размѣрами.

Въ силу столь сбивчивыхъ историческихъ свѣдѣній, въ концѣ прошлаго столѣтія возникла путаница въ опредѣленіи истиннаго положенія древняго русла Аму-Дарьи.

Одни ученые западной Европы, во главѣ которыхъ стоялъ великій авторитетъ Гумбольдта, разъясняли вопросъ въ томъ смыслѣ, что въ хивинскомъ оазисѣ въ древности существовала бифуркація Аму на два рукава, изъ которыхъ одинъ вливался въ Аральское, а другой въ Каспійское море. Каспійскій рукавъ высохъ, и Аму-Дарья цѣликомъ направилась въ Аралъ.

Другіе, не менѣе знаменитые ученые, каковымъ былъ, напримѣръ, Палласъ, отличный знатокъ нашихъ прикаспійскихъ песковъ и пустынь, наоборотъ, высказывали положительное сомнѣніе въ томъ, что Аму-Дарья впадала когда-либо въ современные предѣлы Каспія, и отдавали предпочтеніе предположенію, что Узбой, это такъ-называемое древнее, будто-бы русло Аму-Дарьи, есть скорѣе слѣдъ бывшаго залива Каспійскаго моря, протягивавшагося въ древности по направленію къ Аралу, чѣмъ высохшее ложе рѣки.

Мнѣніе это основывалось, между прочимъ, на показаніи англичанина Дженкинсона, бывшаго въ 1654 г. въ Хивѣ. Дженкинсонъ видѣлъ озеро, въ которое впадалъ западный рукавъ р. Аму всего въ пяти дняхъ пути отъ Кунаургенча, нашелъ въ немъ воду прѣсною и счелъ это озеро за заливъ Каспійскаго моря.

Въ началѣ и срединѣ нашего столѣтія мнѣнія цѣлой плеяды ученыхъ, дѣятельно занимавшихся разъясненіемъ загадочнаго вопроса о генезисѣ Узбоя, колебались между этими двумя діаметрально противоположными выводами.

Но положительныхъ свѣдѣній о характерѣ геологическихъ образованій, распространенныхъ вокругъ Аральскаго и Каспійскаго морей, не имѣлось до конца 70 хъ годовъ.

Въ интересной брошюркѣ, озаглавленной: „Обзоръ свѣдѣній объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ въ Туркестанъ по 1874 годъ", покойный профессоръ Модестъ Богдановъ, бывшій въ Тифлисѣ два года тому назадъ, со свойственною ему мѣткостью охарактеризовалъ положеніе аму-дарьинскаго вопроса слѣдующимъ четверостишіемъ изъ Фауста:

„И такъ дошли мы до того
Путемъ обиднаго сознанья,
Что мы не знаемъ ничего,
Что стоило-бы знанья".

Завоеваніе нами Хивы въ началѣ 70-хъ годовъ положило начало непосредственнымъ изслѣдованіямъ въ тѣхъ пустыняхъ, гдѣ предполагалось старое русло рѣки.

Первыя фактическія данныя о геологическомъ характерѣ почвы приаральскихъ пустынь принесли намъ работы такъ-называемой „самарской" ученой экспедиціи, во главѣ которой стоялъ великій князь Николай Константиновичъ. Данныя эти изложе-

ны въ 1879 г. въ интересной статьѣ покойнаго геолога Гельмерсена.

Русскимъ военнымъ топографамъ и офицерамъ генеральнаго штаба удалось, въ то-же время, добыть драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія объ орографическомъ строеніи интересующей насъ мѣстности. Слѣдуя съ отрядами Кауфмана и др., имъ представилась возможность сдѣлать съемку значительной части Узбоя, какъ со стороны Хивы до Сарыкамышскихъ озеръ, такъ и отъ береговъ Каспійскаго моря, примѣрно, до колодцевъ Куртышъ.

Смѣлая рекогносцировка топографа Лупандина въ 1874 году отъ Куртыша до Сарыкамышскихъ соляныхъ озеръ дополнила съемку всего русла Узбоя.

Начатыя вслѣдъ за тѣмъ изслѣдованія генерала Петрусевича и инженера Гельмана со стороны Хивы дали намъ точную нивеллировку Куня-Дарьи, этого несомнѣннаго стараго западнаго рукава Аму, оканчивавшагося у восточныхъ предѣловъ Сарыкамышскаго озера. Пользуясь собранными данными, І. И. Стебницкій получилъ возможность въ концѣ 70-хъ годовъ представить полную топографическую карту русла Узбоя отъ береговъ Аму-Дарьи вплоть до Каспійскаго моря, на прояженіи почти 1,000 верстъ.

Этими работами, казалось, вполнѣ установленъ былъ фактъ существованія стараго русла Оксуса въ пустыняхъ Туркменіи, почему всякія сомнѣнія въ томъ, что Аму-Дарья вливалась въ Каспійское море, именно въ Балханскій заливъ, вблизи Красноводска, исчезли. Оставался неразъясненымъ лишь вопросъ о пригодности стараго русла для судоходства и о возможности простымъ поворотомъ въ него Аму-Дарьи возстановить ея прежнее теченіе въ Каспійское море.

Результаты благопріятнаго рѣшенія этой интереснѣйшей задачи представлялись столь заманчивыми, въ видѣ устройства непрерывнаго воднаго сообщенія отъ Москвы до Гиндукуша, что правительство наше не задумалось ассигновать большія средства на организацію обширной научной экспедиціи, цѣлью которой были бы самыя точныя топографическія и нивеллировочныя съемки всего стараго русла.

Работы эти должны были сопровождаться и геологическими изслѣдованіями. Экспедиція организована была въ 1880 году, подъ начальствомъ генерала Глуховского, и состояла изъ 8-ми инженеровъ путей сообщенія, нѣсколькихъ топографовъ и 1 геолога, князя Гедройца. Работы экспедиціи начались со стороны Хивы.

Почти одновременно, т. е. весною 1881 года, мнѣ выпалъ счастливый случай быть откомандированнымъ въ закаспійскій край, для геологическихъ и горно-промышленныхъ работъ по линіи строившагося въ то время перваго участка закаспійской желѣзной дороги.

Съ первыхъ-же шаговъ моихъ по почвѣ бывшей Туркменіи, мнѣ пришлось столкнуться съ Узбоемъ, стать, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ этимъ загадочнымъ явленіемъ, такъ какъ пароходъ нашъ присталъ въ одномъ изъ заливовъ на полуостровѣ Дарджѣ, этой, какъ полагали, бывшей дельты классическаго Оксуса, а первая остановка желѣзнодорожнаго поѣзда была на ст. Мулла-кары, расположенной въ рукавѣ Узбоя, Актамѣ.

Признаюсь вамъ, я былъ въ большомъ волненіи, когда впервые увидалъ влажную и зеленѣющую долину Узбоя, поросшую зелеными камышами; увидѣлъ синюю ленту воды, змѣей извивавшейся по дну русла, его крутые обрывистые берега и т. п. Все, вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе свѣжаго рѣчного рукава.

Я былъ убѣжденъ, что ступаю по дну классическаго Оксуса.

Начавъ свои изслѣдованія съ полуострова Дарджи и восточнаго берега Каспійскаго моря, отъ Михайловскаго залива до Чикишляра съ одной стороны и до Карабугаза съ другой, я продолжалъ въ періодъ съ 1881 по 1885 года включительно изслѣдованія до самой Хивы русла Чарджуй-Дарьи и смежной Каракумской пустыни, на востокъ отъ Каспійскаго моря, вплоть до культурныхъ оазисовъ на Аму-Дарьѣ. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію результатовъ моихъ изысканій, частью извѣстныхъ вамъ по моимъ предварительнымъ отчетамъ, я остановлюсь на данныхъ, собраныхъ экспедиціею генерала Глуховского, закончившей свои изслѣдованія въ 1884 году.

Конечные результаты экспедиціонныхъ работъ обрисовались въ слѣдующемъ видѣ: несомнѣнныхъ сухихъ рукавовъ Аму-Дарьи въ хивинскомъ оазисѣ констатировано было два—Куня-Дарья и Дауданъ. Оба эти русла продолжались съ умѣреннымъ уклономъ на 250, примѣрно, верстъ на западъ отъ Аму-Дарьи и закончились у восточнаго берега Сарыкамышскаго горько-соленаго озера. Далѣе на западъ отъ Сарыкамышей русло теряется, и по Узбою идетъ уже сплошной подъемъ въ 40 саженей, на протяженіи до 200 верстъ, примѣрно, до Балла-Ишема Усть-Урскаго. Около послѣдняго пункта оказался водораздѣлъ между Каспійскимъ моремъ и Сарыкамышскою котловиною. Русло Узбоя начинаетъ ясно обрисовываться на западъ отъ Балла Ишема Усть-Урскаго, по направленію къ Каспію.

На этомъ пространствѣ части русла съ крутымъ паденіемъ болѣе одного фута на версту чередуются съ участками, вовсе не имѣющими паденія, или-же идущими на подъемъ, какъ, напримѣръ, участокъ Узбоя между нижними Игдами и колодцемъ Бургуномъ, гдѣ на протяженіи 150 верстъ (?) идетъ подъемъ въ 3 саж. Таковы результаты нивеллировки экспедиціи г. Глуховского.

Изъ нея видно, что отъ Аму-Дарьи до Каспія отнюдь нѣтъ непрерывнаго правильнаго уклона русла, какой предполагался раньше и который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ любой рѣки. Участки русла въ сотни верстъ длиной съ крутымъ паденіемъ чередуются съ такими-же длинными подъемами.

По геологическимъ изслѣдованіямъ князя Гедройца и моимъ обнаружилось, что вся поверхность сарыкамышской котловины представляетъ чрезвычайно поучительное зрѣлище древней высохшей дельты рѣки. Если слѣдовать вдоль по этой котловинѣ отъ Балла-Ишема Усть Уртскаго до Сарыкамышей или пройти ее поперекъ мимо Чарышловъ, или пропутешествовать по главной караванной дорогѣ изъ Кизилъ-Арвата въ Хиву, повсюду приходится пересѣкать множество озерныхъ котловинъ, носящихъ слѣдующій оригинальный характеръ.

Дно этихъ котловинъ синевато-сѣраго цвѣта, покрыто рыхлою сѣрою глиною, легко растирающейся въ тонкій порошокъ или пыль. Глина эта пронизана массою растительныхъ волоконъ, переполнена листьями и стволами обуглившагося камыша. Подъ слоемъ глины въ нѣсколько вершковъ толщиною залегаетъ пластъ камышеваго торфа темно-бураго цвѣта, дающаго въ водѣ растворъ гуминовыхъ веществъ; подъ торфомъ залегаетъ снова рыхлый сухой илъ, а подъ нимъ подстилается уже красная, плотная соленосная арало-каспійская глина или же твердые песчаники, мергеля и известняки третичнаго возраста. Поверх-

ность котловинъ покрыта множествомъ небольшихъ барханов снѣжно-бѣлаго песку. Въ этомъ пескѣ, равно какъ и въ упомянутой сѣрой рыхлой глинѣ, изобилуютъ створки полупрѣсноводныхъ и наземныхъ молюсковъ.

Но среди описанныхъ котловинъ или по берегамъ ихъ вздымаются до 50 с. вышины массивные глинисто-песчаные бугры совершенно иного характера. Они построены изъ плотныхъ соленосныхъ глинъ краснаго цвѣта, арало-каспійскаго возраста, увѣнчанныхъ буграми грязно-желтаго песку, которые составляли эффектный контрастъ съ только-что описанными синевато-сѣрыми впадинами и бѣлыми песками. Бока этихъ бугровъ носили признаки подмыва водою и были окаймлены слоемъ камышеваго торфа въ 2 вершка толщиною. Очевидно, бугры эти были островами, остатками размытаго материка. По характеру осадковъ и по представителямъ молюсковой фауны, населявшимъ сарыкамышскую впадину, сдѣлалось совершенно яснымъ, что въ сарыкамышскомъ водоемѣ предъ нами развертывается геологическая картина безчисленныхъ древнихъ высохшихъ озеръ и болотъ, въ которыя вливались съ востока древніе рукава Аму Дарьи. Только въ одномъ наиболѣе глубокомъ мѣстѣ этой впадины, именно вокругъ сарыкамышскихъ соленыхъ озеръ, замѣчается рядъ шоровъ и солончаковъ, покрытыхъ гипсоноснымъ и соленоснымъ пескомъ и усѣянныхъ свѣжими створками Cardium edule, чисто соленоводнаго молюска, живущаго и понынѣ въ Аральскомъ морѣ. Присутствіе послѣдней раковины на днѣ сарыкамышской впадины показываетъ, что сарыкамышскій бассейнъ, несмотря на постоянный приливъ къ нему въ древности аму-дарьинскихъ водъ, никогда не превращался, однако, въ полномъ объемѣ въ озеро съ вполнѣ прѣсною водою. Онъ представляется типомъ озера съ полусоленой водой, въ которой уживались рядомъ какъ чисто морскіе организмы, населявшіе глубины его, такъ и лиманные и болотные молюски, разсѣявшіеся по его окраинамъ.

Такой взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе также въ фактѣ полнаго отсутствія въ сарыкамышскомъ водоемѣ раковины Sirena fluminalis, свойственной Аму-Дарьѣ и типичной для ея прѣсныхъ водъ.

Основываясь на вышеприведенныхъ данныхъ, естественно было заключить, что Аму-Дарья въ древности впадала съ востока въ сарыкамышскій бассейнъ и развивала въ восточной его половинѣ дельту на пространствѣ до 20,000 квадр. верстъ.

Обратимся теперь къ анализу Узбоя.

Какъ я имѣлъ честь указать, русло его въ явственномъ видѣ начинается только отъ Балла-Ишема Усть-Уртскаго, отъ котораго до Каспійскаго моря и сохраняетъ типичные орографическіе признаки рукава проточной воды, мѣстами, впрочемъ, прерываемаго значительными котловинами.

Что мы имѣемъ здѣсь по Узбою несомнѣнное русло или фарватеръ, прорытый проточной водой,—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ, Богдановичъ, говорятъ, что оно могло быть прорыто дождевою водою. Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться, имѣя въ виду, что повсемѣстно въ руслѣ наблюдаются безчисленныя створки сарыкамышскихъ и каспійскихъ молюсковъ, указывающихъ на жизнь, кипѣвшую въ водахъ, протекавшихъ по Узбою, чего въ дождевыхъ оврагахъ не бываетъ.

Русло западнаго Узбоя обладаетъ крутыми, иногда почти отвѣсными берегами. Дно его заполнено, большей

частью, солеными озерами или солончаками; изрѣдка мѣстами оно усѣяно небольшими барханчиками сталь но сѣраго песку или отложеніями сѣрыхъ, рыхлыхъ глинъ, которыя постепенно исчезаютъ, по мѣрѣ приближенія русла къ Каспійскому морю. Въ этихъ отложеніяхъ изобилуютъ створки тѣхъ самыхъ молюсковъ, которые населяютъ сарыкамышскій бассейнъ. Разница въ организмахъ заключается лишь въ томъ, что, начиная отъ Игдовъ, ниже послѣднихъ по Узбою, къ представителямъ лиманной сарыкамышской фауны начинаютъ примѣшиваться створки кардидъ, этихъ типичныхъ обитателей современнаго Каспійскаго моря.

Каспійскіе молюски, по мѣрѣ приближенія Узбоя къ Балханскимъ горамъ, встрѣчаются все въ большемъ количествѣ и, наконецъ, на полуостровѣ Дарджѣ совершенно вытѣсняютъ собою сарыкамышскую фауну.

Обширное пространство въ 100 верстъ средней ширины между Балханскими горами и береговъ Каспійскаго моря усѣяно многочисленными колоніями молюсковъ каспійскаго типа, притомъ такими, которые не могли существовать въ прѣсной водѣ, т. е. кардидами. Мѣстность эта представляется и въ настоящее время зрѣлищемъ колоссальнаго кладбища упомянутыхъ организмовъ, створки которыхъ остались на дневной поверхности настолько свѣжими, что сохранили свои рисунки. Притомъ, створки эти переполняли собою не только глины и пески въ низинахъ но изобиловали и на 20, 30 и даже 35-ти саженной высотѣ надъ современнымъ горизонтомъ Каспійскаго моря.

У подножья Балханскихъ горъ, въ 60 верстахъ отъ морского берега, вытянулись въ линію, болѣе 100 верстъ длины, морскіе береговые валы, составленные изъ округленныхъ голышей и галекъ, очевидно, набросанныхъ сюда морскимъ прибоемъ, перемѣшанныхъ съ массою створокъ вышеупомянутыхъ морскихъ организмовъ. Выдвинувшійся къ Муллакарамъ мысъ большихъ Балханскихъ горъ носитъ на себѣ, на высотѣ 20 слишкомъ саженей надъ горизонтомъ моря, явные слѣды морского прибоя, въ видѣ скалъ, какъ кружево, изъѣденныхъ ударами волнъ, и пещеръ, переполненныхъ гальками и морскими ракушками.

Буровыя скважины, проведенныя въ разныхъ пунктахъ полуострова Дарджи, какъ-то: на Нефтяной горѣ, въ Муллакарахъ, въ Узунъ-Ада, проникли до глубины 60 саж., нигдѣ не встрѣтивъ прѣсноводныхъ осадковъ, и пересѣкли однѣ лишь морскія соленосныя красныя глины, переслаивающіяся съ песками, содержавшими раковины морского типа; слѣдовъ-же обуглившихся древесныхъ стволовъ, камышеваго торфа, рѣчныхъ раковинъ, словомъ, тѣхъ несомнѣнныхъ признаковъ прѣсной воды, которыми такъ изобилуютъ Сарыкамыши и современная дельта Аму-Дарьи, не было найдено. Ясно, что на полуостровѣ Дарджѣ, вокругъ Балханскихъ горъ и по современнымъ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря не существовало дельты рѣки. Море своими свѣжими характерными осадками относительно недавно построило всю эту мѣстность.

Руководствуясь наличностью приведенныхъ нивеллировочныхъ данныхъ и геологическихъ наблюденій, возможно было установить слѣдующій, наиболѣе вѣроятный взглядъ на генезисъ Узбоя.

1) Нижняя, ближайшая къ Каспію, часть Узбоя, примѣрно, до мериді-

ана Игдовъ, представляется слѣдомъ геологически недавняго залива этого моря, фарватеръ котораго обнаружился въ видѣ русла съ крутыми берегами; дельты же Оксуса въ этой мѣстности не существовало.

2) Верхній участокъ русла Узбоя отъ Игдовъ до Балла-Ишема Усть-Уртскаго представляется временнымъ мѣстомъ стока избытка полусоленыхъ лиманныхъ водъ арало-сарыкамышской котловины въ упомянутый древній рукавъ Каспія. Слѣдуетъ замѣтить, что водораздѣлъ между Сарыкамышами и Каспіемъ находится на той-же абсолютной высотѣ, какъ и водораздѣлъ между Сарыкамышами и Араломъ, такъ что при переполненіи сарыкамышскаго водоема водою послѣдній сливался съ Аральскимъ моремъ черезъ Айбугирскій заливъ, а, слѣдовательно, по Узбою протекала соленая вода, т. е. смѣсь аральскихъ, сарыкамышскихъ и аму-дарьинскихъ водъ.

3) Обширный сарыкамышскій водоемъ съ эпохи самой глубокой древности отдѣлялъ собою Аму-Дарью отъ Каспія и не допускалъ прѣсной рѣчной водѣ проникнуть до Каспійскаго моря. Осадки р. Аму полностью отмучивались въ Сарыкамышахъ. Несомнѣнные древніе рукава дельты Оксуса, о которыхъ повѣствуютъ арабскіе историки, находились въ восточной половинѣ Сарыкамышей.

Я попрошу у васъ, мм. гг., еще минуту терпѣнья, чтобы покончить съ Узбоемъ, и обращусь къ анализу слѣдующихъ вопросовъ: 1) Не представлялся-ли сарыкамышскій водоемъ такимъ-же регуляторомъ для Аму-Дарьи, какимъ служитъ въ настоящее время Женевское озеро для Роны или Боденское озеро для Рейна. Извѣстно, что упомянутыя рѣки вытекаютъ изъ своихъ озеръ еще съ большимъ количествомъ воды, чѣмъ то, которое онѣ вносятъ. Иначе говоря, не вытекала-ли измѣненная по качеству лишь аму-дарьинская вода изъ Сарыкамышей по верхнему участку Узбоя съ тѣмъ-же запасомъ, какимъ обладала Аму-Дарья до впаденія своего въ Сарыкамыши?

2) Если нѣтъ, то не былъ-ли верхній Узбой, по крайней мѣрѣ, тѣхъ рукавовъ сарыкамышской дельты Аму-Дарьи, берега котораго были населены и воздѣланы, какъ указываютъ арабскіе историки?

На предложенные два вопроса приходится отвѣчать отрицательно, на слѣдующихъ основаніяхъ.

Русло западнаго Узбоя столь незначительно по размѣрамъ своимъ, что не могло вмѣщать въ себѣ и десятой доли запаса воды, который несетъ въ настоящее время Аму-Дарья.

Послѣдняя тамъ, гдѣ течетъ среди плоскихъ береговъ, представляетъ величественный видъ, обладаетъ шириной отъ 2-хъ до 3-хъ и даже до 5-ти верстъ и можетъ быть сравниваема съ Миссисипи. Тамъ, гдѣ Аму-Дарья течетъ среди высокихъ глинистыхъ береговъ, какъ, наприм., между Кабахлы и Питнякомъ, рѣка имѣетъ ширину отъ одной до полутора верстъ. Между тѣмъ, Узбой, гдѣ онъ течетъ въ глинистыхъ берегахъ, имѣетъ русло шириною, по измѣреніямъ инженеровъ аму-дарьинской экспедиціи, не болѣе 100 саженей. Подобная разница въ размѣрахъ русла наблюдается также и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Аму Дарья и Узбой прорываютъ себѣ русло въ каменныхъ породахъ и текутъ въ скалистыхъ берегахъ.

Такимъ образомъ, Аму-Дарья, стѣсненная у Дея-боюна отвѣсными скалами сарматскихъ и вестняковъ, имѣетъ ширину отъ 100 до 300 саженъ. Среди этихъ скалъ она бѣшено несется и имѣетъ глубину до 10 саж. Между тѣмъ, Узбой между Аккайлой и Игдами прорываетъ себѣ ущелье въ тѣхъ-же сарматскихъ известня-

кахъ шириною не болѣе 25-ти саж., при средней глубинѣ живого сѣченія русла въ 2—3 сажени.

Очевидно, Узбой могъ вмѣстить въ себѣ едва десятую долю средняго запаса аму-дарьинской воды.

Такимъ образомъ, Узбой могъ быть въ лучшемъ случаѣ только однимъ изъ рукавовъ дельты Аму-Дарьи, но никакъ не непрерывнымъ продолженіемъ ея полнаго русла.

Но противъ послѣдняго предположенія говоритъ не только фактъ отсутствія въ глинахъ и пескахъ русла Узбоя прѣсноводной раковины Sirena fluminalis, типичной для Аму-Дарьи, но также весьма существенное обстоятельство, что слѣды развалинъ и построекъ, находимые вдоль Узбоя, отнюдь не носятъ характера той богатой древней культуры и ирригаціи, о которой единогласно говорятъ цитированные арабскіе писатели. Я позволю себѣ категорически оспаривать справедливость высказаннаго нѣкоторыми изслѣдователями Узбоя предположенія, что въ одномъ мѣстѣ русла, именно около Аккайлы, имѣются, будто-бы, слѣды оросительной канавы, а въ другомъ пунктѣ, именно у Талайханъ ата, существуютъ, будто-бы, развалины какого-то села или города.

На этомъ рисункѣ представлена съемка развалинъ Талайханъ-ата. Вы увидите на ней одно лишь полукруглое зданіе, выстроенное изъ тесаныхъ плитъ; зданіе имѣетъ въ поперечникѣ 25 саж. и во дворѣ вдоль внутренней стѣнки замѣчаются развалины нѣсколькихъ помѣщеній. Вокругъ зданія раскинуто мусульманское кладбище. Вотъ и все. Очевидно, постройка эта была караванъ-сараемъ, сооруженнымъ для отдыха проѣзжающихъ. Талайханъ-атанское зданіе находится какъ разъ на большой караванной дорогѣ изъ Кизилъ-Арвата въ Хиву. Замѣтьте, что стѣны этого зданія проектированы такимъ образомъ, что одна стѣна у входа въ зданіе заходитъ за другую, образуя коридоръ. Точно такого же типа зданіе съ кладбищемъ мы имѣемъ на 100 верстъ далѣе по той-же дорогѣ, именно въ Дашкала, стоящей далеко въ сторонѣ отъ Узбоя. Фундаментъ подобной постройки имѣется и въ Кизилъ-Арватѣ.

Что касается до пресловутыхъ слѣдовъ ирригаціи у Аккайлы, то при первомъ взглядѣ на рисунокъ никто изъ васъ, я увѣренъ, не затруднится выразить отрицательное мнѣніе о нихъ, какъ объ ирригаціонномъ сооруженіи

На берегу русла Узбоя сдѣланъ изъ кирпича небольшой бассейнъ, въ сажень діаметромъ, снабженный выпускной гончарной трубой и соединенный съ боку съ другимъ, меньшимъ бассейномъ. Отъ бассейна въ сторону отъ Узбоя по такыру идетъ перпендикулярно къ руслу на 400 саж. кирпичный желобъ квадратнаго сѣченія въ 4 вершка. Вотъ и все ирригаціонное сооруженіе.

Кто имѣлъ случай видѣть ирригаціонныя работы въ любомъ пунктѣ Кавказа или Туркестана, тотъ, конечно, тотчасъ убѣдится въ ошибочности такого предположенія.

Обыкновенно, ирригаціонное сооруженіе состоитъ не изъ одного только канала, а изъ цѣлой сѣти каналовъ, арыковъ и оросительныхъ канавъ, покрывающихъ собою всегда значительные участки земли. Притомъ, магистральные каналы всегда возвышаются надъ уровнемъ орошаемой площади на аршинъ, 2 арш. и даже на сажень, съ цѣлью дать извѣстный уклонъ теченію воды. Я не стану описывать грандіозныхъ ирригаціонныхъ сооруженій, занимающихъ сотни квадратныхъ верстъ, съ магистральными каналами въ 300 верстъ длиною, какіе мы видимъ въ Хивѣ, въ Бухарѣ и вообще вдоль

Аму-Дарьи. Но вотъ рисунокъ развалинъ загадочнаго древняго города Мешедъ-Месторіана, расположеннаго на пустынномъ восточномъ берегу Каспійскаго моря, въ 50-ти верстахъ отъ Атрека. Древность этого города относится, приблизительно, къ X вѣку. Вы ясно видите цѣлую сѣть оросительныхъ каналовъ, сотни домовъ, мечетей, минаретовъ, слѣды которыхъ отлично сохранились по настоящее время, т. е. въ продолженіе почти тысячелѣтія. Вода была проведена сюда изъ Атрека каналомъ въ 40 верстъ длины.

Чѣмъ-же объяснить, что вдоль Узбоя, если онъ несъ прѣсную воду, пригодную для ирригаціи, не сохранилось по его берегамъ болѣе отличныхъ слѣдовъ древней культуры, чѣмъ упомянутый кирпичный желобъ въ нѣсколько вершковъ ширины и глубины. Желобъ этотъ, вдобавокъ, врытъ въ землю, такъ что трудно себѣ представить, какимъ образомъ изъ него могла орошаться мѣстность, горизонтъ которой выше уровня желоба. Вода въ желобъ должна была попадать изъ кирпичнаго бассейна, который, будто-бы, наполнялся естественнымъ подпоромъ рѣчной воды изъ Узбоя, проникавшей въ бассейнъ по глиняной трубѣ въ 6 вершк. въ діаметрѣ. Развѣ гдѣ-либо устраиваются подобнымъ образомъ ирригаціонныя сооруженія изъ рѣки?

Наконецъ, запасъ воды, который могъ вмѣщать въ себѣ желобъ, такъ ничтоженъ, что имъ возможно было оросить всего нѣсколько десятинъ земли.

Смѣшно и говорить, что вся ирригація вдоль Узбоя, принимая послѣдній за древнее русло величественной рѣки, заключалась въ одномъ желобѣ въ 4 вершка въ квадратѣ. Ясно, что аккайлинское сооруженіе было просто хакомъ, предназначеннымъ для скопленія дождевой воды, болѣе прочно устроеннымъ, чѣмъ тѣ земляные хаки и канавы, которые постоянно роютъ текинцы на такырахъ для скопленія выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ. Большой бассейнъ служилъ для отстаиванія грязной воды. Чистая вода перепускалась въ малый бассейнъ, а скопившаяся грязь выпускалась по трубѣ въ русло Узбоя.

Съ другой стороны, не представляется-ли явнымъ недоразумѣніемъ предположеніе, что народъ, населявшій берега Узбоя, могъ весь помѣститься въ нѣсколькихъ каморкахъ въ каравансараѣ у Талайханъ-ата, въ этомъ единственномъ человѣческомъ жилищѣ, найденномъ вдоль Узбоя.

Стало-быть, если по Узбою нѣтъ ни раковинъ, свойственныхъ Аму-Дарьѣ, ни ея типичныхъ илистыхъ осадковъ, ни дѣйствительныхъ широкихъ слѣдовъ ирригаціи, то западный Узбой, затерянный въ пескахъ, не былъ никогда тѣмъ древнимъ рукавомъ Аму Дарьи въ Каспій, о богатой культурѣ котораго говорятъ арабскіе писатели X—XIV вѣковъ. Рукавомъ этимъ, очевидно, служило русло Куня-Дарьи, оканчивающееся у Сарыкамышскаго озера. Русло это въ 300 верстъ длиною, носитъ по обоимъ берегамъ многочисленные несомнѣнные слѣды древней обширной ирригаціи, въ видѣ многочисленныхъ плотинъ и сѣтей оросительныхъ каналовъ, развалинъ городовъ и селъ, слѣдовъ высохшихъ садовъ и виноградниковъ, покрывающихъ собою огромныя площади. Куня-дарьинская ирригація продолжалась до самаго устья ея и частью раскинулась по дну сарыкамышской котловины. Въ этой мѣстности вдоль Капланъ-кыра наблюдается сѣть каналовъ и арыковъ. Весьма возможно, что во время половодія рѣки, когда масса прѣсной воды прорывалась по Куня-Дарьѣ въ Сарыкамышское озеро, уровень послѣдняго по-

дымался настолько,—напримѣръ, на 2—3 саж.,—что затоплялъ собою упомянутую воздѣланную площадь.

Такимъ образомъ, указаніе Гамдуллы, этого наиболѣе достовѣрнаго историка, что уровень Каспійскаго моря подымается отъ приливовъ аму-дарьинскихъ водъ настолько, что затопляетъ окрестные поля, сады и виноградники, является совершенно правдоподобнымъ, если отнести это явленіе не къ современному Каспію, а къ Сарыкамышамъ.

Вслѣдствіе многочисленныхъ пороговъ по Узбою, узкости и извилистости русла, о какомъ-либо судоходствѣ какъ по немъ, такъ и по сарыкамышскимъ озерамъ и болотамъ не можетъ быть и рѣчи.

Отсюда ясно, что комментаторы разсматриваемаго вопроса впали въ географическую ошибку, относя древнее теченіе Аму-Дарьи къ современнымъ предѣламъ Каспійскаго моря.

Теперь я перейду къ краткому разбору созданной въ новѣйшее время гипотезы о другихъ, будто-бы, руслахъ Аму Дарьи, именно: о чарджуйскомъ и о копетъ-дагскомъ.

Жизнь учитъ насъ, мм. гг., что если извѣстная идея овладѣваетъ воображеніемъ людей,—а въ данномъ случаѣ идея была весьма заманчива,—то самому добросовѣстному изслѣдователю трудно отъ нея скоро отрѣшиться. Пытливый человѣческій умъ продолжаетъ настойчиво преслѣдовать ее, пока дѣйствительность, подавляющею массою фактовъ, не обнаружитъ ея заблужденія.

Такъ случилось съ дальнѣйшею судьбою аму-дарьинскаго вопроса.

Защитники мнѣнія о древнемъ впаденіи Оксуса, будто-бы, въ Каспійское море, видя свою гипотезу объ Узбоѣ, какъ непрерывномъ старомъ ложѣ рѣки, подорванною открытіемъ огромной сарыкамышской котловины, преградившей доступъ большей части водъ Аму-Дарьи въ Каспійское море, стали искать въ пустынѣ слѣдовъ существованія другого русла, шедшаго въ обходъ упомянутой впадины. Оно нашлось въ лицѣ такъ-называемой Чарджуй-Дарьи.

Подъ этимъ именемъ туркмены подразумѣвали длинный рядъ котловинъ, вытянувшихся почти посрединѣ Каракумской пустыни отъ Чарджуя по направленію къ Узбою. Первыя свѣдѣнія объ этихъ котловинахъ далъ намъ г. Калитинъ, совершившій смѣлую поѣздку изъ Геокъ-тепе въ Хиву и привезшій извѣстіе, что среди пустыни имѣется, будто-бы, такое-же старое русло рѣки, какъ и Узбой.

Хотя свѣдѣнія, сообщенныя г. Калитинымъ, не носили характера полной достовѣрности, тѣмъ не менѣе создалось предположеніе, что р. Аму первоначально протекала не по Узбою, а по этому самому чарджуйскому руслу, которое, начинаясь около Репетека или Келифа близъ Аму-Дарьи, пересѣкало пополамъ пустыню Каракумъ, направляясь къ Балла-Ишему Усть-Уртскому. У этого пункта русло соединялось съ западнымъ Узбоемъ и продолжалось до Каспійскаго моря.

Такимъ образомъ, воздродилась новая теорія о древнемъ непрерывномъ теченіи Аму Дарьи до Каспійскаго моря, но уже не по широтному направленію, а съ юго-востока на сѣверо-западъ. Гипотеза эта основывалась, однако, не на геологическихъ или нивеллировочныхъ данныхъ, а преимущественно на разсказахъ туркменъ или на сообщеніяхъ случайныхъ путешественниковъ.

Но туркмены называютъ любую котловину съ влажнымъ дномъ дарьей или шоромъ.

Съ другой стороны, развѣ можно судить о существованіи русла рѣки на томъ лишь основаніи, что путешественнику встрѣтилась долина съ крутыми берегами и ракушками на

днѣ?

Развѣ кто-либо изъ васъ, мм. гг., проѣзжавшій по закавказской желѣзной дорогѣ въ г. Баку, повѣрилъ-бы, что глубокая и узкая Ясамальская долина на Апшеронскомъ полуостровѣ съ крутыми берегами и многочисленными ракушками и гальками на днѣ, долина, въ которую входитъ поѣздъ, приближаясь къ станціи Пута, есть древнее русло рѣки?

Безъ сомнѣнія, нѣтъ. А почему?

Потому именно, что по берегамъ этой долины залегаютъ исключительно морскіе или субъ-аэральные осадки; ракушки-же и гальки, въ ней встрѣчающіяся, также морскія.

Итакъ, не всякая долина съ ракушками и гальками и крутыми берегами есть рѣчная долина. Въ существованіи послѣдней можно быть убѣжденнымъ лишь тогда, когда по берегамъ долины будетъ констатированъ компетентными лицами несомнѣнный рѣчной илъ, а ракушки, найденныя на днѣ ея, окажутся, по опредѣленію геологовъ, несомнѣнно рѣчного типа.

Въ 1885 году я нарочито совершилъ съ П. М. Лессаромъ поѣздку по Чарджуй Дарьѣ съ спеціальною цѣлью ознакомиться съ строеніемъ русла.

На повѣрку оказалось, что въ этой мѣстности нѣтъ не только никакихъ признаковъ рѣчного фарватера, этого скелета рѣки, но нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ илистыхъ осадковъ, рѣчныхъ раковинъ, остатковъ обугленныхъ деревьевъ, камышеваго торфа, слѣдовъ культуры и ирригаціи и другихъ признаковъ химической, механической и культурной дѣятельности рѣчной воды.

Слѣдуя по Чарджуй-Дарьѣ отъ Бала-Ишема Усть-Уртскаго до Мирза-чилле, мы пересѣкали рядъ глубокихъ обособленныхъ котловинъ, окруженныхъ высокими коренными берегами, построенными изъ твердыхъ известковыхъ или песчаныхъ породъ третичнаго возраста, совершенно не размытыхъ струей проточной воды. Вдоль по Чарджуй-Дарьѣ замѣчалась лишь та существенная особенность, что сѣверо-восточный берегъ ея былъ чрезвычайно крутъ и обрывистъ, въ 25—30 саженей высоты, построенный изъ плотныхъ породъ и изрѣзанный множествомъ заливовъ, тогда какъ юго-западный берегъ ея былъ сравнительно низокъ и засыпанъ песчаными, сыпучими буграми грязно-желтаго цвѣта, заполнившими собою всю западную половину пустыни Каракумъ.

У меня и у г. Лессара твердо сложилось убѣжденіе въ томъ, что Чарджуй-Дарья отнюдь не была русломъ какой-нибудь рѣки. Нашъ взглядъ подтвердился въ 1884 году нивеллировкой экспедиціи Глуховского, категорически примкнувшей къ нашему мнѣнію, а въ послѣднее время изслѣдованіями горнаго инженера Обручева.

Итакъ, всѣ очевидцы Чарджуй-Дарьи, непосредственно изучившіе значительные участки упомянутаго quasi-русла, пришли къ полному и единогласному заключенію, что Чарджуй-Дарья не была древнимъ ложемъ классическаго Оксуса.

Чувствуя себя поколебленными и на почвѣ Чарджуй-Дарьи, защитники амударьинскаго вопроса создали новую гипотезу, что, кромѣ нея, существуетъ еще одно древнее русло рѣки,—самое древнѣйшее изъ всѣхъ которое, будтобы, направлялось отъ Келифа мимо Мерва къ Асхабаду, шло вдоль Закаспійскихъ горъ и ахалъ-текинскаго оазиса и соединялось у Балханскихъ горъ съ Узбоемъ.

Такова новая и самая послѣдняя гипотеза о древнемъ теченіи Аму-Даріи.

Такъ - называемое копетъ-дагское или келифское русло является уже 3-мъ по счету среди предполагаемыхъ старыхъ руселъ рѣки.

По мнѣнію авторовъ выше указанной гипотезы, Аму-Дарья въ древности направлялась первоначально отъ Калифа на Учаджи, гдѣ имѣются, будто-бы, слѣды 6-ти теченій рѣчныхъ руселъ. Затѣмъ, она направилась на западъ къ Мерву, принимая съ лѣвой стороны рр. Мургабъ и Тедженъ.

Періодъ теченія Аму-Дарьи въ этомъ направленіи опредѣляется г. Обручевымъ за 2000 лѣтъ до нашихъ дней, т. е. въ эпоху Геродота.

Въ послѣдующее время Аму-Дарья неотступно слѣдовала за усыханіемъ Каспійскаго моря и текла вдоль Копетъ-дага, развивая свою дельту. Въ этомъ направленіи она продолжала ее до современныхъ береговъ Каспійскаго моря.

Рядомъ, однако, съ поступательнымъ теченіемъ Аму-Дарьи съ юго-востока на сѣверо-западъ происходило, по мнѣнію гг. Обручева и Каульбарса, боковое движеніе этой рѣки отъ Копетъ-дага на сѣверъ, повинуясь которому рѣка отошла мало-по-малу отъ Копетъ-дага за 250 верстъ къ востоку до Чарджуй-Дарьи, по которой продолжала течь нѣкоторое время. Затѣмъ, она какъ то сразу перескочила еще за 250 верстъ на востокъ, до современнаго своего русла, и уже тогда пошла мимо хивинскаго оазиса черезъ сарыкамышскую котловину и западный Узбой въ Каспійское море.

Со временемъ и это теченіе рѣки усохло, и Аму-Дарья направилась цѣликомъ въ Аральское море.

Стало быть, по мнѣнію упомянутыхъ лицъ, Аму-Дарья гуляла въ древности по всему пространству Каракумской пустыни, имѣющей до 1,000 верстъ въ длину и до 400 верстъ средней ширины, и развивала на ней обширнѣйшую дельту, безпримѣрную по своей величинѣ. Основаніе и высота дельтоваго треугольника по 1,000 верстъ. Это совершенно невѣроятная вещь! Живой гидравлической силы десяти Оксусовъ недостаточно для воспроизведенія столь значительной работы.

Самыя величественныя рѣки въ мірѣ, какъ, напримѣръ, р. Амазонская, Миссисипи, Индъ и Гангъ, Нилъ, наконецъ, Желтая и Голубая рѣки въ Китаѣ во много разъ превосходятъ Аму-Дарью по величинѣ своихъ бассейновъ и по запасу воды, однако, онѣ имѣютъ дельту, во много разъ меньше вышеуказанной, именно—отъ 200 до 500 верстъ въ основаніи и въ высотѣ.

Спрашивается, какіе-же факты легли въ основаніе столь грандіозной гипотезы?

Теорія эта основана, главнымъ образомъ, на существованіи въ пустынѣ Каракумъ шоровъ и чинковъ. Послѣдніе служатъ, будто-бы, неопровержимыми доказательствами теченія рѣки.

Уважаемый М. Н. Анненковъ въ своемъ краснорѣчивомъ докладѣ „О пригодности средней Азіи для русской колонизаціи", основываясь на концепціяхъ барона А. В. Каульбарса и г. Обручева, говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «Шоры и чинки», эти неопровержимыя доказательства теченія рѣки, указываютъ намъ, что вся пустыня Каракумъ покрыта плодороднымъ лесомъ, остаткомъ древняго теченія могущественной рѣки. Лесъ этотъ по плодородію равенъ китайскому лесу, откуда слѣдуетъ, что въ закаспійскомъ краѣ мы имѣемъ обширнѣйшую территорію, покрытую плодородной почвой, которую стоитъ только оросить, чтобы вызвать къ жизни роскошнѣйшую страну».

Позвольте, однако, разъяснить, что такое „шоры и чинки".

«Шоръ»—это туземное слово, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „солончакъ".

«Чинкъ»—тоже туземное слово, въ переводѣ по-русски значитъ „обрывъ".

Итакъ, выражаясь по-русски, фразу, что шоры и чинки служатъ неопровержимымъ доказательствомъ теченія рѣки, можно перевести такъ, что неопровержимымъ доказательсвомъ существованія рѣки служатъ солончаки и обрывы!

Но мы знаемъ и привыкли думать, что солончаками изобилуютъ, главнымъ образомъ, берега моря. Море, высыхая и оставляя въ прибрежныхъ котловинахъ остатки соленой воды, естественно образуетъ въ нихъ весьма тонкіе солончаки. Съ другой стороны, морскія волны, подмывая крутые морскіе берега, нерѣдко образуютъ обрывы.

Кому приходилось высаживаться на любомъ морскомъ берегу, тотъ, безъ сомнѣнія, прежде всего встрѣчался съ солончаками и обрывами. Послѣдними переполнены не только берега Каспія, но и любого моря.

Обрывъ, какъ продуктъ механической работы морского прибоя, и солончакъ, какъ результатъ совокупной химической и механической дѣятельности моря, всегда были и будутъ естественными и неизбѣжными спутниками большихъ соленоводныхъ бассейновъ.

Правда, что и рѣка въ иныхъ случаяхъ, когда она размываетъ соленосныя породы, создаетъ на почвѣ своихъ разливовъ, въ періодъ ихъ высыханія, также солончаки. Въ другихъ случаяхъ по дну старыхъ рукавовъ, оставленныхъ рѣкою, съ теченіемъ времени, отъ испаренія прѣсной воды также создаются солончаки. Подробное описаніе процесса субъ-аэральнаго происхожденія солончаковъ сдѣлано академикомъ Бэромъ, 30 лѣтъ тому назадъ, а отъ барона Каульбарса, три года тому назадъ, мы слышали талантливое объясненіе рѣчного ихъ генезиса.

Рѣчные солончаки возможно, однако, тотчасъ отличить отъ морскихъ, по слѣдующимъ признакамъ: во-1-хъ, коренные берега рѣчныхъ солончаковъ всегда прорваны въ двухъ мѣстахъ по направленію тальвега рѣки; въ рѣдкихъ случаяхъ они пересыпаны пескомъ. Въ солончакахъ-же морского типа, въ силу особенностей ихъ происхожденія, коренныя породы залегаютъ по всей окружности солончаковой котловины, нигдѣ не прерываясь.

Во-2-хъ, типическимъ петрографическимъ отличіемъ морскихъ солончаковъ отъ рѣчныхъ являются залежи гипса (сѣрнокислой извести), покрывающія собою какъ дно, такъ и берега морского шора. Гипсъ въ данномъ случаѣ является продуктомъ испаренія морской воды, содержащей означенную соль въ изобиліи. Въ прѣсной-же водѣ соли сѣрно-кислой извести въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ обыкновенно отсутствуютъ.

Отсюда слѣдуетъ, что доказательствами существованія рѣки отнюдь не можетъ служить голый фактъ присутствія гдѣ-либо шоровъ и чинковъ. Надобно разъяснить, какого рода эти шоры и чинки, совершенно подобно тому, какъ, найдя створку раковины, необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить, какого она типа: рѣчного или морского.

Стало быть, весь вопросъ о древнемъ теченіи Аму-Дарьи есть вопросъ по преимуществу почвенный.

Попытаемся-же распутать узелъ, завязавшійся въ вопросѣ о характерѣ почвы кара кумовъ.

Покойный профессоръ Барботъ-де-Марни, извѣстный геологъ, отличавшійся въ своихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ точностью, доходившею до педантизма, характеризуетъ осадки въ современной дельтѣ Аму Дарьи слѣдующимъ образомъ: „По какому-бы рукаву рѣки ни пришлось ѣхать, всюду выступаетъ изъ подъ воды сѣ-

рая, рыхлая, чрезвычайно пористая глина, прорѣзанная массою растительныхъ волоконъ. Глина эта растирается въ чрезвычайно тонкій пылевидный порошокъ».

„На этой глинѣ растетъ въ изобиліи камышъ и всякаго рода кустарники, которые по мѣрѣ высыханія образуютъ торфъ".

„Въ этой глинѣ нерѣдко встрѣчаются раковины, свойственныя Аму-Дарьѣ. Продуктомъ вывѣтриванья ея служатъ барханы бѣлаго или стально-сѣраго песку, называющіеся у туземцевъ аккумами".

Другой нашъ талантливый профессоръ геологіи И. В. Мушкетовъ, изслѣдовавшій все среднее теченіе Аму-Дарьи отъ Келифа до Хивы на протяженіи болѣе 1,000 верстъ, также констатировалъ повсемѣстно по берегамъ ея тотъ же рыхлый сѣрый порошкообразный илъ со слоями камышеваго торфа и обугленными стволами кустарниковъ. Продуктомъ вывѣтриванія этой породы служило множество бархановъ стально-сѣраго песку.

Типичные-же морскіе осадки, изобилующіе по берегамъ Каспійскаго моря, характеризуются красною плотною глиною съ прослойками желѣзистаго бураго или сѣраго песку.

Красная глина насыщена солью и гипсомъ, чего обыкновенно не наблюдается въ рѣчныхъ осадкахъ, отложившихся изъ прѣсной воды.

Упомянутая красная глина, въ видѣ ли коренной породы, или въ образѣ намывныхъ субъ-аэральныхъ отложеній, такъ тверда въ сухомъ состояніи, что удары лошадиной подковы звенятъ по ней, не оставляя слѣда и не вызывая пыли. Это знаетъ каждый, побывавшій въ Туркменіи *).

Въ упомянутыхъ красныхъ глинахъ никогда не встрѣчается древесныхъ обугленныхъ остатковъ или слоевъ камышеваго торфа. Продуктомъ вывѣтриванія красныхъ глинъ и желѣзитыхъ песковъ служатъ барханы и бугры грязно-желтаго песку, называемые туземцами кара-кумами или кизилъ-кумами.

Стало-быть, если-бы Аму-Дарья протекала по кара-кумамъ, то пустыня была-бы покрыта рыхлымъ сѣрымъ иломъ и барханами стально-сѣраго или бѣлаго песку, т. е. ахъ-кумами, въ которыхъ мы находили бы залежи торфа, обугленныя растенія и створки сиренъ.

На дѣлѣ-же мы видимъ, что вся поверхность центральной пустыни, наоборотъ, покрыта буграми грязно-желтаго песку, кара-кумами, почему и самая пустыня носитъ это наименованіе. Гдѣ-бы ни обнажились коренныя породы, онѣ состоятъ изъ красныхъ глинъ.

Ни одинъ изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ центральную часть пустыни, не привезъ оттуда ни куска рыхлаго илу, ни осколка прѣсноводной ракушки, ни горсти камышеваго торфа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по многочисленнымъ дорогамъ, пересѣкающимъ ее вдоль и поперекъ, нигдѣ не замѣчается какихъ либо слѣдовъ ирригаціи или человѣческой культуры, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ существованія прѣсной проточной воды въ средней Азіи. А разъ не имѣется въ кара кумахъ типичныхъ осадковъ рѣки, то какъ же можно говорить о существованіи стараго рѣчного теченія въ этой области, тѣмъ болѣе рѣки такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какимъ былъ по предположеніямъ древній Оксусъ.

*) Между тѣмъ, проѣзжая по хивинскому оазису или по дорогѣ изъ Мерва къ Султанъ-бенду, или въ долинѣ нашей Куры по тракту отъ Евлаха въ Шушѣ, путникъ въ сухую лѣтнюю погоду, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, бываетъ окутанъ облаками густой тонкой пыли, происходящей отъ рѣчныхъ осадковъ, покрывающихъ эти мѣстности, чрезвычайно легко вывѣтривающихся.

Таково, мм. гг., положеніе амударьинскаго вопроса по современнымъ геологическимъ даннымъ. На мою долю выпала неблагодарная задача разрушать иллюзію, которою мы столько лѣтъ увлекались. Но меня къ этому вынудила вся совокупность положительныхъ фактовъ, которые я имѣлъ честь вкратцѣ вамъ изложить. На насъ, какъ членахъ ученаго общества, лежитъ обязанность не плодить заблужденія, какъ бы заманчивы они ни были, а, наоборотъ, разъяснять ихъ, разъ къ тому является достаточно фактическихъ поводовъ. Пусть лучше будетъ одною иллюзіей меньше, но только пусть будемъ мы ближе стоять къ истинѣ.

Поправка. Напечатанной вчера части доклада А. М. Коншина долженъ предшествовать слѣдующій отрывокъ, пропущенный при сверсткѣ номера:

„На снимкахъ сарыкамышинской котловины, сдѣланыхъ Лупандинымъ въ 1874 г., и аму-дарьинской экспедиціи, десять лѣтъ спустя, возможно замѣтить существенную разницу. Топографъ Лупандинъ нанесъ на карту непрерывное русло Узбоя отъ Балла-Ишема Усть Урскаго, на востокъ до Сарыкамышей, и, производя топографическую съемку, былъ самымъ искреннимъ образомъ увѣренъ, что подымается все время вверхъ по руслу рѣки; между тѣмъ, по точной нивеллировкѣ экспедиціи Глуховского оказалось, что весь путь Лупандина шелъ внизъ по паденію мѣстностей и что русла рѣки здѣсь никакого и быть не могло, такъ какъ рѣка не можетъ течь вверхъ по подъему. Этотъ примѣръ, между прочимъ, хорошо иллюстрируетъ легкую возможность ошибиться въ направленіи уклона мѣстности, не имѣя нивеллира въ рукахъ, а руководствуясь лишь глазомѣрными наблюденіями или мензульной съемкой. Въ то-же недоразумѣніе впалъ поручикъ Калитинъ во время путешествія своего изъ Геокъ-Тепе въ Хиву, полагавшій, что идетъ отъ Шіиха къ Лайламъ по руслу Чарджуй-Дарьи, внизъ по паденію ея, тогда какъ по нивеллировкѣ экспедиціи Глуховского оказалось, что отъ Шіиха къ Лайламъ онъ шелъ все время на подъемъ, на плоскость въ 25 саж. относительной высоты. Итакъ, изъ данныхъ нивеллировки вполнѣ выяснилось, что непрерывнаго русла Узбоя до Каспійскаго моря не существуетъ и что это послѣднее отдѣлено отъ Аму-Дарьи обширнымъ водоемомъ, съ площадью, равной $^1/_3$ Аральскаго моря“.